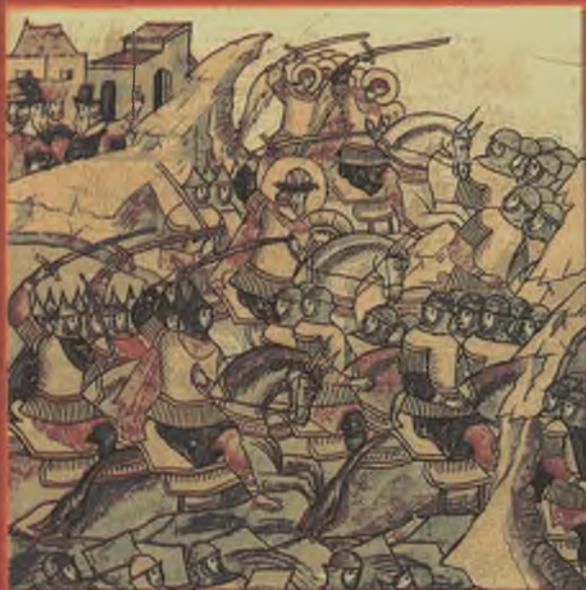

Сергей Толстой
Сказания
о земле
Московской

Водословная тавлнца

русских князей

Рюрик
легендарный
князь-второй
половина IX в

Нгорь
князь киевский
912-945
= **Ольга**
+969

Святослав I
кн. киевский
945-972

Ярополк
кн. киевский
972-980

Владимир I
кн. новгородский
с 969 киевский
980-1015

**Святополк
Окаянный**
кн. киевский
1015-1019

**Ярослав
Мудрый**
кн. киевский
1019-1054

Истислав
князь тму-
тараканский
+1036

Борис
князь рос-
товский
убит 1015

Глеб
князь му-
ромский
убит 1015

Изяслав I
кн. киевский
1054-1073
1077-1078

Святослав II
кн. черниговский
с 1054 киевский
1073-1076

Всеволод I
кн. перемышльский
с 1054 киевский
1078-1093

Святополк
кн. киевский
1093-1113

**Олег
Гориславич**
+ 1115

**Владимир I
Мономах**
кн. киевский
1113-1125

Всеволод II
кн. киевский
1139-1146

Святослав
князь черни-
говский
+ 1164

**Истислав
Великий**
кн. киевский
1125-1132

**Юрий
Долгорукий**
кн. суздальский
1125-1157
кн. киевский
1155-1157

Святослав III
кн. киевский
-1194

Нгорь
кн. Новгород-
северский +1202
герой «Слова
полку Игореве»

Изяслав II
кн. киевский
1146-1154

**Андрей
Вополновский**
в.кн. Владимир-
суздальский
1157-1174

**Всеволод III
Большое Гнездо**
в.кн. Владимир-
суздальский
1176-1212

Владимир
кн. Новгород-
северский
+ 1212

В тавлнце помещены те князья, которые упоминаются в данной книге

СЕРГЕЙ ТОЛИЦЫН
**Сказанья
о земле
Московской**

*Москва
«Детская литература»
1991*

История не терпит суетловья,
Трудна ее народная стезя,
Ее страницы, залитые кровью,
Нелзя любить вездумною любовью
И не любить вез памяти нелзя.
Ярослав Смеляков
«День Солени»

Научный редактор доктор исторических наук, профессор
В. И. БУГАНОВ

Художник В. ПЕРЦОВ

Оформление М. ТРУБЕЦКОГО

Г $\frac{4803010102-063}{M101(03)-91}$ 189-89

ISBN 5-08-001906-9

© С. М. Голицын, текст, 1991
© В. Перцов, иллюстрации, 1991
© М. Трубецкой, оформление, 1991
© В. И. Буганов, предисловие,
научная редакция, 1991

Предисловие

Новая книга Сергея Голицына — это как бы продолжение его же труда «Сказания о белых камнях». Читая «Сказания о земле Московской», погружаешься в удивительный мир «старинной глубокой» истории Отечества, в героическую и жестокую эпоху усобиц между отдельными княжествами, когда после «злого нахождения» Бату-хана наступило почти двух с половиной вековое иго Орды. Автор пишет прежде всего о событиях второй половины XIII столетия и до XV столетия. Но в начале книги он знакомит читателя с событиями более ранними — с эпохой князя-воителя Святослава и его сына Владимира I Святославича, когда древние русичи, утверждая верховную власть Киевской державы, древнерусского государства, совершали походы против его врагов, укрепляли рубежи Руси, ее политическое влияние в тогдашнем мире, развивали торговлю с соседними странами, отражали натиск степняков-кочевников. Именно в те времена начали складываться былины о великих защитниках Руси-матери, о заставе богатырской, об удалых богатырях, и прежде всего о крестьянском сыне Илье Муромце. А в образе Владимира Красное Солнышко, великого князя киевского, народ объединил образы двух реальных Владимиров — Первого, крестителя Руси, и Второго, Мономаха, продолжившего дело прадеда в объединении сил всей Руси для отпора тем же степнякам-кочевникам, для защиты «Земли святорусской», как с любовью и гордостью называют свою родину народные былины.

Максим Горький назвал былины историей, рассказанной самим народом. В них с удивительной прозорливостью и мудростью русский народ воспел то время, когда его сыны со всей Руси собирались против захватчиков и насильников под стяги обоих Владимиров, опирались именно на русичей, а не на варягово-наемников, подобно князю Ярославу, прозванному Мудрым (о ком былины молчат).

И другие знаменитые памятники культуры русской — летописи и повести, «Слово о полку Игореве» и «Слово о погибели Русской земли», беседы и поучения, «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщину» — использует в качестве источников Сергей Голицын. Они воспевают героические деяния предков и современников, возвеличивают землю Русскую, сплетают венок славы ее героям, скорбят по ее бедам и несчастьям, неустройствам и усобицам князей, плачут и негодуют о самой страшной беде, постигшей Русь, — «Батыевом разорении».

Стремясь дать возможно более полную картину жизни русских удельных княжеств, Сергей Голицын обращается и к «Житиям святых» — своеобразному жизнеописанию отдельных людей, признанных церковно святыми. Первые «Жития» появились на Руси в середине XI века. Они отличались большой простотой и историчностью. Многие советские исследователи считают, что они во многом дополняют летописи, дают интересные сведения о ратных подвигах князей, рассказывают о быте наших предков. «Жития» часто содержат народные легенды, песни. Правда, относиться к сведениям, содержащимся в «Житиях», как, впрочем, и к летописям, надо осторожно. Нельзя забывать, что этот вид источников дает политико-тенденциозную картину деятельности князей, религиозных иерархов.

Сергей Голицын ведет читателя по дорогам, которыми прошли герои Древней Руси, их воспели безвестный и поистине великий создатель «Слова о полку Игореве» и составители кровью написанных повестей и сказаний о разорении Рязани Бату-ханом, о подвигах Евпатия Коловрата и других безымянных ратоборцев, им

же несть числа. Таков был народ русский, многострадальный, стойкий, мужественный и одновременно трудолюбивый.

Да, народ в книге Сергея Голицына выступает не только на поле бранном в кольчуге воина, с мечом в руке, на боевом коне или пешцем. Столь же значителен, подчеркивает автор, простой русский человек на поле пахотном, за плугом, в ремесленной мастерской или на речном струге. Очень живо и интересно написано о расцвете ремесел и торговли в домонгольскую пору, а затем об их упадке, о запустении городов после Батыева нашествия.

Да, во времена Киевской Руси культура, и духовная, и материальная, была очень высока. Недаром современники-иноземцы ставили ее на второе место после культуры Византии — наследницы высочайшей цивилизации античного мира, восхищались изделиями ее мастеров-ремесленников, прикладным искусством — тончайшим и вдохновенным, чернью и сканью, резьбой по дереву, кости и металлу, эмалью и чеканкой.

Созданные с X по первую треть XIII века летописи и сказания, проповеди и поучения, храмы, фрески и иконы доказывают, что духовная жизнь древних русичей была насыщенной, полной раздумий о смысле сущего, уважения к прошлому, заботой о лучшем устройстве дел сегодняшних, тревогой за будущее и верой в него, в свою Отчизну, в свой народ, с гордостью тогда говорили: «Мы от роду русского».

Нередко в прошлом, да и ныне кое-кто на Западе писали и пишут об исконной отсталости русских и в хозяйстве, и государственном устройстве, и в культуре. Но объективные и серьезные ученые Западной Европы, США пишут, например, о том, что Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, одна из образованнейших женщин Древней Руси, выйдя замуж за французского короля, приехала из культурной страны в отсталую, варварскую. Она привезла с собой рукописные книги в столицу Франции, для верховного суверена которой элементарная грамота оставалась книгой за семью печатями.

Восточные славяне собственным трудом и усилиями создали свое государство еще в IX столетии, а начало государственности, классовые отношения вызревали еще за два предыдущих века, которые историки называют временем «военной демократии». Это был длительный процесс, а не единовременное событие, совершенное пришельцами — варягами, как пытались утверждать ученые-норманисты XVIII—XIX столетий.

Сергей Голицын проводит через книгу мысль о полной самостоятельности и высоком для своего времени уровне русской государственности, воинского искусства, культуры и духовного развития человека, общества Древней Руси. Не скрывает автор и начавшегося отставания Руси от передовых стран Европы в тяжкую годину монголо-татарского нашествия и ига, когда были разрушены и сожжены сотни городов и селений, разрушены памятники зодчества, уничтожены и разграблены сокровища письменности, живописи, прикладного искусства, убиты или уведены в плен каменосечцы и горододельцы, златокузнецы, художники, составители и переписчики летописей и сказаний, сказители былин и преданий. Их же, загубленных или томящихся в «узилище страшном» по имени «чужая сторонаушка», как говорили в старину, несть числа, имена их только «Бог ведаст» (ведает, знает).

Но и в тех страшных, нечеловеческих, казалось бы, условиях ига, которое, по словам К. Маркса, давило, иссушало душу народа, ставшего его жертвой, русский человек не падал духом. В книге показывается, как крестьяне и ремесленники, погоревав и поплакав, брались за топор и соху, молот и кисть. Поднимали они любимую Русь, укрепляли и украшали города многолюдные «всякими изяществами преизрядными и премудрыми».

Жизнестойкость, терпение и любовь к Родине, без многих торжественных слов, пронизывают деяния и мысли русских людей той поры. Оправившись от того «недоумения в людях», которое, согласно летописцам-современникам, охватило Русь после кровавого смерча орд Бату-хана, врагов незнанных, нахлынувших, словно саранча, откуда-то с востока, горожане и крестьяне, политические и духовные руководители принялись без медлительности и уныния за дела неотложные. Восстанавливали свои жилища и хозяйство. По прошествии нескольких десятков лет после нашествия Бату-хана с конца XIII века снова по крупицам начали на Руси собирать, переписывать древние тексты, памятники литературы, приумножать письменность — церковную и светскую, летописание. После Куликовской битвы начался подъем в области культуры. На рубеже XIV и XV столетий великие мастера Феофан Грек и Андрей Рублев и их сподвижники создали бессмертные фрески и иконы. Тогда же появились обширные летописные своды и сказания, связанные с Куликовской битвой, по городам и монастырям поднимались каменные храмы и крепостные стены, при княжеских дворах и монастырях изготовлялись произведения высокого прикладного, а также книжного искусства.

Сергей Голицын в своей книге показал, как благодаря усилиям народа русского, лучших его представителей, духовных руководителей в XIV—XV веках поднималась Русь в борьбе с извечным и главным врагом — Ордой, с другими противниками — немецкими крестоносцами, шведскими и польско-литовскими правителями. Русские земли объединялись вокруг Москвы, возглавившей борьбу за окончательное освобождение от ненавистного ига.

С большим патриотическим подъемом написаны страницы, посвященные народным выступлениям против Орды и «своих, внутренних» врагов — бояр и князей, монахов-изменников и тусов-митрополитов. Восстания 1262 года во многих городах Северо-Восточной Руси против ордынских сборщиков дани и баскаков, тверское восстание 1327 года, восстания в Москве 1382, 1446 годов и многие другие — вот звенья длинной цепи народных движений, в которых своеобразно и сложно переплетались чаяния «черных людей» освободиться не только от ига иноземцев, но и от насилия «своих» князей. Князья, борясь с той же Ордой, участвовали вместе с простым людом в решении общерусской задачи — освобождении родины от чужеземцев, но одновременно опасались восстаний тех «людишек», которых нещадно грабили и угнетали.

Одни из лучших страниц книги — повествования о Куликовской битве 1380 года. Автор привлекает здесь «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщину». На первое место следует поставить именно «Задонщину», которая возникла вскоре после Куликовской победы. Она и более талантливо написана, и более правдоподобна, нежели созданное позднее «Сказание». Несмотря на многие подробности, в «Сказаниях» многое идет от поздних припоминаний, от легенд. Такова, например, встреча Дмитрия Донского с Сергием Радонежским. Ход подготовки к Куликовской битве, само сражение, имевшее судьбоносное значение для русского и других народов нашей страны, его отзвуки описаны Голицыным с высоким накалом патриотической гордости за сынов Руси, поднявшихся на Отечественную войну против ее поработителей и угнетателей.

«Столь же красочно и драматично передается обстановка тревоги во время похода Ахмада — хана Большой Орды на Русь в 1480 году. Поход был неудачен и закончился поражением татаро-монгол и славной победой русского воинства на берегах Оки и Угры-реки. Это великое событие в истории Руси до сих пор неправильно именуют «стоянием на Угре» — от такого названия веет чем-то неподвижным, безжизненным. Дело в том, что некоторые влиятельные церковники, современники и недоброжелатели Ивана III, великого князя московского и (впервые!) всея Руси, обвиняли его в медлительности и трусости, нежелании сражаться с

Ахмад-ханом, и эти обвинения, неверные и нелепые, попали в церковные сочинения (например, в послание Вассиана Рыло, архиепископа ростовского, Ивану III), потом перекочевали в летописи и, наконец, в ученые труды историков. На самом деле великий князь Иван III, поручив главное войско сыну Ивану Молодому и опытным воеводам, сам решал важнейшие задачи общегосударственного, стратегического характера — собирал средства и силы, распределял их по разным направлениям, а полоса возможных военных действий растянулась по берегам Оки от Коломны до Калуги и далее по Угре-реке. К тому же Ивану III приходилось улаживать конфликт с двумя братьями, грозивший новой усобицей, расколом, ослаблением военных сил, да еще он следил за действиями польско-литовского короля Казимира, давнего врага, не особенно надеясь на крымского хана, своего бездеятельного союзника. Потому он то ездил к войску, то возвращался в Москву, выжидал и, как это было в его характере, предпочитал не быструю, блистательную, но с большой кровью победу над опасным врагом, а борьбу длительную, но с малыми потерями, бескровную. И он добился своего, этот мудрый и осторожный правитель. А почти бескровная победа на Угре была полной и, главное, решающей, положившей великий рубеж между тем, что было, и тем, что стало тогда и потом, на века. Российское государство было окончательно освобождено от ордынского ярма.

В своей книге Сергей Голицын много рассказывает о собирании русских земель вокруг Москвы, основу которого, как опять же удачно показывает автор, создавал народ своим трудом. Разумеется, немалую роль играла политическая дальновидность, сметливость и хитрость московских князей. В «Сказаниях» читатель встретит яркие характеристики всех их: Даниила Александровича, младшего сына великого Невского, первого правителя Московского княжества, тогда, в последней четверти XIII века, удела из самых захудалых и ничтожных; его сыновей Юрия и Ивана Калиты; Симеона Гордого и Ивана Красного; Дмитрия Донского и его сына Василия I, которого тоже, что мало件 известно, иногда звали, в память о подвиге отца, Донским, его внука — несчастного слепца Василия II Темного, много раз битого феодалами-смутьянами, но в конце концов всех их победившего. Завершается книга рассказом о Иване III (тоже у нас мало кому известны его прозвища: Горбатый, Правосуд и... Грозный). При нем столетние усилия русичей дали долгожданные плоды, встало единое Российское государство, которое теперь именовали гордым и величавым словом Россия.

Русский историк академик С. Б. Веселовский признавался, что «история лишила нас источников и средств давать яркие характеристики лиц. Даже о крупных несомненно деятелях мы имеем так мало данных, что лишены возможности различать черты лица... Мы никогда не знаем их поступков и действий и оказываемся вынужденными гадать и разгадывать с большей или меньшей правдоподобностью».

И Сергей Голицын, когда лепит живые образы исторических деятелей, тоже вынужден «гадать и разгадывать», характеризуя их такими, какими они ему кажутся.

Его книга написана в своеобразной манере повествования, идущего от языка былинщиков старого времени, мудрых и неторопливых сказителей, но обогащенного современным научным пониманием, знанием древних источников и памятников, добрым и гордым видением родного прошлого, деяний пращуров. И в этом — прелесть книги; ее сила — в мудрой простоте и сердечности сказывания, в огромной и пламенной любви к своему Отечеству, к деяниям лучших ее сынов.

Так жили и труднились в Древней Руси

В этой книге будет пересказана история Руси начиная с XIII века. Но чтобы понять, отчего происходили тогда те или иные исторические события, нужно сперва остановиться и на временах предыдущих. А как жили русичи раньше?..

Степи бескрайние, тучными травами поросшие, расстилались к северу от Черного моря, к западу от Волги на Дон, от Дона к Днепру, от Днепра к Днестру и далее к Дунаю.

И хоть плодородна была черноземная степная почва и урожай могла давать обильные, а мирным народам-земледельцам там жилось тяжело. Нападали на них с востока и с юга воинственные скотоводы-кочевники. Сперва нападали авары, потом аваров победили хазары, потом хазаров победили печенеги.

Человеческой кровью были напитаны степи.

Земледельцы-русичи — историки их называют восточными славянами — были оттеснены кочевниками к северу, туда, где степи сменялись рощами, а рощи вновь сменялись степями; жили они и еще севернее и западнее, вверх по Днепру и его притокам, в сплошных лиственных лесах; и селились далее — на север и на северо-восток, в землях Залесских, укрытых от врагов сплошными дремучими дебрями.

Разделялись русичи на племена. По Днепру жили поляне, на запад от них — волыняне, на северо-запад — древляне, по притокам Днепра — Сожу и Десне — жили радимичи, у истоков Волги и Днепра — кривичи, совсем на севере, по Волхову и Великой, — жили словене, на Оке, Москве-реке и Клязьме — вятичи. Все они были язычниками, поклонялись силам природы. Перун был бог грома, Хорс — бог солнца, Мокошь — богиня земли. Были и еще боги — Дажьбог, Стрибог и Сварог. В их честь ставили деревянных идолов.

Великий князь киевский Святослав в X веке после многих победоносных походов сумел сплотить большинство этих племен в единое и могучее государство. Но в 972 году, возвращаясь из похода на дальнюю Византию, он был предательски убит печенегами. Между его тремя сыновьями разгорелась междоусобица. Победил младший, Владимир, княживший в Новгороде, и стал великим князем киевским. Под его единоначальной властью поднялось государство обширное, многие народы покорились ему, взимал он дань и с живших по всему северу угро-финских племен.

Киевская Русь IX–XI веков.

Долго княжил Владимир Святославич, успешно отражали его дружинники набеги степных кочевников-печенегов. Оттого-то и прославил народ тех дружинников, назвал их богатырями.

Деды-сказители, какие о многом знали, в разных краях побывали, во многих битвах бились, сложили былины-старины о славных богатырях — Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Вольге Всеславиче, Микуле Селяниновиче и о многих других. Древние предания о Владимире Святославиче, а также о его правнуке Владимире Всеволодовиче Мономахе сказители соединили. Они запевавали былины о великом князе киевском, кто собирал в своем тереме богатырей, кто пировал с ними в гриднице и посылал их в походы ратные. Прозвали его сказители Владимиром Красное Солнышко...

В долгие зимние ночи, чтобы разогнать скуку, собирались односельчане в ту избу или землянку, что была просторнее. Вьюга за двер-

кой выла, лучина в светце тускло горела, потрескивала. А дед запевал тихим и протяжным голосом свои старины-былины, если же на гусях умел подыгрывать, то перебирал пальцами струны, и они звенели и пели сладкогласно.

И слушали деда молодые, затаив дыхание, и каждый из них думал про себя: какие храбрые и могучие русичи жили в стародавние времена, сколько побед над злыми врагами одерживали!..

На самом деле великий князь Владимир Святославич вовсе не был похож на ласкового и хлебосольного Владимира Красное Солнышко, как прославили его деды-сказители. О его жестокосердии повествуют летописи. Крепко держал он в своих руках кормило правления; коли где подвластные ему племена пытались сопротивляться сборщикам дани, огнем и кровью подавлял он восстания.

Умный и дальновидный, стремясь усилить свою власть, он заключил дружественный договор с Византийской империей и вступил в брак с греческой царевной Анной.

Тогда, в конце X века, почти все народы Европы, Закавказья, Передней Азии уже исповедовали христианство. Эта религия, в отличие от язычества, учила, что всякая власть идет от Бога, а народ должен жить в послушании и смирении, безропотно подчиняться своему повелителю.

Владимир понимал выгоды введения христианства и для себя, и для своих бояр и дружинников, но он — сын своего дикого века — никак не мог предвидеть, сколь много будет значить крещение Руси в последующие времена для всей страны, для всего народа русского. С крещением постепенно распространится грамота, из Византии придет общая культура, с Византией и с государствами Западной Европы возрастет торговля, а с торговлей, вместо прежней вражды, зародится и дружба. На многих последующих страницах этой книги читатель между строк постоянно будет угадывать благотворное влияние введения христианства на Русь.

В 988 году Владимир крестился в православную веру, принял ту религию, которую исповедовала Византия, и повелел всем русичам креститься. Тысячелетие введения христианства широко отмечалось и в нашей стране, и во всем мире.

Но вводил Владимир православие крутыми мерами. Деревянные статуи языческих богов были сброшены в воду и языческие святилища сожжены. Многие не хотели отступать от прежней веры. Сказано в летописях, что княжеские воеводы — Добрыня «крестил мечом», а Путята «крестил огнем».

Язычество, несмотря на гонения, продолжало жить. Церковные власти боролись против язычества уговорами, угрозами, а случалось — и кровью проливали.

К XIII столетию не менее семи поколений сменилось от принятия христианства. А язычество все жило. Люди хотя и ходили в церковь

и молились, казалось бы, усердно и слушали проповеди со вниманием, но, по стародавним поверьям, полагали, что в избах живут домовые, а в лесах — лешие, в озерах и реках — водяные и русалки. И песни пели, и сказки сказывали, в каких о божественном поминалось редко.

Церковные деятели понимали, что одними гонениями успехов не добиться. Они не только боролись с язычеством, а приспособляли языческие праздники к православным и языческих богов стремились превратить в христианских святых. Так «скотий бог» Велес стал святым Власием — покровителем скота, а бог грома Перун — пророком Ильей, который во время грозы раскатывал на колеснице по небосклону. На языческую Радуницу — праздник весны — девицы плели из цветов венки и бросали их в воду. Церковь превратила радуницу в Троицын день. Отголоски далекого-далекого язычества дошли и до начала нашего века, и даже до сегодняшнего дня.

На вышивках полотенец, на резьбе по дереву и кости, на узорах по металлу и глиняной посуде постоянно можно угадать сказочных, стилизованных, подчас исполненных высокохудожественно зверей и птиц. С давних пор в определенный день недели в преддверии весны пекли из теста жаворонков, иногда их и теперь пекут. А языческий весенний праздник масленица, когда в течение недели пекут блины, и сейчас всем известен. И встречаются суеверные люди, которые не любят, когда черная кошка перебежит им дорогу или молодой месяц покажется с левой стороны...

- 2 **В**ладимир Святославич княжил долго. Он умер в 1015 году. Семеро его сыновей, княжившие в разных городах, начали между собой борьбу за власть. Одни братья вовлекли в нее наемников — варягов (скандинавов), другие — печенегов или поляков. Старший из братьев — Святополк, великий князь киевский, убил Бориса, Глеба и Святослава. После четырех лет усобиц брат Ярослав, впоследствии названный Мудрым, княживший в Новгороде, победил Святополка, изгнал его в Польшу, стал великим князем всея Руси, переехал жить в Киев.

При Ярославе переписывались книги, были основаны первые монастыри, воздвигнуты каменные храмы, поражавшие народ своим величием. До нашего времени дошли, хотя и перестроенные, Софийский собор в Киеве, Софийский собор в Новгороде, собор в Чернигове, а также в киевской деревянной крепости каменные Золотые ворота.

Ярослав умер в 1054 году. Он был последним могущественным правителем древнего Русского государства. Разделив свои владения

В 1015 году скончался великий князь киевский Владимир Святославич (Владимир Красное Солнышко). Наследовавший ему его сын Святополк опасался своих братьев — возможных соперников — Бориса, князя ростовского, и Глеба, князя муромского, и задумал их убить. В том же году он послал своего верного дружинника Путшу с воинами на князя Бориса. Они нашли его в шатре за молитвой и убили.

Князь Глеб, не зная о гибели брата, отправился со своими слугами от Смоленска к Киеву вниз по Днепру на ладьях. Дружинник Святополка Горясер с воинами настиг Глеба и убил его. Православная церковь провозгласила князей Бориса и Глеба святыми. А Святополка прозвал народ Окаянным. Лишь четыре года он княжил в Киеве и был изгнан братом своим Ярославом, князем новгородским. Миниатюры из «Сказания о Борисе и Глебе». Сильвестровский сборник XIV века.

между сыновьями на отдельные княжества, он тем самым ослабил Русь.

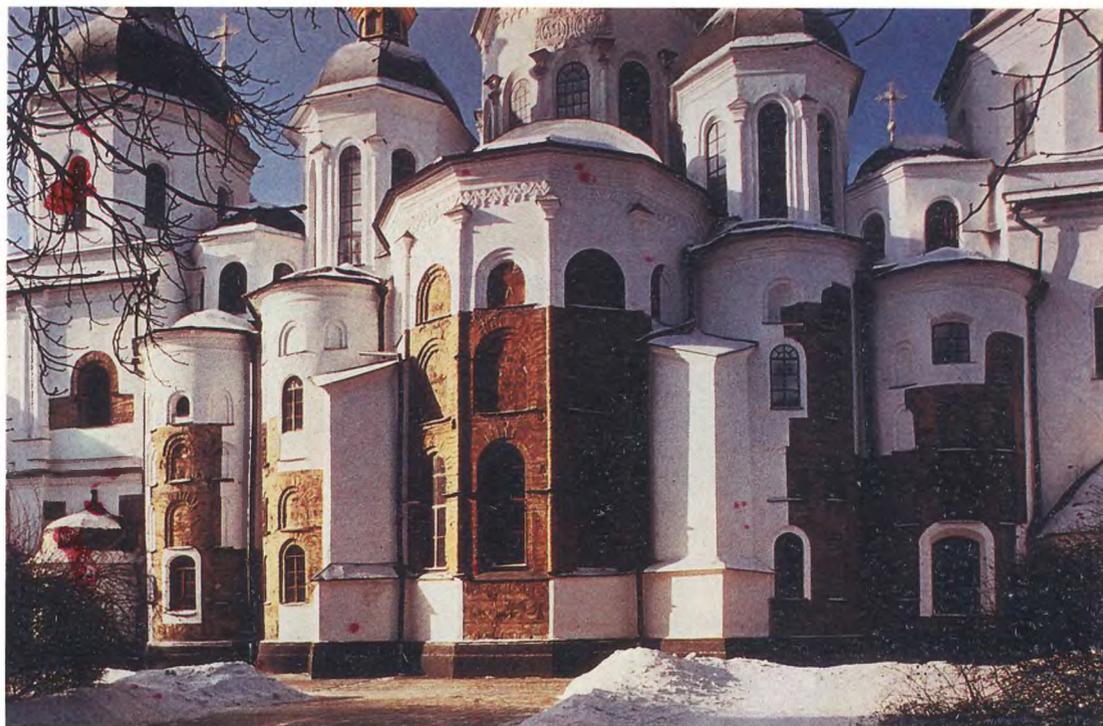
Не сразу, правда, но начались раздоры между его сыновьями. С тех пор через всю древнюю историю Руси почти непрерывно шли усобицы. Князья — братья родные, братья двоюродные, дядья с племянниками — все, якобы происходившие от общего предка, легендарного, будто бы жившего в IX веке князя Рюрика, — боролись за киевский великокняжеский стол, за власть в отдельных княжествах. Нет нужды сказывать, какой князь на какого и когда вел дружины. Не о всех усобицах успевал записывать летописец.

В середине XII столетия вся Русь разделялась на отдельные княжества. Самым первейшим издревле считалось княжество Киевское, с ним соперничало княжество Владимиро-Суздальское. Были еще княжества Черниговское, Рязанское, Смоленское, Тверское, Новгород-Северское, Полоцкое, Галицко-Волынское и другие, всего пятнадцать княжеств. Были еще земли Господина Великого Новгорода и его младшего брата — Пскова.

Князья Рюриковичи гордились знатностью своего рода, а о благосостоянии своих подданных было у них мало заботы. Жили они в городах, защищенных рвами глубокими, валами высокими, с дубовым тыном-забором, с башнями поверх вала. Каждый из князей думу держал, как бы в закрома и сундуки забрать поболее и от своих городских посадских, и от своих крестьян.

Софийский собор в Киеве. Его начали строить в 1037 году при великом князе Ярославе Мудром, до монголо-татарского нашествия считался величайшей святыней. Тринадцать глав надстроены в XVI–XVII веках.

Окружали их верные бояре-советчики, дружинники-воины, слуги-холопы. Случалось, по совету своих бояр и дружинников подымали князя меча на своих родичей. Иной раз до битвы дело не доходило. Встречались полки — и начинались между князьями переговоры о мире, о перемирии на какое-то время. Бывало, они договаривались о браках между сыновьями своими и дочерьми и тем скрепляли дружбу. И тогда пировали. Но дружба та была непрочная. И вновь вспыхивали между князьями раздоры.

От многих тех распрей-усобиц пуще всего страдал простой народ. Снова и снова горели города и села, и не было на Руси покоя. И слабела Русь.

Не было на Руси с юга, с полуденной стороны, надежного щита от злых врагов. Степь на многие и многие версты раскинулась — от Днепра и до синего Дона, от синего Дона до самой Волги.

Скакали по той степи на своих малорослых и долгогривых быстрых конях враги-кочевники, насакивали на малые селения русичей, жгли, мирных жителей убивали, грабили, в полон забирали.

Печенеги были отважны, коварны и жестоки. А с середины XI столетия из-за Каспия явился новый кочевой народ — половцы. Они победили печенегов и в 1068 году впервые напали на Русь.

Были они отважнее и лютее печенегов и, воспользовавшись княжескими усобицами, сея по пути горе и смерть, сжигая города и селения, убивая мирных жителей, добрались до самого Киева.

Князь киевский Изяслав Ярославич бежал. Восставший народ провозгласил князем Всеслава полоцкого, и русское войско под его началом отразило врагов.

Киевская Псалтырь XIII века — сборник псалмов (молитвенных песнопений). По таким книгам с интересными картинками в Древней Руси обучались грамоте.

С того года начались на Русь половецкие набеги, опустошительные и кровопролитные. Исчезло самое южное русское княжество — Тмутараканское (на Таманском полуострове).

Малыми летучими отрядами проникали половцы далеко в глубь Руси вдоль берегов Днепра и вдоль его притоков. Защищенные валами и деревянными стенами города они обходили, а нападали на малые селения столь внезапно, что жители не успевали взяться за оружие.

Возвращались после такого набега погорельцы на свои пепелища, хоронили убитых, отыскивали в золе, что сохранилось, собирались на сход, толковали между собой:

— Нет у нас надежи на князей наших. Опять и опять, не на тот год, так на третий, налетят половцы, опять пожгут, разграбят наши селения. Другого удела не видим, как переселяться.

Снаряжали иной раз князья свои дружины; гнались конники за половецкими отрядами. Да где их нагнать! Как набегали они, так и усакивали скоро, «мнози зла сотвориша».

Молва ходила, что далеко на севере, в полуночных краях, за лесами дремучими, за болотами зыбучими, живут такие же славяне, как они сами; еще в стародавние времена туда переселились, на одном с ними языке говорят, живут спокойно и привольно, от врагов и от своих князей далече в лесных дебрях укрылись.

И переселялись русичи в края Залесские.

Не так-то легко было им оставлять родимые киевские, черниговские, переяславские земли, где жили и трудились их отцы, и деды, и прадеды, где с давних пор они возделывали нивы и на плодородной

черноземной почве собирали урожаи, покидать те земли, где всякой птицы несметными стаями реяло и порхало и всякое зверье рыскало, где в полноводных реках и озерах всякой рыбы водилось в несметном числе.

Земля тоял на высоком левом берегу Днепра, выше Киева, на земле Черниговской славный город Любеч. Предание народное ходило, что родом оттуда были Малуша, мать князя Владимира Святославича, и ее брат Добрыня, кого впоследствии прославил народ в своих былинах.

В том древнем Любече правнук Владимира Святославича, князь переяславский, его тезка Владимир Всеволодович, по прозванию Мономах, в 1097 году созвал на съезд своих братьев двоюродных и племянников.

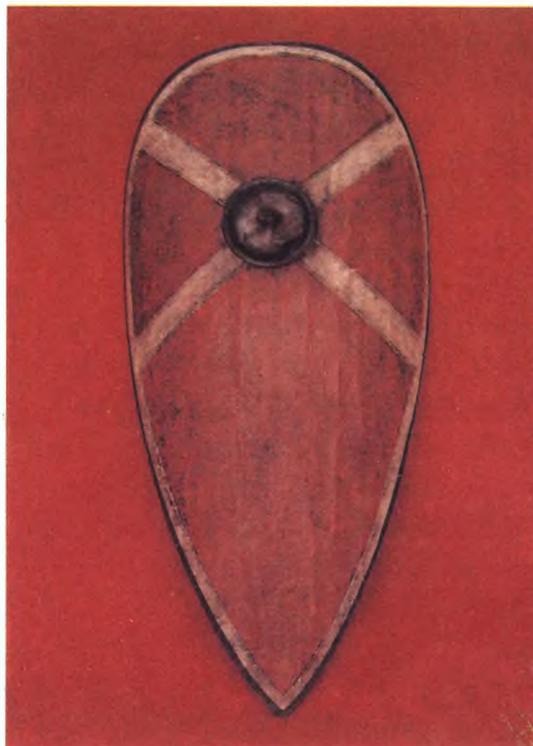
Собрались. Призывал Владимир, как говорит летописец, «на устройство мира», говорил:

— Доколе враждовать меж собой будем? А половцы усобицам нашим радуются, снаряжают отряды на Русь. Соберем свои дружины в един полк, направим коней в ковыльные степи, где половцы кочуют, где обитают в кибитках их жены и дети, где пасутся их табуны и стада. Победим проклятых, и забудут они дорогу на Русь.

Слушали князя его речи, сами молчали, бороды теребили.

Деревянный, окрашенный в красный цвет щит русского воина; для большей надежности окован железными полосами с бляхой на их пересечении. XI—XII века.

Такими боевыми топорами рубили врагов русские воины XI—XII веков.

Дружинник князя киевского Владимира Святославича Красное Солнышко. X–XI века. Это мог быть Добрыня Никитич, Алеша Попович или еще кто-либо из славных богатырей русских.

И разъехались они по своим уделам. И месяца не прошло, опять загорелись уособицы. И вновь помчали половцы коней на Русь.

Только в 1111 году Владимир Мономах смог уговорить князей-родичей снарядить вместе большой поход на половцев. Пошли их полки далеко в степи, добрались до самого синего Дона и там разгромили половцев.

Присмирели было враги, сколько-то лет опасались на Русь нападать.

А потом вновь загорелись меж князьями уособицы, и опять и опять горели города и веси, многое число простых людей гибло.

Такими бронзовыми писалами пользовались грамотеи X–XII веков, ими писали на воске, процарапывали на бересте.

И вновь, и вновь половецкие конники устремлялись на Русь, скакали в остроконечных шапках, с поднятыми кривыми саблями в руках, с гиканьем, с криком...

Один их летучий отряд, минуя киевские земли, добрался до Любеча. Враги обошли город стороной, а напали на соседние деревни — выше и ниже по Днепру. У крестьян оружия было мало, но, вовремя предупрежденные, они успели схорониться в приднепровских оврагах, по густым и колючим кустарникам, а коней и скотину да кое-какой скарб с собой укрыли.

Половцы умчались быстро, видно, опасались княжеских дружинников. Вернулись жители в свои погорелые селенья, на другой день собрались на общее многолюдное вече. Старый дед речь держал:

— Который раз половцы наши жилища жгут! Видать, нет у нас иного жребия, как снаряжать ладьи, покидать края родимые и плыть в чужедальние края залесские. Там устроимся, там жить будем.

И решило вече: как соберем урожай, как наладим ладьи, так пойдём в путь-дорогу.

Не все землянки сгорели дотла, какие были выкопаны поглубже, огонь до земляного пола не добрался, и уцелело там разное добро, что в хозяйстве на новых местах понадобится.

Мужики на берегу принялись мастерить длинные и глубокие ладьи с долблеными днищами, с тремя-четырьмя парами досок, вдоль бортов нашитыми, ладилы струги поменее, с одной парой досок вдоль бортов, долбили малые челны всего на троих. Щели между досками конопатили льняной паклей, пропитывали расплавленной смолой. Готовые суда спускали на воду, проверяли — не текут ли. Тесали весла — на каждую ладью три либо четыре пары, на струг — две пары, а на челны — по одному, о двух лопастях, веслу. На ладьях мачтышесты с холщовыми льняными парусами ставили. Начали погрузку. Дед руководил — что и куда класть, чтобы все лежало плотнее. Рогожами, сплетенными из липового луба, покрывали, крепили, конопляными веревками связывали. А коней и скот — коров и овец — решили гнать по берегу.

Наконец настало утро, солнышко взошло, спустились все любечане, от мала до велика, на берег Днепра. Разместились по лавочкам ладей и стругов, старух и ребят в середку усадили, мужики за весла взялись...

И пошли, пошли ладьи, струги, челны вереницей, одно судно за другим. Красные девицы песни запели, бабы заплакали, а мужики гребли, брови хмурили. Ох, до чего же всем им, от старого и до малого, не хотелось покидать родимые любечские места!

Пошли сперва вниз по Днепру, свернули налево в приток — Десну-реку, пошли вверх по Десне. Трудно было грести против течения, как утомится какой гребец, другой его сменял. По пути рыбу ловили, спускали с кормы лески, из конского волоса сплетенные, а на крючки

малых рыбешек наживляли; попадались то и дело судаки, жерехи, щуки.

К вечеру для ночлега выбирали остров, какой от всякого зверья был безопасен, приставали, костры раскладывали, варили уху, пекли в золе рыбу, спать под деревьями на моховых подстилках ложились. А утром, с восходом солнышка, правили путь дальше.

И с каждым днем все уже становилась Десна, и все гуще к обеим ее берегам подступали леса. Росли вековые дубы в пять обхватов, поднимались клены, липы, вязы, а то деревья сменялись ольховыми и черемуховыми зарослями. Нет-нет выходили из леса на водопой лоси круторогие, туры могучие, а то из воды пялили глаза черномордые бобры с длинными зубищами.

Попадались селения в три; в четыре избушки. Ласково везде встречали путников, медом, квасом угощали, сказывали, куда идти дальше.

Все чаще вместо землянок, глубоко в песок вкопанных, попадались избушки, рубленные из бревен. В диковину было любечанам, какая тонкая резьба украшала избы. А малые окошки, как и в их землянках, были бычьими пузырями затянуты, и посреди изб стояли печки из глины сбитые; и дым сквозь дыры в крышах выходил и глаза ел.

Посоветовали местные жители свернуть с Десны в ее приток Неруссу, а там малыми речками перевалить через волок и добраться до могучей реки Оки, а там спросить, куда дальше путь держать.

Селений тут вовсе не было. А леса пошли — ель, сосна. И дебри раскинулись непроходимые. Падали деревья от старости одно на другое, поперек чащи не пробиться, одна дорога была — по рекам.

А берега все ближе подступали, совсем сузилась речка, веслами отгрести стало невозможно; веревки к носам судов привязывали и тянули, где по берегу пробирались, где вброд.

А комаров и мошки всякой тучами налетало, житья окаянные не давали, приходилось ветками отмахиваться, а на стоянках дымные костры на всю ночь разжигали.

И тут увидели переселенцы — наискось по отлогой горе словно дорога пошла, бревнами поперек устланная. А на той дороге в самом ее начале три толстых бревна-катка лежали.

Поняли они — это и есть волок.

Вытащили из ручья первую, самую длинную ладью, подняли ее и разом на два катка поставили, третий каток впереди положили. По десять человек к каждому борту пристроилось, начали плечами нажимать, толкать, с двух катков на третий переволакивать-перекачивать и опять с двух катков на третий.

А за первой ладьей поволокли по каткам вторую и третью, принялись волочить струги; ну, те полегче были, а уж челны вовсе на руках понесли.

Дорога-волока закончилась у другой малой речки, что текла на север. Стали спускать суда, сперва ладьи, за ними струги, последними спустили челны.

И пошли, пошли по той малой речке, потом по речке пошире, потом — еще шире. По пути спугивали стаи уток, гусей, лебедей. До чего же легко и скоро скользили суда вниз по течению! Вода сама несла, лишь кое-где приходилось веслами путь направлять. Добрались любечане до широкой реки Жиздры.

А на третий день увидели они просторы водные, широкие, деревья на другом берегу совсем малыми казались. Причалили ночевать. Старый дед руки вперед вытянул, в пояс поклонился и сказал:

— Здравствуй, Ока-матушка!

Переночевали, отправились дальше. Паруса поставили. Совсем легко стало идти. Песни запели, и далеко по воде рассыпались звонкие голоса юношей и девиц.

Слева показался широкий приток. То была Москва-река. Знали — туда надо свернуть. Пришлось на целый день остановиться. Коней и коров переправили через Оку вплавь, к ладьям за шею привязанных, а овец стреноженных в ладьи сажали.

Вверх по Москве-реке опять пришлось идти против течения, гребли без устали, паруса помогали плохо.

Селения по пути попадались. Где жили русичи, свободно с ними разговаривали, а где обитали люди чудные — волосы, точно пряжа отбеленная, глаза голубые, как незабудки; одевались те люди в длинные, из белого полотна одежды, с красными вышивками у подола и у ворота. Пытались с ними заговаривать, а они лопочут, лопочут, ни одного словечка не понять.

Узнали, что они из племени меря¹, с незапамятных времен тут живут, куда ранее русичей поселились, и люди они добрые, ссор с ними не слышать, в нужде помогают.

Дальше пошли вверх по Москве-реке. И увидели любечане холм высокий, сосновым бором поросший, а у его подошвы речка малая в Москву-реку впадала, по берегам той речки избы одна к одной лепились.

Причалили. Молодые гребцы попытались со здешними жителями руками изъясняться, но не понимали одни других; смехом залились, хороводы повели кругами. Ребятишки, и те и другие, вместе игры затеяли, забегали...

И не думал тогда никто, что пройдет много-много лет — и на месте этого мерянского селения, где малая речка впадала в Москву-реку, поднимется город, прекраснейший и многолюдный, какой по названию реки нарекут Москвой².

Утром отправились в дальнейший путь по тому малому притоку и к вечеру добрались до волока. Весь следующий день перетаскивали суда по каткам и устроились ночевать на берегу другой узкой речки, что текла в другую сторону.

¹ Угро-финские племена меря поселились в междуречье Волги и Оки еще в первых веках н. э. и к XII веку полностью слились с поселенцами-славянами. Их язык уцелел в некоторых географических названиях, в частности в названиях рек.

² Такова одна из версий происхождения названия нашей столицы. Существуют и другие версии.

Узнали — называется та речка Клязьма. Идти по течению было легко. Справа и слева впадали притоки, и с каждым притоком все ширилась Клязьма, что текла все больше на восток. По берегам попадались селения — и русичей, и мерян. Пора было путь завершать.

В одном селении посоветовали: еще дня через два пути совсем мало людей живет, там найдутся свободные земли.

Увидели — в овраге родник пробивался. Пристали. Поднялся старый дед на гору, поглядел направо, поглядел налево и остановил свой взор на другом берегу. Отсюда, с горы, было видно речную пойму далеко. Луга сменялись рощами по гривам, горели на солнце полосы озер, а дальше леса в синем тумане пропадали. Простор, красота!

Вздыхнул дед полной грудью сосновым привольным воздухом и сказал:

— Здесь остановимся.

Шалаша на полянке поставили. А на другой день, еще солнышко из-за леса не показалось, начали лес корчевать, расчищать поляны и для будущего селения, и для будущей нивы.

С восхода до заката усердствовали все, лишь самые малые дети купались в реке и играли.

Решили избы начать рубить с весны. И осень надвигалась, и по утрам подмораживало. Копали такие же землянки, в каких жили на своей покинутой родине, крепили стены жердями, крыши ветками настилали, а поверх землю насыпали, посреди землянок глиняные печи сбивали...

А самая первая работа была — лес корчевать, чтобы успеть до холодов и вырубить, и от корней поле расчистить, землю вспахать и рожь посеять.

Из соседних малых селений помощь пришла, двенадцать дюжих молодцов с топорами явились.

Сперва вокруг каждого дерева откапывали те корни, какие неглубоко, в разные стороны расходились, и перерубали их. Самый ловкий мальчишка на дерево влезал и близ вершины привязывал к стволу веревку. Мужики изо всех сил тянули за конец веревки. Дерево кряхтело, стонало, качалось, наконец, падало. Тонкие деревья корчевали мальчишки. Стволы, корни и пни отгаскивали в кучи и сжигали.

Первую ниву расчистили. Приладил дед двузубый железный сошник к сохе, поточил камушком-кремнем, запряг коня, взялся сзади за две ручки, гикнул на коня.

И пошла, пошла соха борозду вспахать. Одну борозду дед вспахал, повернул коня, по соседней борозде повел. А за ним другой дед шел с лукошком лыковым, сеял рожь-кормилицу, ровно сыпались зерна меж его пальцами.

Так началась жизнь в неизвестно когда основанном — то ли в XI, то ли в XII веке — малом селении на земле Владимирской. Назвали

Церковь XVII века в селе Любец Владимирской области, в котором жил автор этой книги.

его Любец; оно и теперь стоит, на высоком берегу Клязьмы красуется...

Много русичей переселялось тогда с юга на север.

Нередко переселенцы, покидая любимые родные места, давали новым селениям названия тех милых их сердцу городов или рек, где они прежде обитали. Так возникли парные, а то и тройные названия: одно — на юге, другое и третье — на севере. Текут две речки Лыбеди: одна — у Киёва, другая — у Владимира, два Трубежа, три Нерехты:

одна река — на юге и две — на севере, на земле Владимирской и на земле Костромской, два Звенигорода, два Стародуба, три Переяславля. Вот и переселенцы из города Любеча основали на Клязьме село Любец.

По этим парным названиям можно проследить, какими путями шло переселение с юга на север. В XII веке и в первой половине XIII века все больше по рекам, когда многочисленнее, когда в меньшем числе двигались люди и семьями, родами, целыми селениями, двигались сперва вверх по Днепру, далее распространялись по его притокам. Волоков к Оке и к Западной Двине было два или три, далее с Оки несколько — на Клязьму и на Волгу. Когда не стало свободных земель по Оке и ее притокам, двинулись далее на север, за Волгу.

4 совсем иной была природа на суровом севере, нежели на теплом юге. Те русичи, кто давно поселился в краях залесских, жили совсем иными обычаями, сноровками. А новоселам приходилось те обычаи перенимать.

Первый год для переселенцев обычно оказывался самым тяжким, самым страшным в непривычных условиях. Да, труд земледельцев испокон веков был тяжел. Они «страдали». Так метко и точно окрестили древние русичи свои заботы на земле-матушке.

Сурово и нелюбо встречала переселенцев долгая северная зима с непривычной крепости морозами. Вспоминали: там, на родимом Приднепровье, небось уже давно солнышко пригревает, листья распускаются, травка высовывает нежные ростки. А здесь сугробы поверх крыш метели задували. Волки подходили к самому жилью и выли по ночам жутко.

Наконец приходила весна, таяли снега, вскрывались реки, зеленели леса и луга, прилетали птицы.

И радовались люди, встречая весну, но ни дня не позволяли себе роздыха.

Вместо временных тесных землянок рубили они надежные теплые избы, и непременно с сенями, рядом ставили для скотины хлев, для сена сарай, овин, копали погреба. И еще рубили они бани, русичи издавна любили париться, веничком хлестаться. О банях не однажды упоминается и в летописях, и в былинах.

Снова и снова корчевали они окрестные леса, жгли стволы и ветви, распахивали удобренные золой нивы, снова пахали (орали), запрягали в соху коня, сеяли яровые: ячмень, овес; меньше: пшеницу, полбу, просо. За короткое лето не всегда пшеница успевала вызреть. Сеяли семенами, либо с собой привезенными, либо добрые соседи, кто издавна в тех местах жил, ссужали.

¹ Морковь, свекла, огурцы появились в XV веке, а картофель был вывезен из Америки лишь в XVIII. То, что репа является древнейшим овощем, между прочим, доказывает тот, что она не однажды упоминается в народных русских сказках.

Возле своих жилищ разводили огороды, вскапывали (умягчали) землю деревянными с железными оковками лопатами и мотыгами, удобряли золой и навозом, сажали овощи. Самой первой была репа¹, ее варили и сырой грызли; любили ребятишки репой лакомиться. А еще сажали лук, чеснок, в низких местах — капусту...

Сеяли на полях лен. Любили на Руси это скромное растение. Любили за голубые цветочки, из льняного семени выжимали масло, а пуще всего ценился лен за то, что людей одевал. Вот почему столько песен и сказок сложил народ про лен.

А трудов и хлопот с ним набегало многое множество. И по всей Клязьме, и по другим рекам Руси женщины и девицы осенью выходили в поле дергать лен. Стебли в снопики связывали, потом везли трепать, мочить, мять, иногда в ступе толочь, все старались освободить волокна от кострики, чтобы пряжа была мягка, словно коса девичья.

А наступала зима — собирались женщины и девицы со всего села, чтобы скучно не было, в одну избу, садились к прялкам, в левые руки веретена брали и крутили их между пальцами.

Веретено — это гладкая, с заостренными концами палочка. На один конец веретена надевалось для тяжести малое колечко — пряслице из обожженной глины либо из твердого камня-шифера.

И крутилось, и жужжало веретено в тонких девичьих пальцах, и выходила из льняной пряжи нитка. И пели девицы, либо старые бабушки сказки сказывали. А потом на ткацких станах из тех нитей ткали, коли поглубже — холст, коли потоньше — полотно.

Одно тысячелетие сменялось другим, и народы сменялись, а на Руси с древних времен женщины и девицы ткали, и даже теперь кое-где по деревням ткнут, правда, не полотно, а половики полосатые. Ткацкий стан, именно стан, а не станок, какой был у древних греков, примерно таким и остался до нашего времени.

Между деревянными стойками станины идет валик, надевается основа из многих нитей, а поперечная нить тянется то направо, то налево, и ткачиха ее бердой придавливает. Хлопает берда, и ткется помалу-помаленьку полотно.

Каждой девице много аршин² полотна полагалось наткать на приданое. Как приходила весна, расстилали они вытканые ими длинные полотнища по склонам гор, чтобы дождик мочил, чтобы солнышко сушило, чтобы выбеливались полотна белее снега. И смотрели, прикидывали девицы — которая больше других наткала. Ей, самой усердной, в награду на голову веночек из колокольчиков надевали.

Прясть, ткать, вышивать — это равно умели и переселенцы с берегов Днепра, и те, кто давно жил по Клязьме, умели все женщины на Руси — княгини, боярыни, посадские, крестьянки, до самой беднейшей, у кого и жилья не было. Сохранились вышитые разноцветными нитями пелены, правда, позднейших времен, начиная с XIV века; над

² Аршин — 71,12 сантиметра.

такими пеленами женщины по несколько лет трудились, глаза портили.

Из отбеленного полотна, из холста шили одежду. У мужчин рубахи были покороче, у женщин подлиннее. И непременно пускали по вороту, по рукавам, по низу вышивки цветными нитями. Находились такие мастерицы, что выдумывали узоры из птиц, из листьев с цветами...

По деревням одежду обычно шили сами, а по городам для людей зажиточных с давних пор шили одежду мастера-портные.

Так одевались русичи да и другие народы Европы и Азии в летнюю пору. А зимой носили одежду шерстяную и меховую.

Ради мяса и ради шерсти разводили овец. Их стригли, шерсть мыли, гребнями чесали, на прялках пряли, красили в разные цвета.

Князю полагалось ходить в длинной, до пят, шерстяной одежде красного цвета, и непременно с вышивками; бояре и дружинники носили одежду покороче и других цветов. А холопы и крестьяне надевали короткие шерстяные рубахи, шнурком подпоясанные.

Медная цата XII века — надглавное украшение с иконы Богородицы; голуби-оглядыши на ветвях писаны золотом; из раскопок под полом Успенского собора города Владимира. Внизу: очелье — серебряное украшение на лбу женщины. Из раскопок в древнем городе Ярополче на реке Клязьме. XII век.

5 **Т**олько на следующую весну обнаружили переселенцы, какую радостью могла одарить их северная природа. Эта радость была — пчелы. В несметном числе, с жужжанием перелетали маленькие труженицы с цветка на цветок, нектар собирали, таскали в свои жилища, устроенные в дуплах старых деревьев. Опасаясь медведей-разбойников, выбирали они дупла под самыми макушками.

Сноровка требовалась забирать от пчел мед. Когда приходилось на дерево залезать, вбивали в стволы шипы, люльку к веткам подвешивали, буравом внизу дупла дыру просверливали.

Занимались переселенцы бортничеством — пчеловодством. Для ульев колоды долбили, высоко подвешивали, пасеки заводили, в загородке ставили ульи, долбленные и плетеные, меду добывали вдоволь.

Сахару тогда вовсе не знали, мед шел к блинам, к овсяной, полбе¹, пшенной каше, из меда изготавливали напитки: для утоления жажды — сыту, хмельной — медовуху. Из воска делали свечи, вощили нитки, замазывали посуду и лодки. А старая бабка-знахарка либо дед-знахарь из воска составляли лекарственные мази и лечили от разных недугов.

Мала была пчелка, а пользы приносила много, любили на Руси пчелу за то, что улащала она жизнь и за великое ее трудолюбие. Во многих тогдашних книгах прославлялась пчела, пели о ней песни и сказки сказывали...

Великое множество зверья и птицы в лесах водилось. Охотились зимой и летом, на медведя с острой рогатиной отваживались ходить,

¹ Полба — вид пшеницы; теперь почти нигде не сеется.

лосей, оленей и косуль с луком и стрелами на водопойных тропах подстерегали, на бобров, соболей, куниц, горностаев, колонков капканы ставили.

Шкуры звериные выделывали. Самым ценным мехом считался соболий, потом шел бобровый. Себе из этих мехов ничего не шили, а берегли, чтобы дань платить.

Рыболовством занимались и зимой, и летом. На Днепре рыбы водилось много, а в здешних залесских краях весной как шла рыба нереститься, так вода у берегов словно закипала.

Каждую зиму сети из тонких веревок плели, а приходила весна — спускали лодки, собирались ватагами, запускали длинный невод в реку или в озеро и, сидя в лодках, за два его конца тянули, окружали участок воды и вытягивали концы на берег. Много рыбы попадалось, брали только крупную, а мелочь обратно в воду выкидывали.

А еще ловили рыбу вдвоем бреднем. Шли-брели по воде против течения, один у берега, другой подальше, время от времени бредень вытаскивали. На мелких местах рыбак-одиночка ловил переметом. Вбивал он в дно два кола, меж ними протягивал длинную веревку, к ней привязывал веревки короткие с крючками на концах, на крючки наживлял малых рыбешек. На другой день вытаскивали перемет, и обязательно несколько крупных рыб попадалось.

Ловили рыбу также плетеными из ивовых прутьев вершами, по ночам ловили с лодки острогой, ну а мальчишки удочкой забавлялись. Питались рыбой только что пойманной, впрок ее вялили, сушили, коптили, солили. Всякая рыба ловилась в изобилии, лучшей считалась «красная» — стерлядь, осетр, севрюга, белуга. От этих пород соленая черная икра очень ценилась...

В те далекие времена, примерно до середины XI века, по берегам нижней Клязьмы и по ее притокам жил народ меряне, рядом — русичи-старожилы, русичи — недавние переселенцы. Между собой все они жили мирно, а главное — жили свободно, власти над собой почти не знали, редко когда княжеские тиуны заезжали — требовали дань мехами, красной рыбой, медом, воском. И опять живи до следующего их приезда спокойно, занимайся охотой, рыболовством, разводи скот, возделывай нивы, расти детей.

Кое-когда проезжали мимо на ладьях торговцы, у них можно было сменять меха на украшения, на разные заморские товары...

Древние славяне ловили рыбу такими кованными из железа крючками и острогами.

6 о каком причинам — точно неизвестно, а неожиданно щедрая природа одарила людей, живших к западу от Нерли — притока Клязьмы. Там с незапамятных времен образовалось обширное безлесное пространство плодородной черноземной земли.

То пространство облюбовали русичи, начали там селиться, назвали Ополем, основали на малой речке Каменке, впадавшей в Нерль, город Суздаль. В летописях он впервые упоминается в 1024 году, когда в Ополе был страшный неурожай и поднялось восстание народное, которое возглавляли волхвы.

Сам великий князь всея Руси Ярослав Мудрый прибыл тогда усмирять. Со страшной жестокостью подавил он восстание, многих зачинщиков казнил. О той пролитой крови надолго оставалась память народная...

Издавна был в Суздале по воскресным дням базар, когда крестьяне, жившие по соседству — по Нерли, по Клязьме, по другим недалеким рекам и речкам, — съезжались торговать мехами, кожами, медом, воском, рыбой, летом ездили на лодках, зимой в санях.

А дважды в году бывала в Суздале ярмарка, и тогда съезжались гости — купцы со всей Руси и даже из соседних стран.

Крестьяне меняли свои товары все больше на различные изделия из железа.

Суздальские посадские издавна занимались различными ремеслами, и в первую очередь ремеслом кузнечным, о чем свидетельствуют многие находки при нынешних археологических раскопках.

С древнейших времен было широко распространено, и не только в Суздальской земле, но и по другим городам и весям всей Руси, ремесло кузнечное.

Железо сперва надо было добыть. Добывали его сельские жители из болотной руды, более всего к востоку и северо-востоку от Новгорода, близ Устюжны Железнопольской, Тихвина, Белозерска, в Занежье. Добывали его, но в меньшем количестве близ Суздаля, по болотам левобережья Нерли и далее к востоку.

В домницы — заделанные глиной печи — засыпали руду; внизу была топка для древесного угля. Бравые молодцы раздували два меха, нагоняли в горн через два глиняных сопла воздух и поднимали жар до 1300 градусов; руда расплавлялась, ее охлаждали, опуская в воду. Так получались удлиненные куски железа — крицы.

Великими трудами «варили» железо, и угля сыпали много, и мехи раздували в течение нескольких часов. От жары трудно было дышать.

Крицы отправляли кузнецам. Кузницы были во многих селениях и во всех городах. Раскопки в Суздале обнаружили несколько кузниц. Опасаясь пожаров, их обычно ставили в отдалении от построек.

Кузнецы везде пользовались особым уважением, порой их считали колдунами. Поражались люди: как это так, из грубого куска железа выходят столь тонкие, зачастую затейливые и всегда нужные в хозяйстве самые различные изделия? Вот, например, капканы — с крючками, с припаянными пружинками, шпенечками, пластинками, с проволочными петельками. А на замках — нутряных и висячих —

Русичи в XII–XIII веках берегли свое добро в амбарах, чуланах, клетях, подклетях, омшаниках, запертых такими замками, запирали ими свои избы, а отпирали их такими ключами, похожими на современные и в виде крючьев.

самых больших амбарных, поменьше — для дверей, еще поменьше — для сундуков и ларей — могло быть до сорока различных, склепанных или спаянных между собой мелких частей. А чтобы выковать кольчугу, требовалось до пятнадцати тысяч колец, соединенных одни с другими малыми колечками-заклепками.

До чего сметлив и горазд на выдумку был тогдашний русский кузнец! А какими разнообразными инструментами и приспособлениями он пользовался!

Это прежде всего наковальня: железный, до пуда весом, плоский сверху, вытянутый в одну сторону обрубок, вбитый в толстый деревянный чурбак, затем — тяжелый молот-кувалда, маленький молоток и разных размеров клещи с длинными ручками.

Клещами кузнец выхватывал из горна раскаленный кусок железа, клал его на наковальню, молотком показывал помощнику-молотобойцу, куда ударять, а тот бил кувалдой или молотом по будущему изделию, кузнец поворачивал кусок, показывал, куда еще раз ударять, еще раз! Время от времени молотобоец раздувал мехами угли в горне. Звон стоял, звенел молоток кузнеца, тяжело ухала кувалда молотобойца.

Для отделки употреблялись более тонкие инструменты — бородки, чтобы пробивать отверстия в поковках, зубила, чтобы рубить их на части, различных размеров щипцы, щипчики, кусачки, сверла, паяльники, напильники, чтобы точить, керны, чтобы чеканить узоры. Обработывали кузнецы и раскаленные изделия, и холодные.

Много различных инструментов им требовалось, чтобы изготавливать оружие, замки, ключи, светцы для лучин, капканы, пряжки, девичьи украшения, различные сельскохозяйственные орудия, предметы бытовые, для промыслов, для воинов, для лекарей, ножи — столовые, бондарные, косторезные, сапожные, ножницы для хозяйства и для стрижки овец, гвозди для теса и гвозди сапожные, костыли, иголки, булавки, разную конскую сбрую — удила, стремяна, шпоры, бляхи... Всего не перечислить...

Нынешние археологи насчитывают до полутора ста видов изделий, какие выковывали кузнецы Древней Руси, иные были без украшений, а на других шла тонкая узорчатая чеканка...

Еще древнейшее ремесло — гончарное.

Много тысячелетий тому назад произошло величайшее в истории человечества открытие — люди научились добывать огонь. Не менее великое открытие совершил несколько тысячелетий спустя тот, кто догадался не только вылепить из глины сосуд, но и обжечь его на костре. Этот человек был первый гончар; в обожженном сосуде он варил пищу и держал в нем воду, молоко, другие напитки, хранил зерно.

Прошло еще сколько-то тысячелетий — историки спорят, сколько именно, — и люди научились выкладывать из камней печи для обжига и изобрели гончарный круг.

На вбитый в чурбан железный штырь надевается закрепленное в середине дощатого круга кольцо. Гончар бросает в середину круга кусок мокрой глины и толкает круг ногами или рукой. Круг вращается, кусок под его умелыми пальцами то поднимается вверх, то расширяется в стороны. Так постепенно вырастают гладкие стенки будущего сосуда — горшка, кринки, миски, чашки, блюда, корчаги с узким горлышком. Гончар берет остроконечную палочку и, продолжая вращать круг, наносит на стенки сосуда волнистый орнамент. Потом, держа двумя руками концы нитки, он отделяет ею сосуд от круга и наконец, правда не всегда, покрывает его стенки приготовленной на свинце горячей жидкой глазурью, иногда расписывает сосуд красками.

Когда набирается двадцать и больше сосудов, он ставит их на полки в печь и загружает топку дровами или древесным углем. Он приноровился к своей печи и знает, сколько часов надо поддерживать огонь, пока сосуды не будут обожжены.

Когда они остынут, их вынимают, везут на рынок на продажу или продают и меняют на месте.

Древнерусские миниатюры, рассказывающие о работе кузнецов.

Глиняная посуда XII–XIII веков – горшок и миска; из раскопок в Боголюбове.

Знаки мастеров на днищах гончарных изделий XII–XIII веков; из раскопок в Боголюбове.

Форма сосудов идет с древнейших времен и очень разнообразна. Можно поставить в ряд несколько кринок – и все они будут разные и все изящные.

Глиняные сосуды очень хрупки, в руках неосторожной хозяйки легко разбиваются, и черепки выбрасывают. Эти черепки сохраняются в земле тысячелетиями и при раскопках попадают в изобилии. По самым различным признакам археологи распознают, к какому примерно веку они относятся... что им пятьсот лет или бабушка разбила горшок совсем недавно...

Гончарное кустарное ремесло существовало в нашей стране в сельской местности до самых недавних лет, и способ изготовления глиняной посуды почти не менялся с древних времен, разве что гончарный круг научились вращать с помощью электричества.

Археологи в разных местностях обнаружили древние гончарные печи, а недалеко от Любца неизвестно с каких времен в целой волости до последних лет крестьяне занимались этим промыслом. Недавно скончался последний гончар. Увы, некому ему было передать свое мастерство. Оно исчезло. Теперь фабричная, может быть, более удобная – алюминиевая и другая металлическая – посуда совсем вытеснила прежние изделия из обожженной глины...

Ремесло кожевенное также знали на Руси с древнейших времен.

Кожа шла на обувь, на конскую сбрую, на колчаны, на сумки, на щиты, на ремни. Из шкур коней и коров выходила более толстая кожа, из шкур овец и коз – более тонкая.

Не так-то просто было обработать кожу. Стальными стругами соскабливали с нее мездру (остатки волос, жил, мяса), мочили с золой и с известью в деревянных корытах-зольницах. Тогда волос легко соскабливался, кожу размягчали «квасом усмяным», мяли кожу руками, затем дубили, то есть подолгу мочили в крепком настое из коры дуба, ольхи, ивы; опять мяли, сушили, ровняли, иногда красили.

Труд кожевника-усмаря был тяжел и вреден, приходилось с утра до вечера пребывать в душных, пропитанных зловониями, тесных помещениях.

В народе кожевники слыли необыкновенными силачами. Есть в летописях сказание о могучем удалом молодце Никите Кожемяке и другое сказание о Яне Ушмошвеце (Кожевнике), победившем богатыря-печенега.

Обработанная кожа переходила в руки сапожников, сумочников, седельщиков. У каждого сапожника был набор стальных ножей, шил, игл, были гвозди — железные и деревянные, деревянные колодки. Он шил сапоги для богатых, оттискивал на них узоры и красил их. Для посадских он шил мягкие поршни. Ну а крестьяне летом ходили все больше босиком, а по праздникам в лаптях с холщовыми онучами. Лапти плели из липового лыка. Каждый крестьянин умел их плести для своего семейства с помощью особого крючка на ручке — кочедыка, плел и тысячу лет тому назад, и пятьсот. И совсем еще недавно крестьяне ходили в лаптях. А теперь и лапти, и кочедык можно увидеть разве что в музеях.

Еще ремесло — деревообработка.

В Древней Руси из дерева изготовляли многое и многое, в чем нуждались в равной степени князь, боярин, городской посадский, крестьянин, холоп.

Лес надо было сперва заготовить. Деревья валили зимой, разделяли на кряжи, везли на санях, сплавляли по рекам, сушили на солнце. Плотник или столяр выбирал бревно, какое ему приглянулось, откатывал его в сторону, брал топор... На Руси любой посадский и землепашец ловко владел топором; передавал свою умелость отец сыну, дед внуку, мог срубить избу и в одну комнату, и пятистенку, поставить амбар, баню, выкопать погреб.

Но только подлинный мастер создавал из дерева истинную красоту. Он тесал, скоблил, долбил и сверлил в доске или в бруске дыры, строгал дерево настругами-рубанками, наносил резьбу ножами и стамесками, одни деревянные части соединял с другими врубками, вязами либо деревянными штырями. Он мог срубить избу вообще без единого гвоздя¹.

Разные породы дерева требовались плотнику, столяру, бондарю для разных надобностей.

Чтобы срубить для боярина терем, для крестьянина избу, для всяких хозяйственных построек, для мостов, гатей, для разных видов речных судов лучше всего годились хвойные деревья — ель и сосна, прямые, стройные, с малым числом сучков; соприкасаясь с землей и водой, они сгнивали не скоро.

Смолокуры гнали из сосны смолу, из смолы готовили вар.

Для топорищ, для ручек к различным орудиям и инструментам, на хомутные клещи шла береза, она была крепче хвойных пород, но

¹ Возле Ростова Великого на речке Ишне и сейчас стоит деревянная церковь XVII века, срубленная без единого гвоздя.

не выносила сырости. Для крепостных стен, для заборных столбов, для санных полозьев шел тяжелый и крепчайший дуб. Легкая и податливая липа шла на мебель и на украшения. Для точеной посуды, для ложек и ковшей требовался крепкий клен или ясень.

Бондари раскалывали по годичным кольцам поленья — еловые, сосновые, иногда осиновые, из клепок сколачивали бочки, кадки, ведра, ушаты, лохани, шайки.

Устойчивая против влаги, но чересчур мягкая осина шла на тес и дранку крыш, на колодезные срубы, на западню — подъемную крышку над лазом в погреб.

Из содранной с березовых стволов бересты гнали деготь для смазки телег и сапог, для других надобностей, из бересты мастерили туески для воды, для сбора лесных ягод, шла береста на подстилку тесовой кровли.

Из ивовых прутьев плели корзины, рыболовные верши, легкие щиты для воинов.

Из липового лыка не только плели лапти, лыко шло на рогожные мешки, на мочала, из мочала изготавливали дешевую сбрую. Из пластин содранного с лип луба сшивали лыком коробы, лари, малые солоницы. В толстом липовом чурбане выдалбливали всю середину, оставляя тонкие края. В такой кадке из единого обрубка дерева хранились сухие продукты — мука и крупа. Сани, салазки, возки мастерили из разных пород деревьев.

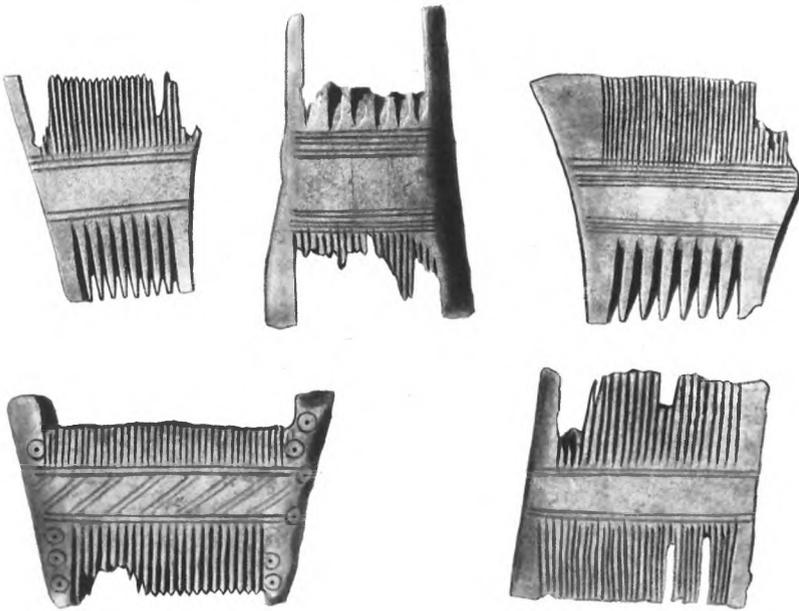
На мелкие изделия вроде резных украшений, детских игрушек, коробочек, разной утвари, веретен, шахмат, балясин к лестницам и крыльцам шли такие породы деревьев, как яблоня, груша, вишня, можжевельник, черемуха. Из привозного крепчайшего, крепче дуба, самшита вырезали гребни, разные тонкости.

Перечислить все то, для каких надобностей требовалось дерево, просто невозможно. Наконец, всюду в лесной стороне топили исключительно дровами.

Откуда мы знаем, что именно мастерили древние русичи из дерева?

Известно, что дерево долго сохраняется, когда очень сухо или когда оно находится все время в воде. Подземные воды пропитали почву древнего Новгорода, и теперь при раскопках археологи там находят различные постройки из дерева, всякие мелкие изделия XIII, XIV, XV веков и более ранних времен. Вряд ли их назначение, их вид за два-три века особенно менялись с тех пор, древние новгородцы либо их теряли, либо ломали и выбрасывали.

И совсем недавно, еще в начале нынешнего столетия, примерно такие же изделия из дерева и железа можно было увидеть в каждой крестьянской избе, особенно по северным краям России. И изготавливались эти изделия теми же орудиями и приемами, как и в древние времена. Так топор и сейчас почти такой, как и много веков тому назад,

но топориче тогда было прямое, а молоток на ручке остался неизменным.

Теперь предметы — и древние, и недавнего крестьянского быта — выставлены в краеведческих музеях. И каждый посетитель музея, разглядывая их, невольно любит ими; ведь любил русский крестьянин украшать все то, что его окружало.

А любовь украшать — свою избу, одежду, посуду — идет на Руси с древних-древних времен. По зимам сельских работ было мало, и сидели деды со стамесками, с ножами, со сверлами над поленом, над дощечкой и потихоньку выводили, резали, вытачивали, выжигали когда скромную, а когда веселую красоту. А бабки и девицы растягивали на пяльцах полотнища, вдевали в иголку нитку и неторопливо вышивали стежок за стежком. И выходила из их рук также разнообразная красота.

Любят украшать свои дома сельские жители, любят и теперь, особенно москвичи, нижегородцы, владимирцы, ярославцы, костромичи и вологодцы, хотя пользуются инструментами, каких раньше не было, и красят красками, каких раньше не знали, и резьбу выводят не совсем такую, как прежде.

Таковыми костяными с резьбой гребнями расчесывали волосы русичи XII–XIII веков. Из раскопок во Владимире и в Ярополче.

Поливные плитки из Успенского собора во Владимире.

7

елико было трудолюбие русичей! По летописям и по другим древним писаниям, по упоминаниям в былинах и сказках известно до сорока видов различных ремесел, какие бытовали на Руси. Сколько сил вкладывали в землю переселенцы с плодородных южных степей! Прилежание и усердие как землепашцев, так и ремес-

Фрагменты миниатюр из Радзивилловой летописи XV века.
Вверху: странник.
Внизу: отдыхающий крестьянин.

Шлем Ярослава Всеволодовича, найденный в земле, близ места, где проходила Липицкая битва.

ленников не однажды особо отмечали в своих записях иноземцы, побывавшие на Руси.

Желали бы русичи трудиться мирно, да не получалось.

Не только на юге полыхали усобицы. С половины XII века начались они и на Суздальской и Рязанской земле. В народе только диву давались: откуда у князей столько берется злобы?

Так, после смерти владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо в 1216 году произошла Липицкая битва между его сыновьями, когда погибло 9233 простых ратника, а один из сыновей, князь Ярослав, когда бежал, потерял шлем¹.

А в следующем, 1217 году рязанский князь Глеб позвал на пир семерых своих родичей, шестеро прибыло, и всех их, хмельных, зарезали, как баранов, а седьмой не поехал и позднее убил Глеба...

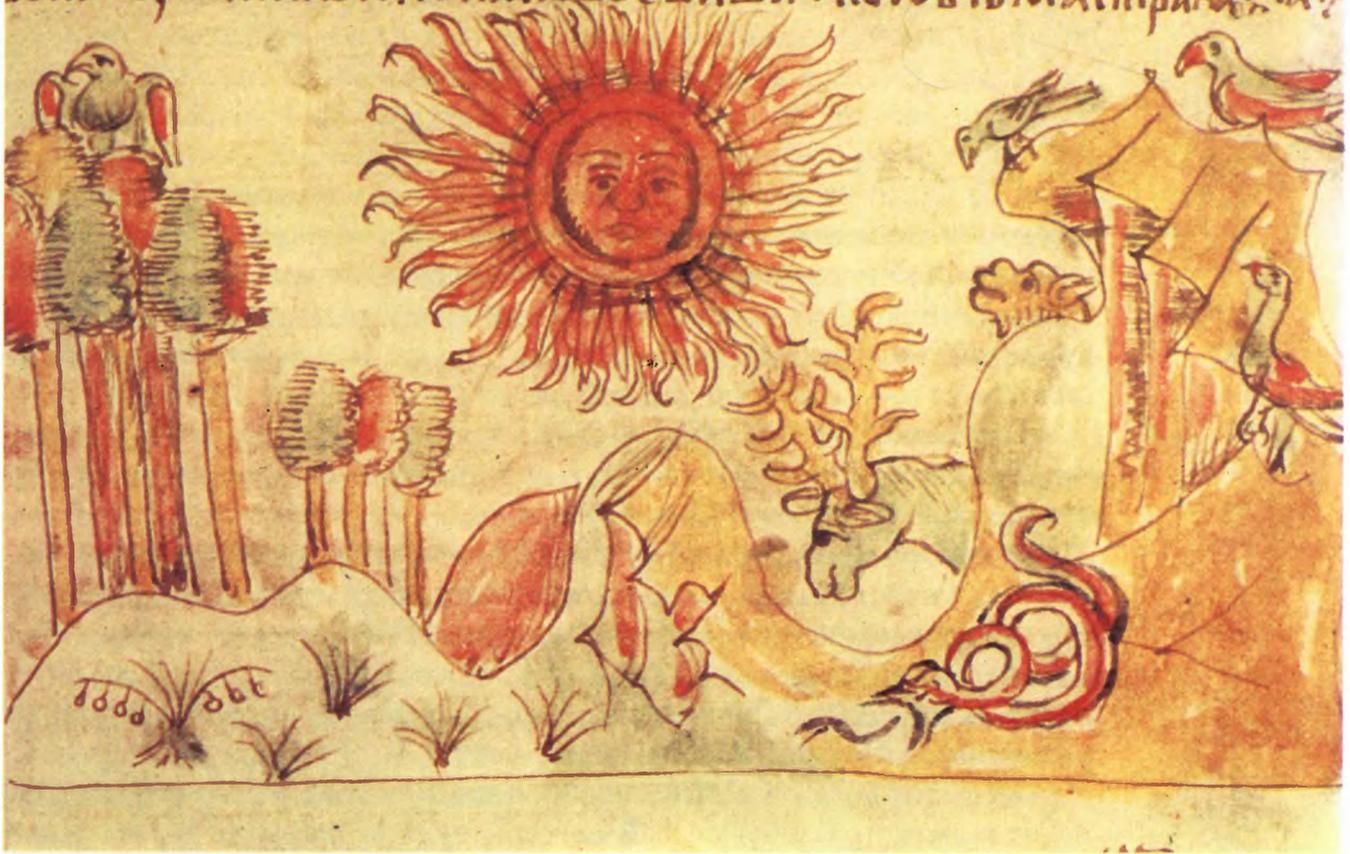
Многие несчастья непрерывно обрушивались на землю Русскую.

Часты бывали пожары от молний, от уроненной лучины, от злодейского поджога. Селения и тесно застроенные города, бывало, сгорали целиком.

¹ Тот железный, с нашитыми на нем серебряными пластинками шлем нашла крестьянка в 1818 году, теперь он является одной из драгоценностей Оружейной палаты Московского Кремля.

ЗОЛОКОУ . И МНОГА СЕ ЛАПОВО Е ВАША . ПОИВЪТЪ МАСТРАНА МА

А еще страдал народ от неурожая — то долгая засуха сжигала нивы, то беспрерывные дожди губили посевы.

Нередко нападали на людей и на скот разные болезни, язвы, мор; случалось, вымирала половина населения.

Да, велики были страдания народные. Но никто не унывал, не падал духом.

Велика была и сила народная. Опять и опять после нагрянувших бед мужественно, многотерпеливо и настойчиво восстанавливали русичи свои избы, свое хозяйство, вновь распахивали нивы, вновь заводили скот, вновь налаживали ремесла. Жизнь возрождалась.

Более того, несмотря на все несчастья, несмотря на растущую раздробленность Руси на враждующие между собой княжества, города росли численно, множились в них ремесла, расцветала торговля, строились не только новые избы, но и новые, богато украшенные боярские терема, купеческие палаты, новые деревянные и каменные храмы, шире распространялась среди населения письменность.

Так жил народ до той, как бы не самой страшной во всей древней русской истории зимы.

Так представлял себе неведомый художник XV века губительную засуху 1092 года; миниатюра из Радзивилловой летописи.

Нашествие

1 алеко на востоке, в степях и пустынях нынешней Монголии, издавна кочевали различные монгольские и татарские враждовавшие между собой племена. Уцелевшие в междоусобицах вожди этих племен в 1206 году на берегах реки Онон собрались на великий совет — курултай — и решили: не будем мы сильны и непобедимы, если не сплотимся под властью одного вождя.

Хитростью, коварством, жестокостью отличался монгольский князек Темучин. Лишь восемьдесят воинов было с ним, когда избрали его верховным правителем.

Те воины привели к нему своих братьев и других родичей. Ему удалось умертвить одного за другим нескольких вождей-соперников, другие примкнули к нему. Он сам назвал себя почетным именем Чингисхан. Силы его множились. Когда же увидел он, сколько ратников набралось у него, то решил идти на соседние племена — иные покорил, иные уничтожил полностью.

Он сумел создать войско храброе и выносливое. Оно разделялось на отдельные рати-тумены. В каждом тумене было по десять тысяч воинов с военачальником-темником во главе; разделялся тумен на тысячи, тысячи — на сотни, сотни — на десятки.

И пошел Чингисхан покорять соседние страны.

Подобно грозным потокам в половодье, мчались его воины на быстрых конях все вперед и вперед. Они слушались своих темников, тысячников и сотников беспрекословно. Если же кто из них в бою коня заворачивал, того другие воины тотчас же закалывали.

Полководцы Чингисхана так начинали битву.

Двумя колоннами они направляли тысячи всадников на сомкнутый пеший строй противника, те доскакивали до него на расстояние полета стрелы; одна колонна заворачивала вправо, другая влево. Всадники мчались вдоль рядов неприятеля и на полном скаку, не целясь, метали одну за другой стрелы, пока не пустели их колчаны.

Щиты не помогали, противник терпел урон, расстраивались его ряды. А всадники заворачивали в тыл, вновь наполняли колчаны стрелами, вновь двумя колоннами устремлялись вперед, осыпая противника тучей стрел. Так повторяли они свои налеты до тех пор, пока их полководцы не убеждались в полном расстройстве войск неприятеля. Тогда направляли они всадников на охват с обеих сторон.

Ни одно войско не выдерживало такого стремительного нападения и обращалось в бегство. Победы доставались Чингисхану почти без потерь.

За полтора десятка лет он завоевал могучие и богатые государства — большую часть Китая, Хорезм в Средней Азии, Персию, царства Закавказья; он покориł многие племена Сибири, власть его распространилась от берегов Тихого океана и до самой Волги. К покоренным народам его воины были беспощадны, всех, кто сопротивлялся, уничтожали.

Гибли царства, гибли сотнями тысяч люди — мужчины, женщины, старики и младенцы. Жестокие завоеватели уничтожали города, сжигали бессмертные сокровища искусств и науки — прекрасные здания, исполненные мудрости труды ученых, украшенные тонкими рисунками творения поэтов, настенные фрески, статуи...

Пожелал Чингисхан узнать: какие царства лежат дальше на запад от покоренных им земель, и богато ли там люди живут, и крепки ли там города, и храбры ли тамошние воины? От царства к царству он задумал покорить все народы до самого Последнего моря. А где то море, никто из его приближенных не знал...

Покорив Персию и Закавказье, он послал своих полководцев Субудая и Джебе с тридцатитысячным войском вдоль западного берега Каспийского моря. На их пути встала крепость Дербент. С ходу они взяли ее и ринулись в степные просторы Северного Кавказа, где кочевали половцы, переправились через Дон и разгромили их силы.

«Кто суть, и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их. И зовуть я татары, а инии глаголють таумены...»

Скорее с недоумением, нежели с ужасом впервые записал русский летописец о неведомых и грозных завоевателях. Он их назвал татарами. Под этим именем они и вошли в летописи, позднее так их стали именовать многие русские историки и писатели, татарами назывались они в песнях, в сказаниях, в поговорках русского народа.

А на самом деле к тому времени, к 1223 году, не так уж много оставалось татар и монголов по происхождению в войсках Чингисхана. Подчинив народы, он набирал из их рядов воинов в свои полки-тумены. Да еще завоеватели брали себе жен из числа побежденных. Разноплеменная и многоязыкая была рать Субудая и Джебе, но русский летописец того не знал. А нарек он завоевателей татарами по названию одного из монгольских племен.

Когда напали их тумены на половцев, один из половецких ханов — Котян, чья дочь была замужем за галицким князем Мстиславом Удалым, явился со всем своим племенем к зятю просить помощи.

Тот собрал войско, к нему присоединился молодой волынский князь Даниил Романович. Их полки прибыли в Киев. Киевский князь, по имени также Мстислав, и третий Мстислав, черниговский,

Так были вооружены воины Чингисхана. И всадник и конь защищены кожаными покровами с нашитыми на них железными пластинами.

¹ Ростов Великий — теперь Ростов-Ярославский — один из старейших городов Северо-Восточной Руси.

и четвертый Мстислав, по прозвищу Немой, начали снаряжать полки. С севера, из Ростова¹, подошли семьдесят «храбров» с витязем Александром Поповичем во главе. Присоединились к русскому войску половцы. Решили князья: будем встречать врагов не на своей, а на половецкой земле.

Субудай и Джебе, узнав от своих лазутчиков, что приближается большое русско-половецкое войско, отправили вперед послов с грамотой, в которой писали, что не хотят нападать на Русь, а собираются завладеть половецкими землями.

По совету половецких ханов те послы были вероломно убиты.

Весна в тот год наступила ранняя. Дальше в степи пошло русское войско. Полки растянулись на многие версты. А князья не смогли между собой договориться. Мстислав киевский был самый старший годами и правил в стольном граде Руси; он полагал, что ему должны подчиниться другие князья. А у Мстислава Удалого воинского опыта было поболее, и он не хотел ходить под началом другого. Идучи вперед, навстречу неведомым врагам, князья русские держали меж собой обиду.

Княжеский дружинник Ярослава Мудрого, его сыновей и его внуков. Оружие — тяжелый меч и копьё, защита — шлем, кольчуга, наколенники.

Шло русское воинство все далее и далее. Враги отступали. И не догадывались русичи, что их заманивают в степи.

Шедший впереди полк Даниила Романовича столкнулся с передовым отрядом врагов. На подмогу подоспели полки Мстислава Удалого. Перед соединенными силами русичей враги не устояли, начали отходить. Русичи и половцы двинулись дальше, в степь. Шли семь дней. На восьмой день, 30 мая, путь им преградили главные силы противника. Мстислав Удалой не послал просить помощи у шедшего сзади Мстислава киевского, надеялся и без него, при поддержке половецкой рати, справиться.

Разгорелась битва, молодой Даниил Романович был ранен в грудь, его вынесли с поля боя. Русичи бились храбро. Отдельные русские всадники прорывались сквозь первые ряды неприятеля, устремлялись вперед. А те начали коней придерживать. Казалось, победа русичей была близка. Но тут половцы неожиданно побежали, расстраивая ряды воинов Мстислава Удалого. Он повелел отходить, его полк, отступая, продолжал сражаться, от вражеских стрел падали русичи.

Между тем Мстислав киевский со своим войском и войсками других князей стоял вдаль и сперва ничего о ходе битвы не знал. Когда же он услышал, что полк Мстислава Удалого отступает, не повел свою рать вперед на подмогу, а повелел на холме над Калкой-рекой строить укрепления, копать рвы.

Враги окружили ту ненадежную крепость, пошли на приступ. Русичи отражали осаждавших и день, и два, и три, но не хватило им еды. Да еще многие гибли от стрел противника.

Субудай предложил сдаться, посулил за выкуп сохранить всем жизнь и отпустить по домам.

Держали князя совет меж собой и решили – оружие сложить.

Но обманул русичей не знавший пощады коварный Субудай. Записал летописец кратко и страшно, как все до одного плененные воины были перебиты: «...людей иссекоша и ту костию падоша...»

Ужасна была участь князей. Их связали, повалили под дощатый помост, Субудай и другие военачальники сели на те доски пировать. «А князей издавиша, подкладше под дощки, и живот (жизнь) свой скончаша...»

Нет, не все русские воины сдались. Ростовский витязь Александр Попович и с ним семьдесят храбров продолжали сражаться и погибли все до единого.

Мстислав Удалой с уцелевшей частью своего войска на ладьях переправился через Днепр, а оставшиеся ладьи велел сжечь.

Заканчивал летописец исполненный печали рассказ о битве на Калке такими словами:

«Войска же, остаток десятый (десятая часть) прииде каждо во своа (к себе домой)».

Рати Субудая и Джебе преследовали русичей до Днепра, потом повернули обратно.

Отчего же были побеждены русичи в той битве?

Субудай и Джебе славились как искусные полководцы. Когда в начале боя они приказали своим туменам отступить, русичи не поняли, что их заманивают в ловушку, чтобы потом наброситься на них справа и слева.

Виновны были и половцы, внезапно сбежавшие в разгар сражения.

Но главная вина легла на князей. Даже в тот час грозной опасности пребывали они «в нелюбии» один к другому, не оставили своих прежних обид, не сплотились в одну рать под началом одного князя. Не захотел Мстислав киевский уступать первенство умелому в бою Мстиславу Удалому. Бились их полки порознь, и потому были побеждены...

Не догадывался тогда на Руси никто, что приходили враги на разведку. Как пришли внезапно, так и скрылись неведомо куда. Через купцов и странников ходили по Руси слухи, будто где-то далеко на

востоке покоряют они разные страны¹. Потом в 1227 году весть приползла, что помер верховный их властитель — Чингисхан. Ну, значит, нечего ждать нового нашествия.

Шли годы. Русские князья словно забыли уроки злосчастной битвы. То там, то здесь вновь вспыхивали между ними раздоры. Владимирский князь шел на черниговского, на Смоленской и на Галицкой земле загорались уобицы.

Князья словно забыли о поражении. А в народе русском о той битве запомнили крепко. Но не о князьях, неудачливых и строптивых, пошла по Руси молва. На посиделках — в городских посадах и по селам — старики сказывали о подвигах древних богатырей и присоединили к ним новое имя.

То был витязь бесстрашный, предводитель храбров — Александр Попович, кто не пожелал сдаться врагам, а продолжал биться отважно и погиб вместе со своими воинами с мечом в руках.

Слава о нем разнеслась по всей Руси. Сказители следующих поколений переименовывали его имя по-своему, называли Алешей Поповичем; подвиги других безымянных воинов отдавались ему, слагались о нем былины совсем иного лада. И теперь, семь веков спустя, славное имя его всем известно².

¹ Татара-монголы продолжали завоевывать Китайскую империю Цзинь.

² Не все ученые согласны с этой версией, некоторые считают, что Александр и Алеша Поповичи два совершенно разных героя.

2 **Н**а похороны Чингисхана собрались его сыновья и внуки. На великом курултае — совете — верховным правителем был избран его сын Угедей. По завещанию Чингисхана другому его сыну — Джучи — достались обширные земли к северу от Гирканского (Каспийского) моря, к западу от великой реки Итиль (Волги). Джучи умер внезапно, и тогда часть его улуса перешла во владение его сына Бату-хана³.

Мало показалось Бату-хану степей, безводных и безлюдных. Сказал он:

— Пойду вперед, докуда доскачут копыта монгольских коней.

В 1236 году повел он свои тумены на земли болгар, живших по Волге⁴, взял их главный город, другие города, уничтожил половину населения, затем покорил племена мордовские. Булгарских и мордовских девушек его воины брали себе в жены. Так кровь монголов продолжала смешиваться с кровью подвластных им народов.

Далее Бату-хан не пошел, остановил свои тумены. На Руси поняли: с новыми силами враги собираются. Подобралась беда неминуемая, страшная к родным пределам, подошли рати несметные...

Ближе всех к земле болгар лежало княжество Рязанское. Город Рязань стоял на высоком и крутом берегу Оки и с речной стороны был неприступен, а с трех других сторон окружали его стены дубо-

³ Русские летописцы, а за ними многие русские историки называют его хан Батый, а народные былины — царь Батыга.

⁴ Волжская Булгария находилась на территории Среднего Поволжья.

вые, с башнями, с воротами, но они обветшали. Начали рязанцы их спешно чинить, укреплять, готовились к обороне. Был их город богат, жители его занимались разными ремеслами, торговали. Теперь, видно, придется им за оружие браться...

Наступил 1237 год. Все лето переправлялись силы Бату-хана через Волгу и остановились на реке Воронеж. Там до поздней осени пасли они коней на тучных лугах речной поймы...

Летописцы писали о той кровавой године кратко. Но нашелся некий безвестный рязанец. Лет через двадцать—тридцать, еще живы были немногие уцелевшие свидетели, и они ему поведали, что видели, что пережили. Создал он сочинение, называемое «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Начинается рассказ, как явились в Рязань послы Бату-хана. Диву давались жители города, что старшим послом была женщина. Она потребовала откуп — десятую долю со всех доходов: с урожая, с торговли, с ремесла, с охоты — со всех жителей, от князя и до пашенного человека.

Великий князь рязанский Юрий Ингваревич дать откуп отказался и послал просить помощи у соседа и тезки — великого князя владимирского и суздальского Юрия Всеволодовича.

В давнем нелюбии жили оба князя. И Юрий владимирский подумал про себя: «Меж Рязанью и Владимиром раскинулись леса дремучие, болота топкие, и прямой дороги тут нет. Врагам к нам не добраться. Ну а коли побьют да пожгут они соседей — видно, такова их судьба». Юрий владимирский и сам в поход не пошел, и подмоги не послал

У Юрия рязанского оставалась последняя надежда: откупиться от непрошенных пришельцев. Сказал сочинитель повести:

«И посла сына своего князя Федора... к безбожному царю Батюю з дары и молении великими, чтобы не воевал Рязанския земли».

Федор прибыл в стан врагов. Бату-хан дары принял, но какой-то предатель шепнул ему, что у Федора жена Евпраксия «лепотою-телом красна бе зело». И Бату-хан сказал Федору:

«Дай мне, княже, видети жены твоей красоту».

Федор отвечал: «Аще нас приодолеши, то и женами нашими владети начнеши».

Бату-хану такой ответ показался дерзким, и он повелел Федора и всех с ним прибывших убить.

Страшная весть долетела до жены погибшего. Вместе с сыном-младенцем она укрылась в монастыре Николы Зараского¹. Когда же враги приблизились, она взяла мальчика на руки, поднялась на башню и вместе с ним бросилась вниз; они разбились до смерти...

Ничего другого рязанцам не оставалось, как обнажить мечи. Князь Юрий Ингваревич повел свои полки к рубежам земли

¹ Монастырь положил начало нынешнему городу Зарайску.

И шедъше въ шагрю удалъ . и цръ
 коды стюю бцоу разграбнша . а про

Взятие монголо-
 татарами русского
 города. Лицевой
 летописный свод
 XVI века.

Рязанской, навстречу туменам Бату-хана. Встретились обе рати, но силы были слишком неравны.

Однако победа досталась врагам дорогой ценой. Рязанцы «начаша битися крепко и мужественно, и бысть сеча зла и ужасна... Мнози бо силнии полки падоша Батыеви... И воеводы крепкыя, и воинство удалцы и резвецы резанския вси равно умроша и едину

чашу смертную пища. Ни один от них возвратися вспять: вси вкупе мертвии лежаща».

Далее сочинитель писал:

«И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и сечи, и жеци без милости (бить, сечь и жечь без пощады)».

Топтали завоеватели озимые посевы, сжигали селения, всё на своем пути сметали. А тех, кто им в руки попадался, убивали без пощады.

16 декабря подошли они к Рязани, обложили стены и начали к приступу готовиться. Собрались жители – и стар, и млад, и жены на защиту города.

Враги привезли с собой стенобитные тараны, называемые пороки. Это длинные и толстые бревна. Под страхом смерти несчастные пленные раскачивали пороки, били торцами по стенам и помалу разбивали крепость.

И еще были у врагов камнеметы. На станке растягивали они жилы верблюжьи и перекидывали за крепостные стены камни, обернутые в горящую паклю.

Пять дней подряд волна за волною воины Бату-хана шли на приступы, и каждый раз бросались в бой свежие силы; не давали враги осажденным ни часа на отдых.

«А в шестый день рано приидоша... ко граду, овии с огни, а ини с пороки, а ини со тьмочисленными лествицами (лестницами), и взяша город Резань... Во граде многих людей, и жены, и дети мечи иссекоша. И иных в реце потопиша... и весь город пожгоша, и все узорочие нарочитое (красиво разукрашенные ткани, одежду) богатство резанское... поимаша (захватили)... Несть бо ту ни стонюща, ни плачюща – и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупе (вместе) мертви лежаща».

Семь столетий спустя археологи во время раскопок обнаружили мощный слой угля и пепла, и обугленные кости непогребенных защитников города, а также их жен и детей.

Рязань не стали возрождать на том обогренном кровью месте, а перенесли выше по течению Оки, где тогда находился не столь страшно пострадавший город Переяславль-Рязанский. Там и стоит нынешняя Рязань.

Герб города Рязани.

Дальше пошли полчища Бату-хана, устилая мертвыми телами свой путь, подступили к городу Коломне. Владел Коломной великий князь владимирский и суздальский Юрий Всеволодович. Не послал он подмоги рязанцам, а в Коломну направил лишь малое войско. И было оно в неравной битве перебито, лишь немногие ратники отступили во Владимир. А Коломна и ее жители погибли в пламени пожаров.

Еще дальше пошли завоеватели, сжигая, сметая на своем пути селения, убивая тех жителей, какие не успели в лесах укрыться.

Следующим городом встала Москва. О ту пору была Москва совсем малым городком. Деревянная крепость-кремль высилась там на холме, над речкой Неглинной, при впадении ее в Москву-реку. Мала была Москва, а славилась своей красотой. Каждый, кто к ней приближался, еще с соседних холмов начинал любоваться ее теремами узорчатыми, храмами островерхими.

Стены московского кремля, воздвигнутые за восемьдесят с лишним лет до нашествия Бату-хана, были ветхи и кое-где обвалились. Засело за ними опять же малое войско — «в мале дружине» — под началом воеводы Филиппа Нянько и третьего сына великого князя Юрия — отрока Владимира. Было ему всего шестнадцать лет.

Целый день кипел бой, сперва перед стенами кремлевскими, потом на узких улицах. Отважно сражались русские воины и мирные жители, но было их намного менее, нежели врагов.

Писал летописец: «...взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка... а князя Володимера яша руками (взяли в плен). А люди избиша от старьца и до сущего младенца, а град... огневи предаша...»

Затаилась вся земля Русская, ожидаючи, куда повернут страшные завоеватели: на северо-запад ли — на Тверь и на Новгород, на запад ли — на Смоленск или на восток?

А Бату-хан остановил свои тумены. Собрались его темники-полководцы в ханский шатер на совет думу думать: куда идти дальше?

Помчались малые отряды врагов от Москвы во все стороны на разведку, по пути жгли они селения. И стремились они захватить пленных, под пыткой выведать у несчастных: далеко ли в те и в другие стороны лежат города, и как они зовутся, и много ли там жителей, и много ли там богатств бережется, и крепки ли там стены?

Прознал Бату-хан, что всех славнее, всех многолюднее, всех богаче достославный город Владимир, стольный град обширного и обильного великого княжества Владимиро-Суздальского. Но стены там особенно крепки и неприступны. А правит Владимиром могущественный князь Юрий Всеволодович.

Вновь созвал на совет Бату-хан своих темников. И решили они дать войскам отдых. Наберутся его воины сил, и направит он свои тумены на восток, на город Владимир.

А тем временем на Руси ждали вестей от своих лазутчиков, какие прятались по лесам подмосковным. Ждали, ждали...

Вспыхнула было светлая надежда: не пойдут враги дальше. Припомнили, вот и после злосчастной битвы на Калке пошли было враги вперед, а потом повернули своих коней вспять. Так может и теперь! Больно уж далеко, в самое сердце Руси, они забрались. Поят, пооят и двинутся обратно...

И тут полетела во все стороны страшная весть: поднялись вражьи полчища и пошли напрямик на восток!

¹ Верста — 1,067 километра.

На семь верст¹ шел вокруг города Владимира вал высокий; а перед валом был выкопан глубокий ров, наполненный водой, а поверх вала поднимались рубленые, в два ряда, дубовые, из аршинной толщины бревен стены, а внутри сложенных в клетки бревен было землей засыпано. Прорезало те стены пять ворот с островерхими башнями. С запада и с востока высились ворота белокаменные, назывались они Золотые и Серебряные, остальные трое ворот были деревянные.

Услышал великий князь Юрий Всеволодович, что полчища Бату-хана приближаются, что беды не миновать, созвал своих бояр на совет. С небольшим войском покинул Юрий Владимир и отправился в земли ярославские и костромские набирать новые полки, а в городе оставил отборных храбрецов-дружинников под началом старого воеводы Петра Ослядюковича и своих старших сыновей Всеволода и Мстислава, решил оставить и всю свою семью.

Рассуждал он с воеводами: «Выдюжат крепкие владимирские стены любую осаду. А мы приведем новое войско и кинемся на врагов с тыла. Тут из ворот устрелятся дружинники верные, да ударят с другой стороны. И достанется победа нам...»

Только на сорок четвертый день после взятия Рязани, 3 февраля 1238 года, подошли к Владимиру передовые тумены врагов. Увидели они многие златоглавые храмы и терема и поняли: ждет их тут добыча — коней не хватит навьючить. Поскакали их всадники вокруг города, начали высматривать: не окажутся ли где стены не столь крепки и валы не столь высоки?

И в тот же день смотрели владимирцы со стен, с надвратных башен, как черным дымом застилалась посады и полыхали жилища. И видели они, что всюду, до самых лесов дымились костры и вокруг них сидели воины неприятеля в длинных лохматых одеждах, в остроконечных шапках, что-то жарили и кипятили, точили сабли, пересчитывали стрелы.

И поняли владимирцы: конец им пришел. Но не испугались они, а крепче сжали рукояти мечей да топорича.

К Золотым воротам шагом подъехала сотня вражеских всадников. Защитники сверху, с ворот, пустили в них по стреле, и те также пустили по стреле. Тут увидели осажденные, что ведут, в спину толкают пленного княжича Владимира. Был он в рубище, босыми ногами по снегу переступал.

Записал о нем летописец: «Бе бо уныл лицом — изнемогл бедою от нужди».

Хотели его старшие братья — Всеволод и Мстислав — тотчас же отворить ворота, с малыми своими полками на выручку броситься, да удержал их воевода Петро Ослядюкович, показал, какая сила вдалеке стоит.

Враги поняли: не выманить им русов из крепости — и убили Владимира на глазах его братьев и всех осажденных. Но на приступ не пошли.

Часть своих туменов Бату-хан отрядил на Суздаль, что стоял в одном дневном переходе от Владимира, в тридцати пяти верстах. А там никаких русских полков не было. Взяли враги град беззащитный, жителей частью побили, частью в плен захватили и опять к Владимиру воротились, ведя пленных «босы и без покровен (раздетых) в станы свое, издыхающе мразом (морозом)».

Весь день 6 февраля во владимирских посадах воины Бату-хана заставляли пленников разбирать избы, заваливать бревнами рвы, подтаскивать к самым стенам тяжелые пороки.

7 февраля под хлест нагаек несчастные пленники принялись бить комлями пороков по стенам. Тяжко стонали стены. Скоро так засто-нет вся земля Русская.

От ударов комлями бревен рухнули дубовые стены города Владимира справа от Золотых ворот. Хлынули полки Бату-хана в пролом. Диорама — макет из Владимирского музея.

Страшное побоище завязалось на улицах города Владимира. Жены, даже дети защищались кто чем мог. Каждую избышку, терем, церковь брали монголо-татары приступом. Миниатюра из Радзивилловой летописи. Лицевой летописный свод XVI века.

И тако ни доша по приметю по граду
излатыхъ вратъ . тако же шлыбѣ
по ринны врата . и мѣдныя та
коже и князми волжскія . и про

Били, били пороками обезумевшие от ужаса пленные и проломили стену вправо от Золотых ворот, вскоре проломили возле ворот Оринных, затем — возле Медных.

По заваленным бревнами рвам, сквозь проломы в стенах хлынули в город пешие воины врагов.

Заполыхала страшная битва на улицах и во дворах, защищались воины и мирные жители — старики, женщины, подростки. Рубились

мечами, кололи копьями, крушили топорами и дубинами, сражались за каждую церковь, терем, избу, за каждую малую землянку.

В белокаменном Успенском соборе заперлись старики, дети, епископ Митрофаний и вся великокняжеская семья — княгиня Агафья, ее дочери, снохи и внуки. Враги разложили под стенами собора костры, и все, кто там был внутри, задохнулись от дыма.

Воины Бату-хана взяли Владимир, но и их погибло немало. Они разделились на несколько ратей. Верно, дрожала рука летописца, когда он писал: «...окаянный ти кровопийцы — овы идоша к Ростову, и ини к Ярославлю, и ини на Волгу, на Городецъ, и ти плениша все по Волзе (Волге)... а ини идоша на Переяславль и ть взяша и оттоле всю ту страну и грады многы, все то полониша... И несть (нет) места, ни веси, ни сел тацех (таких) редко, идеже не воеваша на Суждальской земли. И взяша городов 14, опричь слобод и погостов¹, во един месяц февраль...»

Мирных жителей убивали, в плен брали.

И опять, наверное, дрожала рука летописца, когда писал он: «А иным (некоторым)... и груди възрезываху и жолчь вынимаху, а с иных кожу одираху, а иным иглы и щепы за ногти бияху (под ногти вонзали)...»

¹ Погост — в данном случае отдельно стоящая церковь с несколькими домами.

4 **Н**абольший военачальник Бату-хана — Бурундай повел рать на северо-восток, туда, где спешно собирал полки великий князь Юрий Всеволодович. Главные силы врагов первые дни шли по льду Клязьмы, малые отряды в стороны расходились. Селения по пути повергали огню.

Много сел было сожжено, в том числе село Любец, а ниже по Клязьме малый городок Стародуб. Все их жители, кто не успел в лесах скрыться, от вражеских сабель погибли.

В Переяславле-Залесском тогда княжил брат Юрия Всеволодовича Ярослав. Где он был в тот страшный на Руси час, о том в летописях не сказано.

Верно, посылал к нему гонцов Юрий:

— Брат, помогай! Брат, выручай! Поспешай ко мне! Веди свои полки!

А Ярослав медлил, может статься, ждал, когда подойдут к нему рати из Новгорода. И не прибыл он в стан Юрия.

Но не дрогнули в тот грозный час племянник Юрия — Василько ростовский с братьями, подошли они со своими малыми полками к нему на подмогу...

4 марта 1238 года схватились две силы в открытом бою за непроходимыми дебрями земли Ярославской, на берегах реки Сить.

Столь кровопролитной битвы на Руси ранее не бывало и долго еще не будет. Храбро бились русские воины. Если тупились их мечи и ломались их копыя, хватали они со снега кривые сабли поверженных врагов и вновь кидались в сечу. Умели биться русские люди, сражались, пока рука меч, топор или копьё держала, но опять же было их куда менее, нежели воинов Бурундая.

И умирать русичи умели, когда достигала их славная смерть в бою. К вечеру враги победили. Князь Юрий Всеволодович был обезглавлен. Только пятнадцати всадникам удалось ускакать.

Сколько русских и сколько врагов пало в той битве — никто не считал. Некому было считать. Летописец писал: «Татары велику язву понесоша, паде бо их немалое множество».

А молодой Василько, тяжкораненый, был взят в плен. С большой любовью отзывался о нем летописец: «Бе бо сей князь лицъм красень (ликом красив), очима светел и взором грозен, паче меры храборь, сердцежь же легок».

Привели его в стан татарский. Через толмача Бурундай сказал ему, чтобы переходил на их сторону, обещал, что Бату-хан отдаст ему все земли русские — владимирские, суздальские, рязанские и многие другие, какие покорит.

Василько отказался — и тут же был зарублен саблями.

Вдова убитого княгиня Мария разыскала тело своего любимого мужа, привезла в Ростов и где-то под полом собора тайно похоронила. Где находится его прах, до сих пор не могут найти...

Слава о нем, о народном герое, до сих пор живет в сердцах ростовчан.

После битвы при Сити Бурундай повел свои тумены на соединение с полчищами Бату-хана, какие шли на северо-запад.

Прослышал Бату-хан, что за непроходимыми лесами и болотами стоит город славный, со многими белокаменными храмами. А под каждым храмом в подклете хранятся несметные богатства. И зовется тот город Господин Великий Новгород.

Собрал тогда Бату-хан своих главных военачальников на совет и спросил их: идти ли им вперед или поворотить коней?

Субудай и Джебе, зная о новгородском обилии, предлагали идти вперед, а Бурундай предостерегал, указывал на обескровленные тумены. Бату-хан повелел идти вперед. С боем его рати взяли Тверь, подошли к Торжку.

Решили его жители обороняться. Две недели шли приступом враги на стены города. Много их погибло, пока не был взят доблестный город и не уничтожены все его защитники...

Пошли враги далее — по лесам дремучим, где совсем мало людей жило. С великими трудами доставали они пропитание для воинов, овес и сено для лошадей. Между тем весна наступила, начало пригревать солнце, таяли снега, реки грозили разливом.

И опять собрал Бату-хан на совет своих военачальников. И все они, как один, сказали:

— Кони наши истощали, тумены поредели. Разумнее будет отложить поход на другое лето.

Остановил Бату-хан свои полчища. Ста верст не дошли они до Новгорода и повернули обратно. Где-то по дороге пришлось им бросить всю награбленную добычу, кинули они стенобитные орудия и — страшное злодейство — перебили всех пленных.

И шли их обескровленные тумены и шли, от бескормицы кони едва переступали копытами, а сами воины, случалось, ложились спать голодными.

Бату-хан и его военачальники от злобы зубами скрипели. Раньше нигде с такой яростью им не сопротивлялись, и нигде не гибло столько их воинов...

Встал на их пути славный город Смоленск. Издали поглядели они на его крепкие дубовые стены с башнями, с воротами также дубовыми. А из-за стен горожане грозились, копьями щетинились, к защите готовились. И не решился Бату-хан на осаду, не останавливаясь, мимо повел свои тумены.

Вступили они в края обжитые, ни дремучих лесов, ни болот тут не было, сел и деревень по пути попадалось много, зерно и овес береглись по житницам, прошлогодние стога сена стояли по речным поймам. Где проходили — все подряд пустошили, поджигали.

Приблизились к малому городку Козельску.

— Что же идем в свои степи без добычи? — возроптали темники.

И Бату-хан решился остановить свои тумены, повелел взять город приступом.

А козельцы заперли крепостные ворота, отважились биться до последнего.

Семь недель осаждал Бату-хан городок, стенобитных орудий у него не было. На пятидесятый день назначил он приступ. Много его войска полегло, а осажденные были все перебиты. Княжил в Козельске шестилетний мальчик Василий; по преданию, он утонул в крови своих подданных. Назвали татары Козельск «Могу Болгусун», что значит «Злой город».

Далее Бату-хан быстрым ходом повел свои поредевшие рати в низовья Дона — готовиться к новым завоеваниям.

Герб города Киева.

5

следующем, 1239 году его тумены пошли вдоль Волги вверх по обоим ее берегам, окончательно разрушили царство поволжских болгар, снова перешли рубеж земли Русской. Они взяли Муром, а также недавно до того основанный при слиянии Волги с Окой малый

городок Нижний Новгород, повернули на запад, взяли и сожгли другой малый городок — Гороховец, откуда все жители успели в лесах укрыться.

Но дальше лежала разоренная за предыдущий год земля, второй раз проходить по ней огнем и смертью Бату-хан не стал и вновь повернул свои тумены на восток, двинулся на малые народы, какие жили по Волге, по Каме и по их притокам, — подчинил своей власти предков нынешних марийцев и чувашей.

В тот же год другое воинство под водительством Менгу — двоюродного брата Бату-хана — вторглось в пределы Южной Руси. После ожесточенной битвы был взят Чернигов. Пали Курск, Новгород-Северск, Переяславль и другие города. Дошли враги до Днепра и остановились.

Увидели они на противоположном, правом берегу город.

Славнейший из славных, в былые годы стольный для всей Руси, воспетый во многих сказаниях, раскинутый по горам город Киев, со златоглавыми каменными храмами, со стенами неприступными, с теремами островерхими, с зелеными садами по оврагам. Написал летописец, что Менгу-хан, «видевь Киевь, удивися красоте его и величеству».

Переправились его послы через Днепр, хотели «прельстить» киевского князя Михаила Всеволодовича, чтобы он допустил их тумены в город. Начались переговоры.

Но городские посадские, много наслышанные о разоренных и сожженных на Руси городах, о тысячах и тысячах убитых и взятых в плен русичей, сбежались со всех сторон, оттолкнули княжеских стражников и перебили тех послов.

Узнав об их гибели, Менгу-хан распалился в ярости, но войска у него было мало, а стены киевские — видел он — были крепки.

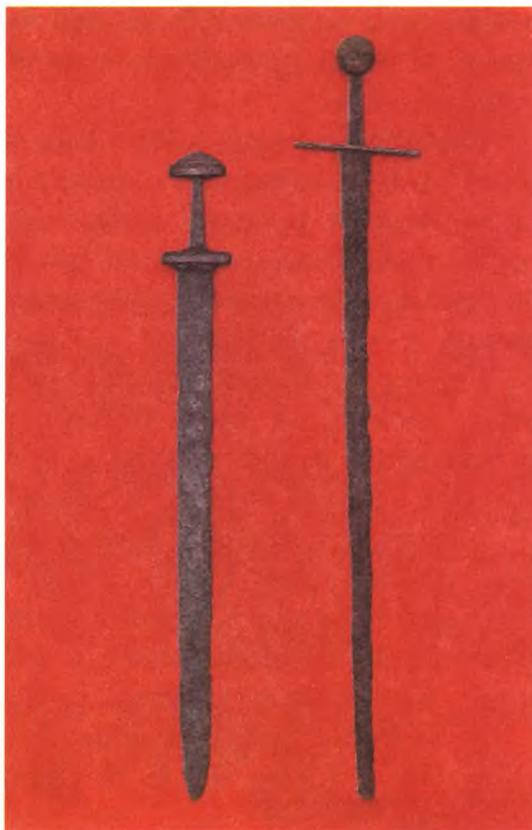
И повелел он своим туменам воротиться обратно в поволжские степи.

Киевляне предвидели: вернутся враги с большею силою, не может того быть, чтобы не вернулись, и не только ради мести за убийство своих послов.

К этим годам Киев утратил былое могущество. Северо-восточный Владимир отнял у него первенство. Но в народе крепко помнили о былой славе Киева, называли его «матерью городов русских».

Киевляне гордились своим городом, златоглавыми храмами, узорчатыми теремами бояр. В Киеве процветали различные ремесла, богатые ремесленники берегли накопленное обилие либо в подклетьях церквей, либо у себя за семью замками. Киевские купцы ездили по другим городам русским и в другие страны, с большой выгодой торговали изделиями ремесленников, а нажитые прибыли прятали.

В стане Бату-хана знали о киевских несметных богатствах и готовились к новому походу, набирали новые силы.

Деревянный щит конного воина XII–XIII веков, на нем — старинный герб города Владимира: лев, вздыбленный в прыжке.

Такими мечами рубили и кололи древние русские воины, слева: меч XII–XIII веков, железный с навешенными стальными лезвиями, длиной 90 см, справа: меч целиком стальной XIV века, длиной 106 см.

Князь Михаил Всеволодович киевский сознавал, что придется ему держать ответ за убийство ханских послов, и бежал в Венгрию. Какое-то время Киев оставался без князя. Явился Даниил Романович Галицкий; он забрал Киев под свою державную руку, но сам в городе не остался, отошел в свой Галич, а вместо себя посадил воеводу Дмитра.

Дмитр со своими дружинниками и с теми киевлянами, кто мог держать оружие, начал готовиться к будущей битве...

Осенью следующего, 1240 года уже сам Бату-хан повел рать несметную напрямик на запад, на Киев, нигде по пути у городов и слобод не останавливаясь. Было у него войска столь много, что, по словам летописца, скрип телег, рев верблюдов, ржание коней слышались за сорок верст.

Сказал летописец: «Приде Батый Киеву в силе тяжьце, многим множеством силы своей...»

Дождался Бату-хан, когда Днепр замерз, и повелел своим воинам переправляться по льду. Окружили они город, поставили камнеметы и пороки; несчастные пленные начали разбивать стены. На восьмой день осады, 6 декабря, пошли враги на приступ.

Сражались сперва под городскими стенами, потом на улицах, потом внутри каменных храмов. Последним оплотом оставалась Десятинная церковь, но и там все укрывшиеся погибли. Киев был взят, разрушен, сожжен, а все его защитники и мирные жители до

последнего человека были или перебиты, или взяты в плен. Пленили враги и тяжелораненого воеводу Дмитра. За храбрость Бату-хан пощадил его.

Дальше на запад двинулись завоеватели, захватывали и уничтожали по пути города и селения, но всюду встречали сопротивление. Они прошли русские земли насквозь, перешли через Карпатские горы, далее разделились на три войска. Сражались они с венграми, с поляками, с немцами и побеждали. Но в каждом сражении гибли их воины, с каждой битвой таяли их полчища.

Еще когда Чингисхан покорял царство за царством, в Европе подняли тревогу: а куда пойдут кровожадные завоеватели дальше? И правители и простые люди успокаивали себя, больно уж далеко на востоке горели города и гибли мирные жители.

Теперь, со взятием Киева, зловещая угроза приближалась, казалась неминуемой. Страх обуял Европу, воинов Бату-хана считали выходцами из ада и потому непобедимыми, их с трепетом ожидали в Италии, во Франции, даже в Англии. Рыбачьи суда не выходили в море, не засеивались нивы, повсеместно закапывались клады...

А Бату-хан продолжал вести свои тумены все дальше на запад, к тому Последнему морю, о каком грезил его дед Чингисхан.

Но не суждено было свершиться самонадеянным замыслом Бату-хана. Один из его туменов потерпел поражение от чехов под городом Оломоуцем. Уразумел Бату-хан, что зашел чересчур далеко. И повелел он повернуть свои сильно поредевшие рати обратно на восток. Они снова прошли насквозь Южную Русь и остановили коней в степях низовьев Волги.

Народы Европы смогли вздохнуть с облегчением. Они поняли, что беда миновала, что спасены.

А спасли их народы славянские, и прежде всего народ русский. На долгие годы загородил он Европу как бы щитом и принял на свою грудь всю тяжесть и все бесчестье тех скорбных лет, какие ныне называют монголо-татарским игом...

Погнѣла красота наша

1 **Л**се было ужасно, горестно и унизительно в той године, в той черной, временами казавшейся беспросветной беде, какая опустилась на землю Русскую.

Страшна была участь городов, где жители оказывали врагам сопротивление, где бились до последнего воины и мирные люди. Города были сожжены дотла, их жители, в том числе женщины, дети и старики, были либо убиты, либо уведены в плен. Особо тяжкая судьба постигла Рязань, Коломну, Москву, Владимир, Торжок, Козельск, Киев.

Католический монах-путешественник Плано Карпини, посланный римским папой в 1246 году в Монголию, проезжая через Киев, отметил, что не нашел там ни одного жителя, а видел только развалины и всюду разбросанные человеческие кости.

В малых городах и селениях невозможно было оказывать сопротивление завоевателям. Там люди спасались бегством, укрывались в дремучих лесах. Когда же враги уходили дальше, уцелевшие жители возвращались на пепелища. А такие города, как Ярополч на Клязьме, как Вщиж в земле Брянской, и восстанавливать не стали, находили другие, более пригодные для жизни места. Избы рубили редко, а чаще копали землянки.

Но побежденные не склоняли голов перед победителями. Отваживались они братья за оружие, но лицом к лицу в схватки не вступали, а собирались небольшими отрядами, крались по пятам завоевателей, нападали на отсталых и сонных.

Много ли было подобных смельчаков, мы не знаем. Летописи о таком разобщенном, но дерзком и мужественном сопротивлении молчат. Но оно, несомненно, было.

Молва народная донесла до нас имя одного славного витязя, которого можно назвать первым русским партизаном.

Таков был Евпатий Коловрат — рязанец родом. Когда погиб его родной город, он находился в Чернигове. Услышав страшную весть, «с малою дружиною» он поскакал в Рязань, увидел пожарища, множество трупов и «воскрича в горести душа своя и распаяся в сердца своем».

Минуя сожженные селения, через опустелые города Коломну и Москву, он помчался следом за туменами Бату-хана. По дороге к нему приставали другие «удальцы-резвцы».

Нагнали они вражеские полчища лишь возле Суздаля, внезапно напали с тыла. Завязалась яростная битва. «Начаша сечи без милости и сметоша яко вси полкы татарскыя»... «Царь (то есть Бату-хан) посла шурича (сына брата жены) своего Хостоврула, а с ним сильныя полкы татарскыя, хотя Еупатия жива яти».

В единоборстве Евпатий рассек мечом Хостоврула вдоль всего тела от плеча и до седла.

Бату-хан послал другое войско с камнеметами. Враги окружили Евпатия и его воинов, но не осмелились вступить с ними в рукопашный бой, а издали закидали удальцов Евпатия камнями.

Когда Бату-хан увидел тело убитого витязя, он будто бы сказал: «Аще бы у меня такой служил — держал бых его против сердца своего».

В летописях о подвиге Евпатия ничего не говорится. О нем упомянуто лишь в «Повести о разорении Рязани». А деды-сказители, передавая на вечерних посиделках былины о древних богатырях, к рассказу о подвигах Александра — Алеша Поповича добавляли и рассказ о герое народном Евпатии Коловрате...

2 Полчища Бату-хана за три года взяли приступом многие города, покорили большую часть земли Русской.

Нет, не так! Победы Бату-хану доставались с трудом. Где могли, собирались хоть и в малочисленные отряды вооруженные топорами и ножами русичи, и сражались они до последнего, яростно и отважно, порой с отчаянием обреченных на смерть, но не побежденных.

В страшных битвах гибли и не возрождались вновь многие города, о коих летописи умолчали. О тех городах, о битвах, какие там происходили, поведали археологи, когда находили человеческие скелеты, с проломленными черепами, со стрелами, засевшими меж ребер.

Отчего же, хотя и не за один поход, а за три похода, за три года сумел Бату-хан покорить Русь?

Священнослужители объясняли народу:

— Бог покарал вас за грехи ваши, и самый ваш тяжкий грех — поклоняетесь вы прежним языческим богам. Двести пятьдесят лет прошло, как крестили ваших прадедов в православную веру, но вы не желаете забывать идолов.

А мудрые старцы из народа переговаривались между собой тайно.

— Князья наши — вот кто виновен в наших бедах, — шептали они...

Еще за полвека до татаро-монгольского нашествия безвестный создатель «Слова о полку Игореве», который глубоко страдал, переживая непрерывные раздоры князей между собой и разорение земли

Русской, написал исполненные скорби и затаенного гнева строки, ставшие поистине пророческими: «Усобица князем на поганья погыбе, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князе про малое «се великое» мльвити¹, а сами на себе крамолу ковати. А погании с всех стран прихождаху с победами на землю Рускую».

¹ В древнеславянском языке Ъ читается как О.

Если бы сегодня писатель создал эти строки, то они звучали бы так: «Борьба князей против поганых прекратилась, ибо говорил брат брату: «Это мое и то мое же». И стали князья про малое «это великое» говорить и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Рускую».

Под «погаными»² создатель «Слова» разумел прежде всего половцев, много раз наскакивавших набегами то на одно русское княжество, то на другое. Лишь когда полки нескольких князей соединились в одну рать, русичи побеждали врагов.

² Происходит от латинского слова *raganus*, что значит «инаковерующий». Уничижительный оттенок оно приобрело много позднее.

А в годы, предшествующие татаро-монгольскому нашествию, число княжеств достигло пятидесяти и роковая рознь между князьями перед лицом общей беды нисколько не затихла, наоборот, усилилась.

Начиная со злосчастной битвы на Калке, порознь разбивали татаро-монголы полки русских князей. Порознь защищались русские города от осаждавших. В разобщенности князей нужно искать первую причину поражений русичей.

И еще причина была: в многоопытности военачальников Бату-хана, до нашествия на Русь покоривших многие царства. И воины их, как уже раньше говорилось, были закалены в боях, выносливы, послушны и беспощадно жестоки.

Когда одни князья водили свои дружины на дружины князей соперников, особо хитроумного ратного искусства они не знали. Не могли русичи устоять против полчищ Бату-хана, приведшего на Русь такую силу, какую до него не приводил ни один завоеватель.

Безмерна была отвага русских воинов, но только храбростью победы не добыть.

Татаро-монголов всегда было больше числом, во много раз больше.

«Кто суть? И отколе изыдоша?» Этот вопрос, записанный летописцем сразу после битвы на Калке, верно, и при нашествии Бату-хана повторяли многие и многие. Тяжело было осознавать: жили, трудились на земле, наживали добро... И внезапно, точно гром с неба, надвинулась на Русь беда, страшная и непонятная для человеческого разума...

Велик и ужасен был тот урон, который нанесло татаро-монгольское нашествие всему народу русскому.

Монах Киево-Печерского монастыря, позднее епископ Владимирский Серапион, написал «Слово», в котором глубокая скорбь о страданиях народных сплелась с высокой поэзией.

Походы Бату-хана на Русь 1237–1240 гг.

«Бог навел на нас народ безжалостный, народ лютый, не щадящий красоты юных, немощи старых, младенчества детей... Разрушены Божьи церкви, осквернены сосуды священные... затоптаны священные места... Кровь отцов и братьев наших, будто вода, в изобилие насытила землю... Сила наших князей и воевод исчезла... Множество братьев и чад наших в плен увели; многие города опустели, поля наши сорной травой поросли, погибла красота наша, богатство наше стало добычей врага, труд наш неверным достался в наследство, земля наша попала во власть иноземцам...»¹

¹ Перевод Д. С. Лихачева.

Казалось епископу: навсегда померкла былая слава Руси, не видно впереди никакого просвета...

А вот отрывок из сочинения «Слово о погибели русская земли»: «О светло светлая и украсно украшена, земля Русская! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кла-

Серебряный потир (церковный сосуд) великого князя Юрия Долгорукого, по верху идет пояс чернью с надписью и с иконкой, ниже — пояс с витыми узорами филигранью, еще ниже на серебряной ленте надпись, по всему сосуду вставлены драгоценные камни XII век.

дязьми месточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бецисленными городами великими, селы дивными... Всего еси исполнена земля Руская...»

Далее безвестный, но поистине великого таланта создатель этого отрывка перечислял различные соседние народы, какие боялись русичей:

«...Половцы дети своя полошаху (пугали) в колыбели. А литва из болота на свет не выникываху (не показывалась), а угры (венгры) твердяху (укрепляли) каменные города железными вороты, абы на них великий Володимер (Мономах) тамо не въехал, а немцы радовахуся, далече будучи за Синим морем...»

Далее, видимо, должен был идти несохранившийся рассказ о бедствиях от нашествия Бату-хана. Не случайно сочинение называется «Слово о погибели руския земли».

Кто бы ни был его создатель, он беспредельно любил Русь. И он гордился прошлым Руси.

Это «Слово», так же как и «Слово о полку Игореве», проникнуто любовью к Родине, к природе русской. И там и здесь прославляются прошлые победы...

На веселых пирах из этой серебряной чаши с узорами угощал вином и медом своих гостей князь Владимир Давыдович черниговский. Переходила заздранная чаша по кругу от одного к другому. Так было в XII веке. А наступили тяжкие времена монголо-татарского ига, и один из потомков того князя отвез ее в Золотую Орду. Эта чаша была найдена во время археологических раскопок близ Сарай-Берке, по надписи, шедшей по ее краю, узнали, кому она принадлежала.

3

гненным смерчем прошли полчища Бату-хана, и запустели, заросли мелким лесом некогда тяжким трудом народным распаханые нивы. Исчезли многие ремесла.

Тот же монах Платон Карпини рассказывает, когда татаро-монголы брали города, они говорили пленным: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю»; а когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают...»

Георгиевский собор города Юрьева-Польского был построен всего за четыре года до монголо-татарского нашествия. Его называли последней жемужиной. Трудно сказать, до каких бы высот поднялось белокаменное зодчество Владимиро-Суздальского княжества, если бы не страшные беды, нагрянувшие на Русь. Собор был основательно перестроен еще в XV веке. Ныне лишь нижняя половина его стен сплошь украшена причудливой резьбой, созданной искусными мастерами-каменосечцами.

Это ему рассказывали о других покоренных царствах. Но, разумеется, завоеватели так поступали и с плененными ремесленниками русских городов. Они превращали их в бесправных рабов, уводили с собой, угоняли даже в Монголию. И там несчастные, тоскуя о далекой Родине, создавали своими умелыми руками из золота, серебра, кости, камня, дерева подлинные сокровища искусства...

Раньше русские ремесленники-златокузнецы выделывали, выгачивали, выковывали, выплавляли, чеканили особо тонкие драгоценности — различные украшения для знатных людей, оклады на книги и на иконы, серебряную посуду.

Теперь это чудесное мастерство на долгие годы вообще исчезло. Некому было рождать красоту.

Славилось когда-то искусство поразительно тончайшей, изящной перегородчатой эмали, когда на малые серебряные или золотые пластинки узорами напаивались ребром серебряные или золотые крохотные ленточки-перегородки, а пространство между перегородками заливалось расплавленным стеклом, окрашенным в тот цвет, какой златокузнец считал самым подходящим.

Получил он заказ — создать на пластинке маленькую птичку. Для ее головки он напаивал ленточку колечком, размером с горошину, а внутри колечка напаивал для глаза птички другое колечко, вовсе как маковое зернышко. В большее колечко капал он краску желтую, а в меньшее — пускал маленькую черную капельку.

Церковь Покрова на Нерли близ Боголюбова — 1165 год — считается едва ли не прекраснейшей из всех белокаменных зданий, воздвигнутых при великом князе владимирском Андрее Боголюбском. Неведомый, но поистине гениальный зодчий сумел соединить необыкновенную простоту в частях с поразительной легкостью всего храма. После монголо-татарского нашествия подобной красоты не строили.

Каким острым должно было быть его зрение и как осторожно, маленькими щипчиками, он держал свернутую в колечко ленточку!

И что, может быть, самое удивительное: те краски не потускнели, держатся до сих пор, точно драгоценное изделие златокузнец создал совсем недавно.

Ни в одном городе Западной Европы, ни в ханствах Средней Азии, ни в царствах Закавказья не знали мастерства подобной красоты и тонкости, каким было ремесло перегородчатой эмали, которое процветало прежде всего в Киеве. После нашествия оно не возобновлялось и исчезло навсегда.

Белокаменный лев со стены Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском. Искусственное долото мастера-каменосеца создало зверя доброго, улыбающегося, с хвостом в виде трехлистного причудливого завитка. В пламени нашествия, верно, погиб сам мастер.

Каждый камень всех четырех стен Дмитриевского собора — это высокое мастерство творения неизвестного каменосеца. «И украсию дивно» — так говорится в летописи о сем храме, построенном по велению великого князя Всеволода Большое Гнездо в 1196 году. На данных камнях высечены конные воины, неизвестные растения, неизвестная птица.

Изделия из эмали, какие начали изготавливать в Москве полтора века спустя, были грубее и упрощеннее и не шли ни в какое сравнение с прежней киевской красотой...

Во время археологических раскопок археологи в слоях после нашествия больше не находят сердоликовых бус, стеклянных браслетов, глиняных высоких корчаг-амфор.

И еще пример безвозвратного ущерба от нашествия.

Белокаменные храмы были выстроены на земле Владимиро-Суздальской в XII и в первой трети XIII века. Это суровые и простые в своих очертаниях церковь Бориса и Глеба под Суздалем в Кидекше и Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском, это прославленная своею красотой на весь мир церковь Покрова на Нерли в Боголюбове, это огромный пятиглавый Успенский собор во Владимире, это Дмитриевский собор в том же Владимире и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Были и другие храмы, которые не дожили до нашего времени.

Их создавали неизвестные, высокого таланта зодчие — выходцы из народа. На соборах Дмитриевском и Георгиевском каждый камень с вырезанным на нем либо чудищем, либо сказочной птицей — это подлинное произведение искусства.

После татаро-монгольского нашествия мастерство зодчих и каменосечцев — былая краса и гордость земли Русской — исчезло. Мастера либо погибли, либо их увели в далекую неволю. И на Руси некому было строить. Да в такую тяжкую годину люди забыли и думать о возведении каменных храмов.

Только пятьдесят лет спустя был построен первый каменный храм в Твери, девяносто лет спустя — в Москве и лишь через триста лет — во Владимире. Но эти храмы строились почти без украшений...

На русских городищах и во многих курганах встречаются шиферные пряслицы, какие женщины надевали на веретена.

С XI века пряслица изготавливались из розоватого цвета камня-шифера, который добывался только в одном месте на Волыни, из каменоломен близ города Овруча. Там же археологи обнаружили и мастерские, где вырабатывались эти очень нужные для всех женщин того времени предметы. И расходились розовые пряслицы по всей Руси, шли на продажу в соседние славянские страны — в Болгарию, Чехию и вплоть до берегов Одера.

После татаро-монгольского нашествия это ремесло также исчезло, мастерские были разгромлены, а мастера перебиты. Пряслицы стали изготавливать сами пряжи просто из обожженной в печи глины.

И теперь археологи, когда находят пряслицы шиферные, знают, что это — до нашествия. Если же пряслицы оказываются глиняные, — значит, данный слой в городище относится ко времени после нашествия...

Бывало, шла оживленная торговля между Русью и другими странами. По рекам, сухопутными дорогами, морским путем ехали и плыли русские и иноземные купцы в одну сторону и в другую. И с каждым годом эта торговля росла.

После нашествия русские купцы почти не ездили ни на запад, ни на восток. В это время между странами Западной Европы множился бойкий обмен разными товарами. И от этого обмена богатели тамошние государства и отдельные города.

А на Руси, наоборот, торговля пошла на убыль. Некому было производить товары для рынков дальних стран, некому было их доставлять...

И между отдельными княжествами почти не велась торговля. Жители городов и селений кормились со своих нив и огородов, охотой и рыболовством, одевались в домотканые одежды. А украшения в первое время после нашествия даже князья и бояре не покупали, да и не у кого было их покупать.

И жилища, вновь построенные, больше не украшали затейливой резьбой. И перестали наносить затейливые узоры на разную домашнюю утварь.

Не до красоты было — лишь бы день прожить...

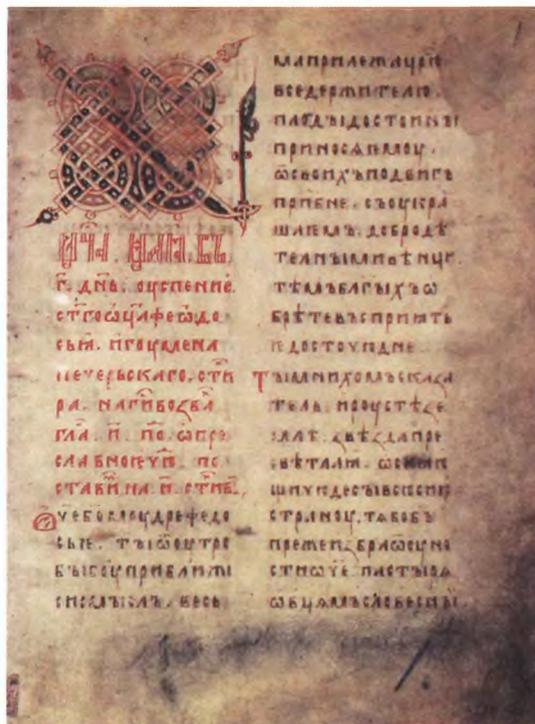

4 **Н**игде, ни в восточных царствах, ни в Западной Европе, не велось такого летописания, какое было на Руси. С XI столетия из года в год усердно записывались памятные события — большие и малые, какие происходили в пределах русских княжеств. Писали летописцы об усобицах между князьями, о набегах кочевников, о не-

«Изборник» Святослава II — великого князя киевского. 1073 год. На листах выделанного из телячьей или козьей кожи пергамена выводили писцы букву за буквой, украшали книги тонкими картинками, которые ныне называются — миниатюры. Считались книги величайшими драгоценностями, берегли их пуше золота, первыми выносили при пожарах.

Еще древняя рукописная книга — «Киево-Печерский патерик» — написана на рубеже XI—XII веков; она составлена из житий святых и различных церковных поучений. Как красивы узоры на ее страницах!

урожаях. А то о звезде хвостатой, в небе появившейся, или о двухголовом теленке, что родился в некоем селении, заносили записи на пергамент.

Летописцы подробно писали о князьях, перечисляли их имена, их заслуги, подлинные и надуманные, рассказывали о родственных связях, разбирали их родословные, писали об усобицах между ними, о встречах, о переговорах, какие они вели, о рождениях и браках сыновей (но не дочерей).

Повествуя о времени нашествия, летописцы называли тех князей, какие гибли, описывали обстоятельства их смерти. А сложили свои головы тогда по всей Руси сотни тысяч мирных жителей городов и селений, чьи имена остались безвестными.

О них, о простых людях — крестьянах, холопах, ремесленниках, купцах, — о народных восстаниях, о раздорах между богатыми и чернью, о вечевых сходках редко в летописях находились строки.

Рассказывая о том или ином событии, летописцы неизменно отмечали, в день какого святого оно произошло. Вставки о «божественном» попадают чуть ли не на каждой странице.

Эти записи — буква за буквой, строка за строкой — вели иноки-старцы в больших монастырях, таких, как Киево-Печерский, вели их при княжеских дворах. Иные события, возможно, записывал ближайший к князю боярин.

Заставки и буквы в летописях тщательно выводились алой киноварью, тонкой, в три белых волоска, кисточкой, их рисовали с хитрыми узорами и переплетениями из невиданных цветов, а то со зверями и птицами. Летописи переписывались, дополнялись, вновь

переписывались. Они хранились в тайниках при каменных храмах, в кованных сундуках, в случае пожаров их, наравне с иконами в драгоценных окладах, первыми выносили из огня. В каждом княжестве ведение летописей считалось особо почетным и важным государственным делом.

При нашествии Бату-хана, наряду со многими священными и мирскими рукописями, в пламени пожаров гибли и величайшие исторические сокровища — летописные своды.

Вовсе прекратилось летописание в Киеве, в Чернигове, во Владимире, а там, где оно продолжалось, события описывались бледно и немногословно.

5 же сказано было, что князь Ярослав Всеволодович не привел свои полки на подмогу полкам брата Юрия. В летописях упоминается, что принадлежавший ему город Переславль-Залесский был взят и сожжен татарами.

Скорее всего, Ярослав с дружиной тогда в дремучих лесах где-то укрывался, выжидал, как дальше пойдут события. Бату-хан направил к нему посла с такими словами:

— Зла на тебя не держу. Чего прячешься? Выходи!

Виделись ли тогда Бату-хан и Ярослав — неизвестно. Летописи о том молчат.

Чтобы собирать дань с покоренной земли, Бату-хану надо было наладить хоть какой-то порядок. Он назначил своей волей и властью великим князем владимирским и суздальским не поднимавшего на него меч Ярослава. Да и по древним русским законам положено было, что младший брат по смерти старшего ему наследует. А в летописи только и сказано было: «Ярослав же по пленении том (после того нашествия) пришед, сея в Володимере».

Дружинники Ярослава и случайно уцелевшие владимирцы подбирали на улицах города трупы убитых и погребали их, был погребен в Успенском соборе и привезенный с берегов Сити прах князя Юрия.

В тот страшный 1238 год весна подошла необычно ранняя. По склонам оврагов и холмов над Клязьмой-рекой красовались цветущие бело-розовые яблони и вишни, река разливалась во всю ширь правобережной поймы. А над кручей тянулись черные, обугленные, местами сгоревшие дотла дубовые стены кремля, за ними высились один за другим, когда-то ослепительно белые, ныне закоптелые могучие храмы, построенные до нашествия иноплеменных...

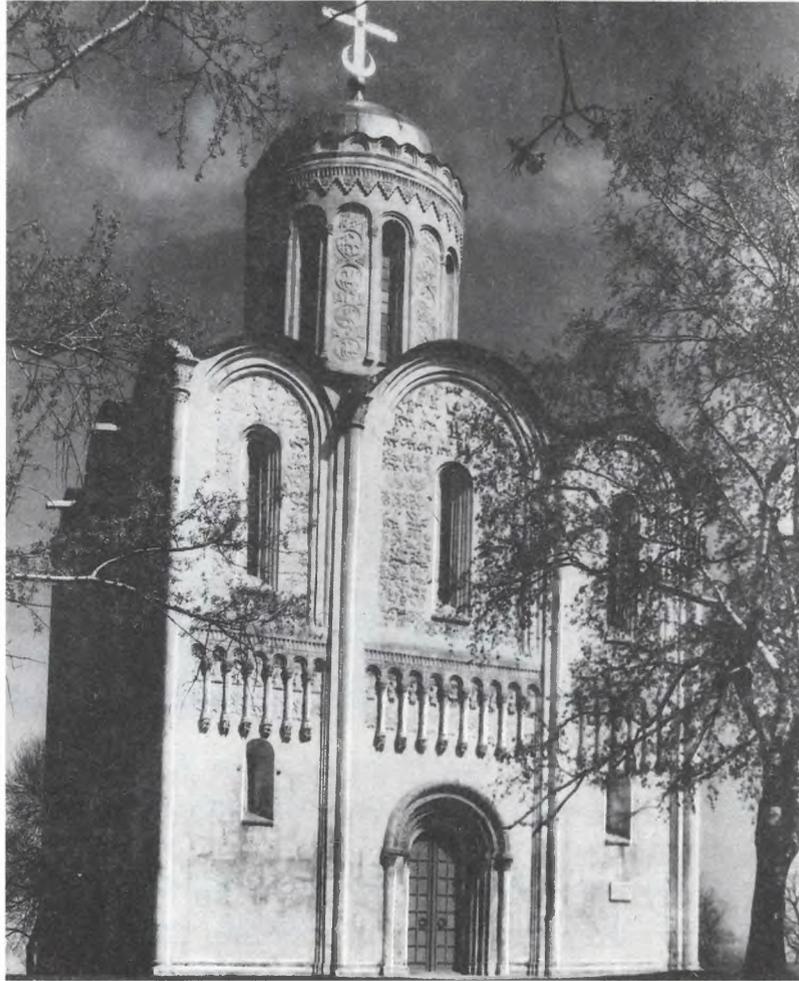
И всюду, точно муравьи, хлопотали люди. На людях и на конях подвозились свежесрубленные бревна, строились жилища; на конях и

Герб города Владимира.

Дмитриевский собор города Владимира построен в 1196 году при великом князе Всеволоде Юрьевиче Большое Гнездо. Наверное, в тяжкие годы монголо-татарского ига проходили русичи мимо него, останавливались в восхищении и восклицали: «Какую красоту умели создавать наши пращуры, а мы тому древнему мастерству разучились!»

на людях распахивались гряды огородов и малые нивы. Жить-то надо было. Каждой семье требовалось и кров над головой поставить, и всех накормить.

Город Владимир медленно возрождался. Но не довелось ему встать так высоко и прославленно, каким он был до нашествия... Наряду с Рязанским Владимиро-Суздальское княжество всего более пострадало от полчищ Бату-хана.

Те русичи, мужественные и гордые, кто не желал склонить голов перед татаро-монголами, да и от своих князей хотел жить подальше, сооружали ладьи и, нагрузив все, что оставалось от их нехитрого скарба, забирали свои семьи и плыли по рекам, то вверх по течению, то вниз, то перебирались по волокам в другие реки, плыли куда глаза глядят. Они забирались в глушь непроходимую и пустынную или населенную неизвестными племенами, достигали северных рек и их притоков — до Двины, Онеги и даже до Мезени и Печоры. И там, в суровых краях, селились.

В каждом таком дальнем селении выбирали из своей среды старшину, бывалого и сметливого. Время от времени собирал он сход, и там совместно решались все домашние нужды — когда начинать покос, когда жатву, когда и где ставить рыболовные сети, когда идти

на волчью облаву. Да мало ли какие дела решали свободные люди, не знавшие над собой никакой власти.

Находились немногие удальцы-молодцы, кто не строился на погорелом месте и ни в какие дальние края не переселялся. Собирались они ватагами, брали топоры, случалось, добывали мечи и татарские сабли и уходили в леса близ дорог прямоезжих. Оттуда подстерегали они врагов, какие двигались малочисленными отрядами, и убивали их.

Случалось, нападали они и на княжеских слуг. Оттого-то в летописях и в древнерусских сочинениях называют таких молодцов «разбойниками и татями».

Так жили на Руси, скорбной, измученной.

Тогда от сабель воинов Чингисхана, от воинов его сыновей и внуков погибли многие царства и многие народы исчезли с лика земного.

А народ русский уцелел!

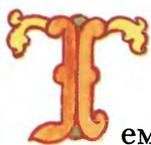
Велика была сила и непоколебима твердость духа народа русского, никогда не опускавшего в отчаянии рук и никогда не терявшего надежду на лучшее будущее!

Как лучина в светце то едва тлела, то вновь вспыхивала, так теплилась надежда в сердцах покоренных, но не побежденных простых людей русских...

Да, надежда была, хоть и неясная, словно звезда в предрассветном тумане. Иначе как бы жить людям в попоранных копытами вражеских коней, встававших из пепла городах, слободах, селах, деревнях...

Успенский собор города Владимира — 1185—1189 годы. По велению великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо был обстроен прежний одноглавый собор, воздвигнутый при его старшем брате князе Андрее Боголюбском. В соборе венчались на великое княжение потомки Всеволода. Во все времена гордились русичи прославленным храмом. Девятый век стоят пять богатырей в золотых шлемах на высокой горе над Клязьмой-рекой и стерегут покой земли нашей. Золотые ворота города Владимира.

Надежда была!

1 **Т**ем временем на Руси Северо-Западной, куда полчища Батухана не сумели добраться, оставались уцелевшие города. И первым среди них был раскинутый за лесами, за болотами богатый и многолюдный город – Господин Великий Новгород. Он стоял по обоим берегам Волхова, соединенных наплавным мостом. Много в Новгороде теремов боярских, из вековых бревен срубленных, много высились храмов каменных, из коих славнейшим и прекраснейшим был многоглавый древний Софийский собор, что поднимался на левом берегу Волхова за высокими, неприступными каменными стенами Кремля.

Под тяжелой десницей Великого Новгорода были города – славный своими храмами и столь же неприступными стенами «младший брат» Псков, города-крепости Ладога, Копорье, Изборск и другие.

Со времен Ярослава Мудрого великие князья киевские посылали править Новгородом своих сыновей или других родичей. Зачастую между князьями и зажиточными купцами (боярами) возникали раздоры.

В 1136 году поднялось в Новгороде восстание, княжеская власть была свергнута. С тех пор из боярской верхушки избирался посадник; из среды «житых людей» – тоже бояр, но менее знатных – избирался его помощник – тысяцкий. Оба они вершили в Новгороде все дела, судили, разбирали жалобы, устанавливали подати. Большой властью, не только церковной, но и светской, пользовался в Новгороде архиепископ, владевший обширными земельными наделами с деревнями, с хлебопашцами. Он ведал новгородской казной и вел переговоры с иноземными послами и купцами.

А для защиты Новгорода стали призывать князя с дружиной. Он был только военачальником и почти никакой власти не имел. «А без посадника, княже, ни грамот ти дати», – говорилось в летописи, то есть никаких важных документов князь без согласия посадника выдавать не мог; даже охотиться и рыбу ловить могли его дружинники только в особо отведенных местах. И жил князь – по преданию Рюрикович родом – не в городе, а в трех верстах от него, на городище, называемом Рюриковым.

Бывало, новгородцы изгоняли одного князя-военачальника, другого призывали; случалось, что княжил в Новгороде и вовсе малолетний, за него водили рати прибывшие с ним воеводы. Постоянно

Пятиглавый Софийский собор в Новгороде — 1045—1050 годы. Сколько исторических событий пережили его суровые стены за девять веков! С соборной паперти благословляли архиепископы новгородских воинов на ратные походы против немцев и против шведов, здесь встречали иноземных послов, а в его подклетах сберегались казна и договорные грамоты, в том числе и охранная грамота Ярослава Мудрого, когда он отъезжал на великое княжение в Киев; гордый московский князь Иван III входил победителем через главные ворота собора.

вспыхивала вражда между князем и посадником, между князем и новгородскими боярами.

Кто же выбирал посадника и тысяцкого? В Новгороде жили бояре и купцы, тогда их называли «гостями», жили также многочисленные ремесленники, их подмастерья, жили вовсе нищие и крестьяне-погорельцы. Летописцы их с пренебрежением называли «черные люди».

Многолюден был Господин Великий Новгород, населенный прежде всего ремесленниками. Огромны были земельные пространства, принадлежавшие Новгороду. Его данники обитали даже по берегам Ледовитого океана, даже у подножия Каменного Пояса — Уральского хребта.

А власть в Новгороде принадлежала немногим знатным боярским родам, какие владели обширными земельными угодьями. Не всегда обреталось согласие между боярами. Те, кто жил на Софийской, левой стороне Волхова, постоянно враждовали с теми, кто жил на правой — Торговой стороне Волхова.

Тогда стороны обращались к вечу — общему собранию всех новгородцев.

По звону вечевого колокола собирались с пяти концов новгородских бояре, купцы, духовенство, сбегались черные люди. На правый берег Волхова, напротив Кремля, на Ярославом дворе, где некогда стоял двор Ярослава Мудрого, стягивалась толпа.

Коли не находилось согласия на вече, люди принимались кричать, спорить; толпа разделялась надвое, одних черных людей подкупали бояре правого берега Волхова, других — левого берега. Сходились

две ватаги удальцов на мосту, да кулаками, дубинками решалось, на стороне каких бояр была «правда». Бывало, побежденных сбрасывали с моста в Волхов.

О черных людях всегда помнили бояре и купцы и опасались их. Летописи изредка поминали о народных восстаниях. Тогда бояре и купцы с обоих берегов Волхова временно забывали взаимную вражду и со своими челядинцами жестоко расправлялись с чернью: людей связывали, бросали в темницы-порубы, топили в Волхове. А спустя несколько лет опять отмечалось: «Бысть мятеж велик».

Предания народные донесли до нас имя одного доброго молодца. То был славный и лихой Василий Буслаев, о ком люди новгородские впоследствии сложили былины. Он набрал ватагу таких же, как и он сам, удальцов; они шли с дрекольями на бояр, нагоняли на них страх, громили их дворы. А сам Василий слушался только мать родную, досточтимую Мамелфу Тимофеевну, и боялся только ее одну.

Через Финский залив, по реке Неве, по Ладожскому озеру, далее вверх по Волхову приплывали в Новгород иноземные купцы из западных стран — Швеции, Дании, Германии. Они привозили сукна, оружие, медь, серебро. И шла в Новгороде бойкая торговля заморскими товарами.

Случалось, так тесно были уставлены оба берега Волхова кораблями и ладьями разных стран и городов, что во время пожара огонь перекидывался по ним с одного берега на другой.

Новгородские богатые бояре, купцы, а порой и служители церкви снаряжали ладьи, подговаривали охочих людей, те добирались на ладьях за дорогими мехами по рекам и волокам до Белого моря, на Печору, даже до Каменного Пояса — Уральского хребта, там зимовали. Говорится в летописи: «Путь за Камень был непроходим пропастями, снегом и лесом». Купцы на кораблях отправлялись постоянно также за Балтийское море, возили меха, воск, мед, пеньку, лен, сало, хмель.

В летописях не однажды называют имена таких отважных корабельщиков. А в народных преданиях-былинах сбереглось одно славное имя. Это был Садко — богатый гость¹. Он задумал купить на новгородском рынке все товары, какие там были, поплыл на тридцати кораблях за синее море и женился на дочери самого морского царя...

Следом за купцами в северные и восточные земли плыли переселенцы — «черные люди» новгородские, каким неведомо было терпеть боярские беззакония. Там, на новых местах, они встречались с переселенцами из Владимиро-Суздальской земли, порой между теми и другими возникала вражда, а порой их жилища мирно вставали рядом. Так, переселенцы сообща облюбовали реку Вятку — приток Камы — и основали там городок Хлынов², не знавший никакой власти: ни княжеской, ни боярской, ни — позднее — татарской...

¹ Новгородская летопись упоминает некоего Сотко Сытинича (быть может, сотского), видимо, богатого человека, построившего в Новгороде на свои средства церковь. Возможно, Садко из народного предания и живший в XII веке Сотко Сытинич — одно и то же лицо.

² Впоследствии Хлынов был переименован в Вятку.

свое время великий князь владими́ро-суздальский Всеволод Юрьевич Большое Гнездо за все годы своего княжения (1176 — 1212) не один раз домогался положить под свою тяжелую руку соседние земли и сам Великий Новгород, посадить там князя, ему, а не боярам новгородским угодного. Но он осторожен был, не решался идти войной на строптивного соседа.

Скудна и бесплодна была болотистая и лесная новгородская земля, своего хлеба там не всегда хватало. Коли загоралась распря между Всеволодом и новгородцами, наказывал он перегораживать торговые пути — водные и санные, не пускал в Новгород обозы и лады с хлебом. И тогда одолевал новгородцев голод.

У бояр сберегались в амбарах и церковных подклетах запасы, а черные люди, случалось, мерли от голода. Волей-неволей приходилось новгородцам приглашать к себе князем одного из сыновей Всеволодовых. Малыми сроками княжил там в свои молодые годы его сын Ярослав. Но он постоянно враждовал с новгородским посадником и боярами, не хотел быть только военачальником, а желал властвовать. Летописцы не один раз отмечали его нелады с новгородцами. То он уезжал, оскорбленный, в свой Переславль-Залесский, то вновь брали верх его новгородские сторонники, и он возвращался, казнил своих противников — бояр, а с другими боярами мирился, и вновь под его началом шли полки оборонять рубежи новгородские.

Брал он с собой в ратные походы двух старших сыновей своих, Федора и Александра, с детства приучал их к военному искусству, посылал вместо себя княжить в Новгород, а сам оставался в Переславле и оттуда вершил делами новгородскими.

На глазах обоих мальчиков бурлила беспокойная новгородская жизнь: однажды ночью пришлось им спастись в Переславле от замысливших на них злое дело бояр новгородских.

Вновь вернулись оба княжича в Новгород уже юношами. Там Федор внезапно скончался на своем свадебном пиру, шептались в народе: не был ли он отравлен? С 1236 года стал в Новгороде княжить второй сын Ярослава — шестнадцатилетний Александр.

Рос Александр, вырослел, бояре новгородские начали на него коситься — как бы не выпустил ястребок коготки...

В то время, когда татаро-монгольские полчища низринулись на землю Русскую, Александра в Новгороде не было.

Когда Бату-хан своею волей поставил великим князем на Владимир-Суздальской земле Ярослава, Александра позвали к себе новгородцы.

До нашего времени в нескольких списках дошла «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра».

Эта воинская повесть была написана, возможно, дружинником Александра, неведомым книжником, лет тридцать – сорок спустя после тех событий, которые он сам видел и пережил.

Там много вымышленного – ангелы сражаются в битвах, предки Александра – святые Борис и Глеб – ему помогают, а рядом – правдивые описания самих битв. Там написано: «Слышах от отецъ своих и самовидецъ есмь возраста его (то есть Александра)». Между строк повести можно видеть, как сочинитель любил свою родину, как гордился подвигами отважных ее сынов, и прежде всего подвигами самого Александра.

В годину нашествия Бату-хана, в 1239 году, литовские племена напали на ближайшее к их земле русское княжество Полоцкое. Тамошний князь Брючислав запросил помощи у Новгорода. Александр повел новгородское войско и отогнал врагов. А после победы был в Полоцке пир. На пиру увидел Александр дочь Брючислава Александру и посватался за нее. В повести так говорилось:

«Оженился князь Олександр, сын Ярославль в Новегороде, поя (взял) в Полотьске у Брючъслава дщерь и венчался в Торопчи, ту кашю чини, а в Новегороде другую», то есть было два свадебных пира – в Торопце и в Новгороде. Была ли невеста красавицей и любил ли ее Александр – о том в повести не упоминается.

3 тот год купцы новгородские, водившие корабли в Швецию, привезли в Новгород вести, исполненные тревоги: готовятся swei (шведы) к дальнему ратному походу – корабли строят, чинят, оружие куют. Сам зять короля Эрика Шепелявого ярл (герцог) Биргер собирается возглавить поход к берегам Финского залива, покорять жившие там народы. И поход затеян с благословения самого папы римского, пославшего с Биргером двух епископов. Собирались епископы в католическую веру крестить те народы. Прознали купцы, что замыслили swei направить свои корабли с Финского залива дальше на восток – в Неву, оттуда в Ладожское озеро, а оттуда намеревались они повернуть вверх по Волхову, добраться до самого Великого Новгорода.

Собрались новгородцы на вече в тревоге; чего затеяли проклятые – покорить их славный город, в римскую веру народ обратить!

Александр послал двух воинов к старейшинам дружественного племени чудь (предкам нынешних эстонцев), обитавшего по берегам Финского залива. Задание им было: коли покажутся на Неве вражеские суда, тотчас же дать знать о том в Новгород.

Летом 1240 года много шведских кораблей появилось в Финском заливе и повернуло к устью Невы. Шведы «подвижеса в силе тяжце,

пыхая духом ратным». Старейшина чуди Пелгусий сам все высмотрел и направил гонца к Александру.

Спешно начал князь собирать войско. Второй гонец примчался в Новгород, привез послание от самого Биргера. Шведский военачальник писал:

«Аще (если) можеша противитися мне, то се есмь уже зде, пленяя землю твою (то я уже здесь и покорю землю твою)».

Прочел Александр грамоту. «И поиде на них в ярости мужества своего».

Ни дня нельзя было терять. Не послал Александр за помощью к отцу во Владимир, со своей дружиной храброй и с малым полком новгородским, какой успел собрать, — «в мале вой (воинов) своих» — отправился он на конях, а пешие ратники поплыли на ладьях вниз по Волхову, до Ладожского озера, повернули вниз по Неве.

В те же дни шведские корабли медленно двигались вверх по Неве вдоль ее левого, поросшего лесом берега, мимо островов и проток. День стоял жаркий. Ярл Биргер увидел открытую лужайку выше устья реки Ижоры и приказал пристать. Его воины забросили якоря или привязали суда к ближним деревьям, перекинули сходни, высадились, одни побежали купаться, другие принялись разводить костры, ставить палатки, посреди лагеря водрузили златоверхий шатер своего военачальника. А часовых выставлять не стали. Ни у кого и в мыслях не было, что русское войско близко.

Скорее всего, прежде чем нападать на шведов, Александр решил сам все разведать на месте: медвежьими тропами повел его старейшина Пелгусий. К самому вражьему стану подползли они вдвоем. Все высмотрел Александр, сосчитал корабли, убедился, что неприятельских воинов в лагере много. Но сердце его не дрогнуло, понял он, раз войска у него мало, — значит, судьбу битвы решит только внезапность нападения. Прикинул он, откуда, с какой стороны нападать, и также скрытно вернулся к своему войску.

15 июля 1240 года произошла прославленная Невская битва.

Александр разделил войско на две части. Один отряд — конный и пеший — скрытно выбрался из леса к берегу Невы и обрушился на шведов с востока. Чтобы отрезать лагерь от кораблей, русские опрокидывали сходни, перерезывали канаты.

Тут конница Александра вырвалась из леса прямо на лагерь врагов. Шведы вскочили, забегали, начался переполох, кто-то хватался за оружие, спешно надевали шлемы и латы.

Александр направил коня к шатру Биргера. Издали он увидел скакавшего к нему шведского военачальника, схватился с ним и ранил его копьем в щеку: «Въложи печать на лице (оставил след на лице) острым своим копием».

В повести рассказано о шестерых отличившихся в битве храбрецах.

Невская битва
15 июля 1240 года.
Фрагмент старин-
ной иконы.

Новгородец Гаврила Олексич¹ по сходням ворвался на коне на корабль. Смелчака сбросили в воду, он выплыл и «наеха, и бися с самим воеводою среди полку их».

Новгородец Збыслав Якунович «бьяшася едином топором не имея страха в души». Он влетел на коне в самую сечу и пошел крушить неприятельские головы; следом за ним разил мечом княжеский ловчий Яков, родом половчанин. Еще один новгородец — Миша — незаметно пробрался с несколькими удальцами вброд к вражеским кораблям, смелчаки сумели пробить днища у трех кораблей и потопить их. Младший дружинник Александра — Сава² — проник в самый златоверхий шатер Биргера, подсек под ним серединный шест, «подсече столп шатерный», и уронил его. Доблестный княжеский слуга Ратмир сражался пеший, на него напало несколько вражеских воинов, и он погиб в неравном бою. А всего русичи потеряли не более двадцати ратников.

Шведов было убито множество. Уцелевшие успели вскочить на корабли и отплыть, спасли и раненого Биргера. «Останок же их побеже посрамлена», — торжествуя, закончил сочинитель повести.

За победу на Неве потомки дали двадцатилетнему Александру прозвание — Невский.

Казалось бы, битва где-то на дальней окраине не могла ничего особого значить для всей Руси. Нет, значила, много значила! В летописях не говорится, но надо думать — весть о победе над шведами разнеслась по всей Руси. И униженные, поверженные полчищами Бату-хана люди вздохнули с надеждой. Есть войско русское, какое

¹ Гаврила Олексич — предок А. С. Пушкина и одновременно фельдмаршала М. И. Кутузова.

² Очевидно, Сава.

Невская битва

не разучилось побеждать! Есть князь — умелый и отважный военачальник!..

Невская битва принесла Александру славу среди простых, черных людей новгородских. Но бояре новгородские опасались, что он, поддержанный черными людьми, возьмет власть в их городе. Отложили они раздоры меж собой и по возвращении Александра собрались на вече. Александру донесли, что против него затеяна крамола. Он отправился было на вече, но, услышав поносные слова бояр, не стал дожидаться, что они решат, а тут же со своей верной дружиной и семьей выехал из Новгорода.

Записал летописец такие строки: «Того же лета размолвиша новгородци с Александром Ярославовичем, и бысть крамола велия в Новеграде, и отъиде Александр ко отцу своему с матерью своею и со княгинею и со всем двором своим».

4 лександр отправился в Переславль-Залесский (северный) и стал там жить в родном тереме. Предаваясь любимому своему занятию — охоте, он зорко следил, как идут дела в Новгороде.

Его тайные лазутчики посылали ему вести. Он знал, что росла в Новгороде тревога. Шведы после своего поражения попритихли, но с западной стороны явились новые и как бы не более грозные враги...

Еще в самом начале XIII столетия корабли немецких рыцарей-меченосцев вошли в Западную Двину. Завоеватели высадились на ее берегу и основали город Ригу.

Отец Александра, Ярослав Всеволодович, когда-то ходил на тех немцев и успешно отразил их нападение на Псков и на Новгород.

В 1237 году, после неудач в борьбе с соседними литовскими племенами, Ливонский рыцарский орден меченосцев объединился с находившимся в соседней Пруссии орденом Тевтонским. Усилившись численно, рыцари за несколько лет захватили земли к востоку от Балтийского моря и продвинулись к самым рубежам русским, угрожая Пскову.

О том, как они насаждали католическую веру, немецкий летописец — монах Генрих — так записал в Ливонской хронике:

«Орденские братья распределили свое войско по всем дорогам, областям и деревням, и стали сжигать и опустошать все на своем пути. Всех мужчин убивали, женщин и детей уводили с собой. Угоняли также весь скот и коней».

Утвердившись в Ливонии, немецкие рыцари внезапно вторглись в пределы псковские и захватили крепость Изборск.

«Никто не был оставлен в Изборске в покое. Убивали или забирали в плен всех, кто осмеливался защищаться» — так хвалился победой тот же монах Генрих.

В конце 1240 года рыцари подступили ко Пскову. Псковские купцы издавна торговали с западными странами. Торговый путь их шел вверх по реке Великой, далее волоком, затем по Западной Двине к Балтийскому морю. Были среди псковских бояр такие, кто советовал миром столкнуться с немцами.

В былые годы не одну осаду выдерживали могучие каменные стены и башни псковские, а на этот раз посадник Твердило Иванович оказался предателем. Он повелел отворить ворота и впустить в город врагов. Из Пскова немцы двинулись на новгородские земли, их летучие отряды не добрались до Новгорода всего лишь на сорок верст.

Тревога охватила Новгород в тот беспокойный час. Вспомнили новгородцы доблестного Александра. Собралось вече, и черные люди заставили бояр позвать князем того, кого они хорошо знали,

Псковский Кремль—современный вид, впереди Плоская башня, за нею башня Кутекрома—1400 годы, за стеною Троицкий собор 1699 года.

кому доверяли, кто столько славы принес Господину Великому Новгороду и самому себе.

Отправилось посольство в Переславль-Залесский, но Александр возвратиться в Новгород не пожелал. Вместо старшего сына великий князь Ярослав Всеволодович послал второго сына — Андрея. А вече его принять отказалось.

Отправилось к Александру новое посольство во главе с самим архиепископом Спиридонием. Ехал он поспешно, не как подобает владыке, в тот же день, когда прибыл в Переславль, начал переговоры с Александром. Он молил его забыть прежние обиды и вернуться в Новгород.

На этот раз Александр согласие дал, но с условием, чтобы бояре не вмешивались в его распоряжения. Сборы были недолги, и с малой дружиной он прибыл в Новгород.

Простые люди новгородские встретили его с ликованием. Они видели в нем не только надежду на новые победы, но и защитника от боярского беззакония. Говорит летописец: «Прииде князь великий Олександр Ярославович в Новгород... И бысть радость велия в Новгороде... бе бо милостив паче (свыше) меры...»

Собрались полки новгородские под начало Александра. Он повел свою рать в поход и внезапным ударом отобрал у рыцарей крепость Копорье. К концу 1241 года враги были изгнаны со всей земли Новгородской. Далее идти Александр не решился. Войска у него было мало.

Он вернулся в Переславль и стал собирать по всей земле Владимиро-Суздальской ратников. Везде выходили ему навстречу люди, они видели в нем надежду на лучшее будущее.

Александр привел большое войско в Новгород, присоединились к нему новгородские полки, в том числе и полк архиепископа.

В начале 1242 года русская рать двинулась на землю племени чудь, подвластного немецким рыцарям. Но то была военная хитрость. По пути Александр свернул на юг и внезапным ударом овладел Псковом. Семьдесят рыцарей и множество простых вражеских ратников полегло, шестеро рыцарей взято в плен. Шестерых псковских бояр-изменников Александр приказал повесить, но первый предатель — посадник Твердило Иванкович — успел укрыться у врагов.

Далее на запад двинулся Александр, перешел по льду Чудское озеро, вторгся в пределы ливонской земли. Он выслал вперед небольшой отряд псковичей во главе с воеводой Домашем. Псковичи наткнулись на главные силы рыцарей. Завязался бой. Но силы были слишком неравны. Сам Домаш погиб, остатки его отряда отступили...

Решительная битва между русичами и рыцарями была неминуема...

— Где сразиться? — спрашивал Александр своих воевод.

К русскому войску прибыло подкрепление. Великий князь Ярослав Всеволодович послал полк под началом сына Андрея, младшего брата Александра.

Не дождавшись подхода врагов, Александр повелел отступить на лед Чудского озера, «воспятися на озеро».

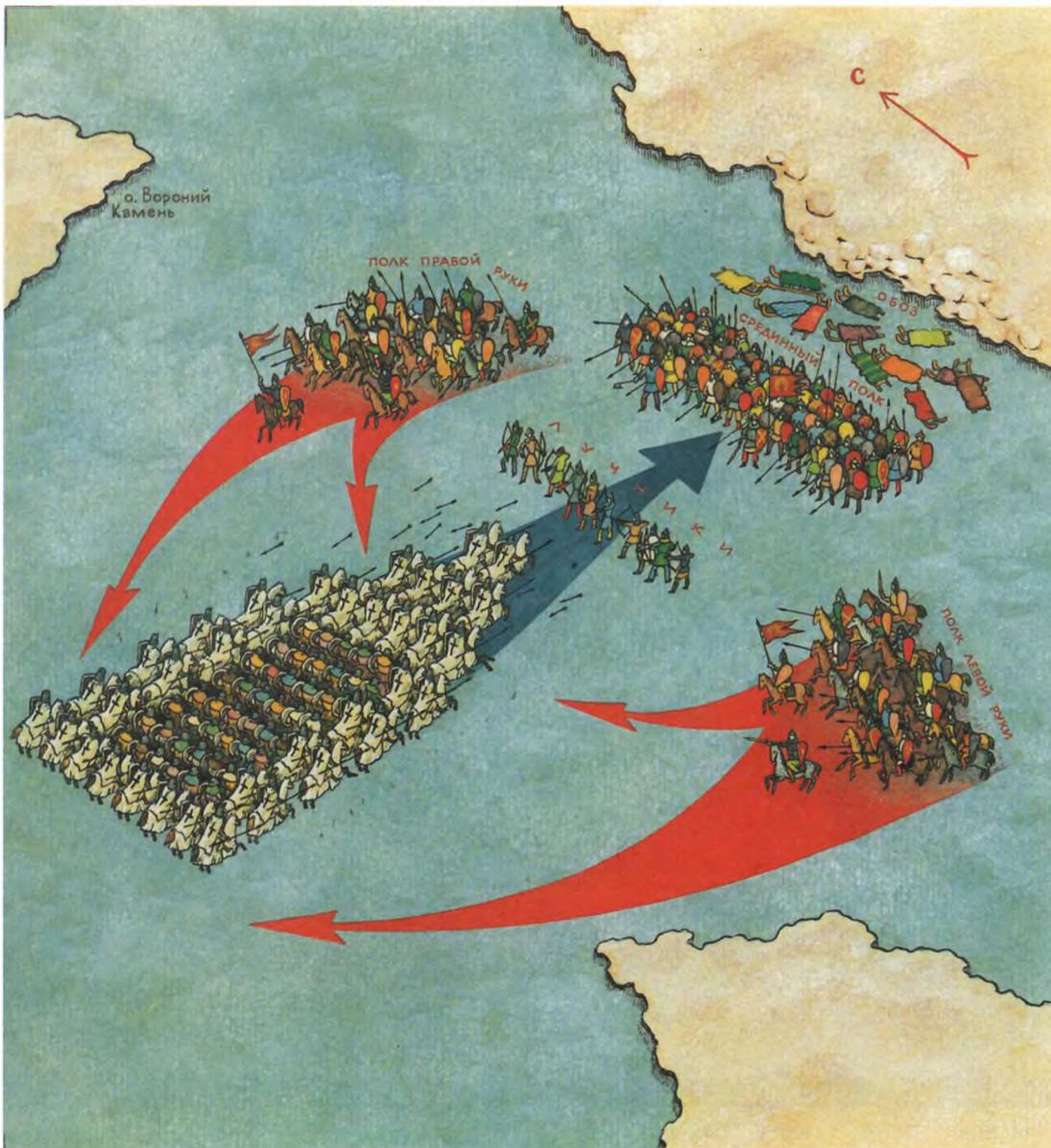
Ранним утром 5 апреля 1242 года началась битва «на Чюдском озере, на Узмени, у Воронея Камени».

Русские воины «исполнишася духом ратным, бяху бо сердца их акы сердца львом» (как сердца львов).

Ударить острием клина в середину войска противника, рассечь его пополам, вызвать замешательство, преследовать и добивать отступающих — так сражались рыцари (свиньей, как насмешливо говорили русские) и таким натиском привыкли побеждать. В первые минуты битвы они прорвали боевые ряды русских пеших воинов. «Было видно, как знамена братьев (рыцарей) проникли в ряды русской пехоты», — писал монах Генрих. Далее произошло то, чего рыцари никак не ожидали. Выбирая место битвы, Александр предусмотрел, что конные, тяжело вооруженные вражеские всадники неминуемо останутся перед берегом Узмени (узкого места озера) с навешанными под берегом рыхлыми сугробами снега.

Так оно и случилось. Рыцари остановились. Немецкие кони начали спотыкаться, вставать на дыбы. Строй смешался. Тут справа и слева набросились на рыцарей пешие и конные русские ратники.

«И бысть ту сеча зла и велика немцам и чюди, и труск (треск) от копей ломления и звук страшен от мечного сечения, якоже и езеру померзьшю двинутися (казалось, что двинулось замерзшее озеро). И не бе видети леду, покры бо ся кровию».

«Немецкая свинья»
ринулась в бой по
льду Чудского озе-
ра.

Так выразительно и ярко рассказывалось в повести о битве.

В первый час боя Александр находился на холме, над Вороньим Камнем и оттуда руководил сражением, но он не выдержал, бросился во главе конных полков в самую сечу, начал мечом крушить врагов направо и налево. Рыцари сражались упорно, однако конница и пехота русичей теснили их в сторону, туда, где лед был тоньше.

Под тяжело вооруженными рыцарями лед не выдерживал, трескался, ломался, рыцари и их кони тонули.

«Немци ту падоша, а чюдь даша плеща» (обратилась в бегство),— со злорадством отмечает сочинитель повести.

Чудь—чудские пехотинцы—вряд ли с охотой сражались на стороне немецких рыцарей.

«И секахуть гоняше, акы по аеру (воздуху), ...и биша их на 7 врьстах по леду...»

Ледовое побоище 5 апреля 1242 года, миниатюра из летописи. Наверху слева: Борис и Глеб и другие святые помогают князю Александру Невскому, справа: святые князь Владимир и княгиня Ольга молятся за дарование ему победы, ниже — сама битва, на горе опять же Борис и Глеб на конях, в середине — всадник, это сам Александр Невский, внизу — немецкие рыцари тонут в Чудском озере.

Но далее по суше, по ливонской земле Александр не стал преследовать побежденных, а возвратился во Псков.

«И возвратился князь Александр с победою славною, и бяше множество полоненых в полку его, и ведяхут босы подле коний, иже имеют себя божи и ритори» (и вели босыми подле коней тех, кто называл себя «Божьими рыцарями»).

Восторженно встречали Александра простые люди Пскова и Новгорода, а бояре не высказывали вслух своих опасений.

Победа Александра была полной. На много лет рыцари забыли и думать о нападениях на Русь.

Всего двадцать два года было Александру, а он уже успел прославиться и как многоопытный полководец, и как храбрый витязь.

«И нача слыти имя его по всем странам, и до моря Хонужьского (Каспийского), и до гор Араратьских, и об ону страну моря Варяжского (Балтийского), и до великого Риму».

Так молва о его второй славной победе пошла по всей Руси, униженной владычеством Бату-хана. Узнал о ней и сам римский папа — верховный глава католической церкви, кому духовно подчинялась вся Европа. В великом гневе он направил послание своим верным рыцарям, благословлял их продолжать борьбу с теми, кто не склонял перед ним голову. Увидели русские люди — разгорелось пламя надежды. И те, кто успел припрятать оружие, доставали его, осматривали, очищали от ржавчины, да точили, и стрелы в колчанах пересчитывали. Придет время — пригодится...

На западных границах Руси появились новые враги — литва. Теснимые немецкими рыцарями, они в свою очередь сами начали нападать на земли полоцкие и торопецкие, но нападали малыми силами, и русичи легко отражали их летучие набеги.

Литовскому князю Миндовгу удалось объединить отдельные племена, и в 1245 году впервые двинулось на Русь сильное литовское войско.

Взяв город Торопец, враги оставили там часть своих полков грабить и брать в плен жителей, а другие их полки отправились к Торжку.

«В то же время умножися языка литовьского и начаша пакостити волости Александрове».

Узнав о нападении Миндовга, Александр тотчас же выступил на встречу литовцам со своей дружиной и с новгородским полком. Он действовал как всегда — стремительно и неожиданно, напал на врагов, засевших в Торопце, разбил их наголову, взял город, отобрал пленных и всю добычу, а затем погнался за отступавшими и возле озера Жижца уничтожил их. Далее он отправился к Торжку и, нагнав врагов, разбил и второе их войско.

Так Александр стяжал себе славу в борьбе с третьим врагом — литовским князем Миндовгом.

Но основными врагами для Руси оставались те, кого летописцы называли татарами. Александр это хорошо понимал, однако отношения с ними пошли совсем иными путями.

5

тец Александра, Ярослав Всеволодович, волею Бату-хана поставленный великим князем владими́ро-суздальским, затаив горечь унижения, покорно выполнял все требования хана, и в первую очередь помогал взыскивать с населения дань, какую летописец называет «выход».

Понимал Ярослав, что татары — сила грозная, сознавал, что Руси, обескровленной, ослабленной нашествием Бату-хана, бороться с ними будет не вмоготу.

Ладить надобно с татарами.

Долго ли придется унижаться? Ярослав не знал. Дальновидный Александр надеялся, что придет время — и забрезжит на Руси звезда утренняя, а пока придется ждать.

И народ русский надеялся и ждал. Без надежды невозможно было бы и жить...

Подчинив своей воле Русь, Бату-хан основал в низовьях Волги город Сарай-Бату и оттуда правил всеми покоренными им народами. Позднее его царство стало именоваться Золотой Ордой.

Выше Бату-хана, выше других ханов — сыновей и внуков Чингисхана — стоял верховный глава всех подвластных татаро-монголам земель сын Чингисхана Угедей.

Вынужден был Ярослав собираться в дорогу, ехать на край света, за тридевять земель получать от Угедея «ярлык» — особую серебряную пластинку с выбитой на ней надписью — знак того, что волею хана он пожалован великим князем владимирским, старшим для всей Северо-Восточной Руси.

Не хотелось Ярославу отправляться в Монголию, куда и предприимчивые новгородские купцы не хаживали, да нужда заставила! Чуть ли не целый год длилось его путешествие. С малой свитой поплыл он сперва по Волге и Каме, потом перевалил через Каменный Пояс, каким путем он дальше ехал — неизвестно, но, наконец, добрался в 1246 году до озера Байкал и через пустыню Каракорум прибыл на реку Онон, где был стан верховного владыки монголов. К тому времени умершего Угедея сменил его сын Гуюк.

Плано Карпини, видевший там Ярослава, упоминает в своих записках, как мало чести оказывали ему вельможи монгольские, сидел он на пирах ниже многих из них и все ждал, когда хан вручит ему ярлык.

Мать Гуюка, ханша Туракия, однажды позвала его в свой шатер и в знак якобы особой милости дала ему из своих рук серебряную чашу с питьем. А через неделю он скончался. Молва по Руси пошла, что был он отравлен. Не потому ли отравлен, что покровительствовал ему повелитель Золотой Орды Бату-хан? А Туракия и Гуюк с беспокойством наблюдали, как Золотая Орда с каждым годом набиралась сил. Они ненавидели Бату-хана, боялись его и хотели ему досадить.

После смерти Ярослава преемником ему стал его брат Святослав — князь Юрьев-Польской. Сел он по праву, идущему издревле: брат наследует брату, но сел без ханского ярлыка.

Тем временем Бату-хан вызвал Александра получать ярлык. Поехал князь в Золотую Орду, повез многие подарки.

С того времени начались поездки князей за ярлыками на великое княжение над всей Северо-Восточной Русью. Но народу надо было показать, что власть князь получал не от хана, а от бога. Поэтому

после получения ярлыка князь должен был ехать в древнюю столицу Руси — город Владимир. И там, в Успенском соборе, духовный глава православной церкви — митрополит всея Руси «венчал» его на великое княжение.

Завязались отношения между ханами и князьями, между могущественными повелителями и им подвластными данниками. В летописях о ханах говорится хоть и с затаенной ненавистью, но одновременно с почтением, их называют «царями», их родичей — «царевичами».

В повести об Александре говорится: «И бысть грозен приезд его, и промчеша весть его и до устья Волгы». О чем думал, что переживал прославленный победитель шведов, немцев и литовцев, когда пришлось ему преклонить колени перед ханом Золотой Орды? Унижаясь перед победителем, он спасал жизнь многим и многим своим соотечественникам.

Бату-хан говорил про Александра: «Истину ми поведаша, яко несть подобна сему князя во отечествии его. И отпусти его с честью» (то есть дал ему ярлык на великое княжение).

Хан Гуюк не посчитался с решением своего двоюродного брата Бату-хана, а повелел Александру вместе с братом Андреем ехать в далекую Монголию к нему на поклон и получить ярлык от него, от верховного владыки.

В 1248 году отправились они в дальний путь. А трое их младших братьев остались в тех уделах, каких завещал им отец: Ярослав — в Твери, Василий — в Костроме, Михаил — в Москве.

Получил Михаил от народа меткое прозвище — Хоробрит. И означало это, что не истинно он храбр, а только храбрится, хочет показать себя удалцом. Он воспользовался отъездом старших братьев, набрал дружинников и внезапно напал на город Владимир.

— Ступай обратно в свой Юрьев-Польской, — сказал он престарелому дяде Святославу и сам сел на великокняжеский стол.

В народе только головами покачивали да приговаривали:

— Ишь, московский князек какой оказался приткий!

Ярослав и Василий упреждали Михаила:

— Берегись, воротятся братья от татарского царя с ярлыками и мигом сгонят тебя, угостят твоих молодцов батогами.

Михаил Хоробрит понимал, что только подвигами и славой сможет он закрепиться во Владимире. А где добыть славу?

И повел он своих дружинников в дальний поход на запад. Прошли они сквозь княжество Смоленское, добрались до самой Литвы. И пропали безвестно. Не пишут летописцы, где и как сложили они свои буйные головушки.

Такова была судьба первого московского князя, — впрочем, княжил он в Москве всего полтора года, и как-то не принято отдавать ему высокую честь первенства.

С тех пор в Москве, как и прежде было, вновь власть и суд начали вершить великокняжеские наместники...

Тогда в Монголии перед ханским престолом была между братьями Александром и Андреем, как говорит летописец, «пря» (спор) — кому из них быть великим князем. Гуюк-хан, зная, что Бату-хан покровительствует Александру, отдал Владимирское княжество Андрею, а Александру — Киев, на севере ему достался лишь родной Переяславль-Залесский.

Но Александр княжить в разрушенный Киев не поехал, а в 1249 году отправился в Новгород. Приняли его новгородцы «с радостию велией».

Андрей Ярославич был отважным воином, но не хватало ему дальновидности и ума старшего брата, он не хотел оставаться под ордынским ярмом, но не сознавал, что еще не пришло время поднимать меч на столь сильных врагов. Начал он готовить восстание, но осторожный Александр не поддержал брата. Андрею удалось собрать войско, за ним пошли посадские и крестьяне суздальские, те, кто был помоложе да побойчее и кому неведомо стало сносить ненавистное иго. А люди пожилые, рассудительные остались дома. Они говорили:

— Погодите, куда нам нынче против такой силы идти, ждет нас новое разорение.

Бату-хан послал против восставших царевича Неврюя с войском, полки Андрея были разбиты под Переяславлем-Залесским, а сам он бежал в Новгород, но новгородцы его не приняли, пришлось ему бежать в Швецию.

Тем временем, в 1255 году, умер Бату-хан. Стал ханом Золотой Орды его сын Сартак, который тоже благоволил Александру. Но через год брат Бату-хана Берке отравил Сартака и сам стал ханом Золотой Орды.

Опять пришлось ехать Александру в Золотую Орду за ярлыком, везти многие подарки новому хану, его женам и вельможам и опять выносить унижения ради народа русского и ради своей головы.

По сведениям восточным, Александр своим благородным видом, своей обходительностью и светлым умом пришелся по душе и новому хану. Получил Александр ярлык на великое княжение, а также вымолил у хана прощение своему брату Андрею. Тот вернулся из Швеции, и Александр отдал ему на княжение город Суздаль...

Много царств завоевали Чингисхан, его сыновья и внуки. Требовалось в покоренных странах навести хоть какой-то порядок.

Везде в подвластных чингизидам землях в 1257 году началась перепись, чтобы знать, сколько народу живет в каждой стране, в каждом городе, в каждом селении, чтобы посчитать, сколько дани следует брать с этих стран.

Стали ездить по Руси татарские «численники», переписывали всех людей, только духовных лиц в переписные листы не вводили. Ска-

зано в летописи: «Тое же зимы бысть число, и изочтоша всю землю Руськую, только не чтоше, кто служил церкви».

Таков был хитрый и дальновидный завет Чингисхана по всем завоеванным им землям. Завещал он своим потомкам — не ущемлять права священнослужителей, тех, кто властвовал над сознанием простого народа. Так духовенство всех вероисповеданий привлекалось на сторону покорителей.

Лишь в дни самого нашествия на Русь гибли служители церкви вместе со всеми защитниками. А в последующие годы они не испытывали особой нужды, жили обеспеченнее посадских и крестьян.

Христианская религия всегда призывала к покорности светским властям. За редкими исключениями священнослужители не участвовали в народных восстаниях тех лет, наоборот, в своих проповедях они говорили о терпении и смирении. И ханы пользовались этой покорностью. Не оттого ли перепись на Владимиро-Суздальской земле прошла спокойно, хотя и под защитой Александровых дружинников.

Ездили по городам и селениям ханские чиновники — баскаки — под охраной вооруженных отрядов, проверяли, как живут на Руси, выслеживали, не собираются ли где нарушать порядки, не замышляют ли восстания. Ездили, и также под охраной, сборщики дани, забирали прежде всего мехами. Боярам да купцам легко было давать, а посадским и черным, «меншим» людям туго приходилось.

В былине про сборщиков дани и баскаков поется:

У кого денег нет —
У того дитя возьмет.
У кого дитя нет —
У того жену возьмет.
У кого жены нет —
Того самого головой возьмет...

После кровавых, с огнем дней нашествия наступили тягостные годы угнетения, когда приходилось смиренно исполнять волю завоевателей.

Застучит ли кто в ворота — и люди в страхе припадали к двери, пробирались к забору. Кто стучит — друг или враг, какой может отнять у тебя все, что захочет?

Вот какие повинности нес народ кроме ежегодной дани: запрос — дополнительная дань, почесть — тоже дань для какого-либо ханского вельможи, кормы, питание — содержание и кормление сборщиков дани и баскаков, а также других подданных хана; ям, то есть давать всем им для проезда коней и подводы.

Унизительно было склонять голову перед чужеземцами, беспрекословно отдавать потом и трудом нажитое...

Хан Берке повелел провести перепись и в Новгороде. Иные бояре давали совет: откупиться надо серебром и мехами, миром кончить. «А чернь не хотела дати числа». Господин Великий Новгород, не испытывавший ужасов нашествия, воспротивился, говорили простые люди: «Не допустим нечестивых баскаков до святой Софии».

Княжил тогда в Новгороде сын Александра – Василий. Повелел ему отец помочь переписчикам. А Василий его не послушал, встал на сторону простых людей; и не допустили новгородцы переписчиков, начали к брани готовиться.

Разумел Александр, коли пойдут золотоордынцы через землю Владимирскую на Новгород, много зла натворят по пути. Запылают тогда города и села, заплачут жены и дети по убитым. А как вступят ханские кони в пределы новгородские, так еще пуще попусту крови русской прольется.

Помчался Александр в Новгород, начал расправу с ослушниками хана. Сына Василия он сместил, поставил вместо него другого сына – Дмитрия. Посадника тоже сместил и повелел отрезать языки всем тем, кто на вече громче других ратовал за волю новгородскую. Присмireли новгородцы, головы склонили, и он послал гонца к переписчикам сказать, что могут они приезжать спокойно.

Так под надежной охраной Александровых дружинников была проведена перепись. С той поры стали новгородцы платить дань в Золотую Орду, неохотно давали, но платили, с каждого двора собирали. Впоследствии прозвали ту дань «черный бор».

Ханские сборщики не могли успешно вытягивать дань от жителей чуждой и тайно враждебной им Руси. И тогда в Орде догадались ставить особых откупщиков-изменников русских. Собирая дань, они «велику пагубу творили».

Но зачастую неспособность становилось простым людям. В их сердцах, как сказал летописец, запылала «яръость».

В 1262 году почти одновременно поднялись восстания в городах Владимире, Суздале, Ростове, Угличе, Переславле-Залесском, Ярославле, Великом Устюге. То были истинно народные восстания – городских черных людей и крестьян, которым горше всего доставалось от откупщиков. Лиходеев изгоняли, а в иных местах умерщвляли. Так, в городе Ярославле был убит помогавший откупщикам бывший монах Зосима.

За это убийство Берке-хан послал на Ярославль отряд карателей. Жители города, кто мог держать оружие, вышли навстречу, и на горе в неравной битве погибли все до единого. Когда враги ушли, жены и дети убитых собрались их хоронить. Они плакали и горевали – «тужили». С тех пор и до сегодняшнего дня та гора называется Туговой...

Берке-хан подозревал заговор также по другим городам русским и стал готовить на Русь большой поход.

Понял Александр: надо в путь отправляться, «отмолить люди от беды», спасти народ от нового нашествия. Поехал он в Орду в четвертый раз.

По словам летописца, так убедительно было его красноречие, что ему удалось уговорить Берке-хана сменить гнев на милость. Большой карательный поход на Русь был отменен. А скорее всего, помогли щедрые дары, поднесенные хану, его женам и приближенным, хотя летописцы об этих дарах не упоминают.

В столице ханской Сарай-Берке пришлось Александру пробыть несколько месяцев. Он выехал из Орды домой совсем больным. Поплыли ладьи вверх по Волге. Поздняя осень стояла, с ветрами и дождями холодными. Трудно было плыть против течения. Александр торопил гребцов, хотел закончить путь до ледостава. А болезнь все пуще дожимала его, болел он, вернее всего, воспалением легких.

Приплыли путники в Городец на Волге. Вынесли умирающего на берег. Там, в келье Федоровского монастыря, 14 ноября 1263 года он скончался в возрасте всего 43 лет от роду.

Тело его было перевезено в стольный град Владимир и похоронено в соборе Рождественского монастыря.

«Заиде солнце земли Русской» («Зашло солнце земли Русской»), — повторяли люди во всех городах и селах...

Сочинитель повести об Александре писал: «...и весь народ — малыи, велиции... съгнатахуся (столпились), хотяще прикоснуться честнемь одре святого тела его. Бысть же вопль и кричание, и туга, яка же несть была, яко и земли потрястися (и плач, какого никогда не было, даже земля содрогнулась)».

Горе было поистине всенародным.

В то тяжкое и беспокойное время первых лет татаро-монгольского ига народ видел в Александре своего заступника, видел, как много он преуспел для других. Его блистательные победы над шведами, немцами и литовцами вселяли в людей надежду, что настанет день — и самый страшный враг — Золотая Орда — будет побежден. И надежда та теплилась в сердцах простых людей.

Александр не проиграл ни одного сражения. Личной отвагой, умением и воинским искусством побеждал он сильнейших врагов, которые вторгались в пределы Руси.

Были случаи, когда полки Александра выходили на бой с полками другого князя, но каждый раз такие воинские походы кончались миром. Так, его родной брат, князь Ярослав тверской, пришел было со своей дружиной в Новгород и самовольно изгнал княжившего там сына Александра Василия. Александр, сидевший тогда во Владимире, тотчас же повел свое войско на брата. Встали две рати одна против другой, постояли день-другой. Ярослав уступил и вернулся в Тверь.

Для русских людей того времени Александр был славен одновременно и как победоносный полководец, и как мудрый и дальновидный правитель.

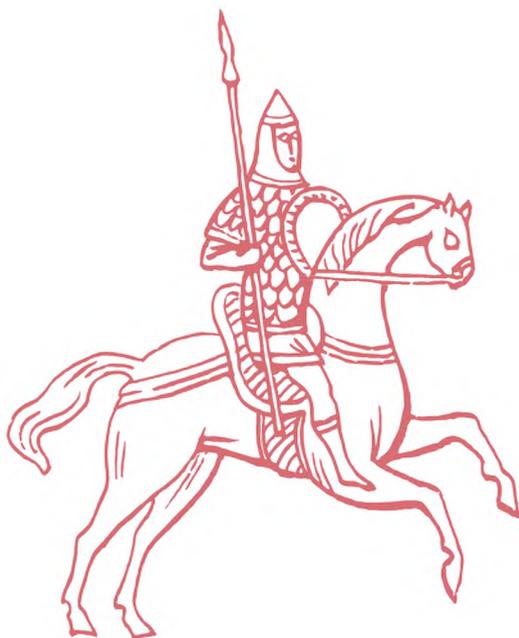
«Ладить надо с татарами»,—многожды раз повторял он слова своего отца князя Ярослава и указал своим преемникам тот единственный, безмерно тяжкий путь, по которому предстояло идти Руси к далекой победе.

Светлое и славное имя Александра всегда вспоминали потомки в трудные времена нашествий вражеских. С именем его на устах русские воины шли в бой.

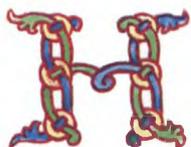
Когда царь Петр начал Северную войну, он издал указ, чтобы все воины знали о подвигах Александра—победителя шведов. Новая столица России Санкт-Петербург строилась близ места Невской битвы. Другим указом Петр ввел орден Александра Невского.

Во время Великой Отечественной войны, в 1942 году, для награждения особо отличившихся генералов и офицеров также был учрежден орден Александра Невского.

Теперь имя великого полководца Древней Руси знает каждый школьник.

Младший в роде

1 Недавние археологические раскопки в Московском Кремле близ Боровицких ворот доказали, что еще в X столетии на холме, на левом берегу Москвы-реки, при впадении в нее речки Неглинной, существовало небольшое славянское поселение.

Место было подходящее — берег высокий и крутой. А с течением времени тут возник перекресток дорог. С запада на восток, из древнего города Смоленска в древние города Ростов и Суздаль мимо был проложен конный и санный путь. А из Киева и из Чернигова сквозь дремучие Брынские леса путники, и прежде всего купцы, добирались через Москву на север, на северо-восток и на северо-запад — на Новгород, на Волгу. И еще мимо Москвы шел путь водный, по Оке, Москве-реке, через Волок-Ламский и далее по реке Ламе на Волгу. Другой водный путь с Москвы-реки заворачивал в речку Яузу, далее волоком в верховья Клязьмы, на земли суздальские.

Когда в XI и XII столетиях, спасаясь от кочевников, переселялись многие русичи с южных пределов на север, иные не шли дальше Москвы и тут оседали. Пустели земли — Киевская, Черниговская, Переяславская, множилась земля, называемая Залесской.

Первым владетельным князем здешних мест — суздальских, ростовских, владимирских, переславль-залесских, ярославских, а также московских — был один из младших сыновей великого князя киевского Владимира Мономаха — Юрий, получивший от народа прозвище Долгорукий.

«Прииди ко мне во град Москов» — такую грамоту-приглашение послал князь Юрий Владимирович в 1147 году черниговскому князю Святославу Ольговичу.

Таково первое упоминание в летописях о Москве.

И тогда там, верно, было достаточно жителей, раз хватило у них еды и питья, чтобы напоить и накормить дружины съехавшихся на переговоры и на пир обоих князей.

Они были женаты на половецких царевнах, и звал Юрий Святослава, чтобы договориться, как им вместе идти в ратный поход, добывать киевский великокняжеский стол — Юрию, а черниговский стол — Святославу, хотя ни тот, ни другой по законам старшинства, установленным их прадедом Ярославом Мудрым, не могли владеть теми столами. Те законы — «Ярославова лествица» — и до них нарушались неоднократно. Вот почему отважились они пойти на недоброе дело; а на подмогу решились позвать половецкие рати своих роди-

Выдающийся русский художник Аполлинарий Михайлович Васнецов (1856—1933) хорошо знал и любил русскую историю. На этой картине он изобразил, как по велению великого князя Юрия Владимировича Долгорукого в 1154 году начали строить Московский Кремль; плотники рубят и складывают в келы толстые дубовые бревна, дальше видны строящаяся башня и стены; перед маленькой деревянной церковкой собрался народ.

чей, чтобы иноземной силой жечь киевские и черниговские города и селения, проливать ради своего властолюбия кровь русскую.

Так от той встречи началась летописная история Москвы. С тех пор Юрий там бывал разве что наездами.

Было связано с Москвой одно страшное предание, в летописи не вошедшее, а рассказанное в повести XVII века «О зачале царствующего великого града Москвы». Будто в дни переговоров Юрия со Святославом жил где-то поблизости некий боярин Степан Кучка; он, видимо, был полусамостоятельным владельцем окрестных земель, двор держал обширный, принадлежали ему селения, луга и пашни по Москве-реке и ее притокам Неглинной и Яузе. Разгневался на него за что-то князь Юрий и приказал его убить.

В летописной записи 1155 года говорится, что повелением князя Юрия было поставлено в его владениях пятнадцать городов с валами, рвами и дубовыми стенами. Летописец их не назвал, но, вероятно, в их числе была и Москва. На холме близ устья Неглинной насыпали вал, прорыли ров и поставили поверх вала дубовый забортын, с воротами, с башнями. Такие крепости назывались городами — от слов «городить», «огораживать».

В том году Юрий Владимирович воевал на юге, в союзе с половцами жег киевские селения и добивался киевского великокняжеского стола. А строительство всех пятнадцати земляных и деревянных городов он поручил своему сыну Андрею, прозванному впоследствии Боголюбским. Юрий и не мог видеть первый Московский Кремль, который по площади был намного меньше нынешнего Кремля.

А. Васнецов. Строительство деревянных стен Московского Кремля. XII век.

Город на мысу, а также соседний Великий посад — часть Красной площади и Зарядье — нижняя сторона Китай-города между улицей Варваркой (ныне ул. Разина) и Москвой-рекой являлись древнейшими поселениями Москвы...

В Новгороде археологические раскопки велись и ведутся на значительно большей площади, нежели в Москве; и вот любопытное сравнение: шиферных пряслиц было найдено в Новгороде чуть ли не в сто раз больше, чем в Москве. Значит, до нашествия Новгород был намного населеннее, богаче и могущественнее малой Москвы.

Ремесленники и прочие посадские тогда сеяли на ближних полях жито, на своих усадьбах держали скот, сажали овощи, разводили сады.

Вдоль Москвы-реки через Великий посад шла улица Великая, мощенная бревнами и широкая. По обеим ее сторонам тянулись водосточные канавы, переулки от нее расходились извилистые, узкие, только что на телеге проехать. Мостов через Москву-реку не было, переправлялись бродами, а через Неглинную были перекинуты легкие мостки, и стояли на ней мельницы, мололи на жерновах муку...

Как и в прочих городах русских, в Москве нередко случались пожары. Выгорала Москва целиком, или пожар охватывал часть ее посадов. И опять она строилась, рубились новые церкви, терема боярские, избышки, копались новые землянки...

Ладьи со всякой кладью плыли по Москве-реке; купцы — гости останавливались, торговали заморскими товарами. Оружие, всякие украшения, сукна меняли на меха.

Так было при Юрии Долгоруком, при его сыновьях Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо, при сыновьях Всеволода Константиныне и Юрии.

Описывая события, происходившие при этих князьях, летописцы изредка называли и Москву, позднее, особенно во время татаро-монгольского нашествия, Москва упоминалась чаще.

Еще во времена Юрия Долгорукого Москвой правил наместник от имени старшего над всеми князьями Северо-Восточной Руси князя владимирского и суздальского. Наместник брал с приезжих купцов пошлину, со всех жителей взимал различные подати.

Когда князьям приходилось ездить в Орду — либо по вызовам хана, либо чтобы закрепить за собой власть в своем уделе, каждый из них неизменно оставлял после себя завещание: ведь он не знал, пощастливится ли ему благополучно вернуться домой, или ни за что ни про что разгневется на него хан и придется ему сложить свою голову на чужой стороне.

Александр Невский, отправляясь в четвертый, и в последний, раз в Орду, завещал Москву своему младшему сыну, младенцу Даниилу, кому исполнилось тогда всего два года.

2 Александр крепко запомнил заветы отца своего — великого князя Ярослава Всеволодовича: пока время не пришло, ладить с татарами, дань-выход им платить вовремя, ездить в Орду за ярлыками, а нападения прочих чужеземцев отражать смело. И этим заветам он до конца жизни неизменно следовал. А братьям своим и сыновьям дал он еще завет: мирно жить меж собой, миром решать споры...

Золотоордынцы требовали одного: давайте дани, сколько положено по переписи, и сверх того, что положено, тоже давайте, без отговорок, без споров. Дань собирали откупщики, поставленные ханами.

Но пространства земли Русской были обширны, а дороги шли все больше по рекам. Откупщики просто не могли всюду добираться и успешно собирать дань. От них легко можно было укрыться в лесах. А бывало, то в одной, то в другой волости поднимался народ с дрекольями, и гибли откупщики и охранявшие их вооруженные отряды.

В Орде поняли: куда будет безопаснее, если сбор дани доверить князьям. Пусть сами трясут купцов, посадских и крестьян по своим уделам и каждый год без опоздания отвозят дань в Золотую Орду.

Хитры были ханы. Давая князьям вместе с ярлыком власть над народом, они углубляли между ними и народом рознь. А князья, получая в Орде ярлык, кланялись хану в ноги, сыновей своих оставляли в заложниках. А коли сменялся хан, ездили за новым ярлыком,

опять кланялись новому властелину, везли дань и дары. А случалось и такое: чем-то князь мог прогневить хана и за тот гнев голову свою отдавал. Так, еще в 1246 году был убит в Орде великий князь черниговский Михаил Всеволодович со своим боярином Федором. В последующие годы также гибли князья.

Ездили князья в Орду, добывали там ярлыки, заискивали перед ханом. А мудрые слова Александра — мирно жить меж собой — позабыли. Боролись они за власть, споры переходили во вражду, вражда переходила в усобицу. И лилась напрасно кровь неповинных крестьян и посадских то в одном княжестве, то в другом, то по нескольким княжествам в единое время.

Вся история Руси, а второй половины XIII века в особенности, наполнена пожарами страшных межкняжеских раздоров.

Издревле почиталось, что над всей Северо-Восточной Русью стоит один великий князь, первый над другими князьями, с престолом в былой столице — городе Владимире. В борьбе за великое княжество Владимирское сперва водили дружины один на другого братья Александра Невского, их сыновья подросли — и они взялись за мечи, шли войной на своих дядей, хватали за горло друг друга.

У князей рождались сыновья, внуки. С годами множилось их число. И борьба между ними за власть кипела все ожесточеннее и злобнее. И дробилась, и слабела земля Русская на руку врагам.

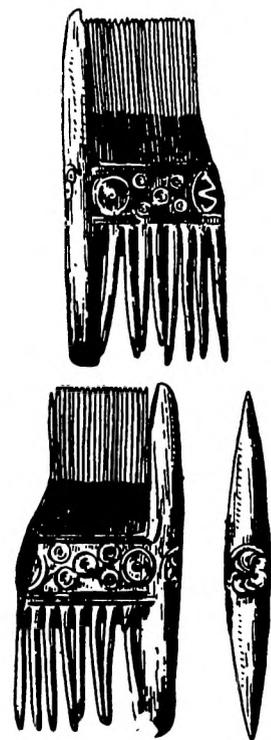
Были годы — Александр Невский скорбел и заботился о всей Руси. А его братья и сыновья думали и заботились только о своей выгоде, власть старались захватить только себе, жаждали завладеть великокняжеским владимирским столом, да еще княжить в своем исконном уделе. Вместо права старшинства встало иное право — сила.

В усобицы зачастую вмешивался Новгород. Новгородцы то помогали одному из князей утвердиться великим князем во Владимире, то в своем городе принимали угодного им князя, то изгоняли его и принимали другого. И в других княжествах — в западных, юго-западных и южных — в Киевском, Черниговском, Новгород-Северском, Галицком, Волынском, Смоленском, Полоцком, в северо-восточных и северных княжествах — Ростовском, Ярославском, Белозерском, Угличском, Стародубском, а также в Рязанском и Муромском — всюду полыхали свои усобицы меж местными князьями, о каких летописцы порой и не писали.

А Орде княжеские раздоры были на руку. Ханы хорошо понимали: раз князья между собой враждуют, — значит, Русь будет слабая. Лишь бы дань-выход покорно и вовремя доставлялась.

А народ? Народ жил под двойным гнетом. Люди страдали и от ордынцев, и от своих князей.

Князья, бояре, купцы склоняли головы перед властью Золотой Орды, служители церкви призывали народ к покорности и своим князьям, и ордынцам.

Деревянные гребни с украшениями.

Если приходили годы неурожайные, голодный, обнищавший народ от великой нужды поднимал топоры и на ордынцев, и на своих бояр... И такие восстания по разным княжествам происходили, несомненно, чаще, нежели о том рассказывают летописцы...

В столицу Орды Сарай понаехало жить много русских. Купцы своей охотой прибывали, ремесленников заставляли переселяться. Вроде бы налаживалась торговля. Но то не были мирные отношения между двумя соседними государствами. Одно из них неизменно смотрело на другое, как победитель на побежденного...

Год, а то и два порой проходили спокойно, тихо. Но внезапно отдельный, иногда небольшой отряд ордынцев вторгнулся то в одно порубежное русское княжество, то в другое. И тогда опять в который раз пылали города и села, люди строились, опять горели, опять строились. А иные переселялись на новые места, начинали жизнь заново.

За последнюю четверть XIII века золотоордынцы предпринимали пятнадцать больших походов на Северо-Восточную Русь, семь раз пустошили Рязань, семь раз — Муром, три раза — Суздаль...

В каждом таком набеге участвовало несколько сотен, а иногда и несколько тысяч всадников под водительством охочего поживиться царевича, одного из потомков Чингисхана или знатного мурзы.

У каждого всадника было три коня, на одном он сам скакал, два других скакали в поводу по сторонам. Когда же всадник видел, что конь под ним устал, он на полном ходу перескакивал на правого коня, левый конь вез поклажу — вяленое мясо, другую еду, перекинутые через спину две торбы с овсом, а также веревки, чтобы пленных вязать.

Самым ужасным в этих набегегах был «полон», когда татарские всадники на скакивали внезапно на окраинные русские земли — рязанские, тульские, новгород-северские, брянские; иногда им удавалось «перелазить» через Оку, и налетали они на московские волости. Окруженные деревянными стенами с башнями города они обходили стороной. А селения оставались беззащитными. Иным жителям удавалось скрыться, тех, кто сопротивлялся, убивали, кого ловили — подростков, женщин, девушек, мужчин, — связывали веревками в цепочку, одних с другими, и, нахлестывая бичами, вели в неволю. Тех, кто не мог идти — стариков, детей малых, — убивали на месте.

Случалось, летучие отряды русских воинов настигали врагов и освобождали измученных пленников. И те возвращались на свои обгорелые пепелища, начинали новую жизнь, но до следующего набега.

Когда же врагам удавалось угнать пленников в степи, они приводили их на невольничьи рынки Астрахани, Азова, Крыма и продавали там работорговцам из Средней и Малой Азии, из царств Закавказья. Везде русские рабы ценились особо.

И расходились невольники в разные стороны разлученные — родители с детьми, мужья с женами, братья с сестрами.

В тяжких трудах влачили они свои дни, пока смерть не избавляла их от мук рабства.

3

те годы самой длительной, самой кровавой, самой тяжелой для народа усобицей была борьба за великое княжение Владимирское между сыновьями Александра Невского — старшим Дмитрием переяславским и его братом Андреем, княжившим в Городце на Волге.

После смерти дяди Дмитрий отправился в Орду и там, разумеется, за щедрые дары получил от хана ярлык на великое княжение.

Он был старшим в роде, и на первых порах никто из князей Северо-Восточной Руси не собирался оспаривать его право на ярлык.

У обоих братьев — и у Дмитрия, и у Андрея — были свои бояре и дружинники. Принимая участие в дележе добытого от народа добра, они грудью стояли за своего князя.

Прошло несколько лет. В 1280 году боярин Андрея городецкого — Семен Тонилиевич подучил своего князя тоже поехать в Орду за ярлыком. Летописец сказал про того боярина: «...от него же исшед корень зла».

Андрей сумел в Орде «умздить» хана и также получил ярлык. И — страшное дело — он привел с собой отряд ордынцев, чтобы с их помощью изгнать старшего брата. Летописец отметил незаконность действий Андрея: «Испроси себе княжение великое под братом своим старейшим». Но князья — ростовский, углицкий, ярославский, белозерский — поддержали Андрея.

Дмитрий бежал в Новгород, а новгородцы его не приняли, он переправился во Псков, начал готовиться к борьбе с братом, собрал достаточно сил, двинулся в поход. Андрей бежал в Орду за новым войском, «приведе с собою рать татарскую». Были опустошены города Муром, Владимир, Юрьев-Польской, Суздаль, Переславль-Залесский, Ростов, Тверь, Торжок. Москву беда в тот раз миновала.

Дмитрий, также поддерживаемый татарами, но другими, враждебными золотоордынцам, каких привел на Русь его брат, сумел разбить полки Андрея. Андрей бежал в Орду и в третий раз повел войско разорять и грабить «по городом и селом».

«Дюденева рать» — так надолго осталось в памяти народной то великое разорение, когда в 1293 году татарский военачальник мурза Дюдень, призванный Андреем городецким, провел свой тумен через три княжества, сжег и разрушил много селений и городов.

Дмитрий бежал в Крым, враждовавший с Золотой Ордой. По примеру брата он также было повел на Русь иноземное войско. И только

внезапная, в 1294 году, его смерть помешала новым кровопролитиям. Андрей городецкий утвердился на великокняжеском столе.

В те годы смуты, верно, вспоминали в народе славное имя Александра Невского, его деяния, его заботу о людях, его победы. И содрогались многие, видя, как грызутся друг с другом его сыновья. Иные, может быть, дивились:

— Ведь братья родные — вместе росли, за одним столом сидели, рядом спали, а теперь точно волк со псом...

4 ем временем в княжестве Московском, в самом городе и по соседним селам, сперва вроде бы было потише, никто не сгонял мальчика Даниила с его малого удела. Вырос он, а борьба между его братьями все кипела. В их усобицу он старался не вмешиваться. Куда ему — младшему в роде. А если кто из братьев звал его на подмогу, он посылал небольшое войско тому, кто в то время верх брал.

Дюденева рать, как сокрушительный смерч, прошла через Москву. Враги взяли Москву, разорили и сожгли ее.

И вновь Москва строилась. Купцы с товарами все ездили через Москву, с каждого Даниил приказывал брать пошлину деньгами или товарами, складывал ту пошлину в сундуки.

Москва находилась в самом сердце Руси и была хорошо защищена от иноземных врагов другими русскими землями. На западе лежало княжество Смоленское — защита от литовцев. На юге и юго-востоке первыми подвергались нашествию ордынских ратей княжества Рязанское и Муромское.

Молва шла о Москве, о том, что там вроде бы потише живется, нежели в других местах. Переселялись из Киева, из Чернигова не только крестьяне и горожане, а начали переезжать и бояре с семьями, приводили с собой и свой «двор» — многих слуг и холопов. Так, в самом конце XIII века из Чернигова в Москву переселился знатный боярин Федор Бяконт с женой Марьей и «со всем домом своим».

Всех привечал Даниил, отводил каждому угоды, указывал, где строиться, а бояр особо жаловал, к себе на службу ставил, дарил им земли с селениями.

Хорошела Москва, плотники новые терема поднимали переселенцам-боярам, с резьбой, с коньками на крышах. Переселенцы-посадские вновь налаживали свои ремесла.

Москвичи поправляли прежние дубовые стены Кремля, меняли истлевшие венцы. Коли Кремль с деревянными стенами и башнями выше поднимется, жить под его защитой станет спокойнее.

Не так уж тревожно жилось и в соседнем княжестве Тверском, сидел там князем Михаил Ярославич, сын брата Александра Нев-

Такими мечами русские воины колоти и рубили монголо-татар в Куликовской битве.

Наконечники для копий и шила XIV века.

ского — Ярослава. Тверь стояла на Волге, и купеческие ладьи в город приплывали, бойкая торговля шла там всякими заморскими товарами, а князь с купцов пошлину брал. И народ переселялся в Тверь с юга, с востока и с запада столь же охотно, как и в Москву.

Благодаря посадским, заводившим новые ремесла, благодаря купцам, своим и приезжим, благодаря переселенцам с других мест равно и Москва, и Тверь преуспевали в сравнении с другими княжествами, вырастали численно.

В 1285 году построили в Твери первый на Руси после нашествия Бату-хана белокаменный храм. А в Москве все церкви были деревянные.

В том же 1285 году началось в Твери летописание, пошла летопись, называемая Тверскою. А в Москве летописей не велось.

Михаил Ярославич позвал в Тверь монахов — выходцев из Константинополя и с Ближнего Востока; они переводили и переписывали книги. До нас дошла одна рукопись со многими миниатюрами¹, исполненная по заказу Михаила в 1294 году, а другая подобная рукопись находится в библиотеке Ватикана. Рукописей московских того времени не сохранилось.

Словом, «лампада просвещения» зажглась в Твери ранее, нежели в Москве.

Тверь отстояла от Золотой Орды подальше Москвы и пострадала от нашествия Бату-хана менее Москвы. И не потому ли среди тверских «черных» людей многие думу думали: «Раз мы живем далеко, то, может, нам от ордынской тяжкой дани избавиться?» Но пока терпели, однако ножи за голенищами держали.

¹ К сожалению, нам не известно то, несомненно, меткое и красочное словечко, которым русичи называли маленькие, изящные, нередко цветные картинки, зачастую украшавшие древние рукописи. Поэтому приходится пользоваться иноземным словом «миниатюра».

Щит русского воина XIV века, деревянный, обтянутый кожей, на нем изображен легендарный Геракл верхом на льве.

Этот же щит с обратной стороны. Прикреплены кожаная подушка и ремни для одевания на руку.

Думал, верно, о том и князь Михаил Ярославич тверской, да понимал он: хоть с каждым годом хорошеет и богатеет родной его город, да куда одной Твери с татарами тягаться, когда другие князья, а пуще всех его двоюродный брат великий князь Андрей городецкий, а за ним князья ростовские, рязанские и другие татарам угождают. А сосед — Даниил московский — хоть и смиренно сидит за высокими дубовыми стенами своего Кремля, да в душу ему не влезешь — какую думу он затаил про себя...

А младший в роде Даниил Александрович московский был осторожен, дальновиден, хитер, бережлив и никак не походил на своих воинственных и безрассудных братьев.

Когда брат его великий князь Андрей городецкий отправился воевать вместе с золотоордынцами куда-то на Кавказ, он воспользовался его отсутствием и внезапно напал на своего западного соседа князя Можайского, захватил его в плен и сам стал княжить в Можайске. Такой произвол сошел ему безнаказанно. Решил Даниил повторить: тайно сговорился он с коломенскими боярами, так же внезапно захватил Коломну и взял в плен тамошнего князя. Так все течение Москвы-реки с ее притоками и до самого устья досталось Московскому княжеству.

В то время в недалеком Переславле-Залесском княжил Даниилов племянник Иван, сын покойного старшего брата Дмитрия. Был он сверстник своего дяди Даниила и не имел детей.

Даниил зачастил в Переславль, то на охоту, то просто в гости к Ивану. В летописях говорится, что Иван Даниила «того бо любяше

паче инех» (любил больше других), и еще упоминается, что Иван постоянно болел. Дяде Даниилу удалось уговорить племянника Ивана завещать ему Переславль. В 1302 году Иван умер, и Даниил вступил во владение городом. По словам летописца, переславцы встретили его «с радостью велией». А прочие князья — Андрей Александрович городецкий, Михаил Ярославич тверской и остальные — «негодоваша на него велми». Такого самовольства московского князя его родичи не хотели признавать.

Наверное, на Руси искренне удивлялись: была Москва еще совсем недавно малым городком, не очень-то с ней и считались. А хитрый Даниил сумел захватить три города с волостями.

За сорок лет его правления княжество Московское расширилось вдвое и стало вдвое сильнее. Но князья не решились сами напасть на Москву, а поехали в Золотую Орду жаловаться на проворного Даниила.

Казалось, новая усобица готова была подняться, но в один и тот же год — 1304-й — умерли великий князь Андрей городецкий и его младший брат Даниил московский. Андрей был бездетен, у Даниила осталось пять сыновей, старшего звали Юрием, второго Иваном.

Какую память о себе оставил Андрей городецкий? Да самую дурную. Знали его как разорителя Русской земли. А вот брат его Даниил московский хоть и действовал порой вероломно, однако при нем были заложены первые камни того здания, какое было построено при его преемниках и какое именовалось государством Московским...

Самым могущественным князем Северо-Восточной Руси считался в начале XIV века Михаил Ярославич тверской. Но рядом с Тверью встало новое княжество — Московское.

И Тверь, и Москва находились в глубине Руси.

Вроде бы спокойно жилось на Тверской земле. Города тверские — Кашин, Калязин, Зубцов, Старица, Коснятин — были надежно укреплены.

Москва и Тверь встали друг против друга. Чье войско многочисленнее? Чьи князья да бояре хитрее, осторожнее, вероломнее, дальновиднее? Тверские или московские? Чья казна богаче?

Тверская или московская?..

А тем временем в Золотой Орде зорко следили, как идут дела на Руси. Иные татарские купцы, приезжавшие с товарами в Москву и в Тверь, передавали в Орду вести: богатеют и крепнут оба княжества. В Орде встревожились и задумали поднять между Тверью и Москвой распрю.

Ну а простые люди в обоих княжествах продолжали трудиться. Одна у всех них была дума — как бы прожить в мире.

Нежданно для народа московского и для народа тверского надувалась беда.

Тверь или Москва?

1 После смерти Андрея Александровича городецкого отправился в Золотую Орду получать ярлык на великое княжение Михаил Ярославич тверской. Поехал и Юрий Даниилович московский, оставив за себя брата Ивана.

Чтобы получить ярлык, приходилось везти в Золотую Орду много подарков.

Какими богатствами славилась тогдашняя Русь, хоть и оскудела она от беспрестанных княжеских усобиц и набегов ордынцев?

Серебро на Руси не добывалось, золото в ничтожном числе, и потому свои деньги не чеканились.

А привозили свои товары купцы иноземные из стран западных и из стран восточных. Они или меняли свои товары на меха, на воск, на пеньку, на разное другое, или платили продавцам серебряными монетами. И княжеские слуги взимали с иноземных купцов немалую пошлину также серебряными монетами¹.

Из тех монет ремесленники-ювелиры плавил и покрывали узорами разную посуду, всякие украшения. А больше всего шло серебра князьям. В их кладовых, в сундуках, семью замками запертых, вместе с другими серебряными изделиями хранились и монеты.

Славилась Русь мехами тех зверей, что в немалом числе в лесах водились. Были меха — куньи, хорьковые, колонковые, беличьи, горностаевые, бобровые, медвежьи. А самым первым считался мех соболь, особо ценился темный, с голубым подшерстком. Когда в дальний путь князья собирались, полные ладьи нагружали собольими связками и мехами других зверей, укрывали их холстами...

Право получить ярлык на великое княжение было на стороне Михаила тверского, и он не сомневался, что хан Тохта вручит ярлык именно ему. Михаил был старшим в роде, его отец Ярослав Ярославич хоть и жил в Твери, а не в стольном граде Владимире, но до самой своей кончины именовался великим князем. А Юрий Даниилович московский никаких прав не имел. Его отец Даниил, как самый младший сын Александра Невского, никогда не мыслил домогаться великокняжеского стола. Прослышали тверичи, что Юрий Даниилович московский собрался ехать в Золотую Орду и, подозревая недоброе, пытались перехватить его по дороге, но он, узнав об опасности, пробрался в Орду кружными путями.

Хан Тохта был хитер и находчив. Оба князя — тверской и московский — явились к нему, и, как выражаются летописцы, «сопростася

¹ Теперь в кладах находят старинные серебряные монеты даже из дальних стран Европы — Англии и Испании, из стран Ближнего Востока, Ирана, Передней Азии.

(заспорили) два князя о великом княжение... поидоша в Орду в споре».

И еще говорят летописцы: «Обычай бо их (ханов) и до сех мест вмещуше (разжигать) вражду межю братие князей руських и себе большая дары взимаху». То есть ханы давали ярлык на великое княжение тому князю, кто больше даст даров. Этим самым вносили они раздоры между князьями.

Юрий московский выложил собольи шкурки, другие меха, серебро, какое привез с собой. А Михаил тверской выложил еще больше богатств, и хан отдал ярлык ему.

Уезжая из Орды, Юрий затаил в душе обиду.

Началась злая усобица между Тверью и Москвой, между обоими князьями-соперниками. Дважды — в 1305 году и в 1308 году — водил Михаил тверской свои полки на Москву, но оба раза возвращался ни с чем, только села и посады московские сжигал. «Не взяв града, ничто же успев, отъиде». Видимо, достаточно крепки и высоки были дубовые стены Московского Кремля, хоть и выстроенные за полтора-два десятилетия до того, но с тех пор неоднократно чиненные и подновлявшиеся.

2 **В**о главе русской православной церкви стоял митрополит, кого «благословлял», то есть назначал, высший иерарх греческой церкви — патриарх константинопольский. А чтобы получить такое благословение, полагалось отправляться в столицу Византийской империи Константинополь; на Руси его называли Царь-град.

Путь в столь далекие края был труден, опасен и продолжался несколько месяцев, сперва на речных судах вниз по Дону, потом на морских судах через Азовское и Черное моря.

Первые годы после нашествия Бату-хана митрополит Кирилл продолжал жить в Киеве. Но от Киева остались одни развалины, и владыка все чаще и чаще наезжал в северную столицу — Владимир. Его преемник Максим еще в 1299 году вообще перенес свою кафедру в этот город.

Подобно Киеву, и Владимир также захирел и обезлюдел. Последним великим князем, имевшим там свой двор, был Александр Невский. Его братья и сыновья, получая от хана ярлык на великое княжение, посылали вместо себя во Владимир наместников, а сами предпочитали жить по своим уделам.

В народе хорошо помнили о былой славе Владимира — стольного города когда-то могучего княжества Владимиро-Суздальского.

Во Владимире высились белокаменные храмы, которые поражали тогдашних людей своей невиданной красотой и величием. Те храмы

Герб города Твери.

были воздвигнуты еще при великих князьях Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо. Показывая на них, старые люди говорили своим внукам:

— Глядите, любуйтесь. Коли могли наши пращуры воздвигать подобное благолепие, значит, была тогда Русь непобедима и ни перед какими супостатами не склонялась...

Главе русской православной церкви жить хоть и в прославленном издревле, но ныне запустелом Владимире, да еще вдали от великого князя, было несподручно. Митрополит пытался мирить соперников, вызывал их во Владимир, сам ездил к ним и неизбежно становился на сторону того или другого князя.

В Твери сидели свои епископы. Тамошний епископ Андрей был человек властный и не терпел вмешательства митрополита в свои церковные тверские дела. С каждым годом отношения между митрополитом и им становились все более напряженными. Михаил тверской всегда брал под защиту своего епископа.

А в Москве епископа не было. Князья московские — Даниил Александрович, а после его смерти Юрий Данилович постоянно приглашали митрополита к себе. Разумеется, каждый приезд владыки сопровождался не только церковными службами, но и обильными пирами и подношениями; уезжал митрополит из Москвы довольный, с богатыми подарками. Так московские князья постепенно привлекали его на свою сторону.

В 1305 году митрополит Максим умер. И сразу загорелся спор между Тверью и Москвой, чей ставленник должен занять его место — Геронтий, близкий епископу тверскому монах, или Петр, родом из Галиции, кому завещал кафедру умирающий Максим.

Сразу два посольства — тверское и московское — отправились в Византию, разумеется, с подношениями. Пошла там борьба между обоими соперниками. Оба они состязались, кто больше поднесет даров патриарху и его приближенным.

Время шло. Только три года спустя патриарх, наконец, назначил митрополитом Петра. Этим назначением остались весьма недовольны тверские правители — князь Михаил Ярославич и епископ Андрей.

Петр, как и его предшественник Максим, жил во Владимире, но постоянно посещал Москву. Непоседливый Юрий Данилович московский то воевал вместе с новгородцами, то в Орду ездил, а за себя в Москве оставлял правителем своего младшего брата Ивана.

Иван не раз принимал с почетом нового митрополита, и тот оказывал ему особое благоволение.

Петр был дальновиден и расчетлив и понимал, что все княжества Северо-Восточной Руси, а также Господин Великий Новгород и его «младший брат», город Псков, — словом, все земли, какие находились в духовном его подчинении, должны быть объединены под сильной властью одного князя. Которого князя?

Сильнейшей тогда была Тверь. Но Петр уже давно враждовал с Тверью. Вот почему его привлекала Москва, вот почему он с каждым годом все больше склонялся на сторону Москвы...

В 1312 году хан Тохта умер. Вместо него повелителем Золотой Орды стал его молодой племянник Узбек.

Пришлось Михаилу Ярославичу тверскому отправиться в Орду за новым ярлыком на великое княжение, и, разумеется, с богатыми подарками. С собой он взял младшего своего сына Константина. Еще Бату-хан ввел хитрый и коварный обычай: когда князья едут в Орду, то должны брать с собой одного из сыновей и там его оставлять как заложника.

Михаил ярлык благополучно получил. Он вернулся в Тверь как будто победителем, но его тревожила судьба сына-мальчика.

Поехал за ярлыком на свое княжество и Юрий московский. Он остался в Орде на время, а для чего — Михаил не знал, но охватила его тревога.

В следующем, 1313 году отправился в Орду договариваться о разных церковных делах митрополит Петр. По словам летописца, «в Орде у царя (хана) бысть в чести велицей и отпущен бысть от царя со мною честию».

Хан Узбек торжественно подтвердил охранную грамоту своего предка Чингисхана о привилегиях духовенства и дал новую, в которой упоминались не только «попы, диаконы, чернецы и черницы, монахи и монахини», но и «ремесленицы, кои или писцы, или каменю здатели (строители-каменщики), или древодельные и учительные людские повестники», то есть учителя.

Как видно из этой грамоты, Петр замыслил строить на Руси новые белокаменные и деревянные храмы и заботился о мастерах — о каменщиках, переписчиках книг, иконописцах. Где строить? Не иначе как в Москве. С этими намерениями он и выехал из Орды.

А Юрий все продолжал там жить. Он сумел тонкой лестью и подарками войти к хану Узбеку в такое доверие, что тот отдал ему в жены свою сестру Кончаку.

Вместе с молодой женой и небольшим ордынским отрядом, а также с ханским послом Кавгадыем Юрий наконец вернулся из Орды в Москву и неожиданно стал собирать войско на Михаила тверского. Близ Твери у села Бортенева произошла битва, закончившаяся полным поражением Юрия. Было убито и несколько ордынцев. Юрий бежал в Новгород, а жена его была взята в плен и отправлена в Тверь. В скором времени она там внезапно скончалась.

Посол Кавгадый вернулся в Орду с доносами. Первый донос был — отравили сестру хана в Твери по велению Михаила. Вторым донос — в недавней битве тверичи посекали ханских воинов. Третий донос — тверской князь дань-выход собирает и берет себе, а в Орду не посылает.

Летописцы называют Кавгадыя «начальником всего зла»...

В Золотой Орде с тревогой видели, как с каждым годом Тверь становится все сильнее, все богаче. Теперь нашелся благовидный предлог, чтобы расправиться с великим князем. И тогда ослабеет Тверь.

Хан Узбек отправил посла к Михаилу с таким повелением:

– Приезжай, месяц сроку тебе даю на сборы, медлить будешь – пошлю рать на твои земли.

Сыновья и бояре Михайловы советовали обождать ехать, пусть остынет ханский гнев. Михаил хорошо понимал, что может грозить ему в Орде. Но он не желал терять власть и решился отправиться в путь.

И еще была причина ехать: в Орде все томился как заложник его самый младший сын – юноша Константин. И Михаил опасался за его жизнь.

Понял он, нет другого выхода – придется ему ехать. А чтобы «умздить» хана и его вельмож, повелел он собирать дань со всех тверичей – с богатых и бедных, вынуждал их отдавать последнее добро.

Поплыли тверские ладьи вниз по Волге с мехами собольими, куньими, бобровыми, медвежьими и всякими другими, да еще сукон немецких, да еще серебра прихватил Михаил немало.

В столице Золотой Орды – Сарай-Берке – тверичи не застали хана. Со всем своим двором он отправился на охоту к Азовскому морю. Пришлось тверичам перегрузить вьюки на коней и верблюдов; поехали они в дальний путь по степи и нагнали хана близ устья Дона.

Хан Узбек подарки принял, а тверского князя видеть не пожелал и велел ему ждать. Полтора месяца Михаил пребывал в неведении, не знал, какая участь ему предстоит. Наконец хан вызвал его к себе на суд.

Главным обвинителем выступал тот же Кавгадый. Михаил не смог оправдаться. С него совлекли княжескую одежду, разлучили его с сыном Константином и слугами, надели на шею деревянную колодку и в таком виде заставили ехать в повозке за ханом, который отправился еще далее – к Кавказским горам.

Следовавшие в ханском обозе тверичи несколько раз предлагали Михаилу бежать, говорили, что стража подкуплена и кони оседланные приготовлены. Но Михаил от побега неизменно отказывался. Он знал: если убежит, неизбежно пойдут золотоордынцы походом на Тверь. И еще он знал, что убьют его сына Константина.

Об участи своего соперника проведал Юрий Даниилович московский. Он помчался на юг и за Терекон нагнал хана. Михаил хоть и томился в колодке и унижении, но был жив, и Юрий его опасался. Вместе с Кавгадыем ему удалось уговорить хана выдать им узника на расправу. По приказу Юрия его слуга по имени Романец выхватил нож и вонзил Михаилу в сердце.

Это было 22 ноября 1318 года.

А несколько месяцев спустя хан Узбек вручил Юрию московскому ярлык на великое княжение Владимирское. Торжествующий Юрий возвратился в Москву, ведя за собой в качестве пленников Михайловых бояр и его сына Константина.

3

Третий сын покойного Михаила Дмитрий, по прозвищу Грозные Очи, княжил теперь в Твери. Он отправился в Золотую Орду и сумел перед ханом Узбеком полностью оправдать своего покойного отца от многих обвинений. Доказать вероломство Юрия и Кавгадыя ему помогли богатые дары.

Хан повелел казнить Кавгадыя и отдал ярлык на великое княжение Дмитрию, а к Юрию направил посла — звать его на объяснение.

Юрий поехал и взял с собой немалую дань.

О его поездке узнали в Твери. По всем путям от Москвы и до Орды, прямым и кружным, по малым речкам и волокам, по сухопутным дорогам и тропам, тверичи расставили заставы, чтобы перехватить Юрия. На речке Ёрдоме, что выше Ярославля слева впадает в Волгу, им удалось подстеречь дружину Юрия. Ночью они напали на его стан. После короткой схватки вся московская казна досталась тверичам, но сам Юрий с несколькими дружинниками ускакал. Зверинными тропами достигли беглецы Новгорода. Новгородцы им помогли, дали ладьи, и они поплыли вниз по Волхову, далее по Ладожскому озеру, потом вверх по Свири в Онежское озеро. Дремучими, непроходимыми лесами сумели они пробраться далеко на восток до притоков Камы, спустились на ладьях по Каме и Волге, наконец прибыли в Орду.

Но Юрий Даниилович никаких даров с собой не привез; крепко надеялся он на милость хана Узбека — своего шурина.

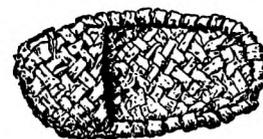
Дмитрий Михайлович тверской как узнал, что его соперник объявился в Орде, так спешно поскакал туда.

Оба князя предстали перед ханом и его вельможами. Было это в 1324 году.

В богато расцвеченном шатре, окруженный вельможами и телохранителями, на шелковых подушках восседал хан Узбек. По словам арабского путешественника Аль-Базли, он «отличался умом, красивой внешностью и осанкой».

Два соперника, два лютых врага встали перед ним.

Загремел гневный голос Дмитрия, грозно засверкали его очи. А Юрий изворачивался, лгал, но он был красноречивее, находчивее, разил острыми стрелами своих доводов. Решался вопрос: который из соперников вернется домой живым, который сложит свою голову?

Древнерусская обувь: поршень, лыковый лапоть, лапоть из кожи и лыка и сапоги XII–XIV веков.

Решалась судьба обоих княжеств: который город поднимется выше — Тверь или Москва? Москва или Тверь?..

Дмитрий Грозные Очи ничего не помнил в тот миг, только видел перед собой соперника за великокняжеский стол, видел убийцу своего отца. В запальчивости он выхватил меч и тут же, на глазах у хана и его свиты, убил Юрия.

Разгневанный хан Узбек приказал взять Дмитрия под стражу. Несколько месяцев решалась судьба узника. Хан колебался — помиловать его или казнить. Ханские вельможи нашептывали своему повелителю:

— Смерть князя московского нам на руку, увидишь, разгорится рознь между Тверью и Москвой.

Не за один месяц, а за два растеклась злая весть об убийстве Юрия по земле Московской и по земле Тверской. В городах и по селам собирались люди и в тревоге спрашивали друг друга:

— Неужто опять беда нагрянет?..

Узнав о том, что произошло в Орде, брат Дмитрия Александр приказал забрать последнюю тверскую казну, наложил на тверичей новую непомерную дань и отправился спасать брата.

Хан Узбек дары принял, но Дмитрия приказал убить, а Александру повелел ждать.

Хан долго советовался со своими приближенными, которому княжеству отдать предпочтение. И Тверь поднималась, и Москва поднималась...

Только в следующем, 1325 году Александр тверской получил ярлык на великое княжение Владимирское.

Тверь тогда победила Москву!

Еще прошел год, и митрополит Петр прибыл к Ивану Даниловичу в Москву. К тому времени остальные сыновья Даниила умерли, и Иван оставался единственным полноправным князем над Москвой и над подвластными ей городами.

Князь и владыка между собой договорились, что Иван построит в Москве первые белокаменные храмы, а Петр совсем переселится из Владимира в Москву. При встрече будто бы он сказал о Москве:

«Град сей славен будет во всех градах русских».

Эти слова, разумеется, выдумка, но в них угадываются пока еще смутные чаяния отдельных, лучших людей московских о будущем возвышении родного города.

Дальновидный Иван Данилович понимал, что перенос митрополичьей кафедры в Москву сулит немалые выгоды. Его родной город становится духовным средоточием всей Северо-Восточной Руси. Глава русской православной церкви будет воздействовать на думы и на сердца простых людей Новгорода, Пскова, Владимира, Смоленска, Твери.

Иван Даниилович предвидел, что будет митрополит всегда держать сторону Москвы в дни переговоров с другими русскими князьями и в дни борьбы против них, и прежде всего против соперницы — Твери.

Но не подобало митрополиту служить в тесном деревянном храме Московского Кремля. Пришлось Ивану Данииловичу расщедриться и объявить о строительстве каменного собора.

Говорится в летописи, что 4 августа 1326 года «заложена бысть первая церковь камена на Москве на площади во имя святыя Богородицы... Успения пресвященным Петром митрополитом и благоверным князем Иваном Данииловичем»¹.

Строили спешно, торопились, причина тому была — занемог владыка. Повелел Иван Даниилович строить в необычное осеннее и зимнее время.

¹ На фундаменте этой первой в Москве каменной церкви стоит нынешний Успенский собор.

4

М еж тем в Твери нарастали грозные события.

Не доверял хан Узбек Александру тверскому, как великому князю, и опасался возрастающей силы Твери. Он знал, что тверичи «со злобой» посылают в Орду ежегодный «выход», и направил своего посла со стражей в Тверь, наказал ему сидеть там и наблюдать, что делает князь, о чем шепчутся бояре, о чем толкуют на торжище простые люди.

Поехал послом родич хана Узбека — Чол-хан. Водворившись в Твери, с первых же дней повел он себя заносчиво и дерзко: поселился в княжеском тереме, Александра и его семью вытеснил из лучших горниц, воины его высокомерно расхаживали по улицам. А как вели они себя — о том дошла историческая песня, которую сложил народ про Щелкана, так было переименовано имя ханского посла.

И в те поры млад Щелкан
Он судьбою насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьбою сидел —
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми надругатися,
Над домами насмехатися...

А в Тверской летописи написано о Чол-хане: «И въздвиже гонение велико на христианы насилством, и граблением, и битием, и поруганием».

Возненавидел простой народ тверской Чол-хана и его воинов лютой ненавистью, а князь Александр и духовенство уговаривали

терпеть. Народ терпел, безмолвствовал, но достаточно было малой искры, чтобы загорелось пламя. Такая ничтожная искра вспыхнула 15 августа 1327 года, когда собралось на главной площади на «торг», то есть на ярмарку, много народу. Иные прибыли с тверских городов и с дальних сел, привезли разные товары.

Соборный дьякон по имени Дюдько повел на Волгу на водопой свою «кобылицу младу и зело тучну». Два ордынца увидели ее и схватили под уздцы. Наверное, дьякон был в одежде простолюдина, ведь он шел не на богослужение, к тому же ордынцы не понимали русского языка, и потому Дюдько не сумел им объяснить, что, как лицо духовное, он пользуется льготами Чингисхана; простолюдин, может, покорился бы, отдал кобылу, а дьякон не отдавал, спорил, наконец закричал: «О мужи тферстии, не выдавайте!»

Со всех сторон начал сбегаться народ. Сперва с любопытством смотрели, потом вмешались: кто-то выхватил нож, кто-то взялся за кол, другой — за топор... Зазвонили в набат...

Говорится в Тверской летописи: «И смятошася людие и удариша в святы колоколы и сташа вечем, и поворотися град весь, и весь народ в том часе събрася, и бысть в них замятня, и кликнуша тферичи и начаша избивати татар...»

Чол-хан со своими телохранителями заперся в княжеском тереме, восставшие подожгли терем, и все, кто там прятался, заживо сгорели.

В летописи сказано: «И побежа (Чол-хан) на сени и зажгоша под ним сени и двор весь князь... и ту сгоре Щолкан с прочими татары».

Бились на тверских улицах весь день, убили или утопили в Волге всех бывших в городе золотоордынцев, а также нескольких иноземных купцов. Спаслись лишь конюхи, какие пасли коней где-то на заливных лугах. Они бежали в Орду и рассказали там о кровавых событиях. Восстание в Твери было истинно народным, внезапным, стихийным и безрассудно смелым. Прорвалась плотина терпения народного, и простые люди тверские, не думая о своей будущей участи, оплачивали врагам за долголетнее насилие и бесчестие...

Узнав о гибели в Твери своего родича и его воинов, хан Узбек рассвирепел. Пятьдесят тысяч войска пошло из Орды на Тверь. По дороге присоединились полки московского и суздальско-нижегородского князей.

Тверь была разгромлена, выжжена до последней землянки. Запылали тверские города — Старица, Кашин, Калязин, Зубцов, Микулин. Множество людей было убито, множество уведено в плен.

Князь Александр Михайлович предвидел, что ханский гнев в первую очередь обрушится на него, хотя ни он, ни епископ тверской, ни бояре не принимали никакого участия в восстании. Он бежал с семьей в Новгород, но новгородцы не впустили его. Он бежал во Псков и там остался. Сел в Твери княжить по воле московского князя младший брат бежавшего Александра Михайловича Константин.

Ярлык на великое княжение владимирское получил от хана Узбека давно с вожделением ждавший этой награды победитель тверичей князь московский Иван Даниилович.

Так тогда Москва взяла верх на Тверью.

Хан Узбек узнал, что Александр тверской засел во Пскове, и вызвал его в Орду. Александр предвидел, какая участь его ожидает, и не поехал. Разгневанный хан повелел Ивану Данииловичу «поймать» непокорного князя любыми способами.

Иван Даниилович не стал направлять на Псков полки, а надумал иную, по тому времени страшнейшую кару. Преемником митрополита Петра был грек Феогност – верный союзник Ивана Данииловича. Он направил псковичам проклятие и отлучение от церкви.

Тогда псковичи «выпроводиша князя Олександра от себя». Он бежал в Литву, а семью оставил во Пскове. Митрополит снял со псковичей «свой гнев». Однако через полтора года Александр Михайлович вернулся во Псков и благополучно жил там десять лет, а потом решил вместе с сыном своим Федором поехать в Орду в надежде получить от хана ярлык на свой исконный удел Тверь.

Хан Узбек принял его милостиво. Александру удалось его «умздить» подарками, и тот позволил ему возвратиться в Тверь. Константин вынужден был уступить тверской стол старшему брату.

Такое решение хана пришлось не по душе Ивану Данииловичу. Для него Александр тверской всегда оставался опасным врагом. Иван Даниилович отправился в Орду и сумел убедить хана, что Александр замыслил на него зло. Хан поверил Ивану Данииловичу и вызвал Александра и его старшего сына Федора на объяснение.

Когда оба они приехали в Орду, хан велел им ждать и вскоре взял их под стражу. Как велось следствие, о чем допрашивали Александра и его сына, что нашептывал хану его почетный гость Иван Даниилович московский – летописи о том молчат. В конце концов в 1339 году хан приказал Александра и Федора убить, тела их были изрублены в куски. «И убиена быста, приимша горькую и нужную (насильственную) смерть».

Теперь Иван Даниилович мог торжествовать. Сильных врагов среди русских князей до поры до времени у Москвы не оставалось. В ослабевшей, истерзанной и теперь уж вовсе неопасной Твери сидел всецело покорный Москве младший брат Александра Константин.

Жители земли Тверской схоронили своих убитых и начали возводить на пожарищах новые жилища. А другие предпочли переселиться подальше и от золотоордынцев, и от князей. Купцы заморские теперь все реже наезжали в Тверь, правили свои лады к Москве.

Наклонил голову народ тверской, попритихли люди. А деды и бабки долго еще со слезами, с затаенным гневом, шепотом повествовали о той великой скорби, какую им пришлось вынести.

„Тншна великая”

1 Хан Узбек полностью доверял великому князю Ивану Данииловичу и требовал одного — беспрекословной ежегодной дани-выхода. А размер этого выхода увеличился чуть ли не вдвое.

Говорили вельможи хану:

— О великий властитель! Коназ московский подобен горному гепарду. Не опасаясь ли ты, что придет день и он сам, или его сын, или его внук выпустят когти?

Пять раз за свою жизнь ездил Иван Даниилович в Золотую Орду договариваться о разных делах, сам отвозил хану выход либо отвозили его сыновья или бояре.

В народе поговаривали о «дружбе великой» между обоими правителями. Но была та дружба не между равными, а между повелителем-ханом и данником — великим князем.

Иван Даниилович не доверял хану Узбеку, хоть и принимал его тот с почетом, подносил столь непривычный русскому человеку кумыс, в бороду улыбался, говорил сладкие речи. Хан и Александра тверского тоже поначалу принимал ласково, а потом...

Вот почему перед каждым своим отъездом в Золотую Орду Иван Даниилович писал «грамоту духовную» — завещание.

Однако каждый раз он возвращался в Москву благополучно, «с великой честью» и с подарками.

Издrevле повелось на Руси, когда князья составляли завещание, они делили свой удел меж сыновьями почти что поровну; доля старшего была разве что немногим более. Так и великий князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо разделил свою Владимиро-Суздальскую землю между сыновьями, а потом повели они полки один на другого.

Теперь праправнук Всеволода поступил совсем по-иному.

Действовал он обдуманно и расчетливо, в своих пространных завещаниях большую часть городов, сел и земель, принадлежавших Москве, неизменно отдавал старшему своему сыну Семену; доля жены, доли младших сыновей — Ивана и Андрея, сложенные вместе, были куда менее одной доли старшего.

Такова была дальновидная и умная политика Ивана Данииловича — не дробить землю Московскую. Пусть младшие князья склоняют голову перед одним, старшим в их роду князем.

В своих завещаниях Иван Даниилович подробно перечислял всякие мелочи — «шолковую и иную рухлядь» (ткани, одежды), все до единого драгоценные каменья. Перед отъездом растолковывал он

сыновьям и жене, в каком ларце что хранится, да где ларцы стоят, да какими печатями они запечатаны, да где находятся от них ключи, и прочая, и прочая.

Вот список только золотых предметов, которые упомянуты в последнем завещании Ивана Даниловича:

золотых цепей — 12,
ценных поясов — 9,
золотых чаш — 6,
золотых чар — 2,
золотое блюдо с жемчугом и камнями — 1,
золотых сосудов — 4,
золотая коробочка — 1,
золотая шапка — 1.

Далее идет длинный список серебряных и иных драгоценных предметов.

Откуда у Ивана Даниловича набралось столько богатства?

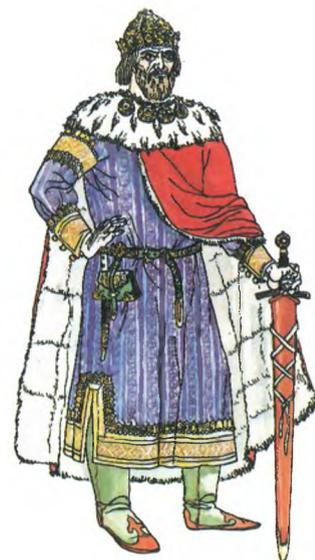
Отец его, будучи младшим сыном Александра Невского, вряд ли сумел накопить многое. Иван Данилович прослыл бережливым, даже скупым. Его прислужники — тиуны брали пошлину с иноземных купцов серебряными, а когда и золотыми монетами; потом московские искусные мастера-златокузнецы переплавляли те монеты в посуду во всякие украшения такой красоты и тонкости, какие в нынешние времена могли бы стать предметами особой гордости наших музеев. Иные драгоценности Иван Данилович получил в подарок от хана Узбека, кое-что он мог захватить при разгроме Твери. А еще вымогал он много добра от своих должников; даже вроде бы недостойными для князя ростовщическими доходами не брезговал.

Многие из этих предметов упоминаются в завещаниях последующих московских великих князей, потом они постепенно исчезают. До наших дней дожила одна драгоценность.

В завещании Ивана Даниловича есть такие строки: «А ис порт (одежд) из моих сыну моему Семену — кожух чернень жемчужный, шапка золотая...»

Таково первое упоминание о знаменитой «шапке Мономаха», которая с тех пор передавалась от одного московского великого князя последующему, от одного царя «всёя Руси» другому и наряду со скипетром и державой служила символом сперва великокняжеской, потом царской власти.

Теперь шапка Мономаха, как величайшая историческая ценность, хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Современные исследователи неопровержимо доказали, что шапка эта восточного происхождения и переделана из богато украшенной тибетейки, подобной более скромным, какие и поныне носят в Средней Азии. Понятно, что тибетейка никак не могла принадлежать жившему еще

Великий князь московский Иван Данилович Калита, когда принимал иноземных послов, одевался в свои самые нарядные одежды: на нем длинная шелковая с золотом ферязь и алая мантия с горностаевой опушкой, на голове вышитая золотом шапка.

в середине XI столетия византийскому императору Константину Мономаху, а после него — его внуку, великому князю киевскому Владимиру Мономаху. Скорее всего, хан Узбек подарил ее своему другу и даннику Ивану Даниловичу, а сметливые русские мастера опушили ее низ собольим мехом и в макушку вставили золотой крест. Время от времени собольих мех заменялся.

2 **Д**олго княжил Иван Данилович. Можно считать, что с 1304 года, со смерти своего отца, вершил он московскими делами. Ведь его старший брат Юрий хоть и звался князем московским, но постоянно обретался где-то в отъезде. Оттого-то летописец и мог написать:

«И бысть оттоле тишина велика на 40 лет, и пересташа погани воевати Руськую землю и закалати христиан, и отдохнуша и почиша христиане от великия истомы и многыя тягости, от насилия татарского, и бысть оттоле тишина велия по всей земли».

Дважды в этих строках летописец упомянул о тишине, то «великой», то «велией». Та тишина касалась лишь земли Московской.

Иван Данилович видел, что часть бояр новгородских не хочет держать руку Москвы, что они склоняются на сторону соседней Литвы, ведут тайные переговоры с литовским великим князем Гедимином; водил Иван Данилович полки на Новгород, потом мирился; было и такое — пустошили москвичи Новгородскую землю.

А на южную Русь и вовсе пришла беда: литовские полки под водительством Гедимина сперва завоевали Галицию и Волынь, а затем, в 1321 году, взяли Киев. Наверное, содрогнулись тогда люди от Днепра до Северной Двины, когда узнали, что мать городов русских, славнейший из славных — Киев пригнул свою некогда гордую голову.

На юг и на запад от Руси встало могущественное государство — Великое княжество Литовское. В Москве предвидели: рано или поздно столкнутся неизбежно обе силы, понимали, что «тишина» — отдохновение временное.

В Москве воспользовались «тишиной»-передышкой. После первого белокаменного Успенского собора начали одну за другой строить церкви на том же Кремлевском холме близ устья Неглинной. Мастера-каменщики, в том числе и пленные тверские, старались «день от дне, переходя от дела в дело». Поднялись белокаменные церкви — все одноглавые — Иоанна Лествичника, «Иже под колоколы» (1329 год)¹, Спаса на Бору (1330), Архангельский собор (1333). Отливали в Москве колокола, и все больших размеров, чтобы звон колокольный был слышен далеко...

Печать Ивана
Калиты.

¹ Это была первая на Руси колокольня; на ее месте ныне стоит колокольня Ивана Великого.

Так были вооружены русские воины, когда сражались с монголо-татарами на реке Воже, на поле Куликовом, — шлем, наплечные бармы из металлических пластин, куртка с рукавами по локоть также из металлических пластин.

В Москве с тревогой наблюдали за усилением Литвы. В 1339 году было решено заново построить «град дубов», намного обширнее малого и сильно обветшалого прежнего города Юрия Долгорукого; строили спешно, в необычную для плотничных работ холодную пору. За пять месяцев поставили новый Кремль. «На ту же зиму замыслиша и заложиха град Москву, а кончаша тое зимы на весну». Стены рубили выше, дубовые бревна отбирали толще и, по примеру Владимирского Кремля, ставили срубы-клетки в два ряда, а между рядами засыпали землю, ворота и башни возводили крепче, ров копали глубже.

Портрет Гедимина. «Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини. 1581 год.

Народные бедствия — пожары и неурожаи — были часты по всей Руси. Горела Москва, горели другие города. Летописцы через каждые несколько лет записывали: «Погоре град, и церкви стореша», неизменно называлось количество церквей.

Стояли церкви деревянные не только в Кремле, а и по другим московским холмам и меж холмами, по всем посадам. На Великом посаде, в Богоявленском монастыре, «за торжищем» построили еще одну белокаменную церковь. А теремов боярских, изб посадских и землянок после каждого пожара все больше строилось. И стремились москвичи — богатые и бедные — украшать свои жилища. Даже на малой избушке шла по коньку нехитрая резьба.

Раз «тишина» стояла и время находилось свободное, отчего же не украсить то, что было близко и дорого каждому человеку, не нарядить свое жилище?

Прослышав о московской «тишине великой», переселялись в Москву бояре из других городов, покидали своих обедневших князей и приезжали с семьями и слугами в Москву. Всех их Иван Данилович привечал «с честью», давал земли, но с уговором: на войну позовут — снаряжайся сам, воинов снаряжай, коней седлай.

И простые люди приходили и приезжали в Москву, особенно много их являлось в неурожайные годы. Были это и беглые крестьяне, и землепашцы, ни от кого не зависевшие. Всех их встречал Иван Данилович «ласково», а слуги его указывали переселенцам пустоши — селись, лес корчуй, землю паши, избу руби...

Неурожаи обрушивались каждые три-четыре года. «Нынче весна была тепла, а лето студено и мокро, и никакое жито не уродилось», или «тогда же засуха велика была, земля и болота горели» — так отмечали летописцы. Особенно тяжело бывало от неурожаев на скудных северных новгородских и псковских землях. Из-за неурожаев по всей Руси разорялись многие крестьянские хозяйства. В такие годы, случалось, поднимались городские и сельские бедняки, расправлялись с боярами, у которых с прежних лет сберегались запасы жита. «Въсташа чернь на бояр», — кратко записывал летописец.

И на земле Московской восстания происходили постоянно. Год за годом все более закабалались «черные» люди, обрабатывавшие

поля, какие принадлежали боярам, монастырям, князьям, самому великому князю. От безысходности, от отчаяния «чернь» шла жечь усадьбы, а случалось, приканчивала своих господ.

3

Торговля в эти годы между Русью и Ордой пошла бойчее, нежели в прежние годы. Плыли из Москвы, из других городов русских по Москве-реке, по Клязьме, по Оке, по Волге широкие купецкие ладьи со всякими товарами, а навстречу им плыли караваны других ладей — золотоордынских, везли товары из восточных стран — разные пряности, драгоценные камни и многое такое, что на Руси считалось редкостью.

Купцы русские и купцы золотоордынские, если благополучно возвращались домой, получали за свою торговлю немалую прибыль...

Не только из Золотой Орды прибывали в Москву купцы, а со многих земель разными путями: по воде и посуху, а по зимам — на санях, из Новгорода и Пскова, из Киева и Волыни, из немецких и балтийских земель, из крымского Сурожа, из Византии. Везли купцы разные товары в Москву и раскладывали в лавках и по прилавкам.

От той торговли с каждым годом росло могущество Москвы, а от пошлины с купцов богател великий князь...

Где находился тогда, в XIV веке, московский торг — неизвестно. То ли в самом Кремле, то ли в Великом посаде, на месте нынешней Красной площади. При археологических раскопках были найдены и гири, и безмены, но эти находки ничего не доказывали, продавцы могли предметы торговли держать у себя дома. Торг несомненно был в богатевшем, растущем численно городе. Церквей во имя Параскевы Пятницы — покровительницы торговли — стояло тогда две: одна — в Кремле, другая — на Великом посаде. Торг должен был находиться возле одной из них. Возле которой? Где они точно стояли? Где копать?

Вот еще немаловажная для истории Москвы тайна, какую предстоит разгадать.

На торгах ежедневно толкся люд: одни продавали, другие покупали. В воскресные дни всегда, в любую погоду, собиралось много народу. И были особые дни, когда вся площадь и ближние переулки оказывались забитыми всяким людом, а по Москве-реке теснились одна к одной ладьи. В такие дни происходил «великий торг», то есть ярмарка.

Ярмарка собиралась ежегодно и продолжалась обычно три дня.

Много тогда народу приходило, приезжало, приплывало в Москву! Вновь после оскудения из-за ордынских набегов поднимались на Руси разные ремесла. Кузнецы, гончары, кожевники, столяры,

Вот они удалцы-озорники скомо-рохи идут подпрыгивая, пляшут в шутовских нарядах по улицам московским. Картина А. М. Васнецова.

плотники, другие ремесленники — московские и из ближних сел — раскладывали изделия своих рук на длинных столах, сколоченных из жердей, или прямо на земле, или в особых, защищенных от дождя лабазах.

Всего того, что продавалось на тогдашнем московском торге, просто невозможно перечислить — так он был богат и разнообразен...

И был он шумным. Продавцы и покупатели переговаривались, торговались между собой долго, после удачной сделки хлопали друг друга по плечам и ладоням и пересмеивались, но, бывало, и спорили, бранились, даже до драки доходило дело.

Изредка длиннобородые бояре степенно вышагивали, приценивались к украшениям для своих жен, встречаясь с другими боярами, кланялись взаимно, на приветствия посадских едва отвечали кивком головы.

На церковной паперти нищие калеки и слепцы пели тихими головами молитвы, протягивали руки за подающим.

Много народу толпилось на ярмарке — и те, кто был побогаче, и холопы, какие пришли не столько покупать, сколько потолкаться. Крестьянки с ближних сел, в белых, до пят длинных, с цветными вышивками холщовых сарафанах, с красивыми кокошниками на головах, приехали с мужьями торговать всем тем, чем богата была тогдашняя деревня. Продавали шерсть, холст, мед, воск, овощи, яблоки, другие фрукты, жито — ржаное и ячменное, крупу, птицу, яйца, молоко. Мужья-крестьяне брали своих жен как советчиц на такое важное дело, как покупка или продажа коня, коровы, овцы.

Расхаживали и женщины-москвички, те, кто был победнее. А боярыням с дочерьми полагалось дома оставаться, там они вели все хозяйство, пряли, ткали, вышивали, ходили только в церковь...

И вдруг бубны зазвенели, громкий хохот раздался. Толпа расступилась. Откуда ни возьмись, явились ряженые — с криками, шуточками, прибаутками. На одном личина была напялена — маска с рогами, другой надел вывернутую наизнанку шубейку на козьем меху, третий вовсе бабой переоделся — в сарафане, в пестром платке, еще один вел ручного медведя.

Да это скоморохи объявились! Их тотчас же окружили, со смехом начали слушать, хлопать в ладоши.

— Свят, свят! Сгинь, сгинь! — То длиннобородый дьякон церкви Параскевы Пятницы, тряся посохом, грозился народному веселью.

Ох, не по нутру были церковным властям скоморохи! Из-за этих озорников православный люд вместо молитв предавался греховным «игрищам бесовским». Сколько негодующих слов произносилось в церковных проповедях, провозглашались запретные указы; скоморохов изгоняли из иных городов.

А все равно неугомонные не унимались, продолжали забавлять простой народ своими шуточками, насмешничали даже над боярами. Только великого князя не задевали, за такое их могли до смерти забить батогами...

4 друг разом все стихло. Скоморохи смолкли, заторопились, скрылись в ближнем переулке, потащили за веревку упирающегося медведя.

И опять толпа расступилась. Вдоль лавок золотоордынских купцов медленно вышагивал невысокий человек в одежде боярина. Свита сопровождала его. Он попросту заговаривал с одним купцом, с другим, приценивался к товарам, в руках нес «калиту» — кожаный мешок с отделениями, украшенный вышивкой, вроде теперешней сумки. Одну такую сумку, правда, более позднего происхождения,

нашли в Москве во время археологических раскопок под подъемным мостом Кутафьей башни.

— Кто сей вельможа? — спрашивали заморские купцы москвичей, указывая на невысокого человека с калитой в руках.

— То не вельможа, а наш великий князь Иван Данилович, — отвечали москвичи.

Те дореволюционные историки, кто пытался приукрашивать деяния московских князей, утверждали, что Иван Данилович потому ходил с калитой по торжищу, что раздавал бедным деньги.

Сомнительно! Все действия этого умного и проницательного князя говорят о его осторожности, бережливости. «Опасливым» прозвали его.

Русский народ всегда любил насмешничать. Москвичи прозвали своего князя Калитой не за щедрость, а, наоборот, за скупость, за расчетливость, за умение приобретать. Он в своих завещаниях все, что сумел накопить, до последнего малого серебряного перстенька не забывал поминать. Молва ходила о его богатствах, припрятанных в сундуках, в кладовых, запертых железными засовами с хитроумными замками.

Но не об одном личном обогащении думал он. Вся его жизнь, все его поступки доказывали, что в равной мере пекся он об усилении земли Московской. Он считал, что для сего великого дела пригодны любые способы — и правые, и вероломные.

Тогда размножились отдельные княжеские роды, особенно в Стародубском княжестве, что лежало к востоку от Владимира. Да и другие уделы дробились; случалось, иные князья владели вовсе двумя-тремя деревеньками. В народе их насмешливо называли «княжатами», говорили: на семь князей один воин.

Иван Калита ссужал деньги под высокие проценты таким обедневшим князьям. Отдавать долги они не всегда могли, и он подчинял их своей власти. Они хоть и оставались в своих уделах, но всецело подчинялись Москве или вовсе переходили на службу Ивану Даниловичу.

И сам он и его бояре разными путями приобретали в других княжествах владения. Так Москва мало-помалу простирала свою власть на соседние земли.

Иван Калита выдал замуж своих дочерей. Одну за ростовского князя, другую за белозерского, третью за ярославского. Зятья постоянно проживали в Москве у «хлебосольного» тестя, а править их уделами он посылал своих наместников. Так исподволь те княжества становились в полную зависимость от Москвы.

От московских наместников-воевод жители тех княжеств терпели притеснения и поднимали восстания. Так, в одном древнем литературном произведении упоминается о возмущении народном, какое вызвали в Ростове насилия новых властей: «...възложиста велику

нужю (нужду) на град, да и на вся живущая в нем, и гонение много умножится...»

«Собирателем земли Русской» называли князя московского. Не на поле брани с внешними врагами, а с подмогой татарской победил Иван Калита Тверь. «Примыслами» и «прикупами» поднял он могущество Москвы. Простые люди — посадские, ремесленники, крестьяне — по всем владениям московским трудились усердно, и их трудами крепло государство Московское. Площадь его с начала столетия увеличилась в несколько раз. Множилось число жителей и в самой Москве, и по всем городам и селениям земли Московской.

Обогащалась Москва благодаря приумножению торговли и ремесел, обогащалась за счет усиления гнета землевладельцев над крестьянами и холопами, а также за счет новых, более тяжелых налогов, какие возложил на своих подданных Иван Калита. Его называют правителем мудрым. При нем были введены новые законы, но так уж выходило, коли судился богач с бедняком, дело выигрывал богач.

А дань-выход Орде тяжким бременем давила всех людей московских и всю Русь. С помощью местных князей Иван Калита взимал ту ежегодную дань со всей Руси, взимал неуклонно, беспощадно, а когда и жестокими мерами. И без опоздания, точно в срок, отвозилась дань в Золотую Орду...

Скончался он 31 марта 1341 года и был погребен в Архангельском соборе Кремля, ставшем с той поры усыпальницей великих князей московских. Почти одновременно с ним умерли могущественный хан Золотой Орды Узбек, а также собиратель литовских и покоритель южных и западнорусских земель великий князь Гедимин.

Свеча вы не угасла

1 Отчас же после смерти Ивана Калиты собрались у гроба умершего три его сына — Семен, Иван и Андрей. Они целовали крест на том, что быть им всегда и во всем в дружбе.

В своем предсмертном завещании предусмотрел отец: раз младшие его сыновья получили намного менее земель, нежели старший — Семен, значит, и спорить им не сметь со старшим братом. А старшему наказал: «Братьев своих младших и княгиню мою с меньшими детьми... ты будешь печальник». Это означало, что Семен должен был обо всех них «печаловаться», то есть заботиться.

Вскоре после кончины отца три брата поплыли на ладьях в Золотую Орду. Вместе с ними отправились их бояре с дружинниками в сопровождении многочисленных слуг. Братья не сомневались, что преемник недавно умершего хана Узбека — его сын Джанибек — вручит новый ярлык на великое княжение старшему из них, Семену, и тем подтвердит посмертное завещание их отца.

Одновременно с князьями московскими отправились и многие другие — Константин Васильевич суздальский, Константин Михайлович тверской, князя рязанский, смоленский и другие помельче.

Суздальский князь ехал с дарами и с тайным намерением самому получить ярлык на великое княжение, а остальные ехали утверждать свои уделы у нового хана, каждый вез даров, сколько смог вытянуть от своих «людишек».

Ладьи всех князей соединились у Нижнего Новгорода, далее поплыли вниз по Волге одним караваном, на ночь приставали к берегу, раскидывали шатры, раскладывали костры.

Князья с завистью косились на многочисленные московские ладьи с кладью, заботливо прикрытой холстами и увязанной пеньковыми веревками, считали стражу у ладей, смотрели на богатый шатер Семена Ивановича московского.

— Молодой, а гордый какой, не хочет с нами, со своими родичами, и знаться, — говорили князья про Семена и припоминали, кто из них происходит от старшего сына Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кто от старших сыновей Ярослава Всеволодовича. Многие из них считали себя и знатнее, и родовитее князя московского — внука Даниила, младшего сына Александра Невского.

Приплыли в Орду. Развязали москвичи кладь на своих ладьях. Семен щедро одарил хана Джанибека и его приближенных мехами, заморскими сукнами, преподнес золотое и серебряное узорчье —

Печать Семена Гордого.

набрал из того, что ему и братьям по наследству от отца досталось. Прочие князья, все вместе, не смогли вручить столько даров.

Доволен был хан. Отроду такого не случалось, чтобы русы привозили в Золотую Орду столько богатств. И сказал хан Семену:

— Мой отец помогал твоему отцу. Твой отец помогал моему отцу. Ныне и мы с тобой всегда вместе будем.

Как Иван Калита получил в Золотой Орде ярлык на великое княжение Владимирское и на княжение Московское, так и его сыну Семену досталось столь же почетное звание.

Приумолкли остальные князья, присмирели, бороды затеребили: неужто придется им головы склонить? И зависть зажглась в их сердцах. Встал над ними двадцатипятилетний князь московский, а они — только его «подручники». С того дня прозвали Семена Гордым.

Записал летописец: «...седе князь великий Семен на столе в Володимери... на великом княжении всея Руси...» И в другом месте: «Все князи рустии даны под руце его».

Возвращался Семен с братьями в Москву довольный, хоть и много даров оставили они в Орде.

Константин тверской, верно, помалкивал; он, конечно, не мог забыть об убийстве в Орде своего отца, двух братьев и племянника, о тверском погроме. Но родное его княжество после того погрома было слабо. Утвердил его хан на Твери старшим — и ладно. На большее он и притязать не мог.

А суздальский князь Константин Васильевич, хоть и не получил ярлык на великое княжение, также остался доволен поездкой. Не зря роздал он в Орде многие дары, добавил ему хан к его уделу еще богатый Нижний Новгород с волостями. Ехал Константин и думал про себя: «А ведь лукав царь, теперь может спокойно почивать в своем шатре, когда не одно, а два сильных княжества будут на Руси. Но Москва все же сильнее Суздаля...»

Так продолжалась давняя и хитрая политика Золотой Орды по отношению к Руси. Ханы стремились сеять рознь между князьями, не давали чересчур усиливаться одному князю за счет других, открыто поддерживали между ними несогласия.

Но московские князья, сперва Иван Калита, а затем его сын Семен Гордый, были еще хитрее. На словах они заверяли хана о «дружбе великой» с Золотой Ордой, а сами исподволь захватывали один за другим соседние уделы. Подобно своему отцу, также пять раз ездил Семен в Золотую Орду на поклон и каждый раз возвращался «со мною честию и с пожалованием».

Хан Джанибек, получая от него собранную со всех уделов Руси ежегодную дань-выход, также говорил о взаимной дружбе. Но в Орде забеспокоились, наблюдая, как усиливается Москва и как растет ее мощь. Власть князя московского не простиралась на всю Русь. Но в Орде опасались, как бы помыслы его не зашли далеко.

На печати отца Семена шла по кругу надпись: «Печать великого князя Ивана»; теперь Семен повелел поставить иные слова: «Печать князя великого Семенова всея Руси». Сочли в Орде эту перемену недобрый знаком.

В прославленном Успенском соборе города Владимира в присутствии многих князей и бояр, при огромном стечении простого народа митрополит Феогност венчал Семена на великое княжение и возвел его на «золотой¹ трон», принадлежавший еще его предку Всеволоду Большое Гнездо.

¹ Трон этот до нас не дошел, из какого материала он был изготовлен — неизвестно, разумеется, не из золота.

И об этом торжестве донесли хану ордынские купцы — его тайные лазутчики.

Властолюбивый, смелый, гордый Семен совсем не походил на своего осмотрительного, сдержанного, «опасливого» отца. Он не ходил, не вышагивал с калитой по торжищу, гнушался заговаривать с купцами и посадскими, видели его москвичи неоднократно, но издали, когда выезжал он на коне из кремлевских ворот в сопровождении свиты и ехал на охоту.

Даже о каждой такой поездке «Коназа московского» сообщали лазутчики в Орду. Но там, видя, что дань-выход идет точно в срок, решили пока ждать, а лазутчикам своим наказали: продолжать следить за действиями Москвы.

2 Новгороде ни раньше, ни теперь не доверяли Москве, косо смотрели, как растет и богатеет Москва. Но Новгород редко поднимал рати на Москву, не до того было.

Новгород раздирали бесконечные распри между отдельными боярскими родами. Одни выдвигали своего посадника, другие — своего. Часто смеялись посадники и тысяцкие, и эти смены иной раз сопровождалась кровопролитием. Как и ранее бывало, «черные» люди, особенно в неурожайные годы, во время таких смут и ослабления власти поднимали восстания в самом Новгороде. А случалось, бояре, опасаясь, как бы новгородские добрые молодцы — голытьба неимущая, не знающая, куда свою силушку девать, не нагрнула бы на них самих, подкупали их, переманивали на свою сторону. А те налаживали ушкуи — большие ладьи — и ватагами уплывали вверх по Волхову, волоком перебирались в Шексну, далее их путь шел на Волгу; случалось, сворачивали на Каму или плыли вниз по Волге, чуть ли не до самого Сарая-Берке. И всюду по пути они громили города и селения. Называли таких подлинных разбойников ушкуйниками.

Но в тот год, пока Семен находился в Орде, они пошли иной дорогой, повоевали и подожгли город Устюжну, потом перебрались

в Белозерскую землю, которая с недавних пор находилась под покровительством Москвы, и там бесчинствовали.

Вот почему в Москве были недовольны Новгородом и начали искать предлог, чтобы направить против него полки.

Семен возвратился из Орды. Казна была пуста. Требовалось ее наполнить. Он послал в порубежный с Новгородом, находившийся тогда в совместном владении город Торжок за данью.

Новоторжцы платить отказались и посадили «в поруб» (погреб) московских посланцев...

В Москве в эти дни новоторжской смуты происходил съезд всех тех князей, какие только что вернулись из Орды. «Бысть велик съезд на Москве всем княземъ руським».

Разгневанный событиями в Торжке, Семен предложил всем им идти вместе на Новгород.

Таков был первый в истории общий поход многих князей под московским стягом.

Толпился тогда народ на улицах, провожая воинство. И сжимались сердца многих:

— Куда идут? На своих же братьев единокровных! Опять прольется кровь русская!

А иные думали про себя: «Кабы такая рать великая да пошла бы в другую сторону, на Золотую Орду».

Возглавлявший объединенное войско Семен направился к Новгороду через Тверь и Торжок.

Поехал и митрополит Феогност, чтобы попытаться не довести дело до кровопролития.

Многие «черные» и посадские люди Торжка уже давно видели, как набирает силу Москва, опостылело им подчиняться беспокойному Новгороду, и потому держали руку Москвы. Узнав о приближении большой рати Семена, они возмутились против бывших в Торжке сторонников Новгорода, перевязали их, одного боярина убили, а московских посланцев выпустили на волю.

Когда Семен с войском прибыл в Торжок, в Новгороде испугались. На вече было решено: направить к московскому князю посольство. Поехали архиепископ, посадник, тысяцкий и несколько бояр. Семен потребовал от прибывших выплаты «черного бора» для Орды сполна, да еще сверх того тысячу рублей серебром. Да еще послы подверглись неслыханному на Руси унижению.

Семен сказал: «Аще хошут милости и мира от меня, да придуть пред мя посадники и тысяцкий боси (босиком), просят при всех князех на коленях...»¹

Смирились новгородские послы, и сапоги скинули, и поклонились в ноги, и всё сполна выплатили, обещали не покровительствовать ни северным переселенцам, ни ушкуйникам, какие отправляются «пакости творити» по зависимым от Москвы землям.

¹ Эту удивительную историю приводит выдающийся историк XVIII века Василий Никитич Татищев (1686–1750) («История Российская». Т. IV, с. 137), который пользовался не дошедшими до нас летописными сводами.

В 1353 году неожиданно-негаданно на всю Азию и на всю Европу нагрянула беда, называлась она «черная смерть», иначе — легочная чума. Так неведомый писец изобразил ту беду — черные и желтые черти подбираются к жилищам русичей.
Миниатюра из Радзивилловой летописи XV века.

Князья разъехались со своими полками обратно по домам, а Семен со своим войском вернулся в Москву...

В соседней Литве тогда правил великий князь Ольгерд, сын Гедиминов. Умный, осторожный, предусмотрительный государь, он внимательно следил, как усиливается Москва. Решил он попытаться разведать и двинул свое войско на восток, подошел к городу Можайску, сжег посады, но узнал, что полки Семена приближаются, и повернул обратно. Дело кончилось миром. Но в Москве сомневались: будет ли тот мир прочен? Больно уж умножилась земля литовская...

Не во всем удача сопутствовала Семену. В семейной жизни у него шло вовсе неладно.

Первая его жена Айгуста, сестра Ольгерда, рано умерла, вторично он женился на Евпраксии — дочери одного из мелких смоленских князей. Но не полюбились она ему.

И тогда он задумал неслыханное на Руси: развестись с Евпраксией и жениться в третий раз. Во всем ему покорный митрополит Феогност испросил «благословение» на развод у патриарха константинопольского и сам повенчал великого князя в московском Успенском соборе с княжной Марией тверской, дочерью Александра Михайловича, того самого, кто был убит по наущению отца Семенова — Ивана Калиты. А дочь свою от первого брака Семен выдал за сына Александра Михайловича.

Так тверские князья дважды породнились с московскими, но тверичи не могли забыть, как ордынцы вместе с московским полком «положили их землю пусту», и потому мир между ослабленной Тверью и сильной Москвой не мог быть прочным.

Москва стремилась сравняться по красоте и богатству своих храмов с прославленными соборами стольного града Владимира. Там внутренние стены за полтора года до того были расписаны мастерами-греками, приглашенными из Византии.

Теперь митрополит Феогност также позвал в Москву иконописцев-греков расписывать стены московского Успенского собора. А в последующие годы остальные три белокаменные церкви, воздвигнутые в Москве повелением Ивана Калиты, были расписаны уже не греками, а русскими мастерами, которые, видно, переняли мастерство от своих учителей. Летописцы сохранили их имена — Захария, Иосиф и Николай «с дружиной» (с помощниками), а после них — Гойган, Семен, Иван и их «дружина».

Хотела Москва во всем быть выше прочих городов русских. Не было у Семена соперников. Все князья пригнули головы перед ним, перед великим князем владимирским. И «тишина великая» на земле Московской все длилась.

Помышлял ли Семен о самом заветном для тогдашней Руси, о чем думали тайно в народе? Как бы не послать в Золотую Орду тяжкую и постыдную дань-выход да не ездить к царю на поклон?

В летописях тех лет о чаяниях народных не говорится ни слова. Верно сознавали на Руси:

— Не готовы мы обнажить мечи на злейших врагов. Завещаем то великое дело внукам нашим.

Обо всем том, что делается на Руси и в Москве, о глухом шепоте в народе продолжали доносить хану ордынские купцы-лазутчики. В Орде беспокоились, но пока ждали. У самих хватало забот. Что ни год в разных концах обширного Ордынского ханства поднимались с оружием в руках подвластные народы. Приходилось посылать отряды на усмирение.

3

Наступил двенадцатый год великого княжения Семена Гордого. И неожиданно-негаданно пришла на Русь беда. Пришла кружным путем, с Ближнего Востока нагрянула на королевства, города и селения всей Европы, и оттуда немецкие купцы занесли ее в Новгород и Псков. Называлась та беда «черная смерть», иначе — легочная чума.

Зараза распространялась из одного княжества в другое, из города в город, люди вымирали семьями, уцелевшие разбежались по дремучим лесам, по бескрайним степям и либо находили спасение, либо заносили заразу в самые нехоженые трупы.

— Бич божий! Наказание от богов за наши грехи! — так вещали — в храмах, мечетях, пагодах, кумирнях, синагогах — православные, католические, буддийские священники, монахи, муллы, раввины...

И случилось, вместе с молящимися они сами тут же падали мертвыми.

Записал летописец:

«Хракаху людие кровию... и недолго боляху, по два дни или три, а иные един день поболевше, умираху. И толико множество бе мертвых, яко не успеваху живии погребати их...»

И в другой летописи:

«...разболевся человек, начнет кровию хракати и огонь зажжет и потом пот, та же дрожь и, полежав един день или два, а ретко (редко) того кои три дни, и тако умираху...»

По всей Руси шагала с косой за плечами «черная смерть». Вымирали целые города. В Смоленске осталось десять человек живых, немногим более уцелело в Рязани. Северный город Белозерск и Глухов на Черниговщине вымерли целиком.

Добралась чума и до Москвы. И пошла косить жителей подряд, не разбираясь, и бояр, и купцов, посадских-ремесленников, крестьян, холопов: «Мроша бо люди, мужи и жены, старьи и младыи...» В смертельном ужасе, боясь за свою жизнь, записал летописец: «И негде бяше было погребати умръших, все бо могылье вскопано бяше...»

И сам Семен Гордый вдруг почувствовал, как защекотало у него в горле, ударило в грудь. Закричал он истошным голосом. Прибежала плачущая жена, за нею оба его брата, сбежались испуганные слуги, бояре. Монахи запели молитвы. При колеблющемся пламени одинокой свечи все смотрели на великого князя, распростертого на высоком ложе, а он, поминутно сплевывая кровь, хриплым голосом начал диктовать писцу.

Безграничное отчаяние и тревога за судьбы всей земли Русской, за будущее своей семьи, видятся в его завещании¹.

Он напоминал братьям своим Ивану и Андрею: «Жити заодин» и далее: «Како тогда мы целовали крест у отня (отцова) гроба... и чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...» Боялся Семен Гордый, как бы с его смертью не прервалось столь важное для Руси дело, начатое его отцом Иваном Калитой и успешно продолженное им самим.

При мерцающем пламени свечи великий князь умирал. Он смотрел на свою жену, ожидавшую младенца, и цеплялся за последнюю надежду: может, родится сын, после обоих его братьев — будущий наследник. Монахи тихо пели отходную...

26 апреля 1353 года в возрасте тридцати трех лет великий князь Семен Иванович Гордый скончался. Родившаяся после его смерти дочь вскоре умерла, умер и его брат Андрей и тоже оставил после себя вдову, ожидавшую младенца.

А народ русский продолжал жить, трудиться и верить, что настает час освобождения от ненавистного ига.

¹ Завещание Семена Гордого — первый дошедший до нашего времени документ, написанный на хлопчатой бумаге, а не на пергаменте, выделанном из телячьей кожи.

Вражеские стрелы с четырех сторон

1 **М**ного терпелив был народ русский. Дождались на Руси, что беда миновала, что ушла в небытие «черная смерть», ушла столь же внезапно, как и объявилась. Предали сырой земле умерших сродников те, кто уцелел, и каждый занялся своими делами...

После кончины Семена Гордого в живых остался лишь один его брат — Иван, по прозванию Красный, то есть красивый.

Приглядывались к нему москвичи, верно, говорили, что эдакое прозвание более подходит красной девице. И поневоле вспоминали они Семена и отца обоих братьев — Ивана Калиту. Уж очень не походил на них Иван Иванович, был тих и кроток, любил проводить время с женой и с двумя маленькими сыновьями, был, как выражались москвичи, «милостивый».

Но годился ли он, такой не искушенный в государственных делах, в те тревожные годы нести бремя великого князя?

Он отправился в Золотую Орду за ярлыком на великое княжение. Хан Джанибек продолжал следовать заветам ханов — своих предков — сеять рознь на Руси. Однако, несмотря на происки суздальского князя Константина Васильевича и, разумеется, благодаря щедрым московским дарам, он вручил ярлык слабовольному Ивану Красному.

Видя, что на великокняжеском столе сел столь незначительный правитель, подняли головы соседи земли Московской.

Князь рязанский Олег нагрянул с дружиной на слободу Лопасню, захватил ее и полонил тамошнего московского наместника.

Полки великого князя литовского Ольгерда заняли принадлежавшую Москве Ржеву, а Иван Иванович и с места не сдвинулся. Можайские, зубцовские и ржевские посадские вооружились и сами, без московской подмоги, изгнали литовцев.

Посчастливилось Москве, что давние ее соперники — тверские князья — уже второе десятилетие тягались между собой, кому из них, дяде — князю кашинскому или племяннику — князю холмскому сидеть старшим в Твери. Потому-то Тверь не могла вмешиваться в московские дела.

Новгороду тоже было не до Москвы. Продолжались там внутренние смуты — борьба между боярскими родами за власть. Да еще в тревоге жили люди на западных рубежах новгородских, уже в который

раз немецкие рыцари вторгались в их земли. Приходилось новгородцам снова и снова вооружаться, отражать набеги дерзких захватчиков...

По ханским грамотам духовенство было освобождено от уплаты дани, жило в сравнительном спокойствии и благополучии. Церковь на Руси с годами стала всесильной и глубоко влияла на всю жизнь народа. Именно от церкви, от монастырей распространялась на Руси грамотность.

Но в то же время монастыри, владевшие многими землями и богатствами, а также отдельные священнослужители отличались лихоимством, давали под высокие проценты ссуды обедневшим князьям и боярам, разорившимся купцам, отдельным крестьянам и горожанам. Если должники не могли платить, они попадали в кабалу к духовенству. В народе накапливалась к духовенству неприязнь.

Писатель, живший еще при Александре Невском, Даниил Заточник, за какие-то проступки сосланный в далекое северное Каргополье, на озеро Лача, с большой насмешкой писал о духовенстве, что монахи «обидят села и дома славных мира сего, яко пси (псы) ласко-серднии».

Особенно ретиво занимался стяжательством верховный глава северо-восточной церкви митрополит Феогност, грек по происхождению. При нем широко распространилось лихоимство лиц духовного звания. Благодаря щедрости к нему Ивана Калиты и Семена Гордого он неизменно держал сторону Москвы.

Он скончался во время чумы 1353 года. Его преемником стал митрополит Алексей — старший сын знатного черниговского боярина Федора Бяконта, перешедшего на службу московскому князю Даниилу. Двадцати лет он постригся в монахи и жил в московском Богоявленском монастыре. Высокообразованный, он переводил книги с греческого и еврейского языков на славянский, знал латинский, сам писал поучения. Умиравший Семен Гордый в своем завещании убеждал братьев:

«Слушали бо есте отца нашего владыки Олексия, также старых бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам...»

Алексий отправился в Константинополь. Целый год он там дождался посвящения в митрополиты. Патриарх медлил, стремился иметь на Руси высшим духовным владыкой грека по происхождению. А московские бояре желали видеть митрополита русского, да еще вышедшего из их среды. Щедрое московское золото решило дело в пользу Алексея.

Мастера, писавшие иконы с изображением Алексея, могли видеть митрополита живым и по памяти начертать его облик. Они изображали мужа высокого, статного, в белом клобуке, с длинной черной бородой, заслонявшей его митрополичью роскошную одежду — саккос¹. Он не мог не производить впечатления на москвичей.

¹ Парчовый, богато украшенный саккос митрополита Алексея сохранился и сейчас выставлен в Оружейной палате Московского Кремля.

С глубоким почитанием многожды раз поминают летописцы имя митрополита Алексия — великого радителя за землю Русскую, за славный град Москву. Православная церковь провозгласила его святым. На этой иконе XIV века он изображен еще молодым, с черной бородой, недавно принявшим высокое звание — в белом митрополичьем клобуке, в белой с черными крестами одежде.

Молва о нем, о его учености, о твердости характера растекалась по всей Руси. Золотоордынские послы и купцы, приезжавшие в Москву, донесли эту молву до хана Джанибека.

В то время была тяжело больна Тайдула — старшая из жен хана. Шептались, что в нее «вселился бес». Видимо, она страдала истерией, а позднее из-за этого недуга ослепла.

И хан Джанибек направил ко князю Ивану Красному посла.

«Мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве вашего главного попа, — так было начертано в ханской грамоте, — да испросит он здравие моей хатуни (жене)».

В 1357 году Алексей отправился в Орду, явился в шатер к больной Тайдуле, окропил ее «святой» водой — и она прозрела.

Сохранились записи арабских путешественников — купцов или послов, побывавших в разное время в Золотой Орде. В этих источниках, а также во всех русских летописях подробно рассказывается о «чуде», иначе объяснить исцеление хатуни тогдашние люди не могли. Возможно, приезд Алексея в Орду случайно совпал с выздоровлением хатуни либо у него было сильно развито чувство внушения.

Хан Джанибек «дароваша митрополиту многие милости и с честью великою отпустиша». В Орде принимали его за колдуна.

По всей земле Русской растеклась поражавшая умы тогдашних людей весть о «чуде», о чудесном прозрении ханской жены. И везде — от боярских теремов до малой избушки — рассказывали и пересказывали, добавляли и приукрашивали происшедшее...

Вскоре после возвращения митрополита в Москву начались в Орде кровавые деяния, которые русские летописи именуют «великой заматней».

Золотая Орда теперь была не прежним могущественным ханством, силой своего войска державшим покоренные земли, в том числе и русские княжества. И войско было уже не прежнее, сплоченное, стойкое; ханские вельможи — потомки темников, полководцев Бату-хана и его преемников — богатели, беззаботно охотились, развлекались. А рядовые воины оказывались обездоленными, постепенно беднели. Поднималось их недовольство. Росло число ханов-чингизидов, и началась между ними борьба за власть. Они пользовались недовольством малоимущих, нанимали их, сплачивали в вооруженные отряды, поднимали против ханов мятежи.

Начинался распад Золотой Орды.

Джанибек был последним могущественным ханом. В год «исцеления» хатуни Тайдулы он пал от руки убийц, подсланных его сыном Бердибеком, убившим и двенадцать своих братьев.

В Москву прибыл посол от нового хана и дерзко потребовал выплатить внеочередную неслыханно тяжкую дань, иначе грозил направить полки на Русь.

«Бысть великая истома на Руси», — печально записывал тогда один летописец, а в другой летописи говорилось, что хан «возложиста великую нужу (нужду)».

Дань спешно собрали, но не смогли взять с народа столько, сколько требовал хан. Пришлось митрополиту Алексею оставить все церковные и государственные дела и вторично отправиться в Орду. Благодаря покровительству хатуни Тайдулы — матери Бердибека — ему удалось умиловить ненасытного хана, и он возвратился в Москву «с честью великой».

Между тем в Орде «великая заматня и сеча» только разгорались. Один за другим потомки Чингисхана перешагивали через трупы

своих родичей-предшественников и становились ханами. Хан Бердибек был убит своим братом ханом Кульпой, а несколько месяцев спустя и тот погиб вместе со своими двумя сыновьями от рук другого хана. Против последнего составил заговор, и его также убили вместе с сыном, зарезали и старую хатунь Тайдулу, и многих вельмож. Стал ханом еще один чингизид, вскоре убитый своим сыном, но через две недели и этого сына умертвили. Стал ханом двоюродный брат убитого — и через месяц тоже погиб. Случалось, в разных улусах одновременно правили два, а то и три хана, разумеется не на жизнь, а на смерть враждовавшие между собой. Русские летописцы и арабские путешественники не успевали записывать их имена, а некоторые известны только по дошедшим до нас монетам.

«Замятня» сопровождалась беспощадными жестокостями, вместе с ханами гибли их жены, дети, приближенные, кто не успел скрыться.

Сперва в Москве растерялись, не знали, какому хану платить дань-выход, потом догадались дань придерживать, дожидались, пока очередной хан не сгинет. Следили на Руси за кровавыми деяниями «замятни» со вниманием, расспрашивали купцов, приезжавших из Золотой Орды, о подробностях событий, ужасались и одновременно ликовали. Разумели русские люди, что от этой «замятни» слабеет и никнет ханская власть. А купцы жаловались: опасно стало по Волге плавать. Когда ханы погибали, оставались живы иные их приближенные. Лишенные прежних преимуществ, они набирали шайки головорезов и отправлялись грабить купецкие караваны. От тех грабежей торговля между Русью и Золотой Ордой шла на убыль.

Этим пользовался сапожник: шилья, сапожный нож, молоток, стелька.

2 1359 году скончался совсем молодым великий князь Иван Красный, кого историки называют Иваном Вторым (Иваном Первым был его отец — Иван Калита).

В Московском Кремле в великокняжеском тереме оставались три княгини, три вдовы — Ивана Калиты, Семена Гордого и Ивана Красного. Согласно давним обычаям, знатым женщинам не полагалось вмешиваться в дела государственные. Не могло быть и речи отдать кормило правления в руки трех вдов.

И еще оставались в Московском Кремле три мальчика — девяти, семи и шести лет: два сына Ивана Красного — Дмитрий и Иван, а также их двоюродный брат Владимир, чей отец Андрей серпуховской и боровский погиб от чумы еще до рождения мальчика.

Мальчики подрастали. И крепла между ними дружба, двое младших смотрели на старшего Дмитрия с любовью и почтением, во всем слушались его. Зачастую они весело играли с дружками-боярчатами на лужайке под слюдяными окошками княжеского терема. А прошло

Печать митрополита Алексия.

немного лет, и дядьки-пестуны начали учить их стрелять из лука, владеть мечом и копьем...

Большой силой было тогда боярство московское. Иные бояре вели свой род от некоего «мужа честна», перешедшего на службу еще к Александру Невскому, или Даниилу Александровичу, или Ивану Калите, по смутным преданиям явившегося издалека — от пруссов, из Литвы, из Орды. У иных бояр их отцы и деды переехали в Москву с оскудевших киевских, черниговских, смоленских, брянских и других земель. Если же кто из бояр считал, что его обидели — князь или другие бояре, он мог беспрепятственно отъехать вместе со своей семьей и слугами в другое княжество. «Путь ему был чист». Не считался такой отъезд изменой.

Бояре московские в те годы, за редкими исключениями, верой и правдой служили своему князю и редко «отъезжали» в иные земли. Из летописей, из родословцев известно, как много бояр, их братьев, сыновей, племянников не своею смертью скончались, а пали на поле брани, защищая честь и славу Москвы; сколько боярских родов угасло, потому что ни одного мужа в живых не оставалось. Ни Иван Данилович, ни сын его Семен Гордый не давали боярам много воли и сами правили, а бояре при них были только советчиками.

При нерешительном Иване Красном, при малолетнем Дмитрии бояре совместно с митрополитом Алексием взяли бразды правления в свои руки. Знатнейшим боярским родом в Москве являлся род Вельяминовых. Из его рядов выдвигался тысяцкий. Он был градоначальником, собирал полки, вершил суд — словом, считался третьим после князя и после митрополита лицом, без мнения тысяцкого не решались никакие важные государственные дела.

Еще при Иване Красном боярами — соперниками Вельяминовых был выдвинут на эту почетную должность боярин Алексей Петрович Хвост. Правил он только год и при таинственных обстоятельствах был убит, видимо, не без участия Вельяминовых. На долгие годы тысяцким вновь стал представитель этого рода — боярин Василий Васильевич.

У себя в теремах, в сельских своих усадьбах бояре и другие вотчинники были всевластны над крестьянами, какие жили на господских либо на собственных землях, и над холопами-слугами. А холопов у богатых людей набиралось полным-полно, кто в кабалу попадал, кто от рождения холопом или крестьянином подвластным считался. Крестьяне могли уходить от своего господина. А куда уходить? Либо к другому господину, про кого молва шла, что у него лучше живется, либо переселяться в другие земли, либо с отчаяния убегать в леса дремучие...

Митрополит Алексей хоть и являлся главным духовным лицом всей Северо-Восточной Руси, но неизменно и прежде всего пекся о благе Москвы. После смерти Ивана Красного Алексей стал, наряду с

тысяцким, блюстителем земли Московской. Жил он в Кремле, в основанном им Чудовом монастыре, и занимался церковными делами всех земель русских. Но самое главное, чему он отдавал свое время и свои думы,— это было управление государством.

Почитали Алексея и по всей Руси, и по земле Московской, но возлагал народ свои чаяния, свои надежды не на него — владыку духовного.

Москвичи, случалось, видели, как три мальчика, в богатых одеждах, выезжали из кремлевских ворот в сопровождении свиты, верхом на конях — на прогулку, на охоту.

И хотели они видеть в старшем мальчике — Дмитрие — будущую надежду и опору земли Московской, а может, и всей Руси...

3

осле смерти Ивана Красного его сыну, малолетнему Дмитрию, предстояло «искать» в Золотой Орде ярлык на великое княжение.

А в то время в Тверском княжестве продолжалась борьба за власть. Тамошним князьям было не до ярлыка. Но суздальско-нижегородские князья — сыновья недавно умершего Константина Васильевича — могли стать достаточно опасными соперниками Москве. Однако старший из них, Андрей нижегородский, откровенно сказал, что ему и своего удела достаточно и домогаться великого княжения он не будет. Такой поступок, верно, казался его боярам просто удивительным. Однако второй сын Константина Васильевича — Дмитрий суздальский — был не таков, чтобы упустить власть. Он вздумал отправиться в Сарай-Берке и получил там желанный ярлык от очередного хана.

«Не по отчине, не по дедине», — осуждал его летописец. У Дмитрия суздальского и отец, и дед не были великими князьями, да и действовал он помимо старшего брата. Возможно, помогло ему добыть ярлык золото его союзников — бояр новгородских, опасавшихся возвышения Москвы.

Властитель Суздаля был человеком спесивым и легкомысленным. Он не мог понять, что прочие русские князья не захотят считаться с ним как с великим князем. И митрополит Алексей затворился в Москве, в Чудовом монастыре, и не собирался ехать во Владимир венчать его на великое княжение. В третий раз отправился Алексей в Орду. Вместе с ним поехали три мальчика.

Как узнал Дмитрий суздальский об их поездке, так опять спешно туда помчался. Из-за «великой замятни» ярлык на великое княжение юный Дмитрий московский получил от одного хана, а взрослый Дмитрий суздальский — от другого.

Герб города Суздаля.

Споры грозили перейти в кровавую усобицу. Ни Алексей, ни московские бояре не желали упускать из своих рук власть. Они собрали московские полки, к ним присоединились полки других городов, дружественных Москве. И вся рать с тремя мальчиками и митрополитом двинулась на Суздаль.

Взрослый Дмитрий испугался, сложил оружие и целовал крест на том, что никогда не будет искать великого княжения.

Так мальчик Дмитрий в возрасте двенадцати лет, в 1362 году, стал великим князем всея Руси.

И сказал о том летописец:

«И сяде на великом княжении в Володимери князь великий Дмитрией Иванович на столе отца своего и деда своего».

А два года спустя Дмитрий суздальский опять сумел получить ярлык на великое княжение от очередного хана. Но достаточно было москвичам снова двинуть свои полки, чтобы Дмитрий суздальский, просидев на владимирском столе всего двенадцать дней, покорился, пошел на переговоры.

Он отдал свою дочь Евдокию за юного Дмитрия московского.

Этим браком, к радости всех людей русских, скреплялся мир между враждовавшими сторонами.

Свадьба была торжественно и пышно отпразднована, но не в Суздале и не в Москве, а в Коломне.

Всего пару строк уделяют летописи пятнадцатилетней жене Дмитрия Евдокии, и все же за этими строками можно разгадать, как нежно и чисто любила она своего мужа, который был ее моложе на несколько месяцев. И он столь же нежно любил свою юницу, как называли тогда молодую жену.

А в народе об этом браке так говорили:

«И възрадовася вся земля о съвокуплении (совершении) брака сего. И по браце (браке) целомудрено живяста, яко златоперсистый голубь и сладкоглаголиваа ластовица (ласточка)».

Все лихое, что делалось тогда на Руси, — стяжательство богатых, произвол при сборе очередной дани, обиды, зло — во всем таком винил народ бояр, духовенство, купцов, но никак не великого князя.

В народных сказаниях об Иване-царевиче, об Алене Прекрасной, быть может, чудятся отголоски той народной доверчивой любви к своим немногим лучшим князьям — к таким, как Александр Невский, как Дмитрий московский...

Большая любовь между Дмитрием и Евдокией была, но как мало дней им пришлось провести вместе!

Еще при Иване Красном кончилась на земле Московской «тишина великая». Еще мальчиком Дмитрию пришлось привыкать спать в шатрах или на земле, по суткам не слезать с седла. Одни войны кончались миром или перемирием, вспыхивали другие, третьи. Пылали города и села то в одном конце Руси, то в другом, то в третьем.

Из-за этих беспрестанных ратных походов не успевал Дмитрий учиться грамоте. Едва-едва мог он читать и писать.

Записал летописец про него, что он «твердою десницей приводиша князей под власть свою, еще же кои не покорялись его воле — на те посягаша». Так князей ростовского, стародубского, белозерского он подчинил своей власти и тем умножил землю Московскую.

Еще за год до его брака с Евдокией надвинулась на Русь вторая «черная смерть» — легочная чума, не столь опустошительная, как первая, но тоже унесшая множество человеческих жизней по всем городам и селениям. Горе постигло и великокняжеский терем: скончался юный брат Дмитрия — Иван, умерла и его мать, княгиня Александра.

Осталось двое юношей — Дмитрий и его двоюродный брат Владимир, Владимир Андреевич, владевший уделами своего отца, городами Серпуховом и Боровском. Во всех многочисленных походах, войнах и охотах, думах и пирах он был верным соратником, спутником и другом Дмитрия. Дружба между ними, дружба долголетняя и ничем не запятнанная, между старшим и младшим, была непоколебимой, хотя среди бояр Дмитрия и среди бояр Владимира находились подговорщики, стремившиеся ее разорвать. Имена обоих двоюродных братьев в летописях и в других древних письменных источниках часто ставятся рядом...

В то исполненное тревоги время, когда ежечасно можно было ожидать нападения непрошенных врагов на Москву, многочисленные пожары города занимались один за другим. «Вся Москва погоре без остатка», «погоре церкви святы, узорочье и казна», «люди погоре», «церквей погорело 28» — так записывали через каждые пять — семь лет летописцы.

Особенно страшен был пожар 1365 года, когда выгорели целиком все московские посады и деревянные строения в самом Кремле, обгорели дубовые стены кремлевские, воздвигнутые еще при деде Дмитрия — Иване Калите.

Повезли сосновые и еловые бревна со всех сторон. И пошел по всей Москве звонкий перестук топоров. Плотники и все посадские усердно рубили терема, церкви, избы, разные надворные постройки. На подмогу явились крестьяне соседних селений. И встал город краше прежнего.

4

Боярские стрелы угрожали Москве с четырех сторон. Предвидели Дмитрий и бояре, что, может, придется вести борьбу с Золотой Ордой и Рязанью, с Тверью и Литвой. И предстоит Москве выдержать не одну осаду. В конце 1366 года собралась Боярская дума, и порешили строить новый Кремль.

«Князь великий Дмитрий Иванович погадав с братом своим князем Володимером Андреевичем и со всеми бояры старейшими, и суду-маша ставити город камен Москву; да еже умыслиша, то и сотвориша. Тое же зимы повезоша камене к городу».

Дмитрию тогда было шестнадцать лет, а его двоюродному брату Владимиру и вовсе тринадцать, а летописец писал о них с таким почитанием, словно были они не подростки, а умудренные жизнью мужи.

Можно попытаться себе представить, как шло строительство первого в Москве белокаменного Кремля.

Трудилось тогда не менее двух тысяч человек. Не по своей воле явились горожане Москвы, посадские других московских городов, жители сел. Каждая волость, каждый город обязаны были направить людей с заступами, с топорами, коней с упряжью, с телегой, либо с санями или с волокушей.

На берегу Москвы-реки, близ впадения в нее реки Пахры, у малого сельца Мячкова, по крутому склону обрыва выступал камень — известняк. Он был столь бел, что на солнце слепил глаза.

Вот как тогда добывали камень: буравили в скале дыры, заливали туда воду, и на морозе лед рвал камни. Отваливались большие глыбы, их кувалдами разбивали на куски, грузили в сани и по льду Москвы-реки отправляли к будущему Кремлю. Случалось, в отдельные дни возило камень до двухсот коней, запряженных в одиночку и парами.

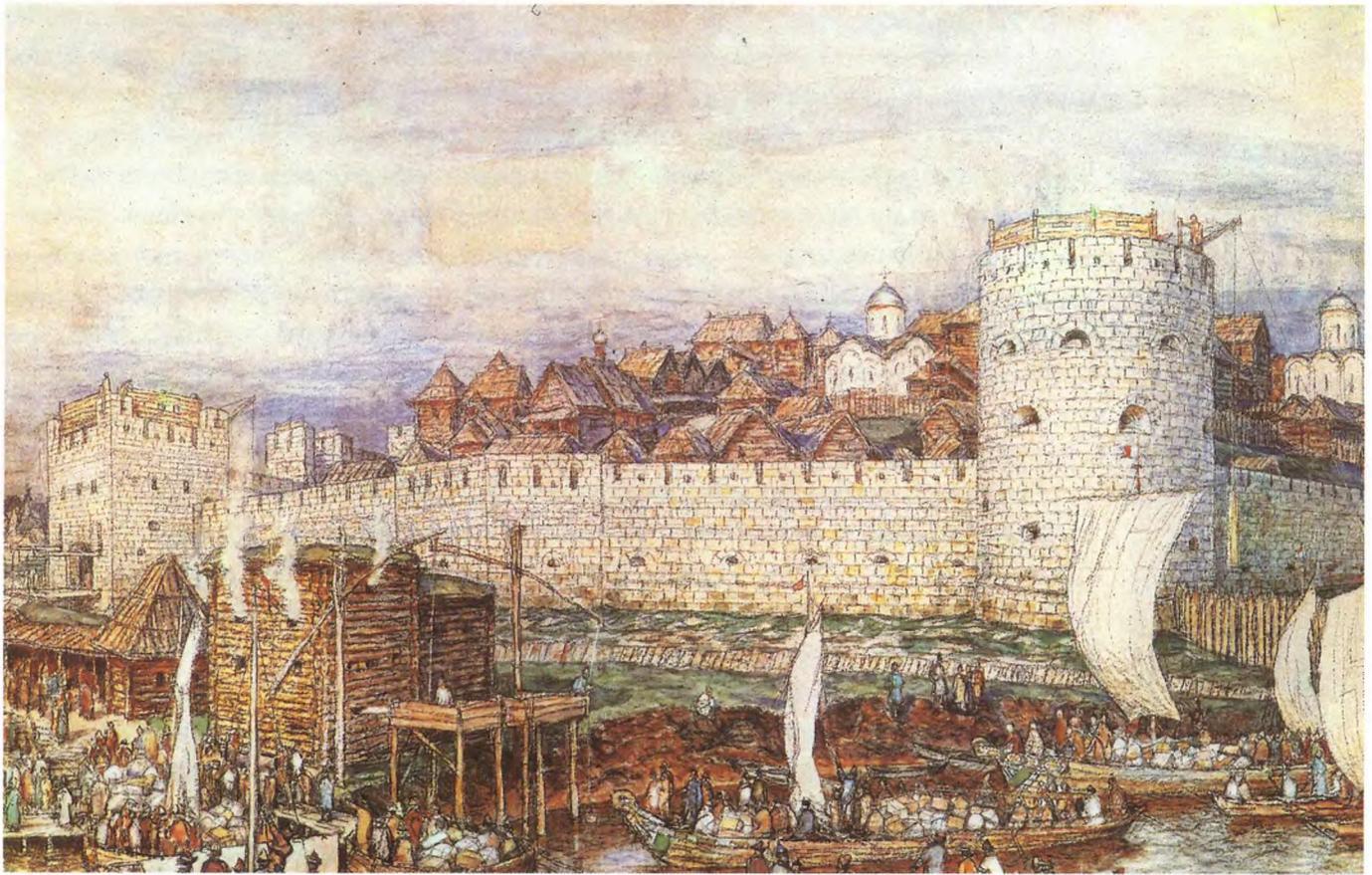
Когда строили, пели. Так уж издревле пошло на Руси — без песен не давалась никакая тяжелая работа. Дружно обхватив многопудовую глыбу со всех сторон, люди ее тащили, поднимали, переворачивали. И пели. Жаль только, не знаем мы той звонкой, развеселой и, верно, удалой песни.

Камни подтаскивали к камнесечцам. Были они искусные мастера, а работа их требовала сноровки и точного глазомера. Они ударяли молотком по долоту и гладко отесывали каждый камень, меркой-линеечкой ровняли.

«Лепши есть камень долотити, нежели зла жена учити» — так писал когда-то насмешливый Даниил Заточник.

Тяжела была работа камнесечцев! Сидели они один подле другого, от ударов их молотков звон разносился по всей Москве. И пели они тоже песни, но совсем другие, тягучие, печальные, про белгорюч камень, про свою долю горемычную. Работа их была не только тяжела, но и вредна. Подышит с месяц кто из них белой известковой пылью, кровью начинает сплевывать, и вскоре приходит за ним смерть...

Каменщики-строители были, наверно, еще более искусные мастера. Возможно, прибыли они из Новгорода либо из Пскова, где строилось тогда много храмов из камня. Они клали отесанные камни ряд за рядом, по шнуру и по отвесу. Швы между ними проливались

известковым раствором. А известь ту загодя в особых ямах выдерживали, кидали в нее сырые куриные яйца, лили молоко; оттого-то и схватывала она камни один с другим крепче крепкого.

Так вырастали стены. А после десятого ряда камни поднимали на веревках, перекинутых через деревянные блоки. Каменщики выкладывали стену с наружной стороны и с внутренней, а середку засыпали щебнем и лили туда известковый раствор. Стены у основания получались толщиной в две с лишним сажени (около четырех с половиной метров), а выше — чуть поуже.

От темна до темна работали. Правда, среди дня был перерыв на обед. Ходили по строительству надсмотрщики, следили, чтобы стены выводились ровные; торопили они, бранили каждого, кто в изнеможении отставлял долото, кто утирал рукавом с губ кровавую пену. А то хлестали плетью по согнутым спинам.

Выше надсмотрщиков стояли бояре. Восьми боярам поручили строить Кремль, каждому боярину отмерили свой участок стены с башней. Ходил боярин в сопровождении слуг, нещадно бранил надсмотрщиков, торопил, понукал. А то еще прознают литовцы. Коварный Ольгерд приведет рать нежданно-негаданно да ворвется в недостроенный Кремль.

Каждый почти день юный князь Дмитрий со своим двоюродным братом Владимиром приходили смотреть, как идут работы. Расхажи-

Сказано в летописи за 1367 год, что поднялся в граде Москве Кремль белокаменный. На переднем плане лады с парусами и на веслах, далее наплавной, из связанных между собой ладей мост, всюду люди теснятся. А на холме высятся белокаменные стены, башни, храмы, деревянные строения. Трижды великий князь литовский Ольгерд подступал к Московскому Кремлю и трижды с позором прочь отходил. Картина А. М. Васнецова.

вал он важно, брови хмурил. Бояре ему кланялись, докладывали, сколько рядов камней выложено, говорили, что требуется, а чего, наоборот, в достатке.

С востока и с северо-востока была захвачена бóльшая площадь, нежели у прежнего Кремля. Всего поставили восемь башен, из них в сечении пять квадратные, три круглые. Иные из башен и ворот получили наименования от тех бояр, коим поручено было руководить работами. Так поднялись ворота Тимофеевские, Фроловские (теперь Спасские), Чешьковы, Свиблова башня, а были еще ворота: Никольские, Ризположенские, Боровицкие. Старшим предстателем (начальником строительства) являлся боярин Федор Андреевич Свибло, что значит — шепелявый.

Никаких украшений на башнях не было, ни поясов-арочек, ни поребриков под крышами, стены поднимались гладкие, внизу чуть пошире, кверху чуть поуже. Спешно строили — не до красоты было.

Летом 1367 года поднялся Кремль. И стала с тех пор Москва называться Белокаменной.

Дошла до нас повесть, составленная в середине XV века, с очень длинным названием: «Слово о житьи и о преставлении (смерти) великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго», в дальнейшем будет именоваться она просто — «Слово о Дмитрии». Там говорится, что он «славный град Москву стенами чюдно (на диво всем) огради, и в семь мире славен бысть».

Наверное, восхищались приезжие купцы и разные пришлые люди, когда впервые видели Московский Кремль на высоком холме над Москвою-рекою и над Неглинной. Белые зубчатые стены и грозные башни с бойницами, увенчанные шатрами из осиновых пластин-лемехов, стояли на холме над обеими реками, белокаменные одноглавые храмы высились внутри Кремля, многие деревянные терема бояр теснились один к одному, поднимались островерхие великокняжеские палаты, палаты митрополита. Особенно красивым казался белый Кремль в солнечный, яркий день.

«Множества ради столпотворения и околостолпия, сходов и восходов, преводов и преходов, и различных палат, и церквей, и лествиц, и хранильниц, и гробниц, и многоименитых преград, и предел, и окон, и путей, и дверей, впазов же и изпазов и столпов каменных вкупе».

Так нарочито туманно и витиевато писал о Московском Кремле известный сочинитель начала XV века монах Епифаний, за свою ученость прозванный Премудрым.

И вся Москва представлялась таким же беспорядочным и очень тесным нагромождением украшенных узорчьем и, наоборот, совсем простых храмов, теремов, избушек, землянок, амбаров, бань и прочих дворовых строений...

И была Москва не та, что на полсотню лет ранее. Множилось

Герб города Москвы.

число ее жителей, переселялись с других земель купцы, ремесленники, крестьяне, «отъезжали» бояре от своих оскудевших князей. На московском торгу было теперь шумнее и многолюднее, нежели во времена Ивана Калиты.

Наконец, догадались чеканить из серебряной расплющенной проволоки мелкие монеты, не круглые, а продолговатые; московский герб — всадник с копьём, убивающий змия, — «ездец» был на них выбит. Такие крошечные, меньше детского ноготка, монеты, чтобы не терять, случалось, держали во рту.

Тогда же начали чеканить свои монеты и по всем другим княжествам русским, у каждого со своим гербом.

5

Между тем сгущались над Москвою тучи. Долголетняя распря тверских князей, дяди с племянником, не кончилась смертью дяди и гибелью трех племянников от «черной смерти». Оставшиеся двоюродные продолжали враждовать между собой.

Слабейший — князь кашинский — искал поддержки в Москве, а сильнейшим являлся князь Михаил Александрович, из своего малого городка Микулина перебравшийся в Тверь. Был он смел и решителен, но безмерно властолюбив.

В 1368 году, в разгар междоусобицы тверских князей, Дмитрий пригласил Михаила — «зазваша на Москву по целованию любовию» — якобы с целью примирить обе враждующие стороны, а также договориться о разных торговых, порубежных и прочих делах, какие могут возникнуть между добрыми соседями.

Начались переговоры. И тут Дмитрий, хоть возрастом был моложе Михаила, неожиданно предложил тому признать его «старшим братом» и «целовать на том крест». Горячий и гордый Михаил ответил резким отказом. Тогда Дмитрий «поимаша его и бояр его всех и разведоша их розно, и быша в нятыи и в истоме», то есть Дмитрий попросту посадил князя тверского и его бояр под домашний арест по хоромам своих приближенных.

Прибыл тогда в Москву татарский посол, который попытался примирить обоих князей. Михаил, казалось, покорился, уступил, поцеловал крест, и Дмитрий его отпустил.

Но тверской князь не таков был, чтобы прощать унижения. Со злой обидой в сердце уехал он из Москвы в Тверь и тотчас же повелел во всем ему покорному епископу Евфимию «сложить с него крестоцелование». Стал он готовить полки. Но ему было ясно, что одному с Москвой не совладать. Сестра его была замужем за Ольгердом, великим князем литовским, и он поехал в Литву уговаривать своего зятя помочь ему в борьбе с Москвой.

Портрет Ольгерда.
«Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини.
1581 год.

Ольгерд был выдающимся правителем. Осторожный, недоверчивый, хорошо образованный, он говорил на нескольких языках, много времени отдавал государственным делам и при этом никогда ни с кем не советовался. Не только литовские летописцы, но и русские особо отмечали, что он не любил ни охоту, ни пиры, совсем не пил хмельного. А ведь многодневные блестящие охоты с сотнями загонщиков, с собаками, соколами, роскошные пиры с бесчисленными яствами, с винами, брагой, медом любили все повелители прежних времен. Когда Ольгерд собирал войска, никто до последнего дня не знал, в какую сторону и на кого он их поведет. И потому нападения его войск были внезапны и сокрушительны. «Воевал он не только силою, но и мудростью», — говорил про него литовский летописец.

Подобно московским князьям, и Ольгерд мало-помалу собирал, вернее, прибирал к рукам исконные русские земли. Литовцев среди его подданных числилось менее, нежели русичей, сам он говорил и писал по-русски и дважды был женат на русских княжнах. Продолжая политику своего отца Гедимина, захватившего Киев, он за двадцать лет княжения подчинил Литве русские княжества — Черниговское и Брянское; княжество Смоленское целиком зависело от него. Границы его могучего государства подошли к самым рубежам московским.

Война между Москвой и Литвой казалась неизбежной. Но у Литвы был страшный враг на западе — немецкие рыцари. С переменным успехом, в сопровождении неслыханных жестокостей и убийств, много лет длилась война между немецким рыцарским орденом и литовцами; то одни одолевали, то другие, и Ольгерд, связанный врагами на западе, не мог бросить все свои силы на восток.

Он согласился помочь шурина Михаилу тверскому, повел войско на Москву, однако с оглядкой на западные рубежи.

Началась многолетняя, то затухавшая, то вновь загоравшаяся, борьба между Москвой и Литвой. Помощь тверскому князю была для Ольгерда лишь предлогом, чтобы послать рать на Москву. Он лелеял мечту — сокрушить восточного соседа.

В тот год — 1369-й — литовская рать шла к Москве быстро, по пути стороной обходила города и только сжигали посады, по дороге разбились московский сторожевой полк.

Дмитрий, не ожидавший внезапного нападения, заперся в Московском Кремле вместе со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем серпуховским и малым войском.

Подивился Ольгерд и его воеводы на новую белокаменную твердыню; поняли они, что приступом столь высокие и могучие стены не взять, а придется брать долгой осадой и измором. И обложило литовское войско Кремль со всех сторон.

Три дня не прошло, как прискакал к Ольгерду гонец с вестью, что на литовские земли напали немецкие рыцари.

Повелел Ольгерд спешно жечь московские посады и окрестные села; пришлось ему вести свои полки обратно в Литву, по дороге забирали пленных и скот. Записал летописец, что «прежде того столь велико зло Москве от Литвы не бывало на Руси». Дмитрий предвидел, что Ольгерд и тверичи вновь вернутся пустошить московские земли, и весь следующий год собирался с силами. Он хотел упредить врагов. Его полки вторглись в тверские пределы. Михаил убежал в Литву.

Во второй раз Ольгерд повел свое войско на Москву и 6 декабря 1370 года подошел к стенам кремлевским. Но теперь Дмитрий заранее приготовился ко встрече с врагами. С войском он заперся в Кремле, а Владимир Андреевич серпуховской отправился собирать полки по волостям и расположился в Перемышле. Осторожный Ольгерд, узнав о том войске, пошел на переговоры. Договорились не о мире, а о перемирии. Ольгерд просватал свою дочь за Владимира Андреевича и вернулся с войском в Литву, «с многим опасением, озираясь и бояся за собою погони».

Михаил тверской остался весьма недоволен действиями своего осторожного зятя и отправился в Золотую Орду искать нового союзника. А там, пользуясь неурядицами «великой замятни», все большую власть приобретал не хан, а темник (военачальник) Мамай — человек, несомненно, пронзительного ума, хитрости и ненасытного властолюбия. Но он не был потомком Чингисхана и потому не мог провозгласить себя ханом, приходилось ему править от имени того или другого слабодушного чингизида. Если же очередной хан пытался выйти из-под его воли, он того хана приказывал тайно умерщвлять и ставил следующего.

В летописях о тогдашних золотоордынских чингизидах говорилось с насмешкой и презрением, что они «не владеаше ничим же и не смеаше (не смели) ничто же сътворити пред Мамаем, но всяко старейшинство (власть) съдержаше Мамай и всеми владеаше в Орде».

Его, несомненно, не могло не тревожить, что Москва теперь была не та, что прежде, что она разбогатела, расширилась. И поэтому он, долго не раздумывая, дал ярлык на великое княжение тому, кто казался слабейшим, — Михаилу тверскому.

Вместе с татарским послом Сары-Ходжою Михаил поехал в город Владимир, который по старине все еще продолжал считаться столицей всея Руси.

Но миновала та пора, когда сочувствие и любовь народная были на стороне тверских князей, один за другим головы свои слагавших в Золотой Орде. Теперь Михаил тверской дважды водил на Русь Литву, да еще угодничал перед Ордой. Обе литовские войны принесли простому народу «великую истому». Не хотели на Руси нагибать головы перед литовским доброхотом Михаилом, а значит, и перед самой Литвой. И чаша народных весов склонялась к Москве.

Когда Михаил тверской со своими спутниками подъехал ко Владимирскому Кремлю, горожане заперли перед ним ворота. Он им показывал издали ханский ярлык, а они с кремлевских стен осыпали его бранью. Михаил размахивал ярлыком. И тут ворота распахнулись, вынеслось много всадников. Подняв мечи, они с криками погнались за Михаилом и его спутниками.

А посол Сары-Ходжа и его свита издали со вниманием наблюдали, какому позору подвергся тверской князь.

Потом летописец с насмешкой записал о Михаиле, что он «иде к Володимерю и хотя сести тамо, но не прияше (не приняли) его люди. Не токмо же не прияше его, но и по многим путем гоняшесе за ним, и тако едва утече восвояси».

Дмитрий, согласно летописи, повелел сказать Сары-Ходже: «К ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пушу, а тебе, послу, путь чист».

В этих дерзновенных словах слышалось не только достоинство, но таилась и скрытая угроза. Такие речи впервые за сто тридцать лет унижительного ига осмелился сказать русский князь золотоордынскому послу.

Сары-Ходжа оказался достаточно догадлив. Он проглотил обиду, не поехал в Орду с жалобой на Дмитрия, а повернул к Москве.

Дмитрий и его бояре приняли знатного посла со всегдашним широким и обильным русским гостеприимством, закармлили на пирах, задобрили многочисленными подарками, и тот вернулся в Орду довольный, всячески расхваливая московского князя. Перед отъездом Сары-Ходжа дал Дмитрию совет — поехать в Орду самому, «умздить» богатыми подарками хана и вельмож, а щедрее всего одарить всемогущего Мамаю и договориться с ним, когда и сколько платить дани, да как татарским купцам без опаски торговать на Руси — словом, суметь убедить Мамаю: раз издревле доверяла Орда Москве, так и впредь пусть доверяет.

В Москве понимали, что не ехать — значит возбудить подозрения Золотой Орды, а ссориться с нею тогда никак было нельзя, ведь Михаил тверской неминуемо воспользуется той ссорой и опять поедет в Литву звать своего зятя Ольгерда и его полки на Москву, да хуже того — еще отправится в Орду залучать того Мамаю в союзники.

Одни бояре полагали: ничего не поделаешь, надо Дмитрию ехать, но рассказывать Мамаю не все задумки, а самые тайные утаить. А другие бояре советовали до поры до времени обождать отправляться в путь далекий.

Ехать или не ехать?

В народе хорошо помнили, какая в былые годы страшная участь ждала в Золотой Орде иных князей, не грозит ли такое худо их молодому любимцу?

Летописцы иной раз приукрашивали. Было ли такое на самом деле, либо не было, а они писали, что в тот год знамения пошли на земле и на небе. Какие-то черные пятна, подобные гвоздям, выступали на солнце; в Городце на Волге молния разрушила и сожгла монастырь, и много монахов погибло; туман столь густой пал на землю, что птицы не могли летать; скотина падала от страшного мора; небывалая засуха продолжалась все лето, голод обрушился на Русь; в Нижнем Новгороде снег выпал ранней осенью и засыпал все дворы выше ворот.

— Не езд, княже, не езд в Орду, голову там сложишь,— взывал к Дмитрию кто из простых людей, когда встречал его на кремлевской площади.

Собирались бояре на совет, думу думали, иные из них толковали, что не надо ехать, куда вернее будет повременить, обождать. Но другие доказывали: ехать надобно без промедления, любят в Золотой Орде подарки дорогие. Увидит Мамай серебряные чары да многие собольи сорока (сорок шкурок в связке) и подумает: лучше каждый год богатую дань получать да торговать с Москвой прибыльно, нежели дружбу терять.

— Не надо тебе, брат, ехать,— сказал юноша Владимир Андреевич.

Сам он в тот раз не мог сопровождать любимого двоюродного брата — ожидал из Литвы вестей, когда сватов посылать. А на этот брак его с дочерью Ольгерда весьма рассчитывали в Москве, надеялись, что, может, породнившись, перестанет великий князь литовский дружбу водить с Михаилом тверским.

— Благословляю тебя, сыне мой, ехать,— сказал митрополит Алексий.

— Поеду! — твердо сказал Дмитрий. — Я и сам знаю, о чем расскажу нехристю, а чего утаю.

Был он теперь не прежним юношей, какой слушался советов бояр и митрополита. Двадцать лет ему исполнилось, он стал мужем, уверенным в себе, сам решал, когда и как надо поступать.

Выехали из Москвы 15 июня 1371 года. Поездка была обставлена с пышностью неслыханной. Дмитрия сопровождало многое число бояр. Все они соперничали друг с другом богатым вооружением, статью коней, солнце горело на их островерхих шишаках и на кольчугах. Следом за ними ехали дружинники, сотни слуг вели под уздцы коней, груженных вьюками.

Еще ни один русский князь не ездил в Золотую Орду с таким блеском, с такими богатствами. В Москве хотели не только задобрить Мамай и татарских вельмож, не только договориться по-мирному о многих делах, но и поразить ордынцев возросшим могуществом Руси.

Загремели первые грозы

1 **Д**митрий и его спутники прибыли в Сарай-Берке. Но там ему пришлось ждать несколько дней, пока всеильный повелитель Золотой Орды Мамай не соблаговолил его принять.

В шатер Дмитрий вошел один. Богатырь с виду, встал он посреди и смело взглянул на Мамаю.

А тот, маленький, тщедушный, в окружении телохранителей восседал на шелковых подушках, поджав ноги, и своими хитрыми черными глазками внимательно изучал коназа русов. Оба долго молчали...

Как выглядел Дмитрий, мы знаем из древнего «Слова о Дмитрие».

«Беаше (был) же сам крепок зело и мужествен, и телом велик, и широк, и плечист... и тяжек (дороден) собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело...»

Больше месяца прожил Дмитрий в Орде. Сколько раз встречался он с Мамаем на тайных, только с одним толмачом, беседах, сколько раз виделись они на многолюдных пирах — неизвестно; все богатства, какие Дмитрий привез с собой, все роздал щедрой рукой не жалеючи.

Вел он себя на переговорах, как всегда в жизни: спокойно, осторожно, осмотрительно, с достоинством, стремился внушить к себе доверие. Он убеждал Мамаю, что нечего тому опасаться Москвы, напоминал, что еще от деда его, Ивана Калиты, пошла дружба между Москвой и Ордой. А тем временем бояре московские втихомолку подкупали собольими шкурками того или другого ордынского вельможу.

Мамаю смущала молодость коназа московского. Но Москва добросовестно выплачивает ежегодную дань-выход. Золотоордынские купцы караванами ездят в Москву и с большой выгодой там торгуют. А врагов у Мамаю и в самой Орде и за ее пределами много больше, нежели куропаток в степи. Мамай понимал: лучше с Москвой жить в мире...

Наконец он решился и в торжественной обстановке во всем ему покорный хан вручил Дмитрию ярлык на великое княжение.

Записал летописец: «На ту же осень князь великий Димитрей Ивановичь выиде из Орды... все по добру и по здорову, такоже бояры его и слуги. А княжения великого под собою подкрепи, а супостаты свои и супротивники посрами».

Под супостатами и супротивниками Дмитрия летописец, очевидно, разумел соседей Москвы – Михаила тверского и Олега рязанского.

Михаил тверской, когда был в Орде, задолжал там за свой, оставшийся бесполезным, ярлык десять тысяч рублей и оставил в заложниках сына Ивана. Дмитрий уплатил за княжича сполна и повез его с собой как пленника. Только через год отец смог его выкупить.

Москва, конечно, стала много богаче Твери. Но в тот раз щедрость Дмитрия крепко ударила по «людишкам» городским и сельским – платить-то им пришлось как бы не в два раза более, нежели прежде. Говорится в летописи: «И бышеть от него (от Дмитрия) по городам тягость данаа велика людям».

Понимали в народе: надо Москву поддержать, надеялись, может, в последний раз так нещадно тянут княжеские тиуны. А иным беднякам, случалось, и отдавать было нечего. Сбегали такие с семьями в глухие края, где их не достать; там, на новых местах, жить начинали...

Дмитрий был в Орде, когда поднялась война между Москвой и Рязанью за слободу Лопасню, которую отняли рязанцы у своего соседа еще при Иване Красном.

Князь Олег рязанский, ни разу не испытавший силы Москвы, идучи в поход, похвалялся, что его воины перевяжут москвичей без боя, однако в первой же битве возле села Скорнищева потерпел от воевод московских сокрушительное поражение. Летописец записал, что рязанцы «падали, аки снопы».

Но Дмитрий не успел воспользоваться победой. Опять поперек его дороги встал неумный Михаил тверской, которому снова удалось заключить союз с зятем Ольгердом. В третий раз литовцы и тверичи двинулись на землю Московскую. Они пожгли Дмитров и Переславль-Залесский, а заодно и Торжок, разбили новгородскую рать. Их поход сопровождался не только поджогами, по пути они грабили жителей, убивали всех тех, кто не успел убежать.

Дмитрий собрал московские полки и полки подручных ему князей и повел соединенную рать на Ольгерда.

Возле города Любутска противники встретились. Несколько дней стояли они друг против друга, глубокий овраг разделял их. Ни одно войско не решалось первым перейти рубеж.

В конце концов был заключен мир. Ольгерд повернул свои полки, Дмитрий обязался не мстить Михаилу, новгородский наместник смог возвратиться в Торжок. Только теперь была торжественно отпразднована давно задуманная свадьба Владимира Андреевича серпуховского с дочерью Ольгерда Еленой...

2 **В**есь следующий, 1373 год выдался необычно тихим. А затем новая напасть подобралась к Москве.

До этого времени Дмитрий со своими боярами жил мирно, держал с ними совет, награждал по заслугам, мирил и судил их. И бояре были довольны его судом, не тяготились его властью над ними. Когда от других князей переходили в Москву на службу бояре со своей челядью, Дмитрий жаловал каждого по достоинству, не в ущерб старым боярским родам.

А тут среди ближнего окружения Дмитрия неожиданно завелась измена. В 1374 году старик тысяцкий — Василий Васильевич Вельяминов — умер. Властному Дмитрию, наверное, докучило разделять управление государственными делами хоть и со сметливым, но строптивым помощником. Он понял, что настал час полностью взять бразды правления в свои руки. Поначалу он медлил, помалкивал, а потом неожиданно объявил боярам, что тысяцкому на Москве больше не бывать.

Таков был весьма важный и мудрый шаг молодого, но мыслившего далеко вперед московского князя. Дмитрий понимал, что сильная власть, сосредоточенная в руках его одного, будет способствовать росту могущества Москвы.

И он решился на этот шаг.

Но старший сын покойного Василия Вельяминова, боярин Иван Васильевич, который был убежден, что станет тысяцким после отца, тяжело оскорбился таким решением Дмитрия. Он начал перешептываться с московскими купцами, переманивать их на свою сторону, да еще послал Михаилу тверскому тайную грамоту, советовал не откладывая повести войско на Москву, упоминал, что в Москве найдутся ему доброхоты.

Записал тогда летописец: «Оттоле возгорется огонь».

Михаил, получив грамоту, воспрянул духом. Он послал одного гонца к Ольгерду — в четвертый раз звать его в поход на ненавистного им обоим Дмитрия, а другого гонца отправил в Москву с ответной грамотой к Ивану Вельяминову.

И того гонца слуги московского боярина Федора Андреевича Кошки по пути «поимали».

Дмитрий как прочел перехваченное послание Михаила, так воспылал гневом. Он приказал взять под стражу «вора-боярина»¹, но тот, предупрежденный доброхотами, успел убежать в Тверь «со многою лжею и льстивыми словесы». Вместе с ним убежал и другой недовольный действиями Дмитрия — сурожский купец Некомат, которого летописец именует «Брѣхом» (Сурож — нынешний Судак в Крыму).

В то лето беспокойно было на Руси.

¹ «Ворами» называли тогда всех тех, кто отказывался повиноваться старшему, в данном случае боярин Иван Вельяминов — великому князю Дмитрию.

В Нижнем Новгороде поднялся народ против произвола золотоордынских послов, которые «многие пакости твориша»; их перебили или утопили, а заодно убили и нескольких татарских купцов.

Тогда же новгородские ушкуйники снарядили небывалый поход. На девяноста ушкунях поднялись они вверх по Волхову, далее волоком перебрались в Мологу, оттуда на Волгу и поплыли вниз по течению. По пути они грабили и жгли подряд все города, начиная с Костромы, а жителей забирали в плен, разграбили Нижний Новгород, города и селения Булгарского царства, добрались до ханской столицы Сарай-Берке, там учинили погром, но в конце концов все до одного были перебиты золотоордынцами.

Расвирепевший Мамай усмотрел во всех этих действиях тайные козни Москвы. Он решил, что его все время пытались обманывать. Он счел коназа Дмитра виновником и подстрекателем «пакостей» и стал собирать тумены, чтобы наказать Москву за неповиновение.

И тут весьма кстати для Мамаю прибыли в Орду из Твери посланцы от Михаила, те самые изменники московские — боярин Иван Васильевич Вельяминов и купец Некомат. Говорили они Мамаю:

— Князь московский и его бояре — враги Орде и всегда были врагами. Они денно и ночью куют против Орды крамолу. Набирай рать, иди на Москву без промедления, а Тверь с другой стороны поведет полки.

Мамай долго не раздумывал и послал Михаилу ярлык на великое княжение, одновременно сулил помочь ему в будущей брани.

Окольными путями Иван Вельяминов и Некомат вернулись в Тверь. Михаил поверил их словам, что Мамай готов идти на Москву. Он решил, что в столь благоприятный для него час ему поможет и зять Ольгерд.

И решил объявить Дмитрию войну.

Но осторожный Ольгерд прослышал от своих лазутчиков, что немецкие рыцари готовятся напасть на Литву, и потому медлил посылать подмогу шурину. Не смог поддержать Михаила и Мамай — в Орде против него поднялся очередной мятеж. Михаил остался в одиночестве.

Потерявший всякое терпение Дмитрий решил раз и навсегда покончить с Тверью. Помчались его гонцы ко многим князьям — и подручным, и независимым. Пришли на помощь полки суздальские, ростовские, ярославские, белозерские, стародубские, серпуховские, тарусские, оболенские.

Дмитрий повел свое многочисленное войско на Тверь. Двигалась его рать, сжигая по пути селения, и 5 августа 1375 года осадила город. Подошел на помощь москвичам и полк новгородский.

Стены из камня Михаил поставить не успел, были они деревянные, из дуба срубленные уже давно, в середину срубов земля насыпалась; теперь успели только снаружи глиной обмазать. И башни стояли

¹ Забороло, забра-
ло — деревянная
крыша над крепост-
ной стеной на под-
порках. В «Слове о
полку Игореве» чи-
таем: «Ярославна
рано плачет в Пу-
тивле на забрале...»

не слишком высокие, тоже дубовые, с малыми окошками-бойницами. А поверх стен шли забороло¹, чтобы из-за их прикрытия сподручно было стрелы метать.

В первые дни осады тверичи произвели успешную вылазку и подожгли «туры» — осадные башни на колесах или катках, которые москвичи подкатили к самым стенам. Но москвичей неудача не смущала. Осада продолжалась целый месяц. Михаил все надеялся на Литву и на Орду, но помощь ниоткуда не шла, в городе оставалось мало хлеба. В народе слышался ропот.

Говорится в летописи: «Князь Михайло, видев изнеможение граду своему, видев озлобление людем своим, видев труд и погибель чело-
веком и скотом, от глада бывающий, въсприя смирения и высла
изнутри града посла свои».

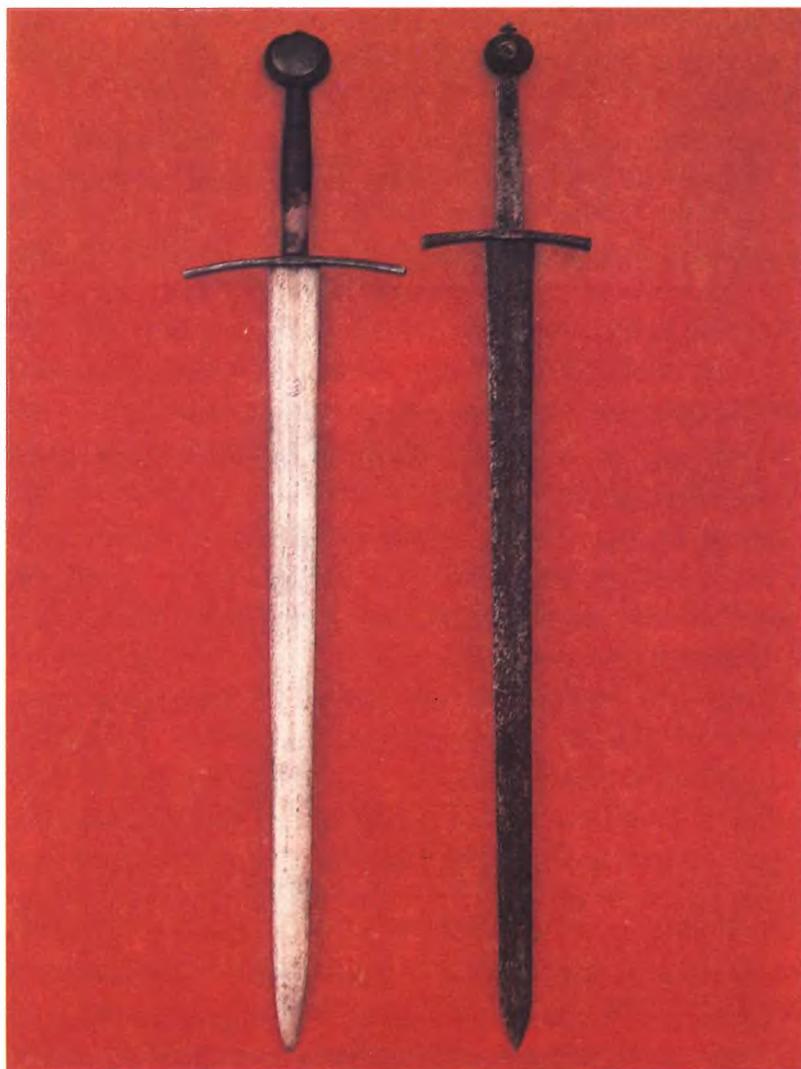
Понял Михаил: пришла беда, придется сдаваться на полную милость победителям. Отворились ворота Кремля, и епископ Евфимий с боярами вышли из города просить мира «по всей воле» у московского князя.

Начались переговоры, и 15 сентября был подписан мирный договор между Тверью и Москвой. Наконец после семи лет упорной борьбы Михаил склонил голову. Согласно пространной договорной грамоте, он признал себя «братом младшим» Дмитрию, обязался за себя и за сыновей своих, за племянников во всех возможных будущих войнах с Литвой и с какими другими недругами беспрекословно посылать полки на подмогу Москве, обязался за себя, за сыновей и за племянников никогда не «искать» великого княжения и не принимать от ханов ярлыки; наконец, он отказывался от всех прав на город Кашин, где сидели его двоюродные братья. Это последнее условие было особенно досадным для Михаила — оно означало, что исконно принадлежавший Твери удел Кашинский навсегда отходил из-под его власти. И был в том договоре весьма многозначительный раздел об отношениях с Золотой Ордой:

«А жити нам, брате, по сей грамоте: с татары оже будет нам мир по душе (добровольно); а будет нам дати выход, по душе же. А пойдут на нас татарове, или на тебе, битися нам и тебе с одного всем противу их; или мы пойдём на них, и тебе с нами с одного пойти на них».

«Мы пойдём на них». Какие смелые, исполненные силы и мужества слова! Впервые в истории Руси открыто и прямо было сказано о совместной борьбе против злейшего врага, против Золотой Орды. В этих исполненных достоинства и гордости словах слышатся давние чаяния не одной Москвы, а всего народа русского о свержении ненавистного ига.

«Мы пойдём на них!» Сии вещие слова с великой радостью повторяли в боярских теремах, и на многолюдных торжищах Москвы, и Твери, и прочих городов, по слободам и малым селениям.

Собирались люди, спрашивали один другого:
— Слышал? Слышал?

И поднималась, и росла надежда в сердцах людей русских...

Москва победила Тверь окончательно и бесповоротно. Эта победа была не только над Тверью, но и над ее союзницей Литвой, где вскоре, в начале 1377 года, умер давний московский недруг Ольгерд.

Страшна была судьба обоих московских изменников — боярина Ивана Васильевича Вельяминова и купца Некомата. При осаде Твери им удалось бежать. Они долго скитались по землям литовским и улусам ордынским, не зная ни покоя, ни приюта, из Орды Иван Вельяминов послал в Москву «некоего попа», чтобы отравить Дмитрия. Того попа «поимали» и нашли у него «злых лютых зелий мешок», его пытали, он признался, кто его подговорил, и был сослан в заточение на дальний Север.

В 1379 году Иван Вельяминов тайно выехал из Орды, намереваясь пробраться в Тверь. Жившие в Орде московские купцы дали знать о том Дмитрию. По пути изменника схватили, привезли в Москву, и

Эти мечи из Западной Европы, но ими могли быть вооружены во время Куликовской битвы и русские воины и монголо-татары, а также генуэзцы.

Так были вооружены пешие русские воины князя Дмитрия Донского: шлем с наплечной бармицей, кольчуга, панцирь из металлических пластин, меч, копьё, щит, лук, колчан со стрелами.

там, на Кучковом поле, палач отрубил ему голову. Это была первая всенародная казнь знатного боярина. Она произвела на москвичей сильнейшее впечатление.

А родные братья казненного, Тимофей и Микула Вельяминовы, продолжали верой и правдой служить Москве, занимали значительные должности.

Четыре года спустя был пойман и так же казнен купец Некомат.

3 Дмитрий на Руси, так же как и Ольгерд в Литве, сумел объединить под своей властью многие земли.

А повелитель Золотой Орды Мамай никак не мог подчинить многих владетельных мурз. Распадалась Золотая Орда. Туго приходилось Мамаю — с одним мятежником удавалось ему справиться, другой против него поднимался. На востоке — по Яику (Уралу) и далее к берегам Аральского моря и по низовьям Амударьи и Сырдарьи находилось государство Белой Орды. После долголетней и кровавой междоусобной распри, уничтожив многих ханов-соперников, властвовал там хан-чингизид Тохтамыш. Он зорко следил за раздорами, кипевшими в соседней Золотой Орде, и, как тигр в засаде ждет на оленьей тропе, так и он ждал, терпеливо и скрытно готовился к будущим битвам.

И на Руси зорко следили за ордынской «замятней» в княжеских и боярских теремах, в купецких хоромах, в малых избушках посадских и сельских. Та «замятня» будоражила сердца русских людей, никто не оставался безучастным. В Москве и в других городах русских собирался народ на торжищах. Толковали простые люди:

— О чем думает великий князь Дмитрий Иванович? Чего наши князья и бояре ждут? Не пора ли вынимать мечи из ножен и вести нас на врагов?

А бояре советовали опасливее быть. Татары не литовцы, не рыцари немецкие, не поволжские болгары. «Великая замятня» в Золотой Орде бушует, но Мамай хитер и умен, сейчас ему не до русских дел, а коли улыбнется ему успех, коли сумеет он поломать у восставших мурз хребты, снова Золотая Орда воспрянет, поднимется, как бывало при хане Узбеке и при хане Джанибеке. И советовали бояре: пока дань-выход попридерживать, а коли посылать, то с запозданием, да жалиться на недород, на засуху, ну и всеконечно заверять в прежней вечной дружбе Москвы с Ордой. А там видно будет...

В эти годы, ища защиту от набегов отдельных ордынских отрядов, по своей воле присоединились к Московскому княжеству народы, жившие по Средней Волге и по ее притокам, — чуваша, мордва, черемисы и другие родственные им племена. Они стали дань

платить Москве. А поволжские болгары, случилось, грабили московские купецкие суда, плывшие по Волге.

В Москве было решено наказать болгар, хотя они и являлись данниками Орды.

Был у Дмитрия отважный воевода — Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Еще в молодых годах перешел он с семьей и с дружиной от южных пределов, с Волынской земли, к московскому князю и с тех пор верой и правдой ему служил.

Дмитрий послал его во главе московского войска на болгар. Весной 1377 года поплыли русские ладьи вниз по Волге. Высадилась рать близ города Болгар и осадила его. А из-за городских стен стали палить каменными ядрами из тюфяков — тогдашних пушек. Не знали тогда русичи, что это за чудо такое — огнестрельное оружие, но не испугались и не отступили.

Болгарский князь, убедившись, что огненное зелье (порох) и тюфяки не помогают, запросил мира. Пришлось ему выплатить пять тысяч рублей серебром и признать над собой власть Москвы.

Мамай сильно разгневался на Дмитрия за нападение на его данников, но руки у него были тогда связаны «великой замятней», и он подговорил некоего белоордынского царевича Араб-шаха.

— Русы слабы и трусливы, — прельщал он его, — их легко победить и взять с них богатую добычу.

Араб-шах согласился, и Мамай пропустил его рать через владения Золотой Орды. Слухи полетели, что некий царевич Арапша, как называли его летописцы, «свирип зело и ратник велий», ведет войско на Русь. Однако бывшие в Орде московские купцы не смогли прознать, с какой стороны ожидать врага.

Дмитрий двинул полки навстречу белоордынцам по двум направлениям: и на свои юго-восточные рубежи, и на восток, на помощь нижегородцам.

Его тесть, Дмитрий Константинович суздальский, в те годы перенес свой стол в Нижний Новгород, который сильно разросся благодаря выгодному расположению при слиянии Волги с Окой.

С той поры значение Суздаля, этого древнейшего и некогда славнейшего на Руси города, мало-помалу пошло на убыль...

Новая столица была укреплена, подновлены прежние дубовые стены. Нижегородцы готовились встретить врагов.

Дмитрий Константинович узнал о приближении рати Араб-шаха и послал войско против него во главе со своим сыном Иваном; к ним по дороге присоединился и полк московский.

Тем временем основные силы Дмитрия уже более месяца стояли на своих рубежах, о белоордынцах ничего не знали и в конце концов вернулись в Москву.

Нижегородские воеводы и воеводы отдельного московского полка также ничего не знали об Араб-шахе. Где-то на реке Пьяне,

Древние шахматные фигуры из дерева и кости ручной и токарной работы.

притоке Суры, от безделья военачальники то охотились, то пировали, простые воины рыбу ловили, все их оружие и доспехи оставались на подводах. И даже часовые не выставлялись.

С насмешкой и с осуждением записал летописец:

«Они же оплошишася и небрежением хожяху (оплошали, потеряли бдительность), доспехи своя на телеги въскладаху, а инии — в сумы, а у иных сулицы (короткие копьа-дротики) еще не насажены бяху, а щиты и копьа не приготовлены. А ездят, порты своя (одежду) с плечь спущав, а петли разстегав, аки роспреди, бяхше бо им варно (жарко), бе бо в то время знойно. А где наехаху в зажитьи (в окрестностях) мед или пиво, и испиваху до пьяна без меры и ездят пьяни. Поистине — за Пьяною пьяни!» Такую игру слов вставил летописец в свой рассказ.

2 августа 1377 года в самый палящий полдень незаметно подошла к лагерю русичей рать Араб-шаха. Дорогу показали местные князьки.

Белоордынцы внезапно ринулись на беспечных. Воины русские сражались храбро и дорого отдали свои жизни. Но по вине военачальников поражение было полным. Множество ратников погибло или потонуло, в том числе и князь Иван нижегородский.

Преувеличенные слухи о приближении вражеской силы долетели до Нижнего Новгорода. Дмитрий Константинович с семьей бежал в Суздаль, горожане переправлялись через Волгу и скрывались в лесах, иные плыли в ладьях вверх по Волге.

Белоордынцы устремились на беззащитный Нижний Новгород, предали его огню и грабежу, немногих оставшихся жителей в плен повели. Упоенный легкой победой, Араб-шах повернул на Рязань, опустошил и пограбил рязанские пределы, однако к Москве идти поостерегся и с огромной добычей воротился в заволжские степи.

4 амай, убежденный, что русы — худые вояки, решил, что пришла, наконец, пора заставить покориться зазнавшегося коназа Дмитрия. На следующий, 1378 год он направил полки на Москву. Во главе войска шел преданный ему темник, не знавший поражений мурза Бегич.

Кратчайшим путем, сквозь землю Рязанскую, быстро двигались золотоордынцы на Москву, нигде по дороге не задерживались, проходили мимо городов и селений, рассчитывали напасть внезапно.

В Москве слишком поздно узнали, что идет скорым шагом сила вражеская, а сколько рати — никто не считал. Времени почти не оставалось, послать за подмогой в другие княжества не успели.

Сам Дмитрий повел московскую рать навстречу врагам. Переправились через Оку, вступили в пределы рязанские. Из союзных князей

подоспел привести свой малый полк на подмогу лишь один Даниил пронский.

Встретились противники на притоке Оки, малой речке Воже. Несколько дней стояли они друг против друга. Русичи на левом крутом берегу, золотоордынцы — на правом низком. Воины осыпали друг друга бранью, стрелами перекидывались. Дмитрий не собирался первым переходить реку, наоборот, повелел своим полкам отступить, но недалеко.

А Бегич знал: коли возвратится без боя вспять, Мамай разгневется и не снести ему головы. Он решил: раз русов не видно, значит, можно переходить реку вброд.

Было это 11 августа 1378 года.

А русичи стояли за кустами, незамеченные, ждали, высматривали, как татары переправлялись, с каким усилием поднимались в гору их кони. Позади врагов оказался крутой берег и река. «Татарове переехаша на сю сторону и удариша в кони свои... и тъкнуша (ударил) на наших», на большой полк, который возглавлял сам Дмитрий.

Бегичу и его темникам не было видно, что в кустах за пригорками справа и слева также стояли полки русов.

В этот час оба скрытых крыла русских войск внезапно обрушились на врагов. Правое крыло было под началом Даниила пронского, левое вел окольный Тимофей Васильевич Вельяминов.

Золотоордынцы не выдержали натиска с трех сторон и ударились в бегство. Записал торжествующий летописец:

«О том часе повергоше (побросали) копя своя и побегоша за реку за Вожу, а наши поспе за ними (преследовали), бьючи их, и секучи, и колючи, и убиша их множество, а инии в реце истопоша (утонули)».

Победа была скорой, сокрушительной и полной. Но из-за сильного тумана только на следующий день перед обедом русские полки смогли отправиться в погоню и наехали на брошенный вражеский обоз. Добыча им досталась знатная — кибитки, шатры, оружие, скот и даже веревки, чтобы пленных вязать.

Воротилось русское войско в Москву под торжественный звон колоколов, а вдовы убитых плакали горючими слезами. Летописец назвал двоих воевод — Дмитрия Монастырева и Назара Кусакова, головы свои сложивших. А сколько простых воинов погибло — о том он умолчал.

Великая радость охватила тогда всю землю Русскую.

— Мы победили, победили самых страшных наших врагов!

Все понимали: битва на реке Воже была не случайной схваткой между двумя летучими отрядами, а первым подлинным, с участием многих сил, сражением, первой крупной победой русичей.

И знали на Руси, что ту победу одержало войско московское под водительством князя Дмитрия. И глядели люди всех земель русских на Москву с надеждой, с уверенностью...

„Выступают кровавые зоры“

1 **П**оняли на Руси, что золотоордынцы вовсе не столь могучи и непобедимы, как привыкли их считать.

«И Мамай нечестивый тоже гневашася на великого князя Дмитрия о своих друзех и о князих, иже побьени быша на реце Воже...» Понял Мамай, что Москва нынче не прежняя, покорно, как было при хане Джанибеке, дань посылающая.

Он «възъярися злобою», и той же осенью, в который раз, послал рать на рязанцев, не принимавших участия в битве на реке Воже. Не ожидавший внезапного нападения, князь Олег рязанский бежал с дружиной за Оку, а «татарове... грады взяша и огнем пожгоша, и волости и села повоеваша, а людей много посекоша, а иныя в полон поведоша...». Возможно, у Мамай была цель — устроить Олега, чтобы тот не смел направлять полки на подмогу Москве...

Начали в Орде готовиться к новому большому походу на Русь.

Мамай завел переговоры с некоторыми мурзами из соседних улусов, каких подкупил, с какими помирился.

Поскакали его послы на Северный Кавказ и вверх по Волге — звать многих князьков, вождей различных кочевых племен помочь ему в будущей войне. Летописец назвал армен, черкасов, ясов-осетин, буртасов, очевидно, еще можно было добавить подвластных Орде поволжских болгар, а также какие-то не упомянутые летописцем племена. Сыпали ордынские послы всем их вождям золото, подкупали их, сулили богатую добычу.

Особое ордынское посольство отправилось в Крым договариваться с правителем (консулом) тамошних генуэзских колоний. За щедрое золото получили послы обещание — будет направлен в подмогу Орде хорошо вооруженный отряд «фрязей», как называли русские летописцы крымских генуэзцев, переселенцев из Италии...

Тем временем хан Золотой Орды Магомет-Султан умер, видимо, был тайно отравлен. Нового чингизида Мамай искать не стал. Его недруги подозревали, что он собирался после победы над русами нарушить высокомерный завет Чингисхана и самонадеянно провозгласить себя ханом Золотой Орды. А в победе своих войск у Мамай не было никаких сомнений.

Повелитель Белой Орды Тохтамыш продолжал зорко следить за действиями своих северных соседей — золотоордынцев. Пусть Мамай

Наконечники копий различных форм. XV век.

готовится к войне с кем хочет, хоть с далеким московским коназом, пусть они схватятся, как два тигра. Победит ли Мамай или победят русы — все одно Тохтамышу будет выгода, и он легко справится с обескровленными туменами Мамаю. Тохтамыш самолично расспрашивал белоордынских купцов, когда те возвращались из Золотой Орды. Расспрашивал он и тех купцов, какие прибыли из далекой страны русов: что за страна, богато ли там люди живут, храбры ли тамошние воины? Хан Белой Орды ждал будущих грозных событий, как ждет свою добычу рысь, притаившаяся в ветвях дуба.

И Дмитрий также зорко следил за всем тем, что творилось в Золотой Орде. От своих тайных соглядатаев, русских купцов, живших в Сарай-Берке, он хорошо знал о военных приготовлениях Мамаю. Понимали на Руси, что война с Золотой Ордой неминуема. И понимали, что будет та война беспощадна и кровопролитна, будет страшнее всех других войн, какие обрушивались на Русь.

Дмитрий послал лучших своих бояр по всем землям Русским — звать на помощь, вооружаться.

Во многих городах и весях снаряжались рати. Кузнецы и оружейники ковали мечи, копья, наконечники стрел, кольчуги, доспехи, шорники готовили упряжь, седла, портные шили тягилiai¹, щитники сбивали щиты. Все усердствовали — знали, для чего стараются, голов не поднимали; из кузниц с утра до вечера слышался перезвон молотов. А по селам отбирали коней порезвее, да кормили их посытнее, да не позволяли ни запрягать их, ни седлать.

¹ Тягилiai — толстая стеганка на войлоке, которую надевали простые воины вместо кольчуги. Иногда на нее нашивались железные полосы.

Суеверные летописцы, как всегда перед грозными событиями, поминали о различных зловещих знаменьях: хвостатая яркая звезда зажглась на небосклоне, перед восходом солнца часто выступают кровавые зори.

Сжимались сердца многих — какие беды, какие невзгоды нагрянут на землю Русскую? И ждал народ с надеждой, что выстоит Русь в грядущих битвах.

2 **И** вести из Золотой Орды день ото дня приходили все тревожнее. Будто сказал Мамай: «Мне нужны не пахари, а воины. В этом году никто не должен трудиться на своем поле: хлеб для нас посеяли на Руси!» Летописец поминал: «...не спешит царь... бо осени ждет, бе на осени быти на руския хлебы».

Всю весну и все лето 1380 года стягивал Мамай многие рати своих сторонников в степи междуречья Дона и его притока Воронежя. Три хана, семьдесят князей больших, тридцать малых в надежде поживиться пришли по зову Мамаю. Вряд ли он знал, сколько было у него войска. Персидские источники сильно преувеличивали, когда называли девятьсот тысяч...

Литвой тогда правил великий князь Ягайло — младший сын и приемник Ольгерда. Послы Мамаю сумели его убедить стать союзником Золотой Орды. И хоть не слыл Ягайло охочим до ратных походов и не было у него решительности и мудрости его покойного отца, но вельможам литовским крепко запомнились неудачи Ольгерда в борьбе с Дмитрием, а тут находился, казалось бы, надежный повод участвовать в расправе над Москвой и в будущем дележе земель Русских. А в победе над Дмитрием вельможи не сомневались. Уговорили они Ягайлу, и тот повелел собирать полки.

Знал Мамай, как деятельно готовятся на Руси к грядущей войне. Направил он гонца к Олегу рязанскому с грозным посланием: «Повеlevаю тебе прислать мне подмогу».

Положение Олега было крайне трудным. Он находился как бы между молотом и наковальней. Из всех земель Русских Рязань самой ближней была к Орде и всегда первая подвергалась опустошениям. Вот почему Олег отвечал уклончиво, дескать, трудно ему собирать полки, оправдывался, что после двух последних татарских разорений его города и веси совсем обезлюдели, народ разбежался.

В гневе послал Мамай к Олегу второго гонца с такой грамотой: «Я стою на рубежах твоей земли, если не исполнишь обещанного — я превращу ее в пастбища для своих коней».

Олег с давних пор враждовал с Дмитрием, и Рязань враждовала с Москвой. Но был он человек русский и втайне сочувствовал обще-

Стремя конного
воина с бронзовой,
украшенной узора-
ми обкладкой. Нов-
город, XIII век.

русскому делу. Отдельные бояре склоняли его на дружбу с Мамаем, но он знал, что весь народ рязанский — крестьяне, посадские, купцы со скорбью и гневом осудят дружбу в страшный для всей Руси час и не поднимут мечей на своих единокровных братьев.

Посоветовавшись с боярами, Олег посулил Мамаю помощь. А про себя он думал, как бы суметь остаться в стороне от будущей великой битвы, какая неминуемо произойдет где-то близ пределов рязанских...

Ягайло выступил с большой ратью на восток. Но войско его шло медленно, по десять, по пятнадцать верст переходы делали. Слал Мамай к нему гонца за гонцом, торопил его. А Ягайло жаловался на плохие дороги, на скудное питание людям и коням...

Дмитрию необходимо было выиграть время. Он попытался заверить Мамаю, что хочет мира, и направил к нему посла, окольного Захария Тютчева¹, с предложением начать переговоры, обещая платить дань, хотя и меньшую, чем при хане Джанибеке.

Тютчев прибыл в Орду. Мамай потребовал увеличить дань. Тютчев, несмотря на угрозы, бесстрашно отстаивал достоинство великого князя московского; на обратном пути он разорвал ханскую грамоту, унижительную для Дмитрия, и отослал ее клочки в Орду.

Поняли в Москве — страшная битва неминуема.

А раз так — надо спешить, нельзя ждать, нельзя допустить, чтобы Ягайло привел свои рати на помощь Мамаю. Из Москвы поскакали по всем уделам русским гонцы, звали идти в поход немедля, стягивать полки к Коломне.

¹ Захарий Тютчев — предок поэта Ф. И. Тютчева.

3

о нашего времени дошло почти в ста списках замечательное произведение древнерусской литературы — «Сказание о Мамаевом побоище». Написано оно было в начале XV века¹, то есть некоторое время спустя после великой битвы, когда память народная ослабла, а сочинителю повести захотелось расцветить, разукрасить свой рассказ. Поэтому к тому, о чем пойдет речь на следующих страницах, надо относиться с некоторой осторожностью — было ли все так на самом деле или только могло быть, тем более что в летописях, написанных почти сразу после битвы, не упоминается о многом, рассказанном лишь в «Сказании» и в других позднейших преданиях...

¹ Вопрос о времени создания этого замечательного памятника древнерусской литературы является спорным, некоторые историки считают, что «Сказание» было написано позднее, а именно в конце XV века.

Всколыхнулась тогда вся земля Русская. «И ту приидоша много пешаго воинства и житеистии мнози людие и купцы со всех земель и градов...»

Понимали на Руси, что настала пора, когда всем, что имеешь, надо жертвовать ради Родины.

Тянулись к Москве или двигались напрямик на Коломну обозы с оружием, с хлебом, с овсом, гнали скот и коней, шли люди пешие, с котомками за плечами, ехали всадники с притороченными к седлам вьюками. Каждый шел или ехал с оружием, какое мог раздобыть. Всех богаче были вооружены княжеские дружинники. Ехали всадники с мечами и копьями, в кольчугах, на головах — остроконечные шишаки. Пешее войско было из крестьян и городских-посадских. Шли они с шестоперами, кистенями, ножами и топорами. Не шибко умели они воевать и стрелять из лука, но духом были крепки, знали, за что идут воевать — за землю Русскую.

У каждого — у князя и у простолюдина — было припасено по новой полотняной чистой нижней рубахе и паре холщовых онуч. Так уж издавна повелось на Руси — перед сечей надевать на себя все чистое.

Шли русские ратники, доверяя свои жизни и судьбу отечества главному военачальнику — великому князю московскому Дмитрию Ивановичу, знали они о его личных доблестях и верили в бранное искусство его воевод. Сказано про него, что он «стражу земли Русские мужеством своим держаше». А было ему тогда тридцать лет...

В летописях ничего не говорится о том предании, о каком идет рассказ в «Сказании о Мамаевом побоище»; а то предание позднее перешло во многие романы и повести, посвященные знаменательным для Руси дням. Одни историки говорят: «Да, так было», другие отвечают: «Не доказано!»

После кончины Алексея преемника ему поставить не успели. Негласным духовным главой Северо-Восточной Руси считался основатель и игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский.

Будто перед самым походом Дмитрий со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем серпуховским в сопровождении многочисленной дружины и отправился за шестьдесят верст от Москвы, в тот укрытый дремучими лесами монастырь, чтобы получить от Сергия благословение на битву.

Сергий был крупным церковным деятелем. Его глубоко почитали и князья, и простые люди. Несомненно одно: в те страшные для Руси дни Сергий мыслил о том же, о чем мыслили Дмитрий, его воеводы, его воины, о чем мыслил весь народ русский, — как победить!

Жили тогда в Троицком монастыре два монаха родом из Брянска — Александр Пересвет и Родион Ослябя.

Оба, посоветовавшись с Сергием, взяли оружие и вступили в ряды русского воинства.

Почему они так поступили? Ведь по строгим церковным канонам чернецы-монахи не смели даже носить оружия, не то чтобы сражаться.

А Сергий, чтобы поднять дух русского войска, решил нарушить эти каноны. Пусть каждый ратник знает: если два чернеца вступили в их ряды, значит, война против татар священна, значит, русские пошли сражаться за святое, за правое дело¹.

Дмитрий вернулся в Москву и повелел всем полкам идти на ратный подвиг.

Автор «Сказания о Мамаевом побоище», чья душа была переполнена теми великими событиями, какие довелось ему описывать, начертал взволнованные слова о том, как тремя потоками, через трое кремлевских ворот — Фроловские, Константино-Еленинские и Никольские — двинулись, сверкая оружием и доспехами, русские воины в путь к городу Коломне. А княгиня Евдокия сидела «на урундуде под стеколчаты окны» — на крыльце островерхого узорчатого терема. Со слезами на глазах провожала она своего нежно любимого мужа. А матери, жены, сестры и дети московских воинов теснились на кремлевской площади, стояли на тех улицах посадов, где должны были проходить полки. Они провожали своих сыновей, мужей, братьев, отцов и, плача, повторяли:

«Пошли с великим князем за всю Землю Руськую на остраа копя».

Много полков отовсюду стеклось в Коломну под стяг Дмитрия Ивановича. Сам он с главными силами прибыл 18 августа. Все луга вокруг города запестрели шатрами.

«И съвокупися князь великийи Дмитрей Ивановичь со всеми князьями рускими и со всею силою Руской земли и поиде вборзе (спешно) из Москвы противу поганых и прииде на Коломну, индеже собрав воев своих сто и пятьдесят тысящъ, опричь рати иных князей и воевод местных...»

Сколько же на самом деле собралось русского войска?

¹ О том, что «чернецы, бывше прежде бояре брянские» — Пересвет и Ослябя — находились в воинстве Дмитрия, указано и в летописи.

Разные цифры называют историки: и более ста тысяч ратников, и двести тысяч. Несомненно одно — их было меньше, нежели у Мамаю, раза в полтора.

«И от начала миру не бывала такова сила русских князей, якоже при сем князи (то есть при Дмитрие)...»

Пришли рати от земель, подначальных Москве, и от земель независимых. Пришел полк серпуховской и боровский князя Владимира Андреевича, привели московские воеводы полки стольного города, а также дмитровцев, можайцев и коломенцев, явились полки ярославский, углицкий, ростовский. С дальнего Белоозера, куда ордынцы и не заглядывали, прибыла рать, костромичи явились, тарусские и оболенские князья привели отдельный полк, пришли владимирцы, стародубцы. А тверской полк прибыл совсем малый, не сдержал князь Михаил Александрович договор с Москвой — и сам не поехал, и сыновей не послал. Зато два литовские князя — сыновья покойного Ольгерда, враждовавшие за литовский престол со своим младшим братом, великим князем Ягайло, привели полки: Андрей Ольгердович — псковский и полоцкий, а Дмитрий Ольгердович — брянский. Были полки переславский, муромский, козельский, елецкий. Не все упоминались в «Сказании о Мамаевом побоище», может статься, были рати мордовские, чувашские, мещерские, пермские, да еще удалыцы из далекого Великого Устюга, куда об ордынцах только молва доходила.

Жили тогда в Москве купцы из крымского города Сурожа. Дмитрий позвал десятерых из них — будут они свидетелями грядущей победы. А в победу твердо верил и Дмитрий, и все русское воинство.

Но были и такие, кто уклонился, не привел войска в Коломну.

Дмитрий Константинович суздальский не послал зятю подмоги, сослался, что свои рубежи оборонять надо.

Новгородские бояре с недоверием многие годы следили, как растет, как поднимается Москва. В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, что якобы не успели новгородцы собрать полки. Почему же другие успели? Вот Псков и Полоцк от Москвы дальше отстояли, нежели Новгород, а полки послали? Не вернее ли было другое? Порешили новгородские бояре на своем вече вовсе воздержаться от похода. Но нашлись среди простого народа новгородского молодцы, без боярского спросу прибыли они в Коломну и присоединились к остальным полкам. В «Сказании» упоминаются имена шестерых таких новгородцев. А сколько их осталось неизвестными?

И был еще князь Олег рязанский, чье положение оказывалось весьма щекотливым. Верно, не однажды собирал он своих бояр, спрашивал их:

— Как нам быть?

Давний соперник Дмитрия, он вряд ли желал победы Москве. Но победа Мамаю грозила очередным, в который раз, опустошением

Часть пелены с гробницы Сергия Радонежского. XIV век. Не менее нескольких месяцев усердные женщины вышивали цветными льняными нитями покров. Они изобразили великого молитвенника и радетеля за землю Русскую простым, исполненным мудрости крестьянином.

пределов рязанских. Да еще литовские полки могли двинуться на Рязань. Вот почему Олег вынужден был встать со своим войском в стороне, ожидая, чья рать верх возьмет: ордынская или русская?

Но не так думали простые рязанцы. Не спросясь своего князя, многие из них пошли защищать землю Русскую. Память народная донесла до нас имя некоего Софония Рязанца. И память эту он оставил после себя особую.

Во время всеобщего народного воодушевления рождались на Руси сказания и песни, в каких с волнением, гордостью, радостью и печалью из уст в уста от дедов к внукам передавались рассказы о славных боевых деяниях. И еще сочинялись повести, их много раз переписывали, иногда вставляли в летописи. Созданные неизвестными выходцами из народа, те повести были высоко поэтичны и проникнуты любовью к отчизне.

Подобное сочинение явилось вскоре после тех великих потрясений, какие переживала земля Русская в 1380 году.

Называется эта повесть «Задонщина». И написана она была, несомненно, еще при жизни Дмитрия, по свежим следам битвы. А создал ее, видимо, участник и свидетель великих событий, подлинный народный поэт Софоний Рязанец.

Любил он свою Родину и гордился тем, что родился русским. Выпало на его долю великое счастье первому прославить подвиг русского народа.

И несомненно, лежало перед ним на столе одно сокровище, какое ныне было бы много дороже груды золота и драгоценных камней. Лежала перед ним рукопись «Слова о полку Игореве», куда не раз и не два он заглядывал, шепча про себя и дивуясь...

«Задонщина» очень похожа на «Слово о полку Игореве». Сходный зачин, сходные обращения, отдельные эпитеты. И все же как много различий!

В «Слове» — «Тоска разлилася по Русской земли». Безвестный создатель «Слова» за двести лет до Софония глубоко страдал от того, что Русь была разобщена между отдельными враждующими княжествами, а «князи сами на себе крамолу коваху». И Русь была слаба, и враги ее побеждали. Создатель «Слова» только надеялся, что наступят лучшие времена и вернется былая слава на землю Русскую.

Софоний глубоко прочувствовал тот древний клич к единению всех князей. Брал он из «Слова» эпитеты, сравнения и метафоры и переиначивал по-своему: то на ликующий, радостный, обновленный лад, то исполненный скорби...

Не так уж много описано в поэме событий. Чувствуется, что Софоний словно захлебывался от восторга, от радости недавней победы, когда при свете лучины острым гусиным пером букву за буквой выводил строки.

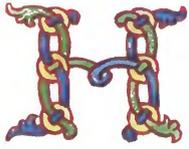
Вот как он описывал начало похода:

«Оле, жаворонок, летняя птица, красных дней утеха, возлети под синии облака, посмотри к сильному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичю! Ци буря соколи зонесет из земли Залеския, в поле Половецкое! На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Руской, трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону великого на брезе (стоят знамена у Дона великого на берегу)...»

И далее писал Софоний:

«Не стук стучить, не гром гремит,— стучит сильная рать великаго князя Дмитрея Ивановича, гремят удальцы руские злачеными доспехи и черлеными щиты...»

4

ынешние военные историки поражаются, сколь мудры и дальновидны были действия Дмитрия и его воевод, когда 20 августа они направили русское войско от Коломны не прямо на юг, а повернули на запад и пошли по левому берегу Оки вверх по течению.

Полки дошли до устья речки Лопасни. Там тремя бродами переправились через Оку. Далее вся огромная рать, конная и пешая, с груженными разной кладью и продовольствием повозками, с многочисленными гуртами скота повернула на юг, растянувшись на много верст.

Почему русское войско не стало переправляться через Оку у Коломны? Дело тут было вовсе не в более мелких бродах — «перелазках» — близ устья речки Лопасни. Дмитрий знал, что Олег рязанский со своим войском стоит недалеко к востоку, но не имел и понятия о его намерениях — враг ли он или хочет остаться в стороне. Оттого и повел Дмитрий свое воинство в обход Рязанского княжества.

От лазутчиков он и его воеводы знали, что великий князь литовский Ягайло находится где-то западнее и ведет войско на соединение с Мамаем.

И пошли русичи на юг, имея рязанскую рать недалеко справа, а рать литовскую где-то слева.

Наконец прискакал гонец с известием: полчища Мамая перешли на правый берег Дона выше устья Красивой Мечи.

Дмитрий повел русское войско навстречу. На всякий случай он выделил против Олега отдельный отряд и тем ослабил русскую рать.

Леса кончились. Полки Дмитрия вступили в степи¹, куда уже двести лет как русские рати не хаживали.

¹ Это нынешняя Тульская область.

Когда-то по малым селениям жили там русичи мирно, сеяли хлеб, охотились, рыбу ловили. Но не было в тех степях надежной защиты с юга. Случалось, налетали половецкие отряды, грабили, жгли и вновь скрывались. А потом было нашествие Бату-хана, и начались частые набеги ордынские.

И те степи совсем обезлюдели. Уцелели по берегам рек и речек, на земле, никому не принадлежавшей, под укрытием колючего кустарника лишь редкие заимки «вольных людишек». Оттого-то и стали называть те степи Диким полем. Дмитрий, его воеводы и все простые ратники понимали: надо идти вперед, не дать литовским полкам соединиться с полчищами Мамая.

Русское войско растянулось, донимала палящая жара, и потому оно двигалось медленнее, чем того неумолимо требовала обстановка. Переходы делались всего по пятнадцати, по двадцати верст в день.

В ковыльной степи идти войску стало легче. Вышли полки к Дону и направились вдоль его левого берега. Утром 6 сентября вся русская рать встала лагерем против впадения в Дон реки Непрядвы. «И выидоша в поле чисто на усть реки Непрядвы...»

Лазутчики донесли, что силы Мамая находятся всего в одном переходе и медленно движутся вперед.

А другие лазутчики донесли, что литовцы недалеко — в городе Одоеве.

Дмитрий созвал совет старейших князей и воевод. Как быть? Остаться ли на месте, укрепиться ли лагерем и ждать? Но тогда соединятся силы татар и литовцев. Долго совещались, в конце концов было решено: пока литовцы не подошли, переходить Дон немедля. Знал Дмитрий, и воеводы знали, что Дон глубок и окажется позади их полков, а берег его крут. Коли худо придется — отступить будет некуда.

В летописи рассказывается, что тогда прибыл гонец из Троицкой обители с посланием от Сергия. Старец писал Дмитрию, пусть он без страха и с верою в грядущую победу шел бы вперед.

Чтобы еще выше поднять и без того высокий дух войска, Дмитрий распорядился прочесть грамоту Сергия перед всеми полками.

Весь день, весь вечер, всю ночь переправлялись — конные разными бродами, пешие вплавь или на плотках, наскоро связанных.

К восходу солнца все войско было на правом берегу Дона.

Утром Дмитрий с воеводами отправился осматривать местность, которая расстилалась перед ними. Пространство между реками Доном и Непрядвой называлось Куликовым полем. Оно оказалось открытым, но неровным, повсюду поднимались невысокие холмы, тянулись гривы, торчали кочки.

Излюбленный еще со времен Чингисхана татарский способ воевать — пускать всадников двумя колоннами вперед, потом заворачивать вправо и влево, осыпая стрелами на всем скаку пеший строй противника, — тут не принесет врагам удачи, будут их кони по кочкам, по буеракам, по колдобинам спотыкаться.

Да еще овраги с крутыми склонами, заросшие колючим кустарником, стесняли местность с обеих сторон. Не сможет Мамай сразу ввести в бой все свое огромное войско, да овраги не позволят татарской коннице ринуться в обход.

И понял Дмитрий и его воеводы, что лучшего поля для битвы не сыскать.

„И выстъвь реча Зла и велика“

1 огласно обычаю, русская рать разделилась на семь полков, в каждом были и конные, и пешие воины. В середине развернулся большой полк москвичей и владимирцев под началом воевод Михаила Бренка, Микулы Вельяминова и Семена Мелика. На полверсты перед большим полком был выдвинут полк передовой брянцев, псковичей и полочан под началом братьев-князей, выходцев из Литвы — Дмитрия и Андрея Ольгердовичей, а еще впереди встал малый полк сторожевой. На полуверсте сзади большого полка развернулся полк запасной князей тарусских и оболенских. На правое крыло встали ростовцы, угличане, ярославцы, стародубцы. Правее их текла, вся в густом кустарнике, речка Нижний Дубняк, там враги не смогут обойти русское войско. На левом крыле встали белозерцы и другие рати. Тут не было сбоку надежной защиты, но сзади в лесу за речкой Смолкой укрылись ратники полка засадного под началом московского воеводы Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. К нему был приставлен молодой князь Владимир Андреевич со своими серпуховцами и боровцами, были с ними и еще полки.

Вечером огромный стан задымился от множества костров. Воины были молчаливы, не слышалось громких разговоров, песен. Все знали, какой настанет завтра день. Показались передовые тумены Мамаея. Заходило солнце. При неровном свете наступающих сумерек сквозь пыль было видно, как пешие и конные вражеские полки всё подходили и подходили, верстах в трех останавливались, растекались в обе стороны, зажигали костры...

Настала ночь. Дмитрий и Боброк-Волынский сели на коней и вдвоем потихоньку отправились объезжать спящее русское воинство. Чтобы не разбудить ратников и чтобы враги не услышали, копыта их коней были обвязаны тряпками. Ехали шагом, кое-кто из воинов поднимал голову, провожал всадников взглядом, опять засыпал. Из оврагов слышался зловеющий волчий вой...

Костры у Мамаева войска горели и ближе и дальше, и еще дальше. Дмитрий знал, что ордынцы не любят воевать по ночам, а все же повелел воинам сторожевого полка быть наготове.

Сказано в «Задонщине»:

«Прилелеяша великиа тучи на Руськую землю, из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быти стуку и грому

велику... пасти трупы человеческого на поле Куликове, пролится крови на речке Непрядве...»

8 сентября 1380 года солнце поднялось в тумане и ничего не было видно. Воины, отведав пищи, испив водицы, расправляли плечи, осматривали оружие, иные надевали кольчуги и шлемы, иные — тягилы и войлочные шапки, строились в ряды, оглаживали коней...

Записал Софоний, что Дмитрий, «воступив во златое свое стремя, всед на свой борзый конь и взял свой меч в правую руку... Солнце ему ясно на вьстоцы (на востоке) сияет и путь поведает...».

Когда туман начал понемногу рассеиваться, Дмитрий на белом коне в сопровождении знаменосца поскакал объезжать полки. Сверкали его доспехи, алый плащ развевался по ветру, солнечные лучи играли на еловце (на острие) его шлема.

Знаменосец, ехавший сзади, держал на плече широкий великокняжеский стяг — на черном с золотом полотнище было вышито огромное изображение Христа — «Нерукотворный Спас».

Объехав ряды воинов, Дмитрий вернулся к большому полку. Он подозвал своего давнего друга Михаила Бренка и сказал ему, что ставит его — искусного в ратном деле — главным воеводой, а сам решил сражаться рядовым воином. Он отдал Михаилу свои доспехи, шлем и плащ, взял кольчугу, копьё и щит простого воина, только меч себе оставил.

Прискакал гонец из сторожевого полка и сказал, что сквозь туман слышно, как татары приближаются.

Прислушались. Да, за клубами тумана словно шумел сильный вихрь либо водопад низвергался...

Подул ветер с Дона, и разом рассеялась мгла. Увидели русские воины, как впереди, во всю ширь поросшей ковылем и полынью степи будто накатывался черный вал. Записал летописец: «Се внезапу сила великая татарская с шеломяни (с холма) грядуща».

Медленно приближались враги. Сколько можно было видеть, все пространство чернело от множества пеших и конных. А вдали на холме красовался малиновый шатер самого Мамаю.

Медленно сближались татарские и русские всадники. Кони их едва переступали копытами... Сторожевой полк отступил, соединился с передовым. Не доезжая шагов сотни, и та и другая рати остановились...

2 сколько раз бывало раньше на Руси, что эдак встречались полки враждовавших между собою князей, стояли, стояли, ни одна рать не решалась первой броситься вперед, и стороны мирно расходились.

Поединок инока Александра Пересвета с татарским богатырем. Слева: монголо-татары во главе с Мамоем в короне, справа: русские воины, князья изображены в высоких шапках. Лицевой летописный свод XVI века.

Но в тот день не было надежды на мир в стане русских, все знали: не пронесет беда. Не единокровные князья спорили за порубежные угодья, а две страшные силы — защитники Руси и завоеватели Руси шли навстречу друг другу, и не могло быть между ними никакого мира.

Вдруг из вражеских рядов вырвался огромного роста всадник по имени Темир-Бей, а по «Сказанию» — Челибей. Громким голосом стал он звать на поединок любого русского витязя. На какую-то минуту молчанием отвечали ратники передового полка...

И тут инок Александр Пересвет выехал вперед на коне, с копьем наперевес.

«Выеде же Челибей из полку татарского хоробруя, велик и страшен, подобен же древнему Гольяфу¹. Видев же то чернец Пересвет и напустися на него... Он же паки устремися противу ему. И ударившись крепко, мало что земля под ними не проторжеся, и спадоша оба с коней на землю и скончашеся, ни един же от единого не отыиде».

Так оба богатыря — русич и враг — в один и тот же миг пронзили друг друга копьями насквозь, пали на землю и в один и тот же миг

¹ Гольяф — по библейской легенде, великан, побежденный юношей Давидом, который убил его камнем, брошенным из пращи.

испустили дух. А кони их, отпрянув в разные стороны, помчались по полю меж недвижными рядами обеих ратей...

Прошло несколько мгновений тишины... И почти одновременно в обоих войсках трубачи дали сигнал... И две лавины всадников устремились вперед, навстречу друг другу, с гиканьем, воем, сверкая мечами, саблями, копьями...

В наше время трудно представить, каким был тогда рукопашный бой. Сказал летописец:

«И абие (тогчас) отступишася обоя силы велиции вместо на длъг (долгий) час, и покрыша полкы поле на десяти верст от множества вой (воинов). И бысть сеча зла и велика, и брань крепка и трус (грозот) великъ зело».

Передовой полк русских принял на себя всю страшную тяжесть первого удара, но овраги и справа, и слева, в зарослях кустарников мешали ордынским всадникам, не давали им развернуться, броситься вперед и в обходы.

Сеча закипела ожесточенная, стон поднялся от ударов железа о железо. «Гремят мечи булатные о шеломы»,— писал Софоний. Всадники наскакивали, рубились отчаянно. Псковские, полоцкие, брянские дружины братьев Ольгердовичей держались стойко. Воины стеснились так, что, по словам летописцев, мертвому некуда было падать. «Паде труп на труп и паде тело татарское на телеси крестьянском».

А выходец из Персии — свидетель битвы — записал:

«И тогда серебро мечей приняло цвет блестящего рубина, головы бойцов заплясали под пение стрел и копий, а сердца их начали рвать одежды своего земного бытия».

Пешие ордынцы догадались обходить поле битвы по оврагам; прячась в зарослях кустов, они поражали русских из луков.

Передовой полк псковичей и брянцев потерял половину убитыми, был смят и начал отступать туда, где пространство между оврагами расширялось. Темники Мамаю воспользовались своим временным успехом и кинули на большой полк новые тумены. Одновременно они ударили и по рядам полка правой руки.

Десятки тысяч всадников сталкивались друг с другом вплотную. Какой надо было обладать отвагой, чтобы не осадить, не повернуть разгоряченного коня, да еще левой рукой сжимать поводья, да править конем, да направлять коня в тесноте то туда, то сюда! А еще каким метким глазом и опять-таки ловкостью надо было обладать, чтобы на всем скаку не промахнуться да ударить мечом по врагу!

Какими проворными и выносливыми были бойцы пешие, чтобы в тяжелых доспехах рубить и рубить сплеча, колоть копьем! Сколько у воинов было подлинного мужества, находчивости, ловкости, чтобы не растеряться, вовремя углядеть — не грозит ли враг сбоку или сзади, да еще держать в левой руке щит!..

И поидоша ^арезъ до ^апта . прешешимъ

Переправа войск московского великого князя Дмитрия Ивановича через Дон. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI века

Оба войска ожесточенно сражались и час, и другой, и третий. Оба войска были одинаково отважны, проворны, выносливы, мужественны, находчивы. Но русичи родину защищали. А разноплеменные ратники Мамая шли вперед, предвкушая грабеж, разорение, насилия, убийства...

Записал летописец: «И бысть сеча зла и велика и брань крепка...»

Главный воевода Михаил Бренок стоял под великокняжеским стягом. Сквозь клубы пыли, поднятой копытами коней, он плохо видел, что делается впереди. Ему пришлось довериться ратному искусству военачальников отдельных полков. Где сражался Дмитрий — он не знал, но еще в начале битвы поручил нескольким отважным молодцам быть возле него неотступно.

Гул битвы приближался к знамени. Враги начали теснить москвичей большого полка. Они приняли Михаила Бренка за великого князя и устремились к тому бугру, где развевался стяг. Русские отчаянно отбивались, сражались яростно. Полотнище знамени было изрублено, лохмотья свисали со сломанного древка. Воины передавали стяг из рук в руки, относили дальше в тыл.

Свидетель из Персии записал: «Копья ломались, как солома, стрелы падали дождем, мечи сверкали молниями, а люди падали, как трава под косою, кровь же лилась, как вода, и текла ручьем».

Сшибленные с седел, и русские, и ордынцы, поднимались и пешие бились обломками мечей и копий, душили, грызли зубами, пинали ногами, ударяли кулаками, подбирались сзади ко взмыленным коням, всаживали ножи в их животы, стаскивали всадников на землю, набрасывались на них.

Пал смертью воевода Михаил Бренок, пали московские воеводы — Микула Вельяминов, Семен Мелик и еще трое военачальников.

Запасной полк князей тарусских и оболенских подоспел на помощь. С новым ожесточением закипела сеча. Противник начал отступать.

Тем временем против полка правой руки устремились свежие силы вражеских всадников. Их встретили щетиной копий ярославцы, угличане, стародубцы. Враги то с гиканьем и воем на скакивали на русскую стену, то вновь откатывались.

Мамай обрушил свои отборные запасные тумены всадников на полк левой руки. Белозерцы, стоявшие там, первый натиск выдержали, но их было намного меньше, нежели ордынцев, врагам удалось разорвать строй пополам. Одновременно Мамай направил всадников на сильно поредевший большой полк сбоку. Столь же поредевший запасной полк устремился на выручку, намереваясь закрыть брешь. Мамай послал свои последние конные силы в прорыв, они осыпали русских тучами стрел, неудержимо рвались вперед и, предвкушая близкую победу, торжествующе завывали; их неистовый клич показился по всему полю брани.

Мамай верхом на коне стоял перед своим шатром и за облаками пыли не видел ничего. Он знал, что долгожданная победа близка, еще полчаса, еще час — и русы побегут, а его храбрые воины устремятся им вслед. Уцелевшие русы добегут до берега Дона, и там их всех или изрубят, или заберут в плен. Будет пленен и ненавистный

ко наз Дмитрий. Мамай предвкушал, как подведут к нему всего в крови лютого его врага и он повелит ему прикоснуться к своему стремени и заставит поклониться в ноги. И поволокут пленника в Орду пешим, привязанного за шею к арбе...

3 **И** в этот самый час в густом лесу у речки Смолки, где был укрыт засадный полк, стояли рядом воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский и Владимир Андреевич серпуховской.

— Что мы стоим? Что медлим? Самое время ударить сбоку всем полком! — горячился молодой князь, в нетерпении оглаживая своего коня.

Но Боброк был старшим.

— погоди, погоди, княже, — отвечал он. — Пусть враги глубже врежутся в ряды нашего воинства.

Наконец он приказал трубачу играть сбор. И тысячи всадников с поднятыми мечами или с копьями наперевес вырвались из леса. «Яко соколы на журавлиную стаю». Впереди всех, «златым шеломом посвечиваше», мчался Владимир Андреевич.

От пыли враги не видели, сколько свежего войска на них низринулось. Они продолжали стойко сражаться, но русов насканивало все больше и больше. Кто-то суеверно завопил:

— Убитые русы оживают!

Отдельные татарские всадники осадили коней. Увидели они, сколько русов скакало на них, и тоже завопили:

— Убитые русы оживают!

Многие из них повернули коней и устремились в бегство.

Издали Мамаю показалось, что побежало все его войско. В запасе у него не оставалось ни одного ратника, он вскочил на коня и тоже помчался вспять, «в мале дружине», всего с пятью верными телохранителями.

Увидели бегство Мамаю его темники и повелели своим воинам повернуть коней.

Пешие были брошены на произвол судьбы. Теснимые к крутому берегу Непрядвы, они отчаянно сопротивлялись, поодиночке спускались по колючим зарослям ежевики к самой реке и переправлялись вплавь, многие тонули; не успевшие спастись были изрублены все до единого.

Записал Софоний: «Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насеяша; а кровию их земля пролита бысть...»

И только тут спохватились: а где же великий князь?

Стали искать. Один воин говорил, что видел его с поднятым мечом в руках, другой видел его позже, четыре татарина окружили

его, он же отважно сражался с ними, третий вспомнил, как Дмитрий выбирался из-под павшего коня и стал биться пеший.

Владимир Андреевич поскакал с отрядом воинов на поиски. Трупов всюду было навалено такое множество, что пришлось спешиться. Вскоре обнаружили тела тех воинов, каким покойный воевода Михайло Бренок поручил охранять Дмитрия.

— Вот великий князь убитый! — воскликнул кто-то.

Подошли к мертвому, Владимир Андреевич наклонился. Нет, обознались, то лежал дальний родич Дмитрия, князь Федор белозерский, который был на него очень похож.

Наконец набрали на Дмитрия, лежавшего под кустом в изорванной кольчуге, с окровавленной головой. Увидели его, «бита велми», «едва точию дышуща». Вспрыснули на него водой и привели в чувство.

Несмотря на свой тридцатилетний возраст, он был тучен и уже тогда страдал сердечной болезнью и одышкой. Вот почему, сражаясь с таким ожесточением и час, и другой, и третий в тяжелой кольчуге, в шлеме, давящем на лоб и виски, да еще раненный в нескольких местах, он просто не выдержал страшного напряжения сил и потерял сознание.

Битва затихла.

Уцелевшие воины Мамаю беспорядочно бежали, нахлестывая усталых коней.

За ними погнались всадники запасного полка, которые были менее утомлены. Двадцать пять верст, до переправы через реку Красивая Меча, преследовали победители врагов. Добыча им досталась несметная: повозки с добром военачальников, оружие, кони, скот. В их руки попал шатер самого Мамаю с подушками, коврами, мехами и драгоценностями.

Так полной победой закончилась самая кровопролитная битва, «якоже от начала мира не была такова», — битва на Куликовом поле.

Оставшиеся в живых русские воины начали хоронить своих павших собратьев.

Хоронили восемь дней. Сколько погибло русичей — неизвестно, в разных летописях дается разное число: когда считали, сбивались со счета. Простых воинов предали земле на самом Куликовом поле, тела двадцати князей повезли хоронить в их уделы, тела Пересвета и Осляби были доставлены в Москву и погребены возле Симонова монастыря.

Записал тогда Софоний: «Грозно бо и жалосно, братие, в то время посмотри, иже лежат трупы крестьянские, акы сenni стоги... а Дон река три дни кровию текла...»

Но Софоний утешал вдов, матерей, дочерей и сестер погибших, ведь их сыновья, мужья, отцы и братья совершили подвиг великий, отдали жизни свои за землю Русскую.

люди рязанские встречали победоносную рать восторженно. Бояре вышли к Дмитрию и «биша ему челом». Он милостиво обошелся с ними, а войску своему повелел: «Рязанскою землею идучи, ни единому волосу не коснуться».

Через год Олег возвратился с повинной, и Дмитрий его простил, вернул ему Рязань, но отобрал некоторые порубежные селения. По договору Олег обязался называться «братом младшим».

Велико было всенародное ликование, когда под звон колокольный Москва встречала победителей. С той поры прозвал народ Дмитрия Донским, а его двоюродного брата Владимира Андреевича серпуховского — Храбрым.

В летописях, в «Задонщине», в «Сказании о Мамаевом побоище» победа на Куликовом поле объясняется помощью Божией и сил небесных — ангелов, святых, в том числе и предков русских князей — братьев Бориса и Глеба, прославляются подвиги Дмитрия, Владимира Андреевича, подвиги воевод, перечисляются имена погибших князей и воевод.

А о безымянных крестьянах, посадских ни в летописях, ни в «Сказании о Мамаевом побоище» почти не упоминается. Простые русские люди сражались с храбростью беззаветной, и многие из них головы сложили за родную землю. В каждой семье недосчитывались одного, двоих, а то и больше погибших, в каждой семье проливались слезы...

Мамай потерпел полное поражение. Отборные ордынские полки отличались храбростью и умением воевать. Но в войске Мамаю преобладали наемники, набранные из разных стран, от разных народов, которые пошли в поход на чужие земли ради наживы, чтобы свою мошну потуже набить.

У русских тоже были отдельные отборные части — это княжеские дружинники, вооруженные лучше, нежели ордынцы. Но главной силой-победительницей являлся простой народ русский. Хлебопашцы, посадские люди не были хорошо вооружены и оружием не очень-то владели.

Дух русского воинства поднялся на высоту дотоле небывалую. Русские победили потому, что знали, за что сражались. За Родину!

Слава о великой победе достигла Византии, Болгарии, Чехии, через купцов и путешественников растеклась по всей Европе, услышали о битве и на Кавказе, и в Средней Азии. И везде восхищались успехами далеких русичей и радовались поражению полчищ Мамаю.

Но никто не осознавал значения той победы столь глубоко, как сам народ русский. Гордость за победу высоко поднялась в сердцах всех людей от князя и до пашенного человека, поднялась по всей Руси — от Северной Двины и до полуденных рубежей земли Рязанской и Муромской. И везде слышались исполненные достоинства речи:

— Мы русичи! Мы победили!

Снова буря над Русью

1 **И**ще в 1378 году, когда все помыслы народные были исполнены одной заветной думой — как победить, когда по всей Руси готовились к будущей великой битве, церковные круги были охвачены совсем иными заботами.

Кто же займет митрополичью кафедру? Началась между высшими иерархами борьба.

Дмитрий решил воспользоваться церковными смутами. Он пожелал, чтобы новый митрополит являлся бы его ставленником, ему во всем покорным.

Служил тогда в Коломне молодой священник Михаил. Человек, несомненно, большого ума и красноречия, он знал несколько языков, много читал книг, церковных и светских.

Дмитрий обратил на него внимание, приблизил его к себе, взял в духовники. Он любил слушать умные речи своего собеседника, был также ему по душе его громогласный бас на церковной службе. И он пожелал видеть его митрополитом.

Алексий отказался назначить Михаила своим преемником. Сергей Радонежский, неизменно поддерживавший Дмитрия в борьбе с Ордой, в борьбе за единение Руси вокруг Москвы, на этот раз пошел против него. В своем послании он увещевал Дмитрия, прямо называл княжеского подопечного «чревоугодником».

Дмитрий понял, что настало время действовать решительно. Он вмешался в церковные дела. По его настоянию однажды утром Михаил был пострижен в монахи, а в тот же день, после обеда, рукоположен архимандритом (начальником) Спасского монастыря в Кремле.

Алексий умер.

Забурлили среди архипастырей страсти. Четверо из них пожелали занять почетную кафедру. Записал тогда летописец: «Многа брань бысть и молва меж них».

Дмитрий никого из них не хотел слушать, настоял на своем и отправил Михаила в сопровождении свиты в Константинополь в надежде, что вселенский патриарх, польстившись на московское золото, рукоположит в митрополиты его ставленника.

А по дороге на корабле, посреди Черного моря, при невыясненных обстоятельствах, Михаил скоропостижно скончался. Летописцы никак не объясняли его внезапную смерть. Возможно, он был отравлен кем-либо из своих спутников.

Еще по пути в Константинополь старший из свиты Михаила архимандрит Горицкого Переславль-Залесского монастыря Пимен обнаружил среди вещей покойного два чистых листа пергамена с подвешенными к ним государственными восковыми печатями.

Не долго думая, он вписал на одном из листов «ходатайство» великого князя к патриарху с просьбой рукоположить в митрополиты не более не менее, как его, Пимена, — словом, совершил самый откровенный подлог.

Корабль прибыл в Константинополь, и Пимен предъявил патриарху это ходатайство. Но тот, подозревая недоброе, медлил надеть на Пимена белый митрополичий клобук.

Тогда Пимен совершил второй подлог: на другом чистом листе пергамена с печатью он написал заемный вексель от имени Дмитрия; итальянские и восточные купцы дали под вексель золото. Это золото перешло в руки патриарха и его приближенных и решило дело в пользу Пимена. Мошенник был рукоположен в митрополиты и отправился в обратный путь.

Путешественники благополучно пересекли Черное и Азовское моря, в устье Дона перебрались на речные ладьи и поплыли вверх по реке. Спутники Пимена послали в Москву гонца с доносом.

Дмитрий, бояре и духовенство узнали о подлоге и всполошились. По приказу Дмитрия самозванный митрополит в пути был задержан, с него сорвали белый клобук, посадили его в простую телегу и без заезда в Москву отправили в ссылку в дальний заволжский город Чухлому. За всеми этими церковными передрягами пристально следил Киприан — митрополит Киевский и всех прочих подвластных Ягайле православных земель. Был он по происхождению болгарин, считал себя верховным владыкой и в Литве, и на Руси.

Еще при жизни Алексия он попытался было с согласия патриарха Константинопольского сместить престарелого митрополита. Но тогда все русские церковные иерархи и Дмитрий с боярами воспротивились домогательствам Киприана.

Теперь честолюбец решил, что настало его время. Снова заручившись поддержкой патриарха, в сопровождении большой свиты он отправился в Москву.

Дмитрий понимал: не будет Киприан по его воле ходить. Не бывать такому митрополиту в Москве! И он послал навстречу Киприану отряд своих дружинников. Возле Тулы они задержали богато изукрашенный возок, подняли его вместе со владыкой на руки и повернули дышлом на обратный путь.

В глубочайшей обиде на Дмитрия и на его бояр Киприан вынужден был вернуться в Киев. Но своих намерений — быть митрополитом и в Киеве, и в Москве — он не оставил.

Бесчестие Киприана произошло за несколько месяцев до Куликовской битвы. Вот почему Дмитрий отправился получать, как гласит

легенда, «благословение» к Сергию Радонежскому в Троицкий монастырь. Вот почему после победы, когда все жители московские, от мала до велика, торжественно вышли встречать русское воинство, православная церковь осталась в стороне от всеобщего ликования и радости народной.

А церковные дела все больше запутывались. Архипастыри понимали, что без высшего духовного владыки Северо-Восточной Руси разлад в делах церковных будет продолжаться.

В конце концов они уговорили Дмитрия, и тот вынужден был уступить. В Киев был отправлен посол с приглашением Киприану прибыть в Москву.

Летом 1381 года Киприан приехал в сопровождении пышной свиты греческого и киевского духовенства. Он совсем не знал Руси Северо-Восточной, ему были чужды чаяния русских людей, смотревших на Москву как на сердце и надежду будущей Руси. И разумеется, он продолжал таить злобу на князя московского Дмитрия Ивановича Донского.

Дмитрий хоть и скрепя сердце, но встретил нового митрополита как должно — «с великою честью, и весь город изыде на сретение (на встречу) ему. И бысть в тот день у князя великого пир большой на митрополита...»

А пиры Дмитрий всегда любил. В немногие дни покоя между войнами и походами он устраивал пышные празднества, случалось, князя, бояре, духовенство, иноземные послы по три дня не выходили из-за стола и поглощали множество различных блюд, выпивали бочки меду.

Но после того пира в честь нового митрополита не пришлось Дмитрию отдыхать. Опять сгущались тучи на русском небосклоне.

Потери в московском войске на Куликовом поле были весьма ощутимыми. А полки нижегородские, суздальские, рязанские и тверские в битве не участвовали и урону не понесли. Прослышав о московской убыли, подняли головы князья — давние соперники и завистники Москвы. Опять потянули они врознь, каждый из них начал потихоньку поговаривать со своими боярами: не поехать ли в Золотую Орду домогаться ярлыка на великое княжение помимо Москвы?

Но в Золотой Орде пошла такая «замятня», что князья решили обождать, посмотреть, как там дела повернутся.

После Куликовской битвы Мамай отнюдь не счел себя побежденным. Возвратившись в низовья Волги, он начал собирать новые тумены, искать новых союзников, готовиться к новому походу на Москву.

Но тут показал свои когти хан Белой Орды Тохтамыш, последние годы терпеливо дожидавшийся, когда придет и его благоприятное время. Персидские и арабские летописцы превозносили его решительность, смелость, осторожность, искусство в бою. Был он беспредельно жесток, много своих родичей-ханов умертвил прежде, нежели сам утвердился владыкой Белой Орды.

С быстротою невиданной Тохтамыш собрал огромное войско и двинулся на Мамаю. На речке Калке, на той самой, где некогда впервые русское войско встретилось с татаро-монголами, столкнулись обе рати. И тут произошло для Мамаю неожиданное: один за другим его темники, на каких он полагался, оказались предателями, повели свои тумены в лагерь Тохтамыша и присягнули ему. Мамай бежал в Крым, в город Кафу, к генуэзцам, коих считал своими союзниками.

Там его приняли с почетом, обещали оказывать всемерную помощь, а через несколько дней умертвили и послали сказать Тохтамышу, что будут ему покорны.

Так бесславно погиб долголетний враг земли Русской.

Тохтамыш провозгласил себя великим ханом. Кончилась «замятня», почти тридцать лет подряд изнурявшая Орду. Встало за степями в низовьях Волги, от Каспийского моря до Аральского и далее — к Амударье и Сырдарье новое могучее государство.

Тохтамыш направил посла к Дмитрию Донскому, а других послов — в Нижний Новгород, в Рязань и в Тверь. Послы весьма вежливо, но твердо извещали русских князей, что их общий враг Мамай погиб. И отныне хан Тохтамыш стал верховным правителем и Белой и Золотой Орды. Он ожидает, что великий князь московский, а также все другие русские князья будут ему покорны и станут, как прежде, при великих ханах Бату, Берке, Тохте, Узбеке, Джанибеке, платить сполна ежегодную дань-выход.

Дмитрий Константинович суздальско-нижегородский и Олег Иванович рязанский изъявили хану полную покорность и начали трясти своих подданных — давайте, что с кого положено, и сверх того, что положено. А в Москве приняли послов, как и подобает, с честью, поднесли им дары, послали целую телегу богатых подарков Тохтамышу, его вельможам, его женам, ордынским царевичам, а насчет ежегодного выхода отвечали уклончиво, жаловались, что земля Московская оскудела и обезлюдела. Послы поняли, что Москва платить дань не собирается.

Дары Тохтамыш принял, но понял, что дары — это не дань.

Он отправил в Москву второе посольство, во главе с царевичем Ак-Ходжой. С ним поехало семьсот воинов. Царевичу был дан строгий наказ — звать Дмитрия в Орду, в стольный град Сарай-Берке. И речь держать предписали царевичу нарочито высокомерную, как, бывало, разговаривали с князьями русскими послы Бату-хана и ханов, его ближайших преемников.

Путь царевич держал на Нижний Новгород. Князь Дмитрий Константинович встретил его с поклонами, задобрив собольими шкурками, но посоветовал остаться у него гостем почетным, а послать в Москву вместо себя одного из своих подчиненных с небольшим отрядом телохранителей.

Записал летописец про Ак-Ходжу: «На Москву не дерзнул идти, но посла неких своих товарищев не во мнози дружине...»

Дмитрий тех «товарищев» принял, выслушал их надменные речи. Неужто опять покориться? Для чего же тогда столько крови русской было пролито? Нет, не прежние теперь времена!

Собрал он тогда на совет своих ближних бояр и воевод. Судили они меж собой: раз татары много потерпели урону на Куликовом поле, то к новой войне им за три года не подготовиться, а за это время на Москве сила вырастет. И порешили они: Дмитрию в Орду не ехать и выход не платить. А дружбу держать и подарки щедрые посылать согласны, и пошлину сбавить с ордынских купцов тоже согласны — пусть приезжают в Москву, милости просим!

«Товарищи» привезли ответ Дмитрия царевичу Ак-Ходже, а тот доставил грамоту хану Тохтамышу.

Хан счел ответ дерзким и понял: надо вынудить строптивного коназа Дмитра покориться! Надо идти войной на Москву немедленно, напасть внезапно, не дать русам времени собрать полки.

Был Тохтамыш не только решителен и умен, но и хитер. Повелел он всем царевичам, ханам подручным, темникам готовиться к новой войне, а с кем воевать — не сказал. Многие из этих ханов и царевичей принадлежали к Белой Орде и в Куликовской битве не участвовали, а потому рати их были многочисленны. В степях заволжских собрались тьмы и тьмы войск. Тохтамыш распустил слух, будто поведет их покорять царства Закавказья. И одновременно по его повелению в Сарай-Берке в один и тот же день были взяты под стражу или перебиты русские купцы, а все товары их отобраны в ханскую казну, русские суда на Волге были захвачены. Рассчитывал хан: ни один гонец не домчит до Москвы весть о его военных приготовлениях.

3

начале лета 1382 года огромное ордынское войско переправилось через Волгу. И тут только Тохтамыш повелел объявить по всем туменам, что поведет их не на юг, а на север.

Записал про него летописец: «Сам с яростию събрав воя многы... и съ всею силою своею перевезеся на сию сторону Волги... и поиде изгоном на великова князя Дмитрия Ивановича и на всю Русь. Ведяше же рать внезапно из невести (тайно) умением... да не услышано будет на Руси устремление его...»

Не обычной дорогой через Рязанскую землю, а по обоим берегам Волги, через Нижний Новгород, повел Тохтамыш свои полчища.

Перепуганный Дмитрий Константинович суздальско-нижегородский послал к нему своих сыновей — Василия и Семена с подарками. Но напрасно он опасался — Тохтамыш и не собирался грабить его земли, а спешил нагрянуть на Москву неожиданно.

Тохтамыш принял обоих княжат милостиво и повелел им находиться при своей особе, то ли гостями, то ли заложниками.

Подошел он с войском к рубежам рязанским. Встретил его столь же перепуганный князь Олег Иванович со своими боярами и, низко кланяясь, поднес ему подарки, молил его не разорять Рязанской земли.

Хан и тут не собирался задерживаться, он спешил вперед, на Москву.

И все же ему не пришлось подойти к земле Московской внезапно. Нашлись в Орде, кто дал знать Дмитрию. Но слишком поздно узнали в Москве о страшном нашествии. Опять, как перед Куликовской битвой, разослал Дмитрий гонцов по всем уделам. Говорили гонцы: «Идет на Москву сила несчетная, собирайте рати как можно скорее».

А князья жаловались на оскудение своих земель, доказывали, сколь мало у них уцелело воинов, убеждали, что в столь краткий срок не сумеют собрать полки.

Понял Дмитрий — пришла на Москву беда. Одной Москве придется встречать супостатов. А войска у него под руками о ту пору оказалось совсем мало.

Пошел он в глубоком раздумье и тревоге вместе со своим другом и двоюродным братом Владимиром Андреевичем серпуховским вдоль белокаменных стен кремлевских. Солнце сверкало на белых башнях и храмах, на золотых куполах и крестах... И рассуждали они промеж себя: выдюжат ли могучие башни, ворота и стены долгодневную осаду? В Кремль — в погребцы, в амбары, в подклети храмов спешно свозилось продовольствие, оружие, недавно привезли «от немец» и втащили на башни двенадцать грозных тюфяков с огненным зельем (порохом), к ним же обтесали из камня ядра.

И решили оба брата: выдюжит Кремль любую осаду. Поехал Владимир Андреевич со своими воеводами на запад набирать одно войско, а Дмитрий с воеводой Боброк-Волынским направился на северо-восток, сперва в Переславль-Залесский, оттуда в Ростов, оттуда — за Волгу, в костромские земли набирать другое войско. Уезжая, сулил он жителям московским вернуться елико возможно поспешнее, обещал вызволить родной город из беды.

Жену свою Евдокию, со дня на день собирающуюся родить, он оставил в Москве, а верховную власть над осажденными передал митрополиту Киприану.

4

атаилась белокаменная столица в ожидании и в тревоге. И тут прилетела грозная весть: татары близко! Серпухов взяли! Значит, через три дня подойдут к Москве! Узнали о лихе на посадах, зазвонили в набатные колокола, и люди со всех улиц устремились ко Кремлю. Мужчины, женщины, дети, старики захватили пожитки, какие смогли унести на себе, толпами протискивались сквозь все пять кремлевских ворот.

Среди бояр и духовенства начался переполох. Первым собрался бежать митрополит Киприан.

Звонили колокола. Сбегался народ на площадь.

Собралось вече. Давно, очень давно не бывало на Москве такого, чтобы сам народ собирался на вече решать дела. Было оно бурным, как разбушевавшаяся в непогоду Волга. «Бяху людие смущени, яко овца, не имуща пастуха, гражданстии народи (горожане) възмятошася и въсколебашася...» Люди шумели, надсаживались, старались перекричать один другого.

— Чего татар бояться! Не те времена! Не отдадим Кремля! — раздавались гневные голоса.

Митрополита Киприана не пустили бежать из Москвы. А бояре — какие успели «дать плеча», какие попрятались по своим теремам и не выходили на площадь. В едином пламенном порыве слились сердца горожан московских. Люди были отважны, даже безмерно отважны, готовились жизни свои отдать за Москву. Митрополит оказался трусом, никто ему не собирался подчиняться. Кто же возглавит московское народное ополчение?

Только на следующий день вызвался быть военачальником молодой литовский князь Остей, внук Ольгердов, случайно оказавшийся в Москве.

Он восстановил кое-какой порядок, а то сыскались было охотники пограбить дворы беглых бояр. Насмерть перепуганный Киприан наконец смог выехать из Москвы. Митрополичий возок провожали градом камней. Выехала также великая княгиня Евдокия со своими боярынями и детьми, отпустили и столь же перепуганных бояр.

Чтобы неприятелю не оставлять никакого укрытия, горожане подожгли все посады, начали спешно поднимать на стены бочки со смолой, подтаскивали котлы для ее кипячения, подкатывали к тюфякам каменные ядра, бочки с порохом, раздавали оружие.

К вечеру 23 августа показались передовые отряды врагов. Они переправились в мелких местах через Москву-реку и встали за речкой Неглинной; отдельные всадники закружили вокруг Кремля, видно, высматривали, некоторые приблизились к стенам. Один из них на ломаном русском языке спросил:

Так двигались
войска Золотой
Орды на Русь в
XIV веке.

— Где коназ Дмитр?

Ему отвечали с бранью, с насмешками:

— Нет его тут! Уходите, злодеи, откуда пришли!

Осажденные решили: подошло все войско ордынское, выходит, нечего опасаться врагов, не так уж их много.

А наутро увидели москвичи с кремлевских стен, что на лугу, на той стороне Москвы-реки, появились новые тумены. Как лесной пожар, как вода, прорвавшая плотину, они надвигались тремя потоками, переправлялись через реку тремя бродами, растекались вправо и влево и, подобно чудовищу-змею, сжимали белые стены Кремля в страшное живое кольцо. И подходили, и подходили, и казалось, нет конца их полчищам...

К полудню подскакали к Фроловским воротам два воина. Именем великого хана Тохтамыша они потребовали сдачи Кремля. Вместо

ответа с надвратной башни в них пустили стрелы. Воины ускакали прочь.

Тохтамыш, зная, что Дмитрия в городе нет, предвидел, что московский коназ в любой день может внезапно нагрянуть с войском. Значит, Москву надо взять срочно, ни дня не медля, взять не измором, а приступом. Но стенобитных орудий, какими в свое время воины Бату-хана разбивали стены городов, у Тохтамыша не было. По крайней мере, ни одна русская летопись о них не упоминает.

Со стороны Великого посада ринулись враги на Кремль. Записал летописец, что осаждающие «створше лествицы и прислоняюще я, лазяху на стены. Гражане же воду в котлех варяще кипятню и льяху на ня (на них)... стрелами стреляху с заборол, овии же камением шибяху на ня, друзи же тюфяки пущаху на них, а инии самострелы напрязающе (натягивали)...».

С отвагой беззаветной сражались московские посадские. Среди них почти не было искушенных в бою воинов. Не слишком опытный воевода князь Остей руководил битвой. Те, у кого были умелые руки на разные ремесла, стали ратниками, бились крепко, шестами отбрасывали концы лестниц, спихивали тех врагов, кто успевал влезть на верх стен. Старики, женщины, дети подносили расплавленную смолу и кипяток.

Один потрепанный тумен отступал, Тохтамыш бросал на приступ другой, не давал осажденным ни часу на отдых. А по ту сторону рва стояли с натянутыми луками самые меткие ордынские воины. Их стрелы не позволяли осажденным высовываться из-за прикрытия заборов...

В первый день приступ был отбит, во второй день приступ был отбит, в третий день приступ был отбит... К Фроловским воротам подъехал богато одетый всадник. Летописец пишет:

«Гражанин московитин, суконник, именовь Адамь, иже бе над враты Фроловськими, приметив... едина татарина нарочита (знатного) и славна, иже бе сын некоего князя ордынского, напряг стрелу самострелную, юже испусти напрасно (внезапно), ею же и унзе (пронзил) и в сердце гневливое, въскоре и смерть ему нанесе. Се же бысть велика язва (горе) всем татаром, яко и самому царю (Тохтамышу) стужити о семь».

В одном персидском сказании говорится, что убитый ханский всадник был племянником Тохтамыша и будто бы, стоя над умершим, в ярости хан воскликнул:

— Да будет мне свидетелем великий Аллах! Москва дорого заплатит! За каждую каплю твоей крови я отниму жизнь у одного неверного!

Все свои силы бросил Тохтамыш на четвертый приступ. Волна за волною с неистовым воем подбегали ордынцы к стенам, подставляли лестницы, лезли наверх. Москвичи терпели большой урон от метких

стрел противника, однако сражались мужественно, отбрасывали лестницы, лили сверху кипящую смолу.

И этот приступ также был отбит.

Солнце в багровом мареве клонилось к закату. В стане врагов все стихло, зажглись костры. С кремлевских стен увидели, что осаждавшие принялись готовить пищу, собираться к ночлегу... Осажденные стали считать, сколько их уцелело, многих не досчитались...

Ночью была тишина...

5 **В**тром ко Фроловским воротам в сопровождении ордынских всадников подъехали двое русичей в доспехах. Они сняли серебряные шлемы, и их тотчас же узнали. Это были нижегородско-суздальские княжата, братья Семен и Василий — шурья великого князя, то есть братья его жены; раньше они нередко приезжали в Москву гостить к своей сестре и зятю.

Они подъехали к самым воротам и от имени хана объявили, что великий повелитель Золотой и Белой Орды Тохтамыш ищет Дмитрия и его воевод, а на москвичей зла не имеет. Пусть москвичи откроют ворота и встретят хана достойно, хлебом-солью. И будет тогда всем пощада. И еще сказали братья-княжата, что от Дмитрия спасения Москве не ждать, ибо другие рати великого хана разбили его войско близ Костромы, а сам он бежал на Белоозеро. Напоследок, чтобы доказать, что не лгут, княжата поцеловали крест.

Услышав столь недобрые вести, смутились стоявшие над воротами горожане и сказали, что дадут ответ через два часа.

Во второй раз за эти страшные дни собралось вече.

Вся площадь перед соборами была заполнена, один за другим поднимались на паперть Успенского собора старейшие и достойнейшие московские посадские, речи держали. Оставшиеся в Москве бояре в стороне стояли, молчали.

Мнения разделились. Боязно было отворять ворота. Отворять или нет? Отворять или нет? Князь Остей предостерегал, убеждал: обманывают братья-княжата. А ему отвечали, доказывали:

— Княжата крест целовали, значит, правду сказывали.

Простой народ всегда и везде, и не только на Руси и в Москве, а и во всех странах, был доверчив и за свою доверчивость терпел много зла.

Возможно, судили на вече:

— Вон сколько народу в Кремле набралось — и жены, и малые дети, и старцы. А закромы у нас пусты. Ну, продержимся еще дней десяток, от силы две недели... А потом? Раз войско великого князя разбито, помощи ждать неоткуда.

Тако поскоро зидиша грамоскву мѣ

Захват Москвы ханом Тохтамышем — 1382 год. Известный художник изобразил, как безоружные люди пытаются укрыться в храмах, но и там их настигают враги. Лицевой летописный свод XVI века.

И решили ворота отворить.

Как дальше происходило, мы о том точно не знаем, летописи слишком кратки, да и не нашлось живых свидетелей, чтобы рассказать страшную правду. Можно попытаться представить, как медленно раздвинулись обе створки самых мощных, самых неприступных ворот Кремля — Фроловских, как показался крестный ход... Впереди шел князь Остей в кольчуге, в шлеме, с мечом на боку, за ним — двое седобородых старцев с серебряным блюдом хлеб-соли, далее — лучшие люди посадские несли дары, далее шествовало духовенство в белых и сверкавших золотом и серебром ризах, за ними несли хоругви, иконы, далее шли «лучшие мужи», потом — весь народ.

Подъехал один вражеский воин, остановил крестный ход и через толмача сказал Остею, что великий хан требует его одного. Остей прошел вперед, его тотчас же окружили ханские телохранители и на куски изрубили. По велению Тохтамыша ринулись его воины на крестный ход, смяли невооруженных людей и устремились через открытые ворота в Кремль.

Закипела сеча, загорелись деревянные постройки. Русичи в отдельных местах сопротивлялись отчаянно, рубились, пока рука либо меч, либо топор держала. Резня шла весь день по всему истерзанному и оскверненному Кремлю. Многие заперлись в храмы, но и там не находили спасения. Без пощады убивали всех подряд — мужчин, женщин, младенцев.

Записал летописец: «От юного и до старца, мужска полу и женска,— ти вси посечены быша, а друзии огнемъ изгореша, а инии в воде истопоша...»

Летописцы особо отметили, что кремлевские храмы были до самых стропил набиты книгами, снесенными туда с церковей всей Москвы и из ближайших сел. Большая часть книг была церковного содержания, иные из них украшались тончайшего мастерства картинками — миниатюрами... Там были и огромные исторические и художественные ценности — летописные своды, списки «Слова о полку Игореве»; иные неизвестные высочайшего полета поэмы, исполненные мудрости поучения философов, блистающие пересмешками народные побасенки...

Все-все превратилось в пепел, погибло безвозвратно.

Записал летописец: «И бяще дотолє, преже видети, была Москва град велик, град чуден, град многочеловечен, в нем же множество людей, в нем же множество господства, в нем же множество всякого узорочья. И паки в едином часе изменися видение его, егда взят бысть, и посечен, и пожжен. И видети его нечего, разве токмо земля, и персть (пыль), и прах, и пепел, и трупия мертвых многа лежаща...»

Разгромив Москву, Тохтамыш разослал тумены по ближайшим городам. Пали Можайск, Звенигород, Руза, Дмитров, Боровск, Юрьев-Польской, Переславль-Залесский. Но ордынцы, подступив-

шие к городу Волок-Ламскому, наткнулись на стоявшую там рать Владимира Андреевича Храброго и были разбиты.

Бежавший темник того тумена, чтобы оправдаться перед Тохтамышем, рассказал ему о несметных якобы силах русов. А тут подошла весть, что коназ Дмитр с большим войском приближается.

И Тохтамыш счел благоразумным отступить со всем награбленным добром, а уцелевших жителей «в плен поведоша, аки скот».

По пути он повелел спалить и разграбить город Коломну. Его тумены переправились через Оку, вторглись в пределы рязанские, начали уничтожать подряд все города и селения. Множество рязанцев погибло или было уведено в неволю, князь Олег Иванович бежал с семьей в Литву. А Тохтамыш вернулся в Орду...

С той поры многие и многие годы вспоминали на Руси, какие потоки крови на Москве лились, называли тот погром Тохтамышевым разорением.

6 **Д**митрий Донской с войском возвратился в Москву в начале сентября. Настали самые тяжкие дни его жизни. Он «видеша град взят, и пленен, и огнем пожжен... а людей побитых трупиа мертвых без числа лежаще. И о сем сжалиси зело (очень), яко и расплакатися има с слезами».

Взирая на множество валявшихся всюду трупов, на пожарища, на закоптелые храмы, башни и стены Кремля, Дмитрий вспоминал всю свою жизнь. С малых лет довелось ему всего себя отдать делу освобождения Руси от монголо-татарского ига. Неужто напрасно полегло столько русского воинства в битве при Воже, в великой битве на поле Куликовом? Неужто слава тех побед растаяла, как первый сентябрьский случайный снег? Тогда все князья, идучи на врага, сплотились под единый стяг Москвы, а на сей раз все они словно волки разбрелись в разные стороны. И Москва, оставшись одинокой, потерпела столь страшный урон. Да не потерпела бы! Сами осажденные посадские поддались обману и отворили ворота.

Понимал Дмитрий: горевать некогда. Первым делом начали хоронить убитых. Летописи сообщают, что за погребение восьмидесяти трупов платили по рублю, а всего было выдано из великокняжеской казны триста рублей. Значит, погибло в Москве двадцать четыре тысячи человек. Младенцев тогда не считали.

Дмитрий разослал по ближним городам и селениям гонцов — спешно рубить лес, везти в Москву. И пошел по всей Москве перестук и перезвон топоров. Так уж во все времена повелось на Руси: какой бы страшной для народа беда ни была, духом не падать, слез не лить, а, засучив рукава, приниматься за работу.

Тем временем воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский с войском пошел на Рязанскую землю — наказать князя Олега за то, что не помог Москве. Не успел Олег вернуться из Литвы, как снова пришлось ему туда бежать.

Прошел Боброк-Волынский через все Рязанское княжество, вторгся в пределы нижегородские и суздальские.

Престарелый тесть Дмитрия Донского — князь Дмитрий Константинович спешно послал к зятю своих бояр. И те униженно молили князя московского сменить гнев на милость и всячески оправдывали своих княжат, будто бы, когда они уговаривали осажденных москвичей отворить ворота, обманул их коварный Тохтамыш. Возможно, и княгиня Евдокия молила мужа простить ее отца и ее братьев. Дмитрий смиловился и повелел Боброку-Волынскому повернуть войско вспять.

И еще у Дмитрия было дело — вызвать беглого митрополита в Москву.

Не случайно Киприан укрылся именно в Твери, знал он о прежней вражде между Москвой и Тверью. Знал и Дмитрий, что князь Михаил Александрович окружил митрополита пышностью и лестью, на пирах закармливал: не собирался ли тверской князь вовсе переманить его на постоянное жительство в свой столичный град?

Дмитрий послал двух своих верных бояр звать митрополита в Москву.

Киприан приехал. Сперва при боярах Дмитрий подошел к митрополиту под благословение. А когда остались они вдвоем, он выпрямился, пронзил владыку гневными очами и повелел ему немедленно уезжать из Москвы. Записал летописец: «Съеха Киприан митрополит с Москвы на Киев, разгневался бо на него великий князь Дмитрей Ивановичь того ради, яко не сидел в осаде на Москве...»

Был вызван из чухломской ссылки самозванный митрополит Пимен. Но в народе он совсем не пользовался уважением, да вскоре и умер. Осталась Русь без митрополита.

Только после смерти Дмитрия Киприан смог вернуться в Москву и правил митрополией еще шестнадцать лет.

Тревожно жилось в Москве. Узнали, что Олег рязанский собирается с войском. Но вынужден он был пойти на переговоры и подписать «вечный мир» с Москвой, более того, он признал себя «братом младшим» Дмитрия. Долголетняя вражда между Москвой и Рязанью кончилась пышной свадьбой сына Олега и дочери Дмитрия...

Прибыл в Москву посол Тохтамыша, Дмитрий принял его с «честью великой», с подарками, угощал обильными пирами. Смирились москвичи, головы наклонили. Пришлось им отправить в Орду и дары, и дань, с каждой деревни собирали по полтине серебром; по тем временам это было очень тяжело.

Бедою Москвы вздумал было воспользоваться неумный Михаил Александрович тверской. Он нарушил мирный договор с Дмитрием и собрался, в который раз, домогаться ярлыка на великое княжение, однако поехал в Орду не «прямым путем, а околицами».

Узнав об этом, Дмитрий направил в Орду своего старшего сына, четырнадцатилетнего Василия с боярами. Они поехали в надежде получить ярлык для Дмитрия.

Тохтамыш, чтобы ослабить Москву и разжечь на Руси вражду, вручил ярлык Михаилу, а юный Василий был задержан в Орде как заложник. Два года он там томился, а потом ему удалось бежать.

Толку от того ярлыка Михаил не добился никакого. Все равно, как и прежде, великим князем почитали в народе Дмитрия Донского. Ничего не оставалось Михаилу, как спрятать бесполезный ярлык в сундук, а самому заняться тверскими делами.

Жил он долго. Пришлось ему оставить прежние властолюбивые помыслы. Он много заботился об украшении города. При нем был выстроен в Твери белокаменный Кремль с белокаменным собором. Он покровительствовал любителям грамоты, переписчикам книг и иконописцам и скончался в глубокой старости в 1399 году...

7 1386 году состоялся брак между литовским великим князем Ягайло и польской королевой Ядвигой. Это событие вначале на Руси не считали особо замечательным. Но впоследствии оно оказало большое влияние на всю историю Восточной Европы.

Ягайло был провозглашен польским королем и перешел в католичество под именем Владислава.

Вскоре в обоих подвластных Ягайле государствах начались бурные и кровавые смуты, междоусобные войны. Боролись за власть потомки Гедимины. В Литве насильственно насаждалось католичество, там поднимались народные восстания. В борьбу постоянно вмешивались немецкие рыцари. Выдвинулся правитель Литвы — двоюродный брат Ягайлы — Витовт.

Из-за всех этих смут литовцам было не до борьбы против Руси. И на западных рубежах земли Московской до поры до времени было спокойно. И ордынцы если нападали на Русь, то лишь мелкими, случайными набегами...

Казалось, Москва могла наконец спокойно вздохнуть. Но внезапно постигло землю Московскую большое несчастье: 19 мая 1389 года, не достигши сорока лет от роду, скоропостижно скончался Дмитрий Иванович Донской.

В «Слове о Дмитрии» так говорится о его болезни: «Разболелся и прискорьбен бысть велми. Потом же легчае бысть ему, и възрадовася

великаа княгиня радостию великою и сынове его, и велможи царства его. И паки впаде в большую болезнь, и стенание прииде к сердцю его, яко торгати (терзаться) внутрьнимь, и уже приближися к смерти душа его».

В том же «Слове» приводится завещание Дмитрия: он особо благодарил бояр за верную службу, называл их ближайшими советниками во всех государственных делах. А своего старшего сына Василия и других сыновей призывал: «...бояре своя любите, честь им достойную въздающе противу служению их, без воля их ничто же творите¹. Приветливи будете к всем». «К всем», значит, речь тут идет не только о боярах, а и о горожанах, о крестьянах.

¹ Примерно в таких же выражениях раньше говорилось о боярах и в завещании Семена Гордого.

Своему старшему сыну Василию Дмитрий «предат в руке его великое княжение, яже есть стол отца его, и деда, и прадеда... И дал есть ему отчину свою — Русскую землю». Не одну Москву, а землю Русскую считал своей отчиной Дмитрий. Не оставалось у него соперников ни в Твери, ни в Суздале, ни в Рязани. Прочим четверем своим сыновьям он завещал малые уделы. Так впервые на Руси, без согласия Орды, лишь своею волей, умирающий Дмитрий передавал великое княжение старшему сыну Василию.

В завещании Дмитрия были знаменательные слова: «А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду». Эти же слова повторились и в договорной грамоте Дмитрия с Владимиром Андреевичем серпуховским. Значит, московский князь надеялся, что в будущем прекратится отправка столь опостылевшей всем русским людям дани, надеялся, что Орда «переменится», то есть настолько ослабнет, что можно будет решиться поднять на хана меч...

Похоронили Дмитрия в Архангельском соборе Кремля, рядом с гробницами его отца, дяди и деда. «И плакаша над ним... весь народ от мала и до велика, и несть такова, кто бы не плакал, и пеня не слышати в мнозе плачи...»

Да, горе по кончине Дмитрия было поистине всенародным. Скорбели люди по всей Руси...

Только высшие церковные иерархи не горевали. Издавна принято было хоть сколько-нибудь значительного князя после смерти «канонизировать», то есть провозглашать святым. Дмитрий, так много добра сделавший для земли Московской и для всей Руси, но враждовавший с духовенством, тогда не был удостоен этого высшего в глазах церкви сана. И лишь когда отмечалось тысячелетие крещения Руси, православная церковь провозгласила его святым.

Велики были заслуги Дмитрия перед народом русским. И хоть не достиг он того, к чему стремился всю свою жизнь, не добилось его воинство свержения монголо-татарского ига, но подготовлена была для того почва. Завершили его благородное дело следующие поколения русских людей.

Поднимается град Москва

Великим князем московским, согласно завещанию Дмитрия Донского, стал его старший сын, семнадцатилетний Василий Дмитриевич — Василий Первый. Каким был этот могущественный повелитель, княживший целых тридцать шесть лет, но так и не получивший от народа никакого прозвища? В летописях рассказывается о различных исторических событиях, но редко даются объяснения, по каким причинам эти события произошли, а вершителей власти — государственных деятелей — или только хвалят, или только бранят.

Рядом со своим знаменитым отцом Василий Дмитриевич казался чересчур осторожным. И бояре московские перешептывались между собой, нередко вспоминали славное имя Дмитрия Донского, его деяния, подвиги, мудрость.

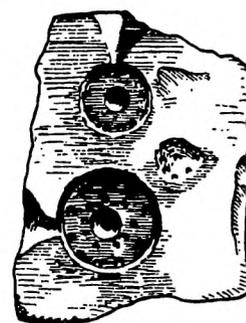
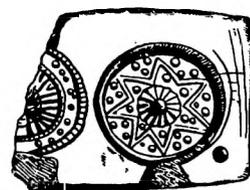
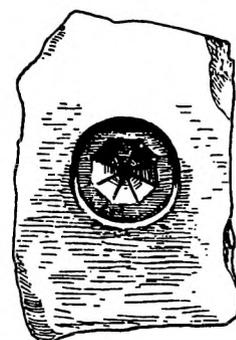
На самом деле и Василий был столь же проницательным государственным мужем. Но время теперь наступило иное, относительно мирное. Окруженный дальновидными советниками-боярами, Василий уверенно продолжал следовать по стопам своего отца, твердо держал в своих руках власть.

Московских посадских поражала непривычная роскошь его великокняжеского двора. Сумел Василий Дмитриевич обставить свои палаты куда богаче, нежели было при его отце, и пиры задавал пышнее. Сам-то он, может, и жил бы скромно, но супруга его, не по обычаю того времени, всюду и везде стремилась показать себя государыней.

Уже говорилось, что еще мальчиком Василий был оставлен своим отцом в Орде, у хана Тохтамыша, как заложник, а через два года он бежал. Пришлось ему блуждать по южнорусским степям, откуда попал он в Молдавию, потом в Литву, в город Вильнюс. Там его приветил Витовт, двоюродный брат польского короля Ягайло-Владислава.

В тот год, 1389-й, в разгар борьбы за власть в Литве между потомками Гедимины, Витовт еще не был великим князем литовским. Только через три года ему удалось достичь своей цели и стать наместником Ягайлы. Но действовал он самостоятельно, как единовластный повелитель Литвы.

Вся его жизнь протекала в борьбе — победы, поражения, опять победы, мирные договоры то им заключались, то нарушались. Он

В таких литейных формах отливали различные изделия.

трижды менял веру. На берегах Ворсклы его войско было побеждено татарами. И вновь он вел полки — на немецких рыцарей, на короля Ягайлу, на Псков, на Новгород, на западе разрушил несколько крепостей немецких рыцарей и расширил пределы литовские, на востоке дважды брал Смоленск, подчинил Смоленское княжество, подвел рубеж литовский к самому Можайску. С его именем связана знаменитая битва при Грюнвальде 15 июля 1410 года. Не слабовольный и трусливый польский король Ягайло-Владислав, во время сражения укрывшийся где-то позади полков, а он, Витовт, возглавил соединенные силы поляков, литовцев, чехов и смоленских русских, когда были наголову разбиты немецкие рыцари...

Юный Василий увидел в Вильнюсе дочь Витовта — Софью. Вернувшись в Москву, он рассказывал отцу и матери о своих злоключениях и помянул имя Софьи.

Дмитрий и его бояре посмотрели на предстоящий брак как на дело государственной важности. Будет между Москвой и Литвой великая дружба. Хотя кое-кто из бояр сомневался: больно уж любит властвовать королевский двоюродный брат. Не вознамерится ли он взять Москву под свою державную руку?

В Литве предстоящий брак тоже приветствовали. А московские послы в Литве и литовские в Москве повели тайные беседы. Внезапная кончина Дмитрия прервала переговоры.

Когда Василий стал великим князем московским, то после положенного срока печали он отправил в Вильнюс торжественное посольство — трех знатных бояр-сватов. Витовт принял послов мило и отпустил с ними свою дочь.

«Бысть пир велик», — заметил летописец о празднествах в Москве зимой 1390 года по случаю свадьбы Василия Дмитриевича с литовской княжной Софьей Витовтовной.

В Тверской летописи так говорится: «Тое же зыми (зимы) женися князь великий Василий. У Витовта Софью поня (взял) добрую: добрый нрав име отцевь».

Однако летописцы ошибались, называя Софью «доброй».

2 еще до своей свадьбы отправился Василий Дмитриевич в Орду получать ярлык на великое княжение всея Руси.

Вряд ли хотелось ему ехать, но бояре посоветовали. Очень уж могучим и непобедимым казался Москве хан Белой и Золотой Орды Тохтамыш и слишком недавно обрушился на Москву ужас Тохтамышева разорения. Судили бояре: не годится с Ордой затевать вражду, лучше мирно с нею жить да посылать выход, а может, сумеет договориться — платить поменее, а торговать поприбыльнее.

Василий Дмитриевич прибыл в Орду в сопровождении многочисленной свиты и роздал там несметные богатства.

Записал летописец: «И умзди князей царевых, чтоб печаловались (хлопотали) о нем царю Тахтамышу. Они же взяше многое золото и серебро и великие дары, такоже и царь Тахтамыш взя многое золото и серебро и великие дары».

В то время хан Тохтамыш был уже не столь могучим и непобедимым, как в первые годы своего властвования. Мятежи поднимались по отдельным его улусам. И хоть подавлял он эти мятежи с обычной своей жестокостью, но власть его заметно слабела. А самое тревожное для него шло от южных окраин его обширных земель.

Там, за знойными пустынями, выросло царство сильнейшее. И не напрасно хан Тохтамыш опасался своего южного соседа.

Оттого-то сосед северный — московский князь — легко получил от Тохтамыша ярлык на великое княжение, оттого-то хан легко согласился на меньшую, нежели прежде, дань и отпустил Василия Дмитриевича «с чести великой». Более того, князь московский еще купил второй ярлык — на княжение Нижегородское, хотя там сидел свой князь — брат его деда, Борис Константинович. Тайно сговорившись с нижегородскими боярами, Василий Дмитриевич послал своих бояр в Нижний Новгород; с ними поехал и посол Тохтамыша.

Бориса Константиновича и всю его семью схватили и разослали по разным городам, сам он вскоре умер.

Так московский князь мирным путем приобрел богатый Нижний Новгород, а с ним — Городец, Муром и все принадлежавшие этим городам местности. Перешли под его державную руку также земли по Оке — Мещера и удел Тарусский. Для тамошних жителей быть под сильной властью Москвы казалось покойнее.

Сыновья Бориса Константиновича впоследствии пытались вернуть отцовские уделы, они собирали вооруженные отряды и совершали разбойничьи набеги. Так, в 1410 году князь Даниил Борисович вместе с казанским царевичем Талычем набрали отряд и внезапно напали на Владимир. Они ограбили тамошний Успенский собор, схватили соборного ключаря Патрикея, пытали его, требовали указать, где спрятаны сокровища. Тот молчал и под пыткой умер. Даниил и его братья кончили свои жизни где-то на чужбине. А клад ключника Патрикея до сих пор не найден.

3 **М**огучим южным соседом Тохтамыша был знаменитый завоеватель многих земель Тимур-Тамерлан, за свою хромоту прозванный Железным Хромцом. Он родился близ Самарканда, в семье мелкого приближенного тамошнего эмира, из простых воинов

сумел выбиться в темники, в 1370 году объявил себя эмиром Самарканда и начал свои завоевательские походы.

За тридцать пять лет ему удалось покорить многие царства, сперва он сокрушил Хорезм, затем развеял в прах могущество шаха персидского, завоевал Грузию и Армению, в кровопролитной битве победил турок и взял в плен турецкого султана Баязета. Все земли от Индии до берегов Средиземного моря и до Каспия подчинялись ему. Называлось его царство Мавераннахр.

В свое время он помог Тохтамышу утвердиться ханом Белой, а затем и Золотой Орды. Но есть такая восточная поговорка: «Два бедняка поместятся на одной циновке, а для двух ханов и целый мир тесен». Оба они несколько лет жили между собой мирно, а с 1391 года поднялась между ними война не на жизнь, а на смерть.

Четыре года спустя в одном из ущелий на Тереке Тохтамыш потерпел от Тимура сокрушительное поражение и бежал в Литву. Долго скитался он по разным странам, пока в 1406 году не был предательски убит на далеких берегах Тобола.

Радовались на Руси сокрушению хана Тохтамыша, надеялись, что теперь избавились от всяких ордынских «пакостей», можно будет не посылать дань в Орду!..

Долог путь от Самарканда — столицы Тимура — до Москвы. На добрых конях лишь за четыре месяца добирались. Судили на Руси: не двинет Тимур, а по летописям — Тимур-Аксак — свои страшные тумены на русские земли.

А Железный Хромец уже давно замыслил покорить все царства до того самого Последнего моря, о котором когда-то грезили Чингисхан и Бату-хан. Победив Тохтамыша, в том же 1395 году Тимур пошел на север.

Наверное, со времен Бату-хана не было на Руси столь грозных дней ожидания беды, казавшейся неминуемой. Как и при вторжении Мамаю, охватила страну страшная тревога. Знали на Руси, сколько царств покорил ненасытный Железный Хромец, скольких людей погубил.

И опять, как перед Куликовской битвой, всколыхнулась вся земля Русская.

В тревожные и зловещие дни ожидания нашествия вражеских полчищ снова собирались с оружием в руках русские люди со всех уделов под стяг Москвы. Велико было всенародное воодушевление. Воины шли исполненные твердого намерения либо победить, либо лечь костями за родную землю.

На Руси сознавали: силы неравны. «Граду же Москве пребываше в смущении». Слухи распространялись, что готовит Тимур русским людям страшную участь — «гонити, томити и мучити... и мечи сещи».

В Москве начали готовиться к обороне. А сам Василий Дмитриевич с братом Юрием и двоюродным дядей Владимиром Андрееви-

Икона Владимирской Богоматери. В книге подробно рассказывается вся история этой величайшей святыни народа русского, созданной неизвестным, но поистине гениальным византийским иконописцем XII века.

чем серпуховским, с лучшими своими воеводами, во главе многочисленной рати московской и полков союзных князей решил, как некогда его отец, выступить из Москвы навстречу врагам. На берегу Оки, возле города Коломны, рать остановилась, а вперед были посланы гонцы-лазутчики.

¹ Икона Владимирской Богоматери находится в Москве, в Третьяковской галерее. Она совсем небольшая, и можно пройти мимо нее, не заметив. А кто увидит ее, невольно остановится перед нею. Эта икона считается одной из величайших художественных ценностей нашей страны.

Герб города Новгорода.

Митрополит Киприан повелел доставить к войску из Владимира икону Владимирской Богоматери. Она считалась чудотворной и могла помочь одержать победу¹.

Прискакал первый гонец с юга. Он привез страшную весть: полчища Тимура вторглись в пределы русские. Значит, великая битва, подобная Куликовской, неминуема. И крепче сжимали воины рукояти сабель, проверяли броню, в который раз пересчитывали стрелы...

Второй гонец прискакал — взят и сожжен город Елец, елецкий князь полонен, взяты в плен или убиты многие ельчане.

Третий гонец прискакал — пятнадцать дней стоят супостаты на месте, не идут дальше, а почто встали — неведомо.

15 августа в Коломну прискакал четвертый гонец со словами — страшный Железный Хромец отступил, его полчища спешно движутся обратно на юг.

Какие же причины вынудили Тимура спешно покинуть русские пределы? Он получил весть, что в его столице Самарканде поднялось народное восстание. И поскакали верные и свирепые его всадники через степи и пустыни, меняя по пути коней, останавливаясь лишь для кратковременных ночлегов. Повелением Железного Хромца они жаждали залить кровью берега быстротруйного Зеравшана.

Тимур — Железный Хромец с тех пор не собирался нападать на слишком далекую от его царства Русь. А в Золотой Орде он поставил во всем ему покорного хана-чингизида, жившего, как и прежние ханы, в Сарай-Берке. Там по отдельным улусам постоянно поднимались мятежи, сменялись ханы один за другим. От той «замятни» слаба Орда. В Москве тому рады были, дань решили посылать меньшую. При очередной смене хана Василий Дмитриевич в Орду, как издревле полагалось, за ярлыком не ездил.

А митрополит Киприан не вернул икону Богоматери во Владимир, а повелел поставить ее в Успенском соборе Московского Кремля. Поднялся среди владимирцев ропот, и тогда Киприан, чтобы их успокоить, велел им передать:

«Не горюйте, есть у меня мастер великого умения, золотые руки, он спишет с нее другую икону — не отличите».

4

елых двенадцать лет после нашествия Тимура Орда не беспокоила Русь.

Но годы эти продолжали оставаться годами тревоги.

Когда в начале своего княжения Василий Дмитриевич вступил в брак с дочерью великого князя литовского Витовта Софьей, надея-

лись в Литве и на Руси, что будут тесть с зятем жить в мире, друг к другу в гости ездить, подарками друг друга одаривать.

Однако вместо прочного мира вскоре поднялась вражда между обоими государствами. Войска тестя и войска зятя не один раз встречались, вставали друг против друга, бряцали оружием, жгли порубежные селения. Но до битвы ни разу дело не доходило, завязывались переговоры, и обе рати расходились в разные стороны. А мелкие стычки между литовцами и русскими продолжали вспыхивать постоянно...

Через все правление Василия Дмитриевича тянется то вражда, то перемирие между Господином Великим Новгородом и Москвой.

В это время началось усиленное заселение заволоцких (за волоками) земель по Северной Двине, по ее притокам и по Онеге. Новгородцы шли с юго-запада на северо-восток, москвичи — с юга на север. И опять, как и в прежние годы, когда селились рядом, то либо мирно делили угодья, либо меж ними возникали споры, переходившие в открытую борьбу. И Москва, и Новгород посылали отряды ратников, вспыхивали стычки. С обеих сторон лилась кровь, переселенцы прятались в леса. Новгород не хотел уступать Москве обильное пушным зверьем глухое Заволочье. Обе стороны в равной мере тяготились этой нескончаемой враждой. Торговать-то и тем, и другим купцам было бы куда прибыльнее, нежели воинам сражаться. А мира между Новгородом и Москвой все не было и не предвиделось.

Бояре новгородские с каждым годом все богатели, все больше доставалось им земель, а земли те были населены крестьянами, попадали крестьяне под ярмо боярское. Каждый боярский род занимал в Новгороде под усадьбу, под жильё, под разные службы обширный надел; жили дед с бабкой, их сыновья с внуками, со многими холопами на одном обширном дворе, с садом и огородом.

В 1418 году произошло открытое восстание простых людей новгородских против бояр. Одного боярина сбросили с моста в Волхов, и он едва спасся. «Саша чернь с одной стороны (Волхова), а с другую — бояре».

Большой урон терпел Новгород от многих смут. А Москве те смуты были только на руку.

Тверское и рязанское княжества оставались самостоятельными, но были столь слабы, что не решались враждовать с Москвой...

Тем временем в Москве возводились новые боярские терема, на посадах строились новые деревянные храмы, а в Кремле было возведено еще два белокаменных собора — Благовещенский и Рождественский. Теперь, вместе с прежними, их стало шесть.

Мысленно можно себе представить, какой была тогда Москва. Нет, не так уж она разрослась, была много меньше, чем двести лет спустя. Широкая Москва-река текла, извиваясь. Селились теперь не только в Кремле и в Великом посаде, но и вдоль главных дорог, и в

Занеглименье, и в Заяузье; перекинулось жилье и на правый берег Москвы-реки. За зелеными лугами, по холмам, на посадах, вдоль узких извилистых улиц, окруженные пышными садами, стояли узорчатые терема боярские, деревянные храмы поднимали свои покрытые осиновыми лемешками главки; издали казались те главки серебряными, словно рыба чешуя. По слободам Кузнечной, Гончарной, Кожевенной и прочим теснились избы ремесленников, по оврагам и окраинам ютились лачуги и землянки бедного люда.

А на самом высоком холме, при впадении речки Неглинной в Москву-реку, высился прекрасный белокаменный Кремль. Белые стены и белые башни сверкали на солнце. «Замышлением» великого князя Василия Дмитриевича в 1404 году поставлены были в Москве мастером Лазарем Сербиним – выходцем из Сербии – на княжеском кремлевском дворе первые на Руси часы. «На всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы ночные и дневные. Не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно, некак створено есть человеческой хитростью, преимечтано и преухищрено».

Приближаясь к московским заставам, приезжие люди начинали любоваться Кремлем. А москвичи любили свой город крепко и гордились его славой, что растекалась по всей Руси и по многим иноземным царствам...

Из пяти кремлевских ворот по городским улицам расходились дороги в разные стороны. На запад шла дорога на Можайск, Вязьму, Смоленск, и далее в Литву, и еще далее. На северо-запад шла дорога на Тверь и на Новгород. Построились вдоль нее дома, и та улица стала называться Тверской. На север шла дорога на Дмитров, новая улица стала называться Дмитровкой; шла дорога на восток – на Владимир и на Нижний Новгород, от нее ответвлялась дорога на юго-восток, на Рязань и далее, в степи, до самой Орды; еще шла дорога через Москву бродом, называемым Крымским, на юг в Серпухов, снова бродом через Оку и далее, сквозь Дикое поле в Крым.

И еще дорога была по Москве-реке и по ее притокам. Снизу, с Оки, через город Коломну, и сверху по течению, из городов Звенигорода, Можайска, Рузы и Вереи, со многих сел москворецких приплывали в Москву на челноках, на ладьях, на стругах.

И был волок с речки Яузы в верховья реки Клязьмы, там, где ныне стоит город Мытищи, а тогда было древнее село с тем же названием. Мыт – значит «подорожная пошлина».

И ехали или плыли из стольного града Москвы по тем дорогам купцы со своими товарами, с изделиями рук ремесленников, отправлялись по тем дорогам бояре в свои вотчины, и шли пешком богомольцы, а кое-когда пробирались по ночам беглые боярские или купецкие холопы.

И по тем же дорогам в Москву доставляли из боярских усадеб

крестьянский оброк, с ближних и дальних деревень гнали скот, везли жито и овощи. Зерно — рожь и ячмень — размалывалось на многих водяных мельницах, стоявших на Неглинной и на Яузе. Принадлежали те мельницы отдельным богатым людям. Даже великокняжеский дядя Владимир Андреевич владел такой мельницей. Бедняки мололи зерно на домашних жерновах.

Купцы из разных городов русских, купцы ордынские, литовские, из других земель доставляли товары на московский торг.

Сколько требовалось разного добра, чтобы прокормить, одеть, обуть, обстроить матушку-Москву! И сколько «людишек» — крестьян, ремесленников — кормило, одевало, обувало, обстраивало белокаменную столицу!

5

концу XIV века по всей Руси, и прежде всего в Новгороде, во Пскове, в Москве и на земле Московской, различные ремесла поднялись, достигли расцвета небывалого. Только кузнечных насчитывалось до двадцати видов.

С каждым годом требовалось на Руси все больше железа, а добывали его, как и прежде, из болотной руды и варили в малых домницах.

Водяные мельницы ставились и в Москве, и в других городах по малым рекам. Для таких мельниц требовались различные железные части.

Множилась торговля по рекам, надо было строить суда больших размеров, значит, для якорей и цепей опять же требовалось много железа. Для кровель на домах знатных людей и на церквах вместо свинцовых и оловянных пластин стали употреблять листовое железо.

И в Москве, и в Новгороде, меньше в других княжествах росло число ратников. Их надо было вооружать. Выходит, опять требовалось много железа. Ковали мечи, копья, сабли, стрелы, щиты, шестоперы, топоры, стремена, конские удила. Побеждали русские воины ордынцев, литовцев, немецких рыцарей и других врагов. И помогало в том русичам лучшее, чем у ордынцев, оружие.

Как и прежде, ковались и многочисленные хозяйственные предметы. Особо искусные кузнецы стали выделывать еще более хитроумные и затейливые замки и капканы. Подобные изделия вывозили в Орду, в Чехию, в Болгарию, в Сербию.

Требовалось много железа для совершенно нового на Руси ремесла — солеварения. А без поваренной соли не мог обходиться ни богач, ни бедняк. Соли требовалось много — и для засолки про запас мяса и рыбы, и для соления капусты, огурцов и грибов, и, разумеется, в пищу.

Раньше соль добывалась из шахт в Галицком княжестве и из морской воды. Теперь, когда на путях к морям и за Карпаты встало преградой Литовское государство, начали бурить глубокие скважины в новгородских, вологодских и костромских землях.

Чтобы добыть соляной раствор, ставили вышку-«соху» на трех ногах, сперва до грунтовых вод копали колодезь, далее с помощью блока и ворота на канатах опускали «матицы» — проверченные в толстых полых бревнах обсадных трубы, насаженные одна на другую. Внутри обсадных труб вставляли железные штанги с наконечниками-коронками. До соляного раствора в мягком грунте доходили за три месяца, в каменистом до трех лет. Рассол выкачивали узкой и длинной бадьей. Соль выпаривали в огромных сковородах-цренах.

Какими надо было быть хитроумными умельцами, сколько труда приходилось тратить, чтобы добывать поваренную соль! А случалось — бурят-бурят, сил и денег затратят много, а соли «не даст бог», перевозки оборудование на другое место, снова начинай добычу...

Ремесленники жили по городам, меньше по селам. Особенно много было ремесленников в Новгороде, во Пскове, в Москве. Во время войны они вооружались и шли в ратный поход защищать родной город, родную землю. Именно они прежде всего защищали Москву от полчищ хана Тохтамыша.

Отдельные ремесленники удачно вели дела и богатели. Так, летопись сообщает, что строитель Кирилл на свои средства поставил во Пскове церковь. До нас дошли закладные грамоты различных обедневших князей и бояр под залог своих деревень и разного имущества бравших займы у ремесленников и купцов.

У таких богачей были собственные мастерские с подмастерьями, с учениками. Как жилось ученикам, в том числе малолетним, видно из следующей грамоты о московском скорняке Якушке и его ученике — мальчике Мишке Евфимьеве. Убежавший от своего мастера Мишка показал на следствии:

«Не хотя у него — Якушки — жить для того, что он, Якушка, и жена его беспрестанно его — Мишку — били и увечили, и против записи одежды и обуви на него не клали... А как де он у него жил, и он — Якушка — мастерству его — Мишку — никакому не учил, только его заставлял у себя работать... И жить у него он и ныне не хочет, для того, что бил его напрасно смертным боем».

Грамота эта относится к XVII веку. Но, конечно, такие жестокие хозяева, как Якушка, были и на двести лет раньше.

На землях новгородских и псковских и других, а больше всего на тех, какие тяготели к Москве, — при боярских вотчинах и по монастырям тоже были ремесленники. Они изготавливали для нужд вотчин и для нужд монастырских, а также на продажу в пользу своих господ самые различные изделия. Таким ремесленникам-холопам — а среди

Герб города Пскова.

них были и малолетние — жилось очень тяжело. В особых помещениях, под присмотром надсмотрщиков, или у себя дома они трудились с утра до вечера; женщины пряли, ткали, вышивали по своим деревням. Самая тяжкая доля доставалась женщинам-холопкам. Десятилетней девочкой она садилась за веретено и за прялку, в двенадцать — за ткацкий стан, в пятнадцать — выходила замуж и, всю жизнь занимаясь изнуряющим однообразным трудом, не знала никаких радостей...

В Новгороде и во Пскове, когда вспыхивала борьба за власть между отдельными боярскими родами, ремесленники поневоле втягивались в эту борьбу, оказывались по разным, враждующим между собой сторонам.

Летописец неоднократно отмечал эту вражду одних ремесленников против других ремесленников. Он писал:

«И ремесвеницы, и работнии людие... и забывшеся друг на друга враждуют, и ненавидят, и грызут, и кусают...» И восставали против «брюхатых сребролюбцев» — бояр и купцов — прежде всего ремесленники. Тяжким бременем лежала на них выплата дани Орде — черный бор.

Ремесленникам, чтобы спокойно и успешно изо дня в день трудиться, нужен был мир и покой. Это могла им дать сильная власть. Чья власть? Только московская!

Оттого-то среди ремесленников Новгорода и Пскова, а также Торжка, Костромы, Нижнего Новгорода было много сторонников Москвы, оттого-то некоторые из них покидали родные обжитые места и переселялись в Москву. Число ее жителей с каждым годом росло.

6

ордынские смуты затихли, когда всю власть взял в свои руки темник Едигей. Он не был потомком Чингисхана и, как некогда Мамай, самолично ставил покорных его воле ханов-чингизидов.

Сказал про него летописец: «И беша Едигуй преболе всех иных князей ордынских, лукавый и злохитрый, крепок и храбр зело, иже все царство держаща един и по своей воле царя поставляюща, его же хотяща».

Приумножение Москвы не могло не тревожить Орду. Едигей желал восстановить прежние, унижительные для Руси порядки. Да еще он злобил на великого князя Василия Дмитриевича, который при очередных сменах ханов и не думал ездить за новыми ярлыками в Орду и братьев своих не посылал, а дань — когда платил, когда задерживал. Если ордынские купцы приезжали в Москву, то на торгу и на улицах их, случалось, оскорбляли, насмешничали над

Потир — серебряный, с украшением церковный сосуд, в который наливалось вино; с ним священник выходил из алтаря и причащал верующих. Новгород, XIV век.

Нашествие Едигея на Русь — 1408 год. Лицевой летописный свод XVI века. Осаду какого именно города изобразил художник — неизвестно.

ними. Понимали в Орде, что растаял на Руси прежний страх перед ханами.

Едигей в пространным послании высказал Василию Дмитриевичу многие обиды: «Вы царевых послов на смех поднимаете, а торговцев также на смех поднимаете, да велика им истома чинится от тебе, и то не добро...»

В ответной грамоте Василий Дмитриевич отрицал обвинения. Ответ показался Едигею высокомерным и дерзким, и он решил Москву наказать.

В 1408 году собралась большая рать, и Едигей распустил слух, что идет войной на Литву, а сам, как некогда хан Тохтамыш, повернул на север и спешно пошел на Москву, собираясь напасть на нее внезапно.

В Москве слишком поздно узнали о приближении врагов. Василий Дмитриевич отправился собирать войско на Волгу к Ярославлю и Костроме. А в Москве остался старшим воеводой его двоюродный дядя Владимир Андреевич серпуховской. С небольшой ратью он заперся в Кремле, а все московские посады, чтобы не было врагам укрытия, приказал сжечь.

Со скорбью говорил летописец о московском пожаре перед нашествием Едигея:

«Жалостно же бе зрети, иже многолетними времени чюдныя церкви съзидани бяхуть и высокими стоянми величества града украшаху, в един час в пламы всходяща, также величество и красота граду и чюдныя храмы огнем скончавающесе».

Едигей убедился, что белокаменные стены неприступны. Его тумены обложили их со всех сторон и собрались взять Кремль измором. Отдельные отряды посылались по соседним городам и весям, грабили и жгли их. Так были сожжены Переславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верея.

Целый месяц ордынцы осаждали Кремль. Едигей потребовал у Твери помощи, но тверской князь Иван Михайлович совсем не хотел ссориться с Москвой и потому медлил посылать полки Едигею, да еще ссылался на свою болезнь.

Между тем в Орде поднялось восстание; узнав о том, хитрый Едигей предложил осажденным откупиться. Те, не ведая, что Едигею пришлось туго, с готовностью отдали ему три тысячи рублей. Он снял осаду и спешно отступил к Сараю-Берке.

Только три года спустя Василий Дмитриевич поехал в Орду получать ярлык. Эта его поездка была обставлена с пышностью еще большей, нежели прежние поездки великих князей московских.

Москва желала показать Орде, что отправился великий князь не на поклон к хану, не покорным его служителем, как ездили, бывало, русские князья, начиная с Ярослава Всеволодовича и его сына Александра Невского. А поехал могущественный государь земли Московской договариваться о беспрепятственной и выгодной обеим сторонам торговле без тяжелых пошлин, договариваться о разрешении возможных споров мирными путями. И все же обязался Василий Дмитриевич дань продолжать платить, хоть и меньшую.

В Орде поняли, каков сын Дмитрия Донского, какая сила выросла в лесных землях за донскими и за волжскими степями. Нет, чем ссориться, лучше с этой соседней силой жить мирно.

А Василий Дмитриевич пообещал и дань посылать, и купцов татарских охранять, и брать с них малую пошлину.

Татарские вельможи подарки от него приняли. Получив ярлык из рук очередного хана, Василий Дмитриевич отправился в обратный путь.

Долго он княжил. За годы его княжения поднялось могущество Руси, умножился стольный град Москва.

Были тогда и темные, беспокойные страницы истории, такие, как угроза нашествия Тимура, как «нелюбие» между Москвой и Новгородом, как распри с Литвой, как, наконец, внезапное нашествие Едигея...

И было много светлого в те годы...

И было много светлого на Руси

1 Прошло несколько лет с Куликовской битвы, сколько именно — не суть важно. Любой русский человек, и прежде всего житель стольного града Москвы, кто хорошо помнил, кто переживал светлые дни после победного ликования, словно бы поднялся из своего дома на гору, любуясь речными просторами и синими далями другого берега... Он встал, задумался, перебирая в памяти пережитые годы.

О темном — о Тохтамышевом разорении, о ежегодной дани-выходе, о личных своих невзгодах — не хотелось ему вспоминать. Вновь и вновь его мысли возвращались к битве на Куликовом поле. Сражался ли он сам на берегах Дона или был сыном воина, павшего в борьбе за вольность Руси, — тоже не суть важно. Они все надеялись на светлое, но неопределенно далекое будущее.

После Куликовской битвы русский человек по-новому стал смотреть на жизнь.

Теперь он был убежден, что недалеко то время, когда сгинет ненавистное иго. Вспоминая деяния великого князя московского Дмитрия Донского, он думал про себя: кабы не скончался князь Дмитрий столь безвременно, то не через год, так через пять лет либо через десять, а своею мудростью, дальновидными действиями, уговорами, повелениями, а то и силой оружия он сплотил бы под державною рукой Москвы многие из русских земель и двинул бы на Орду рать соединенную и куда более численную, нежели в славный час Куликовской победы...

Русский человек гордился своим отечеством. Коли был он купцом либо приказчиком купецким — из Москвы, из Новгорода, из Твери, из другого ли русского города — и добирался он со своим товаром в чужедальние края, и там его спрашивали:

— Откуда ты?

Он с достоинством отвечал:

— Я русич!

А кто-то с особой гордостью говорил:

— Я — москвитин!

В эти годы, когда в сердцах русских людей появилось благородное чувство гордости за свое отечество, в эти годы поднялось влечение к истории Руси и поднялось просвещение.

Грамотность на Руси росла. Люди стремились учиться. По городам, по иным монастырям были основаны училища. Сохранилась миниатюра: в комнате на лавке сидят подряд пять мальчиков-учеников с книгами, сзади и слева от них помещаются еще пятеро, учитель объясняет урок еще одному мальчику.

Раньше историки полагали, что грамотными в те времена были только священнослужители. И лишь отдельные князья, бояре и купцы умели читать, писать и считать. А все остальное население Руси было сплошь неграмотным.

Уже в наше время начались в Новгороде археологические раскопки. Каждый год ими захватываются новые площади. Эти раскопки неоспоримо доказали, что читать и писать в древнем Новгороде умели не только зажиточные люди, но и многие посадские, а также крестьяне — мужчины и женщины. Благодаря тому что Новгород ни разу не подвергался нашествию ордынцев, грамотность там была значительно выше, нежели в других русских землях.

Поразительным для историков всего мира было открытие в 1951 году во время археологических раскопок в Новгороде берестяных, свернутых в трубочки широких и поуже ленточек, вырезанных с березовых стволов. Их сперва принимали за поплавки от рыболовных сетей. А когда археологи догадались их распаривать и развертывать, они увидели проступившие очертания отдельных букв. Ликованию их не было пределов.

И ученые, и студенты, и рабочие разглядывали эти коряво начертанные, иногда хорошо знакомые, иногда непонятные буквы, шедшие подряд, без разделения на слова — в две, в три, в пять строк, в зависимости от ширины берестяной, темной от времени, ленточки.

Когда-то новгородцы писали друг другу записки о разных хозяйственных делах, приветствовали, жаловались, сообщали новости, что-то просили...

Тот, кто получал такую берестяную грамоту, читал ее и бросал, как теперь порой бросают прочитанные и ненужные записки...

Каждый год в Новгороде во время раскопок находят берестяные грамоты, их уже найдено несколько сотен; были они обнаружены также во Пскове, в Полоцке, в Старой Руссе.

А в Москве, во Владимире и в других городах средней России их не находили, однако при археологических раскопках были обнаружены остроконечные костяные и металлические писала. А сами грамоты не сохранились; виною тому были особые свойства грунтовых вод. Лишь в 1988 году в Москве археологи обнаружили первую берестяную грамоту.

Самые ранние новгородские берестяные грамоты относятся к XI веку, большая их часть — к следующим столетиям. Любопытно, что их сочинители, как и нынешние старики новгородцы отдаленных деревень, «цокают», то есть говорят вместо Ч — Ц.

Так выглядят новгородские берестяные грамоты XI–XV веков; многие буквы для нас, казалось бы, понятные, а какие слова — мы никак не разберем, даже специалисты-историки с трудом читают эти грамоты.

Вот о чем тогда писали:

«От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, так пришли ми цоловек на жереппе, зане ми (слугу на жеребце, потому что у меня...) здесе дел много. Да пришли сороцицю (рубаху), сороцицю забыле».

Кто такой Борис — мы не знаем, вряд ли он был богат, хотя имел слугу; какие у него оказались дела — мы не знаем, а видно, что человек он был рассеянный — забыл рубаху, чтобы переменить после бани.

Прошло несколько лет, и та же Ностасья шлет другую грамоту какому-то старшему над ее мужем и к своим родным, сообщает печальную весть:

«Поклон от Ностасьи к господину, к моей к бъратьи. Оу мене (у меня) Бориса в животе (в жизни) нет. Как се, господо, мною попецадуете (позаботьтесь) и моими детми».

А вот сохранившийся отрывок из письма мальчишки-баловника своему приятелю:

«Невежа писа, недума каза, а хто се цита...» — далее текст обрывается (невежа писал, недума показал, а кто это читал...).

И еще одна грамота:

«Поклоно от Якова куму и другу Максиму. Укупи ми, кланяюся, овса у Ондreja, оже прода (если продаст). Возми у него грамоту, да пришли ми цтения добраго».

Видно, посадскому Якову не хватило овса, чтобы прокормить коня. А то, что у Максима, видимо, было много книг и давал он их читать Якову, а верно, и другим новгородцам, — это особо примечательно.

Берестяные грамоты помогают историкам изучать быт и жизнь древнего Новгорода, а лингвисты узнают особенности древнерусского языка.

Существовали ли когда-то книги на бересте — «березовые книги»? При новгородских раскопках было найдено нечто вроде азбуки для школьников, состоявшей из нескольких сшитых вместе берестяных

листочков. Епифаний Премудрый, чтобы особо подчеркнуть первоначальную бедность Троицкого монастыря, в «Житии Сергия Радонежского» писал, что монахи «и самые книги не на хартиях (на пергамене) писаху, а на бересте».

Таково единственное упоминание в древних источниках о берестяных книгах. Несомненно, они были, но только до нас не дошли. А может, когда-нибудь и попадутся пытливым археологам?

2

ниги берегли, считали их величайшими драгоценностями, во время пожаров первыми выносили из домов, их переписывали, украшали орнаментами и картинками; переплетали, обрамляли кожаными окладами с медными и серебряными узорчатыми застежками и другими украшениями. И все же сколько их гибло! Наверное, тысячи сгорели в дни Тохтамышева разорения, когда книгами были набиты кремлевские храмы до самых стропил.

Любили наши предки читать, да не так, как теперь, — урывками в метро, в электричках, во время еды, в постели. Читали про себя медленно; ведь тогда текст не разделялся на отдельные слова, не ставились знаки препинания, и потому приходилось раздумывать над каждой строкой. А то долгими зимними вечерами собиралась семья, и отец или дед читали вслух, а многочисленные дети и внуки слушали в полной тишине; приходили слушать и соседи.

Читали все больше книги религиозного содержания, других-то почти и не было; это различные сборники вроде «Пчелы», «Физиолога», в которых статьи о естествознании, о географии, о медицине перемежаются вставками «божественными»; читали сочинения светские, повести героические, такие, как написанные в XIII веке — «О разорении Рязани», об Александре Невском, и более поздние, посвященные Куликовской битве и путешествиям в разные страны.

Особняком стоит совершенно необычное сочинение неизвестного книжника. Это «Повесть о Петре и Февронии».

В ней две части. В первой рассказывается, как князь Петр побеждает змия. Всадник-змееборец являлся символом борьбы и победы, а также олицетворял народную удачу. Такой сюжет был весьма распространен со времен седой старины в эпических сказаниях народов.

Вторая часть посвящена любви. Наверное, долгие годы обе эти повести жили отдельно, их передавали из уст в уста, потом нашелся книжник и их записал, соединив в одно целое.

Муромский князь Петр ни в одной летописи не упоминается. Наверное, не было такого. В повести рассказывается, как он убил змия и как от его крови покрылся язвами. Никто не мог вылечить больного, пока юный княжеский слуга не встретил в земле Рязанской

простую крестьянскую девушку Февронию. Она сидела в избе, ткала и говорила исполненные необычайной мудрости речи, а перед нею скакал заяц. Она вызвалась вылечить Петра. Привезли его к ней. Она дала ему чудесную мазь, но повелела намазать не все язвы, а одну оставить. После бани все язвы, кроме этой одной, сошли, а через некоторое время тело князя вновь ими покрылось. И снова Феврония его вылечила. Они полюбили друг друга и поженились. Но брак князя с крестьянской девушкой пришелся не по нраву муромским боярам. Они пытались отравить Февронию. Супругам пришлось постричься в разных монастырях. Расставаясь, они дали друг другу слово умереть в один и тот же день. Тоскуя о муже, Феврония начала вышивать платок — «въздух» — покрывало на церковный сосуд. Тоскуя о жене, Петр заболел. Чувствуя приближение смерти, он послал ей печальную весть. Она же отвечала, чтобы он подождал умирать, пока она не закончит свое вышивание. Посылал он и во второй раз, и опять она просила отсрочки. Когда же послал он в третий раз, она, не закончив работы, воткнула в материю иглу и закрутила вокруг нее шелковую нитку, которой вышивала. Оба они умерли в один и тот же день — 15 июня, а какого года — неизвестно.

Их похоронили вместе.

Быть может, первоначально в повести рассказывалось, что Феврония для своего любимого вышивала полотенце, платок или ворот «сороцицы» — рубахи. Тогдашним людям такое было понятнее и ближе. А набожные переписчики последующих лет заменили на некий «въздух» для церкви.

Повесть эта дошла до нас в полутораста списках и XV и последующих веков. Вот как много значила для людей тогдашнего времени, живших под темным гнетом насилия, столь необычная и светлая история о великой любви, о тех высоких чувствах, какие и прежде возникали и будут возникать вечно.

Но тогдашние нравы и обычаи были таковы, что родители никак не считались сподобными чувствами своих детей, а церковь неизменно стояла на стороне родителей. «Повесть о Петре и Февронии», наверное, особенно любили читать тогдашние юноши и девушки.

3 **М**онах Троицкого монастыря Епифаний Премудрый был знатоком священного писания, знал и светскую литературу Греции и труды своих русских предшественников. Наиболее известны его сочинения «Житие Сергия Радонежского» и «Житие Стефана Пермского». Умер он около 1420 года.

От южнославянских писателей Епифаний перенял и развил высокопарный и торжественный литературный стиль, называемый «плетене-

нием словес», с очень длинными фразами, со многими сравнениями и эпитетами к одному слову, со сложными, двойными, им самим выдуманными словами. Вот примеры:

«Един человек, един взъединенный и уединенный и уединяся, един уединенный, един единого...»

И еще:

«Аз многогрешный и неразумный, последуя словесам похвалению твоих, слово плетущи и слово плодящи, и словом почтити мнящи, и от словесе похваление събираа, и приобретаа, и приплетаа, паки глаголя: что еще ты нареку, вожа заблуждышим, обретателя погыбшим, наставника прелщеным, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным...» И так далее, и так далее — до конца фразы еще пятнадцать строк! Такой стиль не прояснял текст, наоборот, затуманивал. Елифаний поражал древнего человека нарочитой запутанностью смысла и таинственной многозначностью текста, будил в нем взволнованность чувств.

В те годы теснее становилась связь Москвы и Новгорода с южнославянскими государствами — Сербией и Болгарией, а также с Византией. Не только купцы ехали в эти страны, а отправлялись и ученые мужи списывать, переводить, сличать русские богослужебные книги с греческими и южнославянскими.

Привезенные с Балканского полуострова, из Греции, церковные книги, а также книги, переписанные на Руси в прежние годы, вновь многократно переписывались в Москве, в Новгороде, в других городах русских, а также в отдельных монастырях.

На дорогом пергамене из телячьей кожи переписывали особо ценные книги, с заставками, с буквицами в виде неведомых зверей и птиц, перевитых стеблями и листьями заморских растений. Текст писали черными чернилами, заставки и буквицы рисовали красной киноварью. Чтобы выделить особо важные фразы, их писали тоже красным. Все чаще употребляли бумагу из хлопка. Разрезанные и разлинованные листы сшивали в тетради, писали тонко очиненными гусиными перьями, невысохшие чернила присыпали песком, заставки, буквицы и картинки раскрашивали тонкими кисточками из беличьих и колонковых волосков. Такие книги стоили очень дорого.

В монастырских мастерских переписывались книги только церковные, случалось, одну и ту же по несколько раз. Скучно было сидеть с утра и до вечера, разговаривать между собой запрещалось, петь можно было только молитвы. От скуки «дерзкие на зло владычьи робята» иной раз оставляли на полях такое, что нарушало строгий церковный текст.

Писцу явно захотелось спать, и он осмелился написать:

«Дремота неприятная в сем рядке (строке) помешахося».

А другой прервал работу потому, что «сести ужинат с салом рыбьим».

Третьему насекомые мешали красиво и четко выводить буквы: «О горе! Свербить — полести (пойти) мытись. О святой Никола, избави коросты сеа!..»

Нынешние исследователи — историки и библиофилы, когда попадают им старинные рукописные книги, сам церковный текст обычно не читают, а любят и со вниманием рассматривают изящные миниатюры и буквицы, а также ищут надписи на первой странице, на последней или в середине книги на полях. Узнают они, кому книга когда-то принадлежала, а то прочтут что-нибудь вроде вышеупомянутых фраз, да, случается, наткнутся на такое, что только головой покачают с усмешечкой.

4 те годы многие задумывались о прошлом Руси, с увлечением читали в летописях рассказы о деяниях могущественных государей, таких, как великие князья Руси Владимир Святославич и его сын Ярослав Мудрый, которые сумели объединить под своей державной властью многие земли русские. Мыслящий человек конца XIV века скорбел, наблюдая оскудение Руси Киевской и других южных и западных русских земель, попавших под власть Литвы.

И еще он видел, как враждуют меж собой Новгород и Москва, Тверь и Москва. Приходилось ему каждый год отдавать накопленные своими трудами гроши, как дань ненавистой Орде.

Но он видел также, как Москва поднимается, мало-помалу прибирая к себе соседние княжества. И грезилось ему, что Москва рано или поздно сплотит вокруг себя все те земли, где люди разговаривают на языке русском, те земли, какими в древние времена владели Владимир Святославич и Ярослав Мудрый. В Западной Европе исторические хроники и церковные книги, как правило, писались и переписывались на языке латинском, непонятном простому народу. На Руси язык церковнославянский, книжный, хоть и отличался от языка разговорного, однако был общедоступен для всех.

Оттого-то и читали и перечитывали грамотные русские люди летописи и другие сочинения, которые переписывались особо тщательно. Такое дело нельзя было доверить «владычным робятам».

Летописи не переписывались бездумно, в них вставляли отдельные куски из прежних летописей, которые велись в других городах, в других княжествах, вставлялись целые повести, такие, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», как «Житие Александра Невского» и другие. Так составлялись летописные своды.

В один из летописных сводов вошло «Поучение Владимира Мономаха» — князя Переяславля-Южного, а с 1113 по 1125 год — великого князя киевского.

Владимир рассказывал о воинских походах, рассуждал о мирных разрешениях споров между князьями, о воспитании юношества...

Тот древний свод увидел тесть Дмитрия Донского, князь суздальско-нижегородский Дмитрий Константинович, и заказал монаху нижегородского Печерского монастыря Лаврентию его переписать. Позднее свод где-то погиб, а переписанная летопись 1377 года до нас дошла. Историки назвали ее Лаврентьевской...

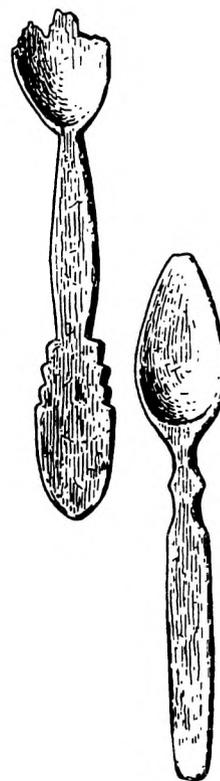
Сохранилась и Лаврентьевская, так называемая Радзивиллова летопись — «лицевой», то есть со многими картинками-миниатюрами, свод конца XV века. Всего этих картинок там — 618.

Как она попала к польско-литовскому магнату князю Радзивиллу — неизвестно. В конце XVII века поляки подарили ее царю Петру. На большинстве картинок изображено множество людей: конные или пешие, они чаще всего сражаются, иногда идут походом, иногда что-то строят, о чем-то беседуют.

Историки доказали, что многие из этих миниатюр были скопированы из более древнего лицевого свода. Они назвали их «Окна в исчезнувший мир». Например, на некоторых из них были изображены такие мечи, с которыми сражались русичи XII века.

Лицевых сводов было несколько, и составляли их летописцы на основании более древних лицевых сводов, может быть, даже XI века. Их читали, и перечитывали, и разглядывали картинки по многу раз. Они служили учебниками для тогдашних детей, изучающих историю Руси. Так наши далекие предки еще с детства узнавали историю родной страны и приобщались любить и почитать ее прошлое...

Самым полным историки считали летописный свод, составленный в Троицком монастыре при преемнике Сергия Радонежского игумене Никоне и получивший название «Троицкая летопись». Ею пользовались историки XVIII века В. Н. Татищев и М. М. Щербатов, а также историк и писатель начала XIX века Н. М. Карамзин. Страшна была судьба этого ценнейшего сокровища русской истории. Оно сгорело во время пожара Москвы 1812 года, когда погибло все замечательное собрание древних рукописей графа А. И. Мусина-Пушкина, в том числе и единственный список «Слова о полку Игореве».

Таковыми ложками хлебали русичи щи, супы, кулеши.

5

еликий князь Василий Дмитриевич, его братья, бояре видели в духовенстве верных союзников. Они жертвовали монастырям, и в том числе Троицкому, огромные луга, леса, пашни вместе с деревнями и крестьянами, соляные варницы, бобровые гоны, отдельные озера и рыболовные ёзы¹.

И другие монастыри получали богатые вклады. Еще раньше князья предоставили им прибыльное право во всех городах беспош-

¹ Ёз — частокол поперек небольшой реки, не дававший рыбе хода вверх по течению.

линно торговать любыми товарами. Они занимались ростовщичеством, выпрашивали у князя московского, у других князей пустующие угодья. Они покупали, меняли земельные владения. Обедневшие князья, случалось, закладывали свои земли монастырям, но выкупать обратно у них не хватало средств, и те владения переходили «святым старцам». Еще хуже бывала участь вольных землепашцев: нужда заставляла их идти в подчинение, в кабалу монастырям.

Как относились сами хлебопашцы к своему закрепощению? Иногда шел народ на своих поработителей-монахов. На древних пергаменах летописей почти нет упоминаний о подобных делах, но в церковных книгах нередко говорится о «злодеях татях», нападавших на «благочестивых» монахов. Было такое и раньше, в XIV веке, было и позднее. Шли в тати-разбойники именно те крестьяне, какие не желали надевать на себя ярмо крепостного раба.

В течение XV и последующих веков иные монастыри — прежние убогие трудовые общины — постепенно богатели. В них вместо малых деревянных церквочек строились каменные храмы. Окружались те монастыри неприступными каменными стенами, бывало, выдерживали они не одну осаду врагов. И самым неприступным для врагов был все тот же монастырь Троицкий...

Троицкий монастырь славился своей ювелирной мастерской. Некоторые виды тонкого ювелирного мастерства после нашествия Бату-хана вовсе исчезли, другие пришли в упадок и вновь стали развиваться лишь с начала XIV века, сперва в Новгороде, потом при княжеских дворах Твери и Москвы, с конца XIV века в Троицком монастыре.

Привозное золото и серебро превращалось в различные высокохудожественные изделия — чары, кубки, рукояти оружия, предметы церковного обихода, мелочи, вроде украшений на одежду. Все это менялось или продавалось, или князья забирали себе либо отвозили как дань и дары в Орду. А там драгоценный металл безжалостно расплавлялся, чеканились монеты — уже другими правителями, монеты снова превращались в золотые и серебряные вещи, которые берегли их владельцы. И опять вещи расплавлялись, превращались в монеты уже третьими правителями.

Вот почему лишь ничтожная доля художественных сокровищ прошлого — из найденных кладов, из монастырских ризниц, из сундуков отдельных богачей — теперь перешла в наши музеи и там хранится как ценнейшее народное достояние.

А мы поражаемся высокому искусству тех, кто столь тщательно и с большим вкусом создавал эти драгоценные предметы.

Кто же они были — те мастера-москвичи, новгородцы — и кто подвизался в Троицком монастыре?

Были мастера-зернщики. Зернь — это маленькие, размером с гречишное, просяное, даже маковое зернышко, серебряные, иногда

золотые шарики. Припаивал мастер крохотными щипчиками до пяти тысяч шариков к какой-либо металлической основе, да припаивал не просто в определенном порядке, а подкладывал под каждое зернышко крохотное колечко из проволоки, тоньше паутинки. Так создавалась чудесная игра света и тени на разных украшениях для девичьих нарядов — на серьгах, на колтах (подвесках), на пряжках; так получались тончайшие, изящные узоры. А ведь очков тогда не носили, не знали, что такое лупа и при столь тщательной обработке серебра скоро теряли зрение.

Были мастера-чеканщики. Сидел умелец с керном и молоточком и тюкал, тюкал, выбивая на серебряных кубках, чарах, мисках подобной же тонкости узоры. И были мастера-сканьщики. Скань — это тоньше человеческого волоса проволочки из драгоценного металла; мастер, свивая или протягивая серебряные ниточки в спиральки, в завитки, припаивал их к какой-то основе и создавал из этих ниточек причудливо-сказочные цветы, листья, другие узоры...

На княжеских пирах Дмитрия Донского и его сына Василия Дмитриевича пили из серебряных чар, из позолоченных кубков, ели из серебряных мисок и блюд. И все эти драгоценности искусные мастера украшали чернью, сканью, рисунок выводили — травчатый, лапчатый, струями, репьями, копытцами, козельчиками.

Одним из лучших сокровищ древнерусского ювелирного мастерства был знаменитый оклад на Евангелии, исполненный неизвестными московскими мастерами в 1392 году. Боярин Дмитрия Донского Федор Андреевич Кошка пожертвовал его Троицкому монастырю. И с тех пор до самой революции то Евангелие хранилось в собрании древних драгоценностей в ризнице монастыря, а теперь находится в Москве, в Библиотеке имени В. И. Ленина.

К медной доске оклада припаяно двадцать девять литых, художественно исполненных фигурок, тут и скань — тончайшая, воздушная паутинка, тут и чеканная чернь — столь же тончайшая, и цветная перегородчатая эмаль, какую знали до нашествия Бату-хана киевские мастера, а следующие поколения позабыли. А в конце XIV века это ремесло вновь перешло к нам из Венеции. Такую драгоценность создавало несколько умельцев, один из них был старшим, особо искусным, обладавшим воистину золотыми руками, острым глазомером и пламенным сердцем, а остальные были его подмастерьями...

6

упцы немецкие, голландские, шведские, датские не только приезжали торговать в Новгород, они там постоянно жили, общались с местными жителями. И оттого-то идеи западноевропейские проникли в Новгород раньше, чем в другие города русские.

Церковь Спаса на правобережной, Торговой стороне Новгорода — 1374 год. Немногие украшения идут по его стенам. А внутри храма — фрески великого мастера Древней Руси Феофана Грека.

В Новгороде с XIV века строилось много каменных храмов. Иные из них были почти без украшений, на других вился скупой, вырезанный на камне узор. Они высились по обоим берегам Волхова или в некотором отдалении. Белые, могучие, словно крепости, с узкими, прорубленными окнами, с тяжелыми, окованными железом дверями, они потребны были не только для богослужений, в их низких сводчатых подклетах береглись от пожаров и от «лихих людей» товары и сокровища новгородских бояр и купцов.

Внутри храмы украшались иконами и фресками. Создание фресок требовало большого искусства. По сырой штукатурке, на определен-

Тревожен огненный взгляд Христа с фрески Феофана Грека в храме Спаса на Ильине. Словно предвидел великий мастер грядущие кровавые битвы.

ном участке стены, пока еще не высохла известь, живописец должен был быстро и смело нанести углем заранее задуманные очертания фигур, взаимно расположенных согласно распорядку строгих церковных правил-канонов по одному из библейских сюжетов. И тут же, без каких-либо поправок и изменений, не переводя дыхания, он должен был столь же быстро и смело раскрасить эти фигуры и фон зади них, чтобы краски вьелись в сырую известь. Многие фрески дошли до нашего времени совсем свежими, сочными, словно создавали их не в XIV веке, а недавно.

Одним из самых известных мастеров-иконописцев второй половины XIV века — начала XV был «преславный мудрок, зело философ хитр» — Феофан Грек, о ком его друг Епифаний Премудрый оставил воспоминания.

По свидетельству Епифания, Феофан — грек по происхождению — сперва расписывал храмы у себя на родине — в Константинополе, в Халкидоне, затем в Крыму, в Кафе. Новгородские купцы пригласили его в свой город. Там он расписал несколько храмов, сам учился у русских мастеров, и русские ученики, в свою очередь, многое заимствовали у него, потом он работал в Нижнем Новгороде, в Коломне, в Серпухове, затем в Московском Кремле, во вновь построенных Благовещенском и Архангельском соборах и в церкви Лазаря, а также украшал московский терем князя Владимира Андреевича. Как утверждал Епифаний, за тридцать лет Феофан Грек расписал до сорока храмов.

Чудом уцелели его новгородские фрески, когда многие художественные богатства Новгорода были безжалостно разрушены гитлеровскими оккупантами.

Творения великого художника поражали тогдашних людей, поражают и нынешних зрителей. Искусством Феофана Грека нельзя просто любоваться, как любят неперезоженной красоты античной статуей или мадонной Рафаэля. Зритель перед новгородскими фресками (1378 год), витающими где-то в выси сводов храма Спаса на Ильине, останавливается неподвижно в раздумье, молча смотрит, запрокинув голову. Пораженный высоким искусством, он взволнован, ошеломлен, даже испуган. Наверное, и тогдашних новгородцев при взгляде на творения Феофана Грека тоже охватывал страх.

Бешено скачут всадники, грозные очи пророков словно с упреком глядят сверху на зрителя. Тонкие фигуры обобщены, они словно сказочные привидения. Вдоль висков и вдоль щек святых идут седые полосы уверенных мазков-бликов; и потому желтовато-коричневые, изможденные лица кажутся одухотворенными, встревоженными, иногда грозными. Резкие складки одежд подчеркивают движение. А сзади — сказочные скалы громоздятся, сказочные деревья как бы колеблются ветром... Краски одежд, фона — то светло-серые, то голубоватые, то светло-коричневые... Епифаний Премудрый нам оставил описание, как творил великий живописец, правда, не в Новгороде, а позднее, в 1405 году, когда он работал над не дошедшими до нас фресками Благовещенского собора Московского Кремля. Цитата дается в переводе, очень уж витиеват текст Епифания.

«Он же, кажется, руками пишет изображения, а сам на ногах, в движении, беседует с проходящими, а умом обдумывает высокое и мудрое, острыми же очами разумными разумную видит доброту».

Работая, Феофан Грек не мог стоять на месте, то отходил, всматриваясь издали в только что им созданное, то быстро приближался, вновь набрасывал краски, опять отходил, да еще одновременно успевал беседовать с проходящими...

Он создал новгородские фрески до Куликовской битвы, но предчувствие будущего неминуемого сражения, наверное, пылало в его сердце. Оттого-то лики на этих фресках столь тревожны. Словно предвидели святители и пророки «трусск и звук велик от копейного ломления и от мечного сечения (от переломленных копий и от ударов мечей)», предвидели будущую победу народа русского...

7 чеником и последователем Феофана Грека был Андрей Рублев, кого еще при жизни считали мастером великого умения — золотые руки.

Взор ангела приводил в трепет богомольцев. Фреска Феофана Грека в храме Спаса на Ильине.

В книгах, посвященных Рублеву, о его жизни говорится очень мало, и то чаще с добавлением слов: предположительно, вероятно, возможно. Лишь малые крохи сведений о нем безусловно верны.

Он родился около 1370 года, где именно — неизвестно, скорее всего в простой трудовой семье городских ремесленников. Он рос и мужал в окружении участников Куликовской битвы и их сыновей. О славной победе тогда постоянно вспоминали и говорили русские люди. И Рублев со вниманием слушал их рассказы. С юных лет он стал монахом, видимо, большую часть жизни провел в московском Андрониковском монастыре.

В летописях имя Андрея Рублева упоминается дважды.

Первая запись — за 1405 год: «Тое же весны почаша подписывати церковь каменую св. Благовещения на князя великого дворе, не ту, иже ныне стоит, а мастера бяху Феофан иконник Гръчин, да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю...»

Вторая запись — за 1408 год: «Того же лета майа в 25 начаша под-писывати церковь каменую великую съборную святая Богородица, иже во Владимире, повелением князя великаго, а мастера Данило иконник да Андрей Рублев...»

В этих строках указываются Благовещенский собор в Москве и Успенский собор во Владимире.

«Подписывати церковь» означало не только расписывать стены и своды фресками, но также писать иконы для иконостасов. Иконостас — это перегородка, обычно деревянная, богато украшенная резьбой, между алтарем и остальным храмом, с двумя, тремя, четырьмя рядами икон, размещенных в определенном, раз и навсегда установленном церковными канонами порядке.

Храмы брались расписывать «дружины» (артели) иконников — два, три мастера с учениками. В обоих летописных текстах имя Андрея Рублева, как младшего, стоит на последнем месте.

«Феофан иконник Гръчин» — это Феофан Грек. Кто такой «Прохор старец с Городца», то есть уроженец города Городца на Волге, — неизвестно. Кроме этих летописных строк имя Прохора ранее упоминается лишь однажды — в летописях за 1395 год, когда иконники расписывали Рождественский (разобранный в XVI веке) собор Московского Кремля.

«Мастер Данило», в другом источнике — Даниил Черный, наряду с Андреем Рублевым, и опять-таки впереди него, упоминается еще в позднейшем «Житии» Никона, там же говорится о большой дружбе Даниила и Андрея...

Тогдашние мастера никогда не ставили своих подписей; поэтому, кто какую икону или фреску писал, остается неизвестным.

Начиная с XVI века, имена иконописцев, живших одновременно с Андреем Рублевым, постепенно забывались, исчезали из памяти народной, их слава переходила к нему одному, с именем его соединялось все лучшее, что было создано художниками Древней Руси.

Согласно решениям церковного «Стоглавого собора» в 1551 году, велено было писать иконы, «как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы... а от своего замышления ничтоже претворяти», то есть самим ничего не придумывать.

В XVII веке имя Андрея Рублева было всем известно, а позднее, как это ни покажется странным, оно постепенно забывается. Любители искусства XVIII и XIX веков вообще не считали древние иконы произведениями искусства, а древнерусское зодчество привлекало внимание лишь немногих.

Восхищаясь творениями живописи западноевропейской, те любители и не подозревали, что в нашей стране, за монастырскими стенами, черные от потемневшей за столетия олифы, записанные чуть ли не семью слоями позднейших красок, скрывались столь же высокие произведения живописи. До времени совсем недавнего старинные

иконы, закованные в драгоценные, серебряные, с камнями, оклады, были надежно спрятаны от глаз людей.

Не знали люди и Рублева...

В самом конце прошлого века искусствоведы и художники впервые обратили внимание на древние иконы, зачастую убранные за ветхостью в церковные кладовки и сторожки. Они находили их совсем почернелые, а иногда и записанные позднейшей живописью и решались счищать, смывать копоть и олифу, стирать позднейшие слои красок. И тогда во всей своей изначальной красе и светлости предстала перед ними живопись XIV, XV веков и даже более ранняя. То были поразительно светлые, сияющие краски, спрятанные в течение веков от людских взоров, тонкие и легкие очертания фигур, удлинённые лица с большими, то печальными, то грозными очами.

Так было открыто великое искусство древней русской живописи, не менее значительное, чем тогдашнее искусство Западной Европы. Это открытие было столь же неожиданным и знаменательным, как открытие уже в наше время берестяных грамот.

Но подлинный Рублев тогда еще не предстал взорам людским.

— Сие писано чернецом Андреем Рублевым, — говорили монахи Троицкого монастыря и указывали на икону, находившуюся в иконостасе Троицкого собора справа от «царских врат».

История этой иконы такова.

В 1408 году, во время нашествия Едигея, Троицкая обитель была сожжена дотла и разграблена, однако монахи успели скрыться в лесу и унести с собой самое ценное. Сгорели кельи и малая церквушка.

Для вновь поставленной деревянной церкви в 1411 году игумен Никон позвал Андрея Рублева написать икону Троицы. Тринадцать лет спустя вместо этой церкви был выстроен ныне существующий Троицкий собор, куда и было перенесено творение Рублева...

В 1904 году церковные власти разрешили наконец снять с иконы Троицы драгоценный оклад, а ее саму расчистить от нескольких позднейших слоев красок. Но лишь немногие любители искусства смогли тогда увидеть возрожденное из тьмы веков великое творение мастера. Только в наши дни предстала икона перед взорами народа, когда ее поместили в Третьяковской галерее.

Новгородские фрески Феофана Грека поражают, страшат. А краски Рублева совсем иные. Они ярче, радостнее — эти светлые, сияющие, нежные, истинно рублевские тона — пленительный голубец разных оттенков, темно-вишневые, золотые — цвета спелой ржи, «пепелесые» (серо-лиловые) и другие, столь же воздушные...

Согласно библейскому преданию, три юных ангела явились к праотцу Аврааму и его жене Сарре, и те усадили их под дубом мамрийским и прислуживали им при трапезе.

Рублев отклонил излишние житейские подробности и изобразил только трех усталых юных путников, трех ангелов, восседающих с

тонкими дорожными посохами в руках, перед ними на столике — лишь одна-единственная чаша, сзади — легкие очертания дерева, горы и палат Авраамовых. Каждый из ангелов в глубоком молчании погрузился в свои думы. Их лики столь между собой схожи и столь различны. Их глаза исполнены мудрости и печали. О чем размышляют ангелы? Рублев не дал ответа...

А нынешний зритель, хорошо зная русскую историю и остановившийся перед этой иконой, задумается и спросит самого себя:

— Как мог Рублев, живя в то черное время насилий, и зла, и угнетения народного, создать столь лучезарное, наполненное миром и покоем произведение?

Рублев был переполнен надеждой на светлое будущее своей Родины, более того, он твердо верил в это будущее; когда оно настанет, он, верно, представлял себе смутно, но — мудрый мыслитель и одновременно величайший художник — он жил этой верой.

Только так можно объяснить тайну его творчества...

Следующая вершина — это все то, что он создал в древнем граде Владимире.

При дворе великих князей московских всегда помнили, что слава стольного града Москвы идет от былой, еще до нашествия Бату-хана, славы Владимира. А тамошние древние соборы ветшали. И великий князь Василий Дмитриевич, «погадав с боярами старейшими», повелел направить каменщиков подправлять их.

Следом за каменщиками в 1408 году прибыли во Владимир Даниил Черный и Андрей Рублев с дружиной.

Можно себе мысленно вообразить, как они, не отдохнув, прямо с дороги, остановились в изумлении перед Успенским пятиглавым собором, поражаясь его могучими очертаниями, потом вошли внутрь. Перед их взорами предстали кое-где на стенах фрески, исполненные мастерами-греками, коих некогда призвал князь Всеволод Большое Гнездо. Всмотревшись в эти чудом уцелевшие сокровища искусства, они мысленно прикидывали, какие части стен придется им расписывать заново, а где можно оставить прежние изображения, разве только немного их подправить. И они понимали, что у тех мастеров они могут многому научиться.

На следующий день начали работать.

Даниил Черный, видимо, был старшим и по возрасту, и по службе, в древних источниках его имя не случайно стоит перед именем Рублева. Да, Даниил прежде всего был художник, но, наверное, именно ему приходилось распределять, кто из дружинников какую икону, какую фреску будет писать, а младшим и вовсе доверялось лишь растирать, толочь, размешивать краски, подносить воду. Самое ответственное он поручал своему другу любимому.

И Рублев творил, творил с вдохновением, с раздумьями, с трепетом душевным. Иногда, возможно, он подходил к одному из

Андрей Рублев.
Богоматерь. Икона
из иконостаса Успенского собора во Владимире. Начало XV века.

Андрей Рублев.
Иоанн Предтеча. Икона из иконостаса Успенского собора во Владимире. Начало XV века.

младших учеников, брал у него кисть, что-то подправлял, что-то переписывал заново, потом вновь возвращался к той фреске, к той иконе, над которой трудился сам...

И теперь искусствоведы гадают: какую икону, какую фреску создал Даниил Черный, какую — Андрей Рублев или их ученики?!!

А тогда иконники пристально разглядывали, изучали то немногое, что уцелело на стенах собора с древних времен, они создавали свои творения, в чем-то напоминаящие прежние, созданные мастерами-греками и одновременно столь с ними несходные. Фрески Рублева и Даниила Черного кажутся менее строгими, они жизненнее, тоньше, легче.

И сколько их! В полтора человеческого роста фигуры. На одной фреске шествует множество грешников, на другой — ангелы, на третьей восседают апостолы. И у каждого свое выражение лица, то сосредоточенное и мудрое, то вдохновенное...

Так прошло почти четыре века. Постепенно фрески тускнели от сырости, кое-где осыпалась штукатурка, иконы темнели. И тогда, по указу Екатерины II, церковные власти приступили к «подновлению» собора. Были покрашены или безжалостно сбиты отдельные фрески, а иконы с иконостаса проданы в церковь села Васильевского Шуйского уезда. Так часть фресок погибла, часть надолго схоронилась от людских взоров...

В 1918 году группа искусствоведов по заданию Советского правительства отправилась во Владимир. Там они принялись бережно расчищать от позднейших слоев красок все то, что уцелело на стенах Успенского и Дмитриевского соборов. А иконы были вывезены из Васильевского, их подновили и поместили в Третьяковской галерее и в Русском музее Ленинграда.

Пораженные ценители искусства, а за ними и те, кто ранее знал лишь одну «Троицу», увидели во всей многогранности великие творения Андрея Рублева. И любовались, любовались его нежными и радостными красками...

А не так давно стали замечать, что рублевские фрески Успенского собора во Владимире постепенно бледнеют, словно тают.

Подняли тревогу. Съехались многие ученые — искусствоведы, физики, химики, биологи, геологи. Мнения разделились, предлагались разные способы, как спасти фрески. После многих опытов решили покрыть их специальным составом. Поможет ли? Покажет будущее.

Рублев должен быть спасен!..

Закончив «подписывать церковь каменную великую съборную святая Богородицы, иже во Владимире», Даниил Черный, Андрей Рублев и их дружина вернулись в Андроников монастырь.

Видимо, тогда их ждал новый заказ: расписывать храм в Звенигороде, где княжил второй сын Дмитрия Донского — Юрий.

Средняя икона из Звенигородского чина. Сохранилась лишь ее десятая часть. Но часть эта поистине бесценна, неземным величием веет от чудом уцелевшего лика Христа.

В летописях нигде об этом не говорится. Однако доподлинно доказано, что Даниил Черный и Андрей Рублев с дружиной работали в том городе.

Там в 1918 году в старом деревянном сарае, возле ныне существующего белокаменного Успенского собора были найдены три, огромных размеров, совсем черные от копоти иконы. По внешнему виду

Знаменитый Звенигородский чин Андрея Рублева — начало XV века. Левая икона — Архангел Михаил, одухотворен и нежен его возвышенный облик.

досок можно было догадаться, что они очень древние. Тогда в Звенигороде железной дороги не было. Их погрузили на подводу и доставили в Москву.

Можно себе представить, как волновались искусствоведы, когда начали тщательно и осторожно расчищать доски, снимать и смывать с них всю копоть, грязь, позднейшие слои красок и олифы.

На одной иконе показалось изображение архангела Михаила, на другой — апостола Павла. Третья икона состояла из трех сколоченных шпонами досок, на двух крайних досках никаких следов красок не обнаружилось, на средней сохранилась едва лишь десятая часть живописи. Но часть эта была бесценной: уцелело изображение лика Христа. Только эти три иконы остались от целого иконостаса, от его нижнего ряда, называемого «Деисусный чин», в каком, согласно церковным канонам, положено быть девяти иконам.

То, что был найден подлинный Рублев, ни у кого не вызывало сомнений. Да, тот Рублев, перед которым все тускнело, все мельчало, то были его светлые краски, его письмо, его душа, его жизнерадостный гений...

Первоначально иконы поместили в Историческом музее. И тотчас же по всей Москве разнеслась весть: найден новый Рублев!

Шла гражданская война. Москвичей терзал голод и холод, изнуряли болезни. А все те, кто любил искусство, шли и шли в знакомое здание на Красной площади, поднимались по лестнице в нетопленный зал и там, забыв о холоде, о коченеющих ногах, стояли, вглядываясь в возрожденную к жизни красоту...

Теперь все три иконы также находятся в Третьяковской галерее...

Что делали Даниил Черный, Андрей Рублев и их дружина с 1411 по 1424 год — неизвестно. Летописи упоминают только о зданиях, которые строились по велению великого князя или митрополита, вот почему там ни слова не сказано ни о храмах звенигородских, ни о других, воздвигавшихся в эти и в последующие годы, расписанных Даниилом Черным и Андреем Рублевым.

Скорее всего оба мастера вернулись в Москву, в родной для них Андроников монастырь; там была иконописная мастерская, где они трудились — писали отдельные иконы по заказам князей, бояр и купцов. Не могли же они оставаться без дела...

Тем временем Троицкий монастырь все богател. Нескончаемым потоком текли вклады князей и бояр в его ризницу и кладовые. Деревянная церковь была тесна и никак не соответствовала возраставшим монастырским богатствам.

Игумен Никон решил строить новый белокаменный собор. В 1424 году он призвал Даниила Черного и Андрея Рублева с дружиною, и они начали «подписывать храм, спешно творили дело сие».

В течение следующих столетий собор несколько раз перестраивался. Теперь ему возвращен его изначальный облик.

Маленький, спрятанный среди позднейших зданий, ослепительно белый, увенчанный золотым куполом, он очень красив. Идут по его стенам снизу вверх узкие плоскости лопаток¹, узкие, как щели, окна пробиты, никаких украшений нет, и только вырезанный по камню кружевной трехленточный поясok тянется поперек стен.

¹ Плоский вертикальный выступ на стене здания.

До наших дней дошли все три ряда иконостаса, в котором сам Рублев написал, видимо, не более двух или трех икон; не менее пятнадцати создали его ученики, он лишь кое-где проводил кистью по их доскам. А рублевские настенные фрески давно безжалостно соскоблены...

Закончив роспись Троицкого собора, они «отходят во един от монастырей... града Москвы, Андроников именуем. И тамо церковь... такожде подписаньми украсивше, последнее рукописанье память себе оставльше».

Епифаний Премудрый, рассказывая об Андрониковом монастыре, уделил несколько строк некоему старцу Андрею (очевидно, Рублеву) — «иконописцу преизрядну, всех превъсходящу в мудрости зелне (особой) и седины честны имея... церковь камену зело красну... подписанием чудным своима рукама украсиша...».

Сохранилась миниатюра XVI века — сидит маленький лысый старец высоко на лесах, поставленных у стены храма, видимо, Андроникова монастыря. Он пишет образ Спаса, рядом надпись — «Андрей Рублев», а внизу стоит народ и любуется...

До недавнего времени Спасский собор Андроникова монастыря не привлекал внимания ученых.

После пожара 1812 года он был настолько перестроен, что никто и не подозревал, какая там старина и красота скрывалась под позднейшей кирпичной кладкой.

Только теперь белокаменный собор предстал перед нами во всей своей первозданной прелести. Он очень живописно стоит на холме на высоком берегу Яузы; белые, с небольшими башенками стены окружают его. Он строен, устремлен вверх, необычной высоты барабан его купола словно вырастает из белоснежного ожерелья кокошников. Недаром еще в древности этот собор называли «зело красным», то есть очень красивым.

А фресок Рублева нет на его стенах. После пожара 1812 года невежественные подновители уничтожили «подписание чудное».

Фрески погибли. Но имя Рублева осталось неразрывно связанным с Андрониковым монастырем. Здесь в 1430 году он скончался и был погребен где-то около собора. Еще в XVIII веке сохранялась его надгробная плита с надписью, и кто-то списал с нее текст. До нас дошла копия того текста.

В прежних монастырских жилых покоях ныне размещено богатейшее собрание икон — всемирно известный «Музей древнерусской живописи имени Андрея Рублева». А недавно на площади перед воротами был установлен ему памятник.

Изучать его творчество и вообще древнерусскую живопись по-настоящему начали только в наше время. И теперь имя великого художника обязан знать каждый, считающий себя просвещенным, житель нашей страны.

Годы жизни Андрея Рублева совпали со временем княжения на земле Московской Василия Дмитриевича. Но теперь лишь историки знают имя великого князя московского, а время его княжения называется временем Андрея Рублева...

Период с конца XIV века и век XV был на Руси временем расцвета искусств и литературы. В живописи подвизались Феофан Грек, Андрей Рублев, другие мастера. Их преемником являлся художник столь же высокого полета — Дионисий. Были тогда зодчие, чьи имена остались неизвестными, были книжники — Епифаний Премудрый и другие.

На Руси — в Киеве, во Владимире, в Смоленске, в Москве, в других древних городах — каменные соборы, по два, по три и более, один подле другого поднимались на самых высоких местах.

И видно их было за много верст. И путники, приближаясь к городу, издали любовались золотыми, горевшими на солнце куполами и поражались величию храмов.

Немалые средства жертвовала церковь Руси на строительство храмов. Властители светские — князья отдавали своей верной союзнице — церкви отнятые у народа богатства.

А зодчим приходилось служить одновременно и власть имущим, и церкви.

Тяготились ли Даниил Черный, Андрей Рублев и другие иконовики, а также Епифаний Премудрый и неведомые нам создатели героических и иных повестей и поэм теми непреложными правилами — церковными канонами?

Можно только догадываться, как тяжело было истинному мастеру, когда ему сверху указывали: «Создавай только по данному канону, только по данному образцу!» А канон этот был выработан когда-то еще в Византии. Вот, например, икона «Преображение»: три фигуры наверху, в облаках, три внизу, на земле, каждая из них может быть изображена только в определенной позе. Или икона — святой Никола. Он изображен по пояс, борода округлая, короткая, через плечи перекинута белое с черными крестами полотнище, правая рука поднята в благословении, левая — держит книгу. Только так! Для священнослужителей было удобно — неграмотные знали, кому какая икона посвящена. А художник не смел ничего добавлять от себя. Как подобные невидимые оковы связывали истинного творца! И как велик был Рублев, что и в столь стесненных условиях мог создавать свои бессмертные творения!

Когда по воле митрополита Киприана знаменитая икона Владимирской Богоматери была взята из города Владимира и поставлена в

Троицкий собор Троицкого монастыря. Построен в 1424 году. В нем похоронен Сергей Радонежский.

Спасский собор Андроникова монастыря — 1420—1427 годы. Старейшее здание в Москве.

Успенском соборе Москвы, Рублев получил заказ «во утешение» владимирцев написать для них копию.

Он — гениальный мастер — заимствовал с творения великого византийца облик Богоматери и младенца, положение их тел и рук и создал схожую и одновременно совсем иную икону. Иначе глядели обрамленные длинными ресницами, исполненные великой печали большие и задумчивые глаза Богоматери...

Писатель Епифаний Премудрый читал, разумеется, и «Слово о полку Игореве». Но, наполненное божествами языческими, оно не оставило в его творчестве никаких следов. И не потому ли оно дошло до нас лишь в единственном, впоследствии погибшем списке, что священнослужители косо смотрели на это величайшее творение древнерусской литературы, столь далекое от церковных канонов?..

9

ило на Руси искусство, никак не связанное церковными канонами, наоборот, весьма от них далекое. К сожалению, нынешние ученые не нашли для него подходящего русского словечка, а именуют на иностранный лад, называют фольклором¹.

¹ Происходит от немецкого слова *Volklor*, то есть народное творчество.

В начале книги о народном творчестве рассказывалось. Это былины, сказки, песни. Это подчас весьма сложные обряды, какие еще до недавнего времени исполнялись в народе в дни праздников и в каких мало места уделялось молитвам. Ранее в книге назывались масленица и радуница, можно еще добавить день первого выпаса скота, день начала покоса, начала жатвы... Да мало ли какими праздниками стремился украсить свою трудовую жизнь русский крестьянин!

Самым ярким с древнейших времен был на Руси, да и не только на Руси, обряд свадебный, в разных краях разный, и всегда наполненный поэзией и всевозможными веселыми придумками.

Этот народный свадебный обряд начинался еще до встречи жениха и невесты и продолжался с плясками, с песнями, с играми, с различными затеями, с обильными пиршествами и кипел и буйствовал иногда в течение трех и даже более дней. В некоторых местностях русского Севера знали, например, до четырехсот различных свадебных песен!..

Всегда любили на Руси и песни петь, и сказки сказывать, даже в самые тяжкие времена лихие. Те песни и те сказки придумали где-то и когда-то либо переняли у соседних народов и переиначили на свой лад. И были они милее и понятнее долгих церковных песнопений.

Дошли до нас сказки насмешливые, записанные тайно лишь в XVII веке, в которых осмеивались и церковные, и светские власти. Нет никаких сомнений, что подобные «озорные» сказки жили в народе и раньше, но рассказывали их потихоньку и записывать остерегались.

Так процветало на Руси искусство народное, в котором участвовали и стар и млад. Жило оно хоть и рядом с церковью, но отдельно от церкви. И было оно радостное, наполненное восторгом жизни, любовью к лесу, к полю, к реке, к солнцу, ко всей окружающей жизни. А могло оно быть и совсем иным, проникнутым печалью и скорбью...

Черные тучи надвигаются

- 1 пятидесяти верстах к западу от Москвы расположен Звенигород, славный своим знаменитым памятником старины конца XIV — начала XV века — Успенским собором, тем самым, возле которого были найдены в дровяном сарае три иконы Рублева.

Выстроенный из белого камня, он очень живописно стоит на высоком левом берегу Москвы-реки. С трех сторон опоясывает его вал древней крепости. В сравнении с Троицким собором Троицкого монастыря он выглядит более стройным; узкие щелевидные окна, выступы лопаток подчеркивают его высоту. Почти такой же, как и на Троицком соборе, скромный поясок украшений в виде кружевной, вырезанной на камне плетеной тройной ленточки тянется поперек его стен.

По своему облику он напоминает воздвигнутые еще до нашествия Бату-хана Дмитриевский собор города Владимира, а также прославленную на весь мир церковь Покрова на Нерли. И там, и здесь одинокий купол на изящном барабане венчает крышу. Звенигородский зодчий, наверное, увидел те храмы и восхитился их непревзойденной красотой, но создал все же не столь совершенное.

Собор этот был выстроен неизвестным искусным мастером по заказу второго сына Дмитрия Донского — Юрия Дмитриевича, князя звенигородского и галицкого (северного).

- 2 аверное, когда умирал Дмитрий Донской и составлялось его завещание, ни он сам, ни его бояре не предвидели, сколько страшной многолетней смуты принесет то завещание земле Русской! Впервые без всякого ханского ярлыка, а только своей волей Дмитрий отдавал московский великокняжеский стол старшему сыну Василию, а если тот умрет бездетным — быть великим князем его брату Юрию. Свидетелями завещания были сыновья Дмитрия, епископы, ближние бояре.

Прошло несколько лет. Жена Василия Дмитриевича, Софья Витовтовна, родила сына, нарекли его Иваном. Василий Дмитриевич решил, и также без ханского ярлыка, составить новое завещание:

буде он «волею божьей помре», быть после него на Москве князем сыну его, младенцу Ивану. Далее перечислялись имена свидетелей, то были братья его — Андрей, Петр и Константин, за ними шли ближние бояре. Государственной печатью восковою то завещание было скреплено. А следующий после Василия брат, Юрий Дмитриевич звенигородский и галицкий, свидетелем быть отказался.

Был у великого князя пир, а после пира на охоту он поехал, но Юрия Дмитриевича ни на пиру, ни на охоте не видели, отсиживался он в своем звенигородском тереме.

Так узнали на Руси, что началось между братьями «нелюбие».

Переговаривались по московским дворам, на торгу, на папертях церковных, что не смирится князь звенигородский, не таков он, чтобы склонить голову перед малолетним племянником. Он же первым воеводой был у старшего брата, и на Торжок ходил, и усмирал мордву, и воевал по Волге — разгромил город Булгар. Быть усобице на Москве, прольется кровь народная.

Прошло несколько лет, и помер названный в завещании наследник — сын великокняжеский Иван. А вскоре Софья Витовтовна снова родила сына, нарекли его в честь отца Василием. Было это в 1415 году. И опять поползли в народе зловещие слухи: второе составлено завещание, и опять в пользу народившегося младенца. Преемник митрополита Киприана Фотий, великокняжеские братья и ближние бояре были свидетелями того завещания, а князь Юрий Дмитриевич снова согласия не дал.

Узнали в народе, что он повелел в дальнем своем заволжском уделе, городе Галиче, у берега озера насыпать вал, копать ров вокруг собора и княжеского терема. А какие враги могут добраться за дремучие костромские леса, где и серому волку не везде пробраться? От кого искал защиты князь звенигородский?

— Быть беде! Быть беде! — шептали в народе.

Десять лет длилось меж братьями «нелюбие». Не виделись они ни разу, хоть и жили друг от друга недалеко — один в Москве, другой в Звенигороде.

Десять лет жил народ в тревоге, в предвидении многих бед.

Занемог великий князь Василий Дмитриевич. И вновь поползли слухи: третье завещание в Кремле составлено, и опять в пользу малолетнего сына Василия.

Молва ходила, будто — неслыханное на Руси — подбивает великого князя писать те завещания в пользу сына жена его, великая княгиня Софья Витовтовна. А бояре-то, сказывают, заодно с ней...

Совсем мало говорят летописцы о женщинах на Руси, и то лишь о княжеских дочерях, невестах, женах, помянут о них две строки — и все.

Одна только жившая еще в X веке великая княгиня Ольга снискала славу грозной правительницы на Руси. Согласно преданию, из

мести за убийство своего мужа, князя Игоря, залила она кровью землю славянского племени древлян; довелось ей много разъезжать по стране, и всюду она творила суд и расправу, назначала наместников, ставила погосты — места для сбора дани.

У Ярослава Мудрого было три дочери; старшая, Елизавета, вышла замуж за Гаральда, короля норвежского, вторая, Анастасия, — за короля венгерского Андрея, а младшая, Анна, — за короля французского Генриха I.

Анна была известна своею ученостью, она привезла во Францию рукописные книги, одна из них — украшенное миниатюрами Евангелие — сейчас хранится в соборе города Реймса. Муж Анны был неграмотен, когда он умер, она стала править страной за своего малолетнего сына и снискала у простых французов любовь и уважение.

В «Слове о полку Игореве» говорится, как плакала Ярославна, стоя на стене путивльского Кремля, как тосковала о своем плененном муже Игоре Святославиче. А как ее звали — не сказано.

На двух свадебных пирах «ели кашу» Александр Невский и его молодая жена Александра полоцкая. А позднее делился ли он с ней своими думами, радовалась ли она его победам? С той свадьбы ни разу не помянули о ней летописцы.

Жена Дмитрия Донского Евдокия, стоя на резном крыльце — «на урундуце узорчатом», — провожала мужа на войну с полчищами Мамаю. Она основала в Кремле первый в Москве женский Вознесенский монастырь; с той поры в тамошнем соборе хоронили великих княгинь и цариц.

В повести о Петре и Февронии князь показан безвольным: легко уступил он боярам и их женам и расстался со своей любимой. А Феврония, наоборот, описана мудрой, находчивой, смелой.

На Руси княжны и княгини сидели взаперти, вели хозяйство, занимались рукоделием, дальше церкви путь им был заказан. Оттого-то и редко поминают их летописцы.

И только в песнях, в сказках, в былинах в полный голос говорится и поется о верных женах, о красных девицах, о коварных соперницах, о злых мачехах, о заботливых и любящих матерях...

На рубеже XIV и XV столетий явилась на Руси женщина неукротимого властолюбия и твердокаменной воли. То была Софья Витовтовна. Она безмерно любила старшего сына; когда же тот умер, перенесла свою любовь на второго сына, на Василия. Ради него она задумала такое, что грозило Руси неисчислимыми бедами.

Ей удалось добиться у мужа, что был открыто нарушен древний закон Ярослава Мудрого — брат наследует брату.

Бояре московские встали на ее сторону, хотя некоторые из них колебались. Они смекнули, если Юрий Дмитриевич станет великим князем, то приведет он с собой в Москву своих звенигородских и галицких бояр, а им, исконным, чьи отцы и деды верой и правдой

служили Ивану Калите, Семену Гордому, Ивану Красному, Дмитрию Донскому, придется потесниться, уступить первые места пришлым. И они убедили умиравшего Василия Дмитриевича:

— Коли очи твои замкнутся, мы останемся и пуще детей своих будем беречь твоего сына.— И целовали они на том крест.

Лютая ненависть все эти годы тлела в сердце Софьи Витовтовны и в сердце ее деверя Юрия Дмитриевича.

В народе догадывались о той ненависти, но молчали...

3 февраля 1425 года великий князь Василий Дмитриевич скончался. Согласно завещанию, на московском столе сел его десятилетний сын Василий.

Тотчас же митрополит Фотий послал своего боярина в Звенигород звать Юрия Дмитриевича в Москву.

Казалось бы, брат и без зова должен был явиться на похороны брата. А Юрий Дмитриевич, минуя Москву, окольными дорогами бежал в свой Галич. Звенигород находился слишком близко к Москве, и оставаться там ему казалось опасным. Он знал, как далеко могла зайти Софья Витовтовна; она была способна сослать его, повелеть в темницу бросить, в цепи заковать, ослепить...

О его бегстве тотчас же полетела молва по всей Руси. Зашептались люди:

— Быть беде! Быть беде!

В прежние годы Москва боролась с Тверью, с Рязанью, с Новгородом; ныне усобица возгорелась между потомками Дмитрия Донского, запылала в самом сердце земли Московской. Летописцы называют то время «замятней», а нынешние историки именуют феодальной войной. Два с лишним десятка лет раздирала Русь страшная и упорная борьба за власть, но первое время была та борьба бескровной.

В Твери, в Новгороде, в Рязани предпочитали не вмешиваться в московскую «замятню», но за ходом событий следили зорко.

Юрий Дмитриевич послал в Москву боярина со словами не мира, а перемирия. В народе со страхом видели, что обе стороны начали собирать полки.

В Москве решили упредить противника, направили войско на Юрия Дмитриевича. Вел московскую рать младший его брат Константин. Встретились полки братьев на реке Суре, недалеко от Нижнего Новгорода, постояли на разных берегах, постояли и разошлись в разные стороны.

Почему Константин не осмелился перейти реку? Он говорил, что была она широка и глубока и течение быстрое, а не вернее ли сказать:

не хотел он подымать меч на родного брата, не хотели его войны проливать кровь русскую.

Юрий не сложил оружия, а затворился в своем Галиче до поры до времени. Перемирие — не мир, а без мира не быть на Руси тишины. Собрались в Москве бояре, митрополит Фотий и Софья Витовтовна на думу. Порешили они: ехать владыке в Галич, убеждать строптивого князя; надеялись — перед духовным лицом он смирится.

Возле Галича Юрий встретил Фотия, пригласил владыку в свой терем. После обильного княжеского пира начались переговоры. Митрополит потребовал от Юрия Дмитриевича подписания вечного мира, тот упорствовал. Дни шли за днями. Владыка потерял терпение и уехал. Юрий смутился, поскакал вдогонку; ему удалось уговорить владыку воротиться. Переговоры возобновились.

Тем временем Софья Витовтовна поехала в Литву к отцу. Витовт обещал ей «печаловаться» о своем внуке, то есть поддержать его. А коли придет нужда — послать в Москву свои полки.

Юрий Дмитриевич узнал о возвращении Софьи Витовтовны из Литвы в Москву. Он догадывался, что властитель Литвы решил поддержать Москву, и понял, что тогда от чужеземной рати худо будет и Москве, и ему самому нездоровится. Решил он уступить, однако сам поехать в Москву поостерегся, а послал вместо себя двух бояр; они подписали грамоту о мире.

Прошло в тишине три года. 27 октября 1430 года в возрасте восьмидесяти лет умер великий князь литовский Витовт. А вскоре скончался убежденный сторонник Москвы митрополит Фотий.

Поубавилось противников у Юрия Дмитриевича, и он тотчас же отослал «складную грамоту» — мирный договор — обратно в Москву. Поняли в Москве: опять он замыслил домогаться великого княжения. Собирались одни рати в Москве, другие рати — за Волгой, в Галиче...

Но не хотел проливать кровь Юрий Дмитриевич. А замыслил он добиваться победы миром. Во второй раз послал он своих бояр в Москву на переговоры. Договорились отправиться в Орду, просить хана Улу-Магомета быть судьей в их споре. Кому вручит он ярлык, тому и быть великим князем всея Руси.

- 4 Юрий Дмитриевич стал собираться в дорогу. В отдельную кожаную торбу повелел он сложить свитки древних летописей, льстил себя надеждой — прочтут в Орде летописи и решат дело, как исстари велось, брат брату наследует. Московские бояре и Софья Витовтовна рассуждали иначе: коли по-нашему скажет хан — ладно будет. Но нынче Орда не прежняя, коли татарские судьи склонятся на сторону князя звенигородского, мы можем их и не послушать.

Осенью 1431 года поехал в Орду в сопровождении большой свиты бояр и служилых людей юный Василий Васильевич. Старшим в посольстве был назначен умный, сметливый боярин Иван Дмитриевич Всеволож, первый московский вельможа, гордившийся знатностью своего рода.

Не шестнадцатилетний Василий Васильевич, а боярин Всеволож повел переговоры с ханом, прельщал его сладкими речами, втихомолку подсовывал тому, другому, третьему ханскому вельможе соболей на шубы — «умздил их довольно».

Переговоры в Орде длились долго. Хитрый боярин предостерегал хана и его приближенных: князь звенигородский воевода храбрый и искусный, коли ярлык достанется ему, рано или поздно нагрянет он на Орду. «И тем словам, яко же стрелою, уязви сердца их».

Юрий Дмитриевич доказывал свою правоту, читая вслух отдельные места из летописей.

Но красноречие боярина Всеволожа и подарки московские действовали сильнее, нежели древние письма, Москва взяла верх, и хан вручил ярлык юному Василию Васильевичу. Сказал летописец, что было «князю Юрию Дмитриевичу, дяде его, бесчестье и истома велика...».

Юрий Дмитриевич ускакал в Галич. Как дальше бороться, он не знал, знал одно: помыслов своих не оставит!

Было у него три сына. Двое взрослых — Василий Косой и Дмитрий Шемяка жили отдельно, по своим подмосковным вотчинам, а третий, младший, еще мальчик, Дмитрий Красный находился при отце.

Спрашивал Юрий Дмитриевич старших сыновей: коли настанет нужда, поведут ли они свои полки ему на подмогу?

А сыновья пока отнекивались, не надеялись они, что отец их возьмет верх в борьбе за московский стол.

Приехал Юрий Дмитриевич в Галич, заперся в своем тереме, время проводил в уединении, все думал и передумывал, как добиться ему победы, да еще малой кровью. Пуще всего злобился он на московского боярина Всеволожа, считал его главным виновником своего злосчастья в Орде. Вспоминал он далекий и любимый Звенигород на высоких холмах над Москвой-рекой, вспоминал построенный им белокаменный, дивной красоты собор, расписанный славными иконниками Даниилом Черным и Андреем Рублевым с дружиною. Доведется ли увидеть его?..

Немало он поразился, когда однажды зимним вечером прибыло в Галич несколько всадников. То был лютый его враг боярин Всеволож со слугами. Всеволож поклонился Юрию Дмитриевичу в ноги, просил простить и сказал, что готов ему служить верой и правдой.

Что же заставило первого боярина московского изменить своему государю?

Жила в его сердце кровная обида: еще когда находился он в

Орде с юным великим князем, то просватал за него свою дочь, «возхоте за великаго князя Василия Васильевича дщерь свою дати, и о сем слову бысть ему с великим князем». Оба они вернулись в Москву.

Но такой шаг самонадеянного Всеволожа был встречен с негодованием боярами-соперниками. При их поддержке Софья Витовтовна в присутствии многих грубо ему отказала. Рухнули его замыслы, он оскорбился жестоко и отъехал из Москвы. Все его богатые вотчины отошли в казну... Не один день, не два, не три тайно беседовали между собой князь Юрий Дмитриевич и боярин Всеволож, все думали, как бы отомстить ненавистной женке, которая им обоим поперек дороги встала, гадали они, где и откуда союзников искать. Верно, в Москве найдутся бояре, кому женская власть не по сердцу прилась, но те бояре пока помалкивают...

5 обиралась Москва справлять свадьбу великого князя Василия Васильевича со внучкой Владимира Андреевича серпуховского — княжной Марией Ярославной.

Софья Витовтовна решила отпраздновать свадьбу сына пышно и богато, чтобы долго вспоминали о том торжестве. Бояре поддерживали ее — пусть на Руси, в Литве и в Орде знают, сколь высоко поднялась Москва белокаменная.

Гости начали съезжаться. Из Литвы прибыла знатная родня — князья Гедиминовичи, из Золотой Орды приехал особый ханский посол. Из Новгорода прибыл тысяцкий, из Пскова — посадник, из Углича — дядя жениха Константин Дмитриевич, прискакали четверо двоюродных братьев — Василий Юрьевич Косой, Дмитрий Юрьевич Шемяка, Иван Андреевич Можайский, Михаил Андреевич верейский. А дядя жениха — Юрий Дмитриевич — на свадьбу не приехал.

Гости явились в сопровождении бояр, дворян и слуг. Они подносили молодым богатые подарки — серебряные сосуды, соболей, расшитые яркие одежды, драгоценные изделия хитроумных умельцев.

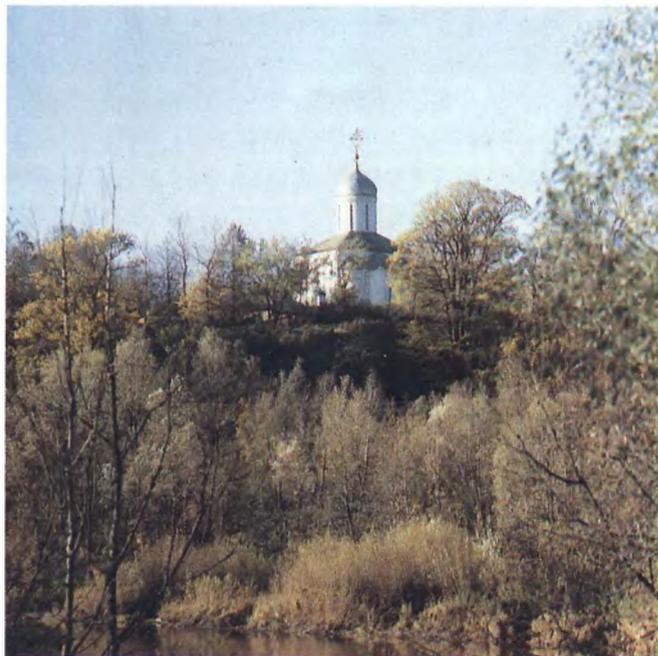
Свадьба состоялась 8 февраля 1433 года. После венчания начался пир. «Бысть пир велик» — так записал летописец.

Прямо на кострах посреди Кремлевской площади жарились целиком на вертелах туши быков, диких кабанов и оленей. Знатные гости сидели в просторной гриднице за столами «покоем» (в виде буквы П), гости помельче пировали в других горницах и в сенях. Выкатывались бочки с медом, с вином, с квасом, слуги проворно разносили серебряные и деревянные блюда с жареными целиком лебедями и гусями, со всякой копченой, соленой, печеной, жареной снедью, разные русские и заморские сласти.

Подавали копченых, вареных и жареных осетров и стерлядей,

Деревянная посуда: ковш, миски ручной и токарной работы, черпак, ложка.

икру, уху. Скоморохи играли в дуды, волынки и сопели, бренчали на гуслях и домрах, плясали, горланили песни.

А простой народ толпился на морозе, греясь у костров. Стража отгоняла бердышами любопытных.

Гуляли и веселились на свадьбе уже пятый час подряд.

Вышел плясать старший сын Юрия Дмитриевича Василий Косой. Плясал он бойко, стуча подковками каблуков. Гости в такт скоморошьему дудению хлопали в ладоши, притоптывали сапожками. А боярин Петр Константинович Дóбрынский наклонился над Софьей Витовтовной и зашептал ей в ухо:

— Погляди, княгиня, какой на княжиче поясок,— говорил он, показывая на золотой пояс «на чепях с камением», и рассказал он одну историю с тайным желанием раздуть огонь смуты.

Впоследствии с недоверием и сомнением записал летописец такие строки:

«Се же пишем, того ради, понеже много зла от того ся почияло (началось)».

Вот о чем рассказал боярин Дóбрынский.

Давно то было. Шестьдесят пять лет тому назад князь суздальский Дмитрий Константинович выдал замуж двух своих дочерей в один и тот же день: старшую — Евдокию — за великого князя московского Дмитрия Ивановича, вторую дочь — Марию — за Микулу Вельяминова. Будто бы отдал он дочерям в приданое золотые пояса — старшей пояс пошире, а младшей поуже. А Микулин отец — московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов — те пояса на свадьбе подменил. Прошло сколько-то лет, и тот широкий подмененный пояс был отдан в приданое Микулиной дочери, когда та выходила замуж за боярина Ивана Дмитриевича Всеволожа. А ныне молва пошла, что

Успенский собор в Звенигороде — построен князем Юрием Дмитриевичем звенигородским в 1399 году из белого камня.

Сохранилась миниатюра XIV века из «Жития преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия (Радонежского) чудотворца, написанного премудрейшим Епифанием». На миниатюре изображен маленький лысый старец, сидящий высоко на лесах, поставленных у стены храма, видимо, Андроникова монастыря. Он пишет образ Спаса, рядом надпись: «Андрей Рублев», а внизу стоит народ и любитесь...

внучка Всеволожа просватана за князя Василия Юрьевича Косого — и глядь, княжич пляшет, тем поясом позванивает.

Софья Витовтовна едва ли толком разобрала, от кого и к кому пояс передавался, но она услышала, что в деле оказался замешанным ненавистный ей боярин Иван Дмитриевич Всеволож, и поняла одно — пояс был похищен у ее свекра, князя Дмитрия Ивановича. Значит, он должен принадлежать его старшему внуку, ее сыну, кого она нынче женит. Она тут же, не раздумывая о последствиях, приказала боярину Захарию Ивановичу Кошкину сорвать похищенную драгоценность с Василия Косого.

Захарий «поимался» за пояс, подскочили слуги, сорвали пояс и вручили Софье Витовтовне. Поднялись крики, шум... Нынешние историки именуют то происшествие «ужасающим скандалом».

Ошеломленный Василий Косой, за ним его брат Дмитрий Шемяка, все их бояре и свита в негодовании покинули торжество. Они поклялись, что за столь тяжкое оскорбление жестоко отомстят великой княгине и ее доброхотам, и прямо со свадебного пира поскакали в Галич. Записал летописец:

«И с того дня князь Василей и князь Дмитрей Юрьевичи разлюбишася, побегоша с Москвы ко отцу своему в Галичь».

Что ж, неужели из-за пояса «возгорется огонь»? Неужели из-за такого случайного предлога вновь вспыхнула почти было затухшая вражда между потомками Дмитрия Донского? Очевидно, сыновья Юрия Дмитриевича звенигородского давно держали сторону своего отца. Но не было зацепки открыто обнажать мечи. Теперь такая зацепка нашлась.

Пояс являлся случайным предлогом. Причина для вражды была куда более глубокой. Вражда назревала давно. Вот-вот готова была загореться борьба между старыми и новыми порядками.

Настал час, когда решалась судьба Руси. Кто возьмет верх? Будет ли Москва продолжать расти и укрепляться, забирая под свою власть соседние уделы, или в жестокой усобице между потомками Дмитрия Донского обессилеет земля Московская?

6 **В**асилий Косой и Дмитрий Шемяка прискакали в Галич. Они встали перед отцом, поклонились ему и начали рассказывать со всеми подробностями о своем позоре.

— На коней! Седлайте коней! — закричал вне себя от гнева оскорбленный Юрий Дмитриевич.

— На коней! — подхватили княжьи слуги.

Радовался боярин Иван Дмитриевич Всеволож, что чужими руками сумеет отомстить своим врагам.

В тот же день гонцы помчались скликать ратников в соседний город Чухлому, по всем селениям и вотчинам, принадлежавшим князьям галицким. Поскакал гонец в дальние вятские земли. Тамошние жители никакой княжеской власти не признавали, жили сами по себе, и всегда в тех землях находились охотники, готовые по первому зову нанявших их взяться за оружие. Как в свое время хан Тохтамыш напал на Москву негаданно и обманом перед ним отворились ворота Кремля, так и теперь Юрий Дмитриевич собирался нагрянуть на Москву, пока там не догадываются о грозной опасности.

Спешно двинулись его полки в поход. По дороге к ним присоединялись разные жаждавшие поживиться молодцы.

Наместник ростовский боярин Добрынский поскакал в Москву с тревожной вестью, нарочно преувеличивая силу галицкой рати.

«Прибеже же тогда из Ростова к великому князю наместник его Петр Константинович, поведая ему, что идет на него дядя его князь Юрьи и детми и с мною силою».

Напуганные Софья Витовтовна и бояре московские были захвачены врасплох — «ничто же не успе сотворити». Войска в Москве не оказалось нисколько. Чтобы выиграть время, навстречу были посланы два боярина для переговоров. Многие бояре в страхе укладывали сундуки, собирались бежать из Москвы. Московские послы встретились с галицкой ратью у Троицкого монастыря. Юрий Дмитриевич не стал с ними разговаривать, а поручил вести переговоры боярину Ивану Всеволожу. Тот не дал московским послам ни слова сказать.

«И бысть межи обоих бояр брань велика и слова неподобные, и тако возвратишеса послы великаго князя безделны (без толку)».

В Москве начали спешно вооружать посадских, из коих иные и оружия не умели держать в руках. Многие боярские возки с семьями тронулись по дороге на Тверь и на Волок-Ламский.

Кто же правил тогда Москвой? Великий князь Василий Васильевич был совсем молод, его мать хоть и слыла безмерно властолюбивой, а умения руководить у нее не было вовсе. И среди бояр наблюдалось «шатание». В Москве поднялась смута, набежали «лихие люди», возможно, сторонники Юрия Дмитриевича. Они разбивали боярские винные погреба, поили собравшихся в поход ратников.

Юрий Дмитриевич обладал большим воинским опытом, он был известен своей храбростью. Юный Василий Васильевич, может, тоже был храбр, но в ратном деле совсем несведущ. Он повел свое нестройное, наспех вооруженное войско.

«Со князем же Юрьем множество вой, а у великаго князя добре мало» — так сказал летописец и добавил, что москвичи «мнози бо от них пиани бяху (многие из них были пьяны), а и з собою мед везяху, что пити еще».

На реке Клязьме, в двадцати верстах от Москвы, встретились обе рати. Никакой битвы не было. Иные московские воины тотчас же сло-

жили оружие, другие побежали. Побежал и великий князь. Захватив в Москве мать и жену, он «в трепете и в тороплении велице» помчался с семьей и слугами в Кострому.

Юрий Дмитриевич вступил в Москву без боя. Он тотчас же послал своих сыновей в погоню за Василием Васильевичем и его молодой женой и матерью. Их догнали, воротили в Москву.

Что делать с пленниками? Боярин Иван Всеволож, сыновья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — советовали отправить всех троих в ссылку, да подальше, да держать их под стражею строго.

А боярин звенигородский Семен Федорович Морозов дал иной совет: не годится так начинать великое княжение. Не успел племянник свадьбу справить — и в дальнюю ссылку поедет? Народ пожалеет его. Сказал летописец про Морозова, что он «испечалова великому князю Василию Васильевичю мир и любовь».

На этом судилище сказалось великодушие Юрия Дмитриевича. Его вожденная цель была достигнута. Он добился победы, притом бескровной, стал на Москве великим князем. А на меры насильственные он не решился, наоборот, простил племянника, дал ему в удел недалний город Коломну, да еще, провожая его, уготовил «честной пир» всей родне и боярам своим и московским.

Сыновья Юрия Дмитриевича, а также боярин Всеволож и «инии мнози бояре и слуги (Юрия) разъяришася о сем и нелюбо им бысть сие всем».

Взять Москву, притом без всякой борьбы, искусный в ратном деле Юрий Дмитриевич смог. Но удержать власть в своих руках он не сумел. Для московских посадских он был чужим. Жители Москвы, как писал летописец, «не повыкли бо служити удельным князем».

Население окраинных земель — костромских, галицких, вятских — не желало подчиняться Москве. Там Юрий Дмитриевич находил себе поддержку. А для жителей земли Московской и для московских ремесленников, торговцев привычной была прежняя власть, все они опасались, что будут пришлые люди приносить им всякий ущерб.

7 е прошло и недели, как стали приходиться к Юрию непонятные для него вести: один боярин покинул со своими слугами Москву, другой боярин покинул, третий, четвертый... И отъезжали московские бояре не в свои вотчины, а к бывшему великому князю и к его матери Софье Витовтовне в город Коломну. Предвидели они, что будут от бояр галицких и звенигородских терпеть всякие обиды и утеснения, оттого-то и не захотели служить дяде, а остались верными племяннику. Следом за боярами отправились в Коломну другие служилые люди, купцы, многие посадские.

Что оставалось делать боярину Ивану Всеволожу? Своему князю Василию Васильевичу и его матери он изменил, к боярам галицким не пристал. Вместе с двумя сыновьями он тоже поехал в Коломну и повалился в ноги своему бывшему господину. Но Софья Витовтовна прощать не привыкла. Она повелела схватить боярина и ослепить его. В летописях сказано, что Иван Дмитриевич Всеволож был «пойман с детми, да и очи ему вымали». Юрий Дмитриевич понял, что Москва ему враждебна. Зашатался под ним великокняжеский стол. На него нагрянула еще беда: оба его старших сына — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — сочли главным виновником гибели своих честолюбивых замыслов Семена Морозова, боярина звенигородского. Это он посоветовал их отцу милостиво обойтись с низложенным Василием Васильевичем, с его матерью и женой. Братья подстерегли ничего не подозревавшего боярина в передней горнице великокняжеского терема и набросились на него с упреками, тот оправдывался, они выхватили кинжалы и закололи его.

С того убийства повернулась усобица на кровавый путь, пошла проливаться кровь на Руси. Оба сына Юрия Дмитриевича, опасаясь отцовского гнева, отправились со своими людьми в Кострому.

Покинутый всеми, Юрий Дмитриевич послал племяннику Василию Васильевичу в Коломну покаянную грамоту: «Поиди на Москву, на великое княжение, а яз иду в Звенигород». Выехал он в сопровождении лишь пяти слуг. Как без боя удалось ему занять Москву, так без боя пришлось уступить. За себя и за младшего сына Дмитрия Красного вынужден он был подписать новый мирный договор, в котором признавал своего юного племянника великим князем на Москве.

Оставался Юрий Дмитриевич в Звенигороде недолго; не чувствуя себя в безопасности, он удалился в Галич. С этого времени руки его словно опустились. Возможно, он заболел и потому отошел от деятельной борьбы. Но старшие его сыновья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — и не думали складывать оружие, решили любой ценой добиваться великокняжеского стола для своего отца. Они набрали ратников из Галича, Костромы и Вятской земли и пошли на Москву. Им удалось разбить московское войско на реке Куси близ Галича. Обе стороны помирились, потом снова пошли воевать. Через год второе московское войско было разбито под Ростовом. Путь на Москву открылся. Василий Васильевич бежал в Нижний Новгород, а его мать и жена попали в плен. Было это в 1434 году.

Василий Косой и Дмитрий Шемяка уговорили своего отца провозгласить себя великим князем, собрались именем его править. А сами они со своими ратниками поспешили догонять бежавшего Василия Васильевича, но не успели достичь города Владимира, как прискакал к ним из Москвы вестник — скончался их отец. Всего два месяца просидел Юрий Дмитриевич на великокняжеском столе. Его смерть внесла смятение, надвинулись на землю Русскую грозные тучи.

Братья двоюродные

1 Как узнал Василий Косой об отцовской смерти, так спешно воротился в Москву и назвался великим князем.

Молча и с недоумением встретили такую весть московские бояре, служилые люди и все прочие жители стольного града. Когда Юрий Дмитриевич домогался властвовать в Москве, было всем понятно — древнее право старшинства еще не успели забыть. Находились и такие, кто чтит Юрия Дмитриевича за его прежние воинские доблести и полагал, что под его сильной десницей жить в Москве будет спокойнее.

А сын его чего домогается? Кто он таков? В Москве доподлинно знали, что старшим в роде теперь не Василий Косой, а его двоюродный брат Василий Васильевич, кто по отцову завещанию поставлен великим князем московским, а сейчас в Нижнем Новгороде сидит и, по слухам, в Орду собирается, верно, ярлык получать.

К ропоту народному прислушались родные братья Василия Косого — Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Они не признали самозванства старшего брата и послали ему сказать: «Раз Богу не угодно было, чтобы княжил наш отец, то тебя сами не хотим!»

Поехал от них боярин в Нижний Новгород звать Василия Васильевича на великое княжение.

Василий Косой узнал, что родные братья не встали на его сторону. Он счел за более благоразумное не дожидаться, когда его из Москвы погонят, а забрал с собой всю великокняжескую казну и бежал в Новгород. Дочиста ограбил он свою тетку Софью Витовтовну и ее невестку Марию Ярославну, но тронуть их не посмел, а может, не успел. Из Новгорода он бежал в Галич, там набрал ратников по всей округе — костромской и вятской — и пошел на Москву, намеревался одолеть внезапным нападением.

Его братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный пока сидели по своим уделам, но за борьбой, что поднялась на земле Московской, следили зорко, верно, дожидались, чья сторона верх возьмет.

Московское войско во главе с Василием Васильевичем двинулось навстречу войску Василия Косого. Близ Ярославля произошла битва. Василий Косой был разбит и с остатками своей рати бежал на север, напал на Вологду, разграбил город, повернул к Костроме.

Московское войско двинулось следом. Встретились обе рати на разных берегах реки Костромы. Постояли, постояли, и решили двоюродные братья мириться. Заключили они между собой договор.

Василий Косой признал Василия Васильевича «старшим братом», но получил в удел не родной Звенигород, а Дмитров, где его не знали и где приверженцев у него не было.

Однако не прошло и месяца, как он бежал в Кострому, оттуда в Галич, набрал новых ратников, но двинулся не на Москву, а на север — на Великий Устюг. Там он убил московского наместника, перевешал тех устюжан, какие руку Москвы держали, и повернул на юг. Было это в 1436 году.

Василий Васильевич также набрал новое войско и пошел на двоюродного брата. Обе рати встретились близ Ростова, но биться не стали, а заключили перемирие до утра.

На рассвете, когда в московском лагере еще спали, Василий Косой вероломно нарушил перемирие и внезапно напал со своим войском на спящий лагерь москвичей. Услышав шум, великий князь выскочил из шатра, сам схватил трубу и начал трубить тревогу.

Закипела сеча. Нестройная рать Василия Косого вскоре побежала, а сам он попал в плен. Его привезли в Москву и там ослепили — «очи ему вымали». В том же 1436 году он умер.

А четыре года спустя умер и самый младший из братьев Юрьевичей — Дмитрий Красный.

2 **стался средний брат — Дмитрий Шемяка.**

В толковом словаре великорусского языка Владимира Даля указывается: «Шемела» значит — бестолковый человек, «шеметун» значит — хлопотун, суета, «шеметкой» значит — торопливый, суетливый, «шеметнуться» значит — метнуться, кинуться. Отсюда и прозвище — «Шемяка».

Видно, заслужил его князь Дмитрий Юрьевич. Вырос, получил от отца вотчины, но помогать ему не стал, все увертывался от воли отцовской, а по его смерти то обещал в дружбе брату Василию Косому, то двоюродному брату Василию Васильевичу, а сам переметывался на ту сторону, какая верх брала.

Пока длилась усобица между двоюродными братьями и Василий Косой не был ослеплен, великий князь заключил с Дмитрием Шемякой договор, в котором тот обязался служить Василию Васильевичу «честно и грозно», признал себя «братом младшим» и получил в удел город Дмитров. Никого он там не знал и остался тем недоволен. И дмитровцы его не знали, и глухой ропот поднимался меж ними...

За все эти годы, пользуясь беспорядками усобиц, малые ордынские отряды неоднократно нападали на русские порубежные земли. Это не были набеги прежних лет, всеистребляющие и губительные. Ослабла Орда, раздираемая междоусобными распрями. Наскакивали

на окраинные, то на восточные, то на южные русские волости царе-вичи и мурзы с небольшой конной ратью, грабили, жгли, забирали пленных и стремились поскорее убраться, пока русские полки не успели их нагнать.

Эти набеги, хоть и малыми силами, наносили значительный ущерб и торговле, и ремеслам, и хлебопашеству то по одним волостям, то по другим.

Изгнанный из Орды хан Улу-Магомет с верными своими воинами отправился вверх по Волге. Он обосновался в Казани и начал оттуда совершать набеги на Русь.

Он и к Москве было приступил с войском. Великий князь послал к Дмитрию Шемяке за подмогой, но тот медлил, не собирал полков. А хан и не пытался брать Кремль приступом. Сжег посады и отступил.

Пять лет двоюродные братья жили между собой будто мирно. Василий Васильевич и не подозревал, что в самой Москве угнездилась измена, что бояре братья Добрынские и коломенский наместник Иван Старков, считавшие себя обойденными в боярской думе, тайными грамотами переписывались с Дмитрием Шемякой. Он обещал им: коли верх возьмет, поставит их в Думе на первые места и даст им новые вотчины.

Заговорщики ждали удобного случая, все надеялись, что удача к ним повернется. И дождались.

3 июне 1445 года два сына хана Улу-Магомета с большой ратью направились к Суздалю. В Москве сперва не поняли, что на этот раз это был не летучий набег конницы, а идет многочисленная вражеская рать.

Василий Васильевич разослал гонцов к своим двоюродным братьям — просить подмоги, а сам, не дожидаясь их, двинулся навстречу врагам. Было у него всего полторы тысячи ратников.

Братья его двоюродные — Андреевичи: Иван можайский и Михаил верейский — прибыли к нему со своими полками, а Дмитрий Шемяка не явился.

Под Суздаlem, возле Евфимьева монастыря, 6 июля встретились два войска. Не смутились русичи, что врагов было намного больше, отважно бросились в битву. А те было побежали. Не догадался Василий Васильевич, что они заманивали его в ловушку. От юности он «любил сечу», хотя как военачальник был вовсе не способный. Он дрался как простой воин, убил нескольких врагов, на правой руке у него были отсечены три пальца, левую его руку насквозь пронзила стрела. Но одолели его враги и вместе с двоюродным братом Михаи-

лом Андреевичем верейским взяли в плен. Много простых ратников пало смертью храбрых, а Иван Можайский, раненный, с остатками русского войска успел ускакать.

Торжествующие ордынские царевичи сняли серебряный нательный крест с пленного Василия Васильевича и отослали в Москву.

Дошла до москвичей печальная весть, какое несчастье стряслось с великим князем, что враги приближаются, и поднялся повсюду «плач великий и рыдание многое».

Через неделю занялся в Москве пожар, да такой, какого давно не бывало. До последней амбарушки сгорели все деревянные строения, погибли деревья и птицы на деревьях; от жару «церькви камены распадашася, и стены градняя камены падоша в мнзех местех... истомно же тогда было и нутри городу, понеже ветрено было и вихор мног, и множество людей погоре» — погибло около двух тысяч.

Мать и жена Василия Васильевича бежали в Ростов, за ними последовали иные бояре.

Поднялось восстание народное, измученный люд хватал тех бояр, какие бежать не успели, холопы били господ, сажали их в погреба.

Как было когда-то перед Тохтамышевым разорением, так и теперь сбегались торговцы, ремесленники и «черные» люди в Кремль, собирались на вече, говорили:

— Татары близко, вот-вот подойдут! А бояр и воевод княжеских нет. Сами будем оборонять Москву-матушку!

Защитники проявили стойкость, принялись чинить кремлевские стены и ворота — «чернь же съвькупишася, начаша врата градняя преже делати».

А царевичи и не собирались вести тумены на Москву; ко Владимиру коней направили, но прошли мимо, переправились через Клязьму, пошли к Мурому, оттуда на Нижний Новгород. Везде по дороге они сеяли смерть, оставляли за собой пожарища, а под крепкою стражею везли именитых пленников — великого князя Василия Васильевича и его двоюродного брата Михаила Андреевича верейского.

Недолго оставалась власть в Москве в руках народных. Нежданно нагрянул на Москву князь Дмитрий Юрьевич Шемяка со своей дружиной.

4

н понял, что удача сама к нему в руки прилетела. Начал он править именем плененного великого князя, послал гонца за своей теткой Софьей Витовтовной да за ее невесткой Марией Ярославной с малолетними детьми, освободил тех бояр, какие были взяты под стражу восставшим народом, а кое-кого из посадских перевешал для

острастки, чтобы не болтали на торжищах да на площадях да не вздумали еще на вече собраться.

Дмитрий Шемяка был лукав. Свою тетку он встретил с почетом, в пояс ей поклонился и поклялся в верности. Вместе с нею и с молодой княгиней Марией Ярославной он сокрушался о томившемся в татарском плену «любимом» братце двоюродном Василии Васильевиче.

Софья Витовтовна слушала его льстивые речи и хотела верить, да не верилось.

По вечерам он звал к себе бояр братьев Добрынских да Ивана Старкова и тайно беседовал с ними. Его посланец отправился с грамотой к двоюродному брату Ивану Андреевичу можайскому, а что там было написано — никто не ведал. И еще он направил в Казань дьяка Дубенского с тайным наказом — «со всем лихом на великаго князя». Дьяк должен был уговорить хана держать Василия Васильевича под стражей накрепко да шепнуть ему, что в Москве собирается стать великим князем его верный друг и данник Дмитрий Юрьевич.

А хан тем временем завел переговоры со своим знатным узником.

Больше всего хотелось Василию Васильевичу избавиться от плена, и он согласился на неслыханный за себя выкуп — двести тысяч рублей! Не раздумывали пленники, откуда и как достать им столько денег, сколько, верно, у всего народу московского отродясь не бывало. Поцеловали они крест, что достанут, и на том были отпущены «восвояси».

Василий Васильевич вернулся в Москву. Прибыл он из Орды не один, а с несколькими татарскими вельможами и с их многочисленными слугами. Сказал он боярам, что эти вельможи в Орде сильные обиды терпели и попросились к нему на службу. Отдает он им крайние к диким степям, пустовавшие заокские земли. Пусть там селятся, будут рубежи Руси от татарских набегов оберегать.

Боярская дума была теперь не столь сплоченная, как при Дмитрие Донском. Еще при отце Василия Васильевича вошли в ее состав отъехавшие из Литвы и из завоеванных Литвой брянских и смоленских земель представители тамошних знатных родов и потеснили исконных бояр московских. А теперь еще ордынским вельможам пришлось унаследованные от отцов и дедов должности уступить.

И началось среди бояр «шатание». Может, поискать другого князя на Москву? А какого князя? Кому челом поклониться?

— Окромя Дмитрия Юрьевича, другого князя не сыскать, — нашептывали кое-кому братья-бояре Добрынские.

В народе вряд ли думали и беспокоились о тех новых великокняжеских слугах из татар. А как пошла по Москве молва о несметном выкупе, какой камнем на каждого ляжет, так зашептался народ. И грозным было то шептание.

О народной тревоге не думал летописец. А записал он о тех, кто повыше был:

«От бояр великаго князя и от гостей (купцов) московских и от троецких старцев Сергиева монастыря, во едину мысль, что поимати великаго князя, а царю (то есть хану) не дати денег, на чем князь выелики крест целовал».

От бояр Добрынских Дмитрий Шемяка знал, что в Москве делается. По его наущению пошла молва, что великий князь собирается вместо выкупа град Москву Орде отдать, а сам хочет сесть в Твери.

Началось смущение и шептание также по городам тверским, но тверской князь Борис Александрович «убояся» открыто пойти против великаго князя Василия Васильевича и решил дожидаться, как дальше дела пойдут на Руси.

Дмитрий Шемяка послал боярина к своему двоюродному брату Ивану Андреевичу можайскому наказ: будь наготове, держи коней под седлом. «Князю же Дмитрею Шемяке вложи диавол в мысль хотети великаго княжения и начат посылати к князю Ивану можайскому...»

Из Троицкого монастыря был подослан в Москву монах к Василию Васильевичу, звать его в обитель, помолиться, возблагодарить за свое благополучное избавление от нечестивых.

Оружие русского воина XV века – боевой топор и клевец.

Шлем и кольчуга русского воина XV века. Для изготовления такой кольчуги длиной 78 сантиметров кузнец выковывал и скреплял во едино до двадцати тысяч колец.

Василий Васильевич, его мать и жена не подозревали, каким страшным, предательским заговором опутали их по рукам и по ногам.

Был среди бояр московских «умом преславный» Федор Васильевич Басенок. Он предостерегал своего господина:

— Не ездь, князь, к Троице, сиди в Москве, тут мы тебе охрана и стража.

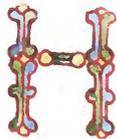
Не послушал его Василий Васильевич, а с небольшой свитой и с двумя малолетними сыновьями — Иваном и Юрием — отправился в Троицкий монастырь на богомолье.

Как уехал он из Москвы, так Дмитрий Шемяка погнал вестника к Ивану Можайскому. Встретились они.

«Готови суще, яко пси на лов или яко зверье, хотяще насытися крове человека».

Дмитрий Шемяка повелел Ивану Можайскому тотчас же, без промедления ехать к Троице, дал ему отряд верных дружинников. А сам со своими людьми отправился в Москву.

Начали они хватать тех бояр, служивых и посадских, какие остались верными великому князю; в первую очередь схватили Федора Басенка и ввергли его в темницу, взяли под стражу Софью Витовтовну с невесткой и их ближайших слуг. А брат молодой княгини, Василий серпуховской, и боярин князь Семен Оболенский успели бежать в Литву.

5 **Н**аступило 13 февраля 1446 года. Тот роковой для Василия Васильевича день описан в летописях столь подробно, что иные нынешние историки полагают, не продиктовал ли летописцу на склоне своих лет он сам обо всем том, что довелось ему испытать.

Ранним утром некий рязанец Бунко доскакал до монастыря быстрее заговорщиков, предупредить об опасности, грозившей Василию Васильевичу.

А тот, ничего не подозревая, стоял обедню в Троицком соборе. Он не поверил вестнику, рассердился на него и отослал прочь.

— Это ложь! Не могло случиться такое! Двоюродные братья мне крест целовали! В верности до гроба клялись! — восклицал он.

Однако бывшие с ним слуги на всякий случай посоветовали ему распорядиться и послать стражу на московскую дорогу за десять верст, в городок Радонеж.

Ехавшие к Троице Иван Можайский и его люди издали заметили ту стражу и решили ее перехитрить. Раздобыли они саней, постелили поверх сена рогожи и меховые полости. На каждые сани под

рогожи спрятались по два вооруженных воина, а третий воин, переодетый в крестьянскую сермягу, как возчик, пошел рядом, держа вожжи в руках.

Стражники подумали, что едет обоз с товаром, постояли, поглядели. А воины выскочили из саней; бежать стражникам по глубокому снегу было некуда, их сразу схватили и обезоружили.

Иван Можайский повелел распрячь коней; всадники поскакали, домчали до стен монастыря. Услужливые монахи-предатели открыли им ворота...

«А они, убийцы, яко ж сверепии волци, взгониша на монастырь на конех». Стали спрашивать, где великий князь, искать его.

В монастыре поднялся переполох. «Вси в уныньи быша, в торопе велице (в большом беспокойстве)».

Василий Васильевич бросился на конюшню, но там не оказалось ни одного коня. Он кинулся к Троицкому собору. Его впустили через боковые южные двери и заперли за ним замок. Он подошел к гробнице Сергия и лег подле нее. «Пад ниць у гроба чудотворцева Сергеева, слезами обливаясь и велми въздыхая и кричанием моля, захлипаяся...»

Первым подскакал к собору московский изменник — боярин Никита Добрынский, но конь его с разбегу споткнулся на каменной отмостке, всадник слетел с седла и ударился затылком о камни. Ему помогли подняться, лицо его было бледно, как у мертвеца. Однако он тотчас же оправился и подошел к соборному окну. Подъехал Иван Можайский, спешился, также подошел к окну.

Понял Василий Васильевич, какая ждет его участь. Со стоном отчаяния обратился он через окно к своему двоюродному брату: «Возъпи велми, глаголя: — Брате, помилуйте мя!» Он клялся, что останется внутри монастырских стен, что сегодня же пострижется в монахи, только чтобы не трогали его.

А уж тяжелая окованная дверь с лязгом отворялась...

Василий Васильевич ступил к дверям. А навстречу ему шли заговорщики.

Иван Можайский, повернувшись к Никите Добрынскому, сказал: «Възми его» — и вышел из собора.

«Приступле же злый раб, гордый немилосерды мучитель Никита и ят за плече великово князя, глаголя: «Поиман еси великим князем Дмитреем Юрьевичем».

Василия Васильевича вывели на монастырский двор, посадили в «голые», то есть без сена или соломы, сани, против него сел какой-то монах и «тако отидоша с ним к Москве».

Пленника привезли в Москву, заперли на Шемякином дворе и в ночь на 16 февраля ослепили. Вместе с женой он был сослан в заточение в город Углич. А Софья Витовтовна и под стражею казалась захватчикам особо опасною. Шемяка сослал ее в свой галицкий удел,

в дальний город Чухлому, и повелел держать там под замком накрепко.

В той сумятице, когда схватили Василия Васильевича, совсем забыли о его малолетних сыновьях, они «ухоронишася в том же монастыре». Их решили спасти от цепких рук Шемяки, повезли в город Юрьев-Польской, там их приютил оставшийся верным их отцу боярин князь Иван Ряполовский. Он повез их сперва в свою вотчину близ Стародуба Клязьминского. Но мальчишки не могли там оставаться в безопасности, и он поехал с ними в окраинный град Муром, откуда в случае угрозы всегда можно было убежать дальше в степи.

6 **К**азалось, Дмитрий Шемяка мог торжествовать. Он стал великим князем московским.

Бояре московские «шатались», иные попрятались по теремам, не шли на совет в Думу, чувствовали себя обиженными, их с первых мест оттеснили. А бояре братья Добрынские, Иван Старков и те галицкие, каких Дмитрий с собой привел, первые места заняли.

Сидевший в темнице Федор Васильевич Басенок подговорил стражу и «бежал из желез» в Литву. Присоединились к нему и другие недовольные новыми порядками люди.

Вслед за Басенком убежали и «многи люди от двора великаго князя... оставя града и дома, да пошли в чужую землю, а не хотя служити изменнику...».

Случалось Дмитрию Шемяке ездить по московским улицам в сопровождении телохранителей. И видел он, как отворачивались от него прохожие и прятались посадские, запирая ворота. Люди молчали, но он хорошо помнил, как после большого пожара, ожидая татарского нашествия, народ шумел и бурлил на улицах, хватал бояр и купцов. Теперь за этим молчанием народным угадывал он скрытую вражду. Горела под Шемякой земля.

Верный его боярин Иван Федорович Старков дал совет — подкупить кое-кого из посадских, кто повлиятельнее.

А где взять деньги?

Дмитрий Шемяка приохотился быть судьей. После большого пожара многим туго пришлось, влезали люди в долги, в кабалу, а отдавать было нечем. Приходили к Шемяке судиться богатые и бедные. Выигрывали всегда богатые, которые давали больше денег; выходили они из суда правыми, но зачастую с опустелыми кошельками.

Крепко запомнился в народе суд его. Родилась с той поры поговорка про его неправосудие — «Шемякин суд». Много побасенок пошло в народе о тех его судах, да еще с присмешечкой, с озорством

соленым. Триста лет спустя давно уже позабыли, что был такой лихой князь Дмитрий Юрьевич, кто судил на Москве облыжно. А прозвание «Шемяка» уцелело, и приклеивали его к любому несправедному суду. Кто-то те озорные рассказы записал, а потом нашлись другие грамотеи да стали их переписывать, передавать, вслух читать, пересмеиваться. И поговорка «Шемякин суд» жила долго.

Не мог Дмитрий Шемяка спать спокойно. Каждый день доходили до него вести одна другой тревожнее: тот служивый московский, тот боярский сын убежал, другой убежал, а то и боярин какой, да еще со всем своим двором отъезжал. Уходили не только в Литву, а и в Муром, где боярин князь Иван Ряполовский и его братья, как степные орлы своих орлят, берегли двух мальчиков, двух малолетних сынов Василия Васильевича.

Думал Шемяка и его приспешники: как бы разорить муромское гнездо? Да боязно было посылать рать столь далеко! Как бы не перешла та рать на сторону орлят?

7 ту смутную пору патриарх константинопольский все не решался назначить в Москву митрополита. Такое церковное безначалие было на руку Дмитрию Шемяке, знал он, что еще со времен Ивана Калиты митрополиты стояли горой за великих князей московских, которые по праву наследования занимали стол, а он-то власть захватом добыл.

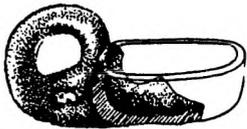
Решил Дмитрий Шемяка попытаться переманить на свою сторону церковных владык. Коли будут они его сторону держать, то, может статься, найдут, чем успокоить и усмирить неумных посадских людишек и смердов, да строптивых бояр, да купцов, да служивых.

Позвал Дмитрий Шемяка в Москву рязанского епископа Иону, стал ему всякие льстивые речи говорить, как его уважает, как почитает.

А тот попытался уговорить самозваного великого князя московского выпустить из углицкого заточения слепого двоюродного брата и дать ему вотчину, какую подобает, хотя бы Переславль-Залесский.

Дмитрий Шемяка обещал освободить Василия Васильевича, обещал и вотчину ему дать, но не Переславль, а подальше от Москвы. Для начала хитрый Шемяка упросил Иону съездить в Муром, взять под свое покровительство малолетних княжичей и привезти их в Москву.

Иона поверил Шемяке, на судах отплыл он вниз по Москве-реке и по Оке в Муром и убедил Ряполовских положиться на него и отдать ему малолеток. Он привез их в Переславль, а сам вернулся в свою Рязань.

Плохо было «монастырским робятам» писать при тусклом свете. Светец для лучины, лампа с маслом, подсвечник.

Дмитрий Шемяка встретил мальчиков ласково, по головкам погладил, а через три дня после отъезда Ионы отправил их в заточение к родителям, в Углич.

Князья Ряполовские сильно вознегодовали на Иону и на Шемяку. Они подговорили кое-кого из боярских детей и служивых и собрались силой освободить Василия Васильевича и его семью из заточения. Тайно договорились они меж собой сойтись с разных сторон под Угличем 29 июня 1446 года. «Начаша мыслити, как бы князя великаго выняти».

Но Дмитрий Шемяка прознал об их заговоре, послал отряд, который преградил людям Ряполовских дорогу.

Ряполовские повернули на Новгородскую землю, оттуда прошли в Литву и там соединились с братом молодой княгини Василием Ярославичем серпуховским и со всеми теми, кто бежал из Москвы, «не хотя служити изменнику».

Дмитрий Шемяка решил созвать собор всех епископов и прочих духовных владык. Он надеялся любой ценой привлечь их на свою сторону.

Собрались владыки. Сидели, молчали, ждали, кто первым голос поднимет. Встал епископ Иона и обрушил на Шемяку гневливые речи. Он стыдил обманщика, что отправил мальчиков-княжат к отцу в ссылку, что и его самого в обман вверх. Он убеждал, что нечего бояться слепца и малолетних детей.

Договорились на соборе так: всем владыкам и Дмитрию Шемяке с боярами ехать в Углич, требовать от узника Василия Васильевича крестоцелования за себя и за своих малолетних сыновей. И пусть даст он «проклятые грамоты», что отрекается от великого княжения. А Дмитрий Шемяка обещал выпустить его с семьей из заточения и дать им в вотчину дальний удел — город Вологду; обещал он выпустить и Софью Витовтовну.

Осенью 1446 года поехал целый поезд возков с владыками и боярами в Углич, сопровождало их на конях великое множество слуг.

Открылись ворота темницы перед Василием Васильевичем и его семьей. В Углицком соборе, в присутствии владык бывший узник торжественно целовал крест и подписал «проклятые грамоты». Состоялось примирение. Оба двоюродных брата обнимались, просили друг у друга прощения.

Поехал слепой Василий Васильевич с женой и с детьми в дальнюю Вологду не как ссыльный, а как удельный князь. В тот же день поспешил от Дмитрия Шемяки гонец в Галич и в Чухлому, но не свободу он вез заточенной Софье Витовтовне, а строгий наказ — держать ее под семью замками, что ни на есть крепче.

С той поры началось для Дмитрия Шемяки неожиданное: потянулись в Вологду из Москвы и из других городов в сопровождении

вооруженных людей те бояре и служивые, кто оставался верен Василию Васильевичу, но помалкивал, и те, кто шатание проявлял, и те, кто присягал Дмитрию Шемяке, а потом был им обижен. И все они, приезжая в Вологду, кланялись Василию Васильевичу в ноги, клялись служить ему верой и правдой, говорили: «Не хотим быть под охальником, не хотим другого великого князя, окромя тебя».

Но всех смущали «проклятые грамоты» и крестоцелование.

Как в народе посмотрят, коли Василий Васильевич пойдет с войском добывать московский великокняжеский стол? Ведь назовут его клятвопреступником, грешником и, чего доброго, отшатнутся от него.

Нашли выход. Не так далеко от Вологды, на берегу малого Сиверского озера стоял недавно основанный, но успевший прославиться и разбогатеть от многих вкладов Кирилло-Белозерский монастырь.

Василий Васильевич с женой и сыновьями отправились туда будто бы на богомолье. Тамошний игумен Трифон «взя на душу свою грех великий» и снял со слепца те «проклятые грамоты».

Василий Васильевич со всеми людьми, кто был при нем, в Вологду не вернулся, а повернул на Белоозеро, оттуда — к Твери, надеясь на помощь тамошнего князя Бориса Александровича.

Шедшие из Литвы освободить слепого князя Василий Ярославич серпуховской, Семен оболенский, Федор Басенок, братья Ряполовские и другие верные Василию Васильевичу люди узнали, что тот к Твери приближается, и повернули на соединение с ним.

Князь Борис Александрович тверской встретил слепца хлебо-сольно; на пиру договорились обручить старшего сына Василия Васильевича Ивана с его дочерью Марией. Мальчику было семь лет, а девочке — и того меньше. Но столь малый их возраст никого не смущал. Борис тверской предоставил будущему свату в помощь целый полк. Сил у Василия Васильевича набралось достаточно, и он пошел на Москву.

Дмитрий Шемяка и Иван Можайский с войском двинулись навстречу к Волоку-Ламскому.

Тем временем Плещеев — верный боярин Василия Васильевича — с небольшим отрядом, «с малыми зело людьми», пробрался незамеченный «мимо рати княже Дмитриеву» и в ночь на 25 декабря вошел в Москву, а через отворенные Никольские ворота проник в Кремль. Наутро объявили на Кремлевской площади, что Москва взята именем великого князя Василия Васильевича. «А граждан приведоша к целованию за великаго князя Василия». Несколько оставшихся верными бояре Шемяки были схвачены. Победа досталась Василию Васильевичу без всякого боя.

Дмитрий Шемяка и Иван Можайский с немногими людьми отошли от Волока-Ламского. Обходили они попутные города стороной и

спешили в Галич. Василий Васильевич во главе рати двинулся их догонять.

Его противники прибыли в Галич.

Рать московская приближалась. И они, забрав как заложницу свою тетку Софью Витовтовну, поволокли ее с собой по нехоженным тропам, по безлюдью, сквозь дремучие леса к дальнему городу Каргополю.

Тяжко досталось Софье Витовтовне, ведь ей уже за седьмой десяток перевалило. Ночевали беглецы где попало, больше под елками у костров, кони осиновую кору грызли и падали.

В Каргополе нагнал их посол великокняжеский — привез грамоту от Василия Васильевича. Уговаривал он своих двоюродных братьев отпустить его мать.

Поняли Дмитрий Шемяка с Иваном можайским, что ничего другого им не остается, и освободили старуху тетку.

17 февраля 1447 года, спустя год и один день после своего ослепления, великий князь Василий Васильевич торжественно въехал в Москву.

Узнав, что Софья Витовтовна возвращается, сын спешно выехал ей навстречу. Встретились они в Переславле-Залесском.

За свои заслуги шурин великого князя Василий серпуховской и братья Ряполовские получили многие волости и села, боярам и служилым людям тоже вотчины достались. Милостиво обошелся Василий Васильевич и с теми, кто шатание проявлял или даже изменял ему, ни на одного не наложил опалы. А возможно, не столь прочным чувствовал он под собой великокняжеский стол, и потому ближние бояре не посоветовали ему множить число врагов.

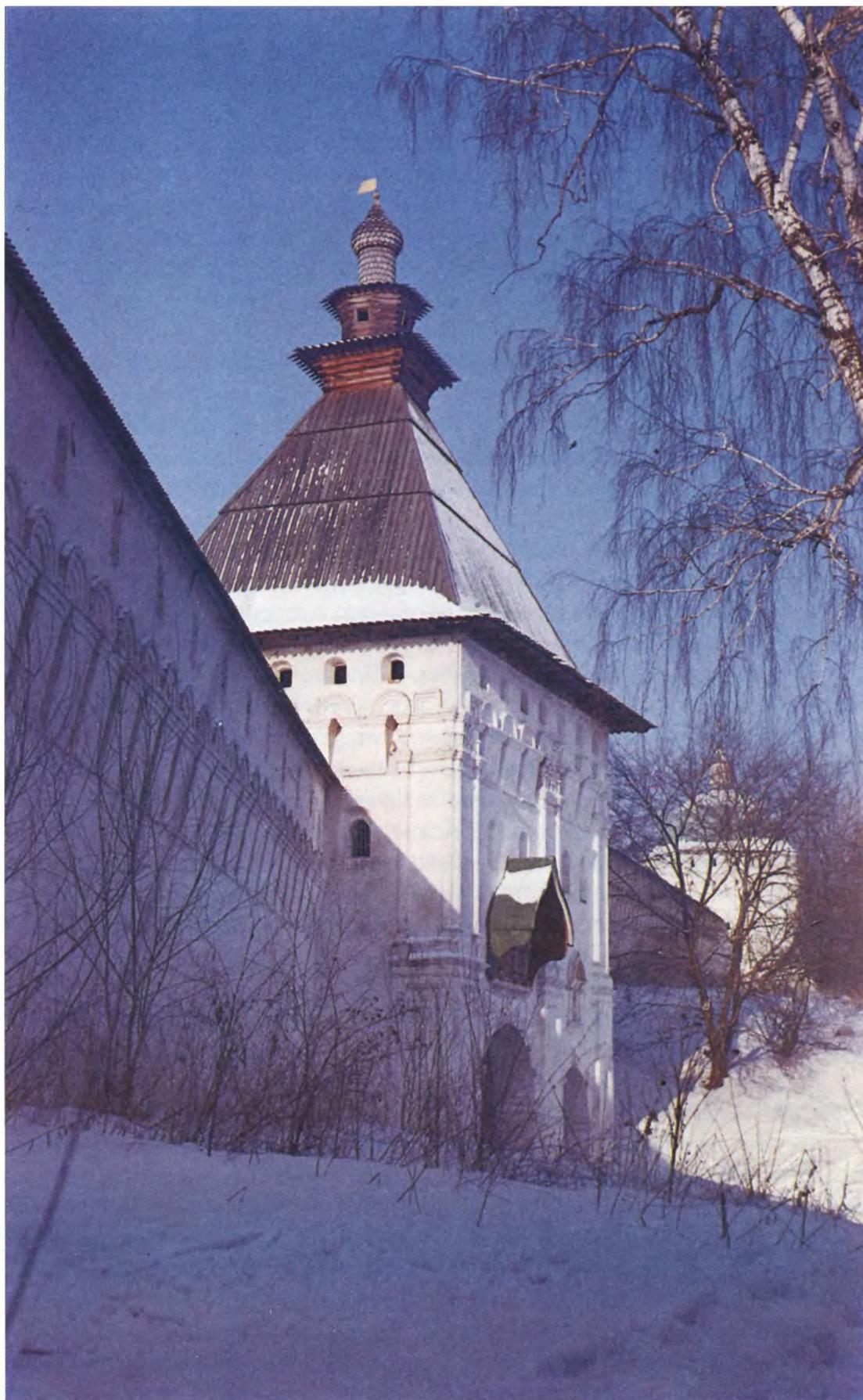
Его двоюродный брат Иван можайский заключил с ним договор, получил к своему прежнему уделу еще Бежецкий Верх и в верности ему поклялся.

Волей-неволей заключил договор с великим князем и Дмитрий Шемяка и остался в своих вотчинах Угличе да Галиче с Чухломой.

Но разве мог он, вкусивший полноту власти, быть удовлетворенным столь малыми городами?

Рушились все его честолюбивые помыслы, но не таков он был, чтобы отступить. Знал он своего двоюродного брата еще с детских лет. И зрячим был Василий Васильевич безвольным и простодушным, неужто слепой, хоть и находясь под началом властной старухи матери, останется он победителем? И решился Дмитрий Шемяка вновь силой добывать московский стол.

Но не взял он в расчет, что многие стояли против него. Бояре, примкнувшие было к нему, один за другим отъезжали к слепому великому князю, духовенство его кляло, летописцы чернили в своих письменах. А самое главное — народ видел в нем носителя зла, беспорядка, неурядиц... И все-таки он не хотел склонять головы.

Надвратная башня
Савино - Скор-
панского мона-
стыря в Звени-
городе. XVII век.

Послал он верных своих людей в Новгород, упреждали они, говорили: берегитесь, бояре новгородские, пожелал Василий Васильевич ваш славный город под свою тяжелую руку положить. Не верьте его посулам лукавым.

Посылал Шемяка грамоты к Ивану Можайскому, писал: давай прежнюю дружбу водить. Коли вместе добудем для меня великокняжеский стол, пожалуй я тебе столько городов и вотчин, сколько пожелаешь. И польстился Иван Можайский, обещал свою дружбу и подмогу. По Шемякину поручению направил он посла к королю Казимиру польскому, просил у него помощи, обещал уступить полякам города Ржеву, Медынь и Козельск.

Позвал Шемяка к себе казанского посла. И татарам сулил он дружбу, убеждал их вместе на Москву ударить. По его наговору посла Василия Васильевича в Казани бросили в темницу.

Молва о крамолах Шемяки по всей Руси ходила. В Москве о том догадывались и подозревали, а верных доказательств не могли сыскать.

Был у Дмитрия Шемяки в Москве двор, доставшийся ему от отца, и в том дворе сидел его верный тиун (управитель) Ватазин. Послал Шемяка к нему тайную грамоту, чтобы тот смущал московский народ и подговаривал посадских против великого князя.

А та грамота была перехвачена, и Василий Васильевич по совету своих бояр отдал ее на суд владык духовных.

Собралось пять епископов, прочли вслух грамоту, и все, как один, встали на сторону великого князя. Они написали Шемяке пространное послание, подробно перечисляя все те смуты, все то зло, какое более двадцати лет учиняли Москве и Руси его отец, его старший брат и он сам, называли его изменником, татем ночным. Они пригрозили ему, коли будет он продолжать рассылать подметные грамоты, коли будет смущать народ, да не поклонится великому князю, да не поклянется служить ему «честно и грозно», то будет отлучен от церкви православной и предан проклятию.

Ничего не ответил Дмитрий Шемяка. В Москве понимали, что остался он врагом.

В следующем, 1448 году Василий Васильевич решил выступить против него с войском.

Шемяка запросил мира. Но в скором времени сумел опять подговорить Ивана Можайского. Набрали они людей с Галича, с берегов Вятки, подошли к Костроме и попытались взять город приступом.

Но там сидел воевода великого князя — «боярин вернейший паче всех» — Федор Басенок; приступ был отбит, и Дмитрий Шемяка бежал в Галич.

Василий Васильевич не смог преследовать его, пришла весть — опять казанцы напали на Русь, пришлось возвращаться, их набег отбивать.

Только через два года, в 1450 году, вновь повел Василий Васильевич свои полки на Галич. На берегу озера произошла короткая схватка, город сдался, Дмитрий Шемяка был разбит и, лишенный последнего своего удела, бежал в Новгород. Набрал он там молодых и отправился с ними в Великий Устюг. Там он повелел схватить сторонников великого князя и утопить их в Сухоне.

8 **Н**абег татарские не давали Василию Васильевичу передышки, чтобы с двоюродным братом и лютым своим врагом окончательно разделаться.

В 1451 году скончалась его мать Софья Витовтовна. И в тот же год некоему царевичу Мазовше удалось добраться до самой Москвы. Василий Васильевич с семьей бежал за Волгу. Ордынцы подожгли посады, пошли на приступ Кремля, но были отбиты. Мазовша с богатой добычей отступил.

Только теперь московские ратники смогли, наконец, выступить против сидевшего в Устюге Шемяки.

Узнав об их приближении, он бежал в Новгород, и новгородцы приняли его «с честью».

Иона, ставший к тому времени митрополитом московским¹, направил новгородскому архиепископу Евфимию грозное послание, повелевал изгнать Шемяку. Евфимий отвечал, что издревле повелось в их вольном городе давать приют беглым и опальным князьям и боярам.

В Москве понимали, что, пока жив их давний враг, придется быть настороже. Поехал в 1453 году в Новгород посол Василия Васильевича договариваться о многих спорных делах, а в кожаной суме вез с собой яд. Ему удалось подкупить повара Шемяки. Шемяка поел отравленную курицу и умер. Подьячий, который привез в Москву весть о его смерти, был пожалован в дьяки.

Теперь Басенку и другим боярам нетрудно было убедить Василия Васильевича начать расправу с теми, кто изменял ему.

Сторонники Шемяки поплатились ссылкой, бежали в Литву и лишились всех своих вотчин.

Настал черед Ивана Можайского. За его «неисправление» Василий Васильевич пошел на него «ратью». Тот, вовремя предупрежденный, бежал с женой и детьми в Литву.

Оставался лишь один самостоятельный удел — Верейский. Но сидевший там двоюродный брат Василия Васильевича, Михаил Андреевич, все годы усобицы был смирен, послушен, всегда старался отмахнуться от всякой крамолы. Его не тронули, а много лет спустя, когда он умер, Верея отошла к Москве.

¹ Иона был первым митрополитом Северо-Восточной Руси, выбранным собором русских епископов помимо патриарха константинопольского.

9 еодальная война кончилась, кончилась усобица на земле Московской, длившаяся более двадцати лет. Одни люди гибли, другие вставали им на смену и тоже гибли.

Большой урон принесла Руси та многолетняя борьба за власть!

Усобица нанесла прямой ущерб ремеслам, торговле, просвещению. Число ремесленников московских поубавилось, мастера иных хитроумных ремесел и переписчики книг сидели сложа руки, торговля изделиями московскими пошла на убыль. Купцы московские реже возили свои товары в другие города, иные разорялись. И на московский торг теперь меньше приезжало купцов иноземных. Новые белокаменные храмы не строились.

И все же, несмотря на весь ущерб, причиняемый междоусобицей, Москва продолжала двигаться вперед, под ее державную руку один за другим входили мелкие удельные княжества, ширились ее пределы и на север, и на восток.

Посчастливилось тогда Москве, что ее враги иноземные и недруги на земле Русской по разным причинам не сплотились между собой и не повели соединенные рати на Белокаменную...

Тверь и Рязань за своей слабостью не воспользовались московской усобицей. Более того, тверской князь Борис Александрович породнился с Василием Васильевичем, выдав свою дочь Марию за его старшего сына Ивана. Тверь обещала поддерживать Москву и до поры до времени была спокойна за свое будущее. Рязанский князь попытался было тайно сноситься с Литвой, но понял, чем такие переговоры могут кончиться, и присмирел.

В Новгороде постоянные столкновения между отдельными боярскими родами не позволяли открыто идти на борьбу с Москвой. К тому же неоднократные нападения немецких рыцарей на Псков отвлекали силы новгородские. И еще — тамошние бояре опасались своей черни, среди которой было много сторонников Москвы.

В Литве после смерти Витовта такая поднялась междоусобица, столько там лилось крови, что Литве было не до вмешательства в московские дела.

Междоусобица полыхала и в Орде. Во время этих «замятней» соперники изгоняли царевичей из их улусов, и тогда вместе со своими людьми они нападали на Русь мелкими разбойничьими отрядами — то с востока, с Казани, то с юга, с Дикого поля. Когда же в Орде порой наступало замирение, ханы организовывали на Русь походы большой ратью. Без твердой власти Москва не в силах была успешно обороняться на своих рубежах...

А летописцы, по примеру прежних лет, выводили и выводили строка за строкою все, что видели, все, что слышали...

Простые люди земли Московской не могли оставаться равнодушными, видя, что вокруг них творится, что нет порядка. Они переживали, тревожились, следя, как разворачиваются вокруг них события, порой сами в них участвовали, иногда поднимали в отдельных городах восстания, какие подавлялись жестоко.

В те времена все больше надеялись на великого князя — он наведет прядок.

А сам-то великий князь московский Василий Васильевич, кто за свою слепоту получил в народе прозвание Темный, был правитель слабовольный, никак не схожий ни со своим отцом, ни со своим дедом. Судьба то возносила его высоко, то вновь низвергала. А вместо него вершили государственные дела его советники — бояре. В конце концов он победил, потому что народ московский неизменно стоял на его стороне, видел в нем представителя законной власти.

Русь на пороге нового времени

1 ончилась московская усобица! — с облегчением вздохнули по всей Руси люди, и каждый принялся за свое дело.

Последующие годы — вторая половина XV века — это расцвет ремесел и торговли по всей Руси, а в особенности на земле Московской. Гончары проверяли горны и круги, кузнецы заказывали углежогам уголь, доменщикам железные крицы, испытывали мехи, чинили кузницы, плотники точили топоры, долотья и рубанки, кожевники запускали кожи в чаны, ювелиры острили зубила, керны, щипчики, ладили многое другое потребное в их тонкой работе.

Одни купцы холили коней, мазали дегтем колеса либо сбивали сани, снаряжали сбрую, другие хаживали на речную пристань смотреть, как конопатят и смолят их лады. Намеревались купцы везти товары по дорогам колесным и речным. А мелкие торговцы-коробейники латали торбы, примеривали новые лапти, чтобы шагать пешими куда глаза глядят. Иные купцы собирались и вовсе далеко. Расторопный купец тверской Афанасий Никитин побывал в Персии, до самой Индии добрался, шесть лет путешествовал, на обратном пути попал на восточный берег Африки, потом в Турцию. Остались после него пространные записи — «Хождение за три моря». Возвращаясь, немного он не доехал до родного города и скончался близ Смоленска. А наверняка были и другие, столь же предприимчивые купцы, кто также ездил за тридевять земель. Но записей они не вели, и потому мы ничего не знаем об их злоключениях.

А ездили они не ради одной наживы. Продать с немалой прибылью свои товары да купить то, в чем на Руси нуждались, могли они и в соседних странах. Влекла их неумемная страсть к путешествиям, хотелось повидать дальние края, о каких слышались они всяких чудес...

Не только по воскресеньям, а и в будние дни толпился народ на московском торгу. Тесно стало продавцам и покупателям на площади Великого посада, новую для торговли отвели — в Занеглименье, позднее ее назвали Охотный ряд.

И откуда только не приезжали в Москву купцы — из других русских княжеств, из Господина Великого Новгорода, из его младшего брата Пскова, из Орды, из Казани, из Крыма, из Литвы, из других стран.

Княжеские тиуны ходили по торговым рядам, со всех купцов брали в казну великого князя пошлину.

За несколько лет земля Московская расцвела, разбогатела, точно никакой долгой, изнурительной убоицы и не было. Не воинскими победами обрела силу Москва, а простой тамошний люд — ремесленники да купцы — множили обилие родного города, поднимали могущество Москвы. Благодаря мирным успехам росли успехи и на рубежах московских.

Послушны были Москве Рязань, Тверь, княжества Ярославское, Белозерское, Ростовское.

Горький опыт уронов от ордынских набегов вразумил Москву. Встали на страже по южным и восточным рубежам русским летучие конные отряды. Мелкие набеги успешно отражались. Теперь ордынцы разбойничали с опаской; издали завидев приближение русской рати, они поворачивали коней и спасались бегством.

А дань-выход по-прежнему собиралась каждый год со всех земель русских и доставлялась в Орду. Тяжким бременем, словно камень на шее, лежала та дань на русском народе...

В 1453 году произошло событие, давно и со страхом ожидаемое. Во всем тогдашнем западном и восточном мире оно произвело впечатление огромное.

Пала существовавшая одиннадцать веков, некогда блистательная, а за последние десятилетия одряхлевшая, насквозь прогнившая Византийская империя. Турецкие завоеватели во главе с султаном Магометом II взяли приступом Константинополь, его жителей потопили в крови. На берегах Черного, Мраморного, Эгейского, Адриатического и Средиземного морей встало новое могущественное и грозное государство — Турция, Оттоманская империя.

— Пал второй Рим! — в смятении повторяли тогда на Руси, говорили, что, подобно первому Риму, пала Византия за великие свои грехи — за многую кровь безвинных, за алчность, за коварство. А где искать третий Рим?

Позднее надумали и записали такие горделивые слова:

«Третий Рим — это Москва! А четвертому не бывать!..»

«И возсия ныне стольный и преславный град Москва... третий новый великий Рим, провозсиявший в последняя лета, яко великое солнце в велицей нашей Руской Земли, во всех градах, и во всех людех страны сея...»

Дважды в этих строках повторяется слово «великий»!

Эту полную собственного достоинства мысль о третьем Риме любили пересказывать москвичи, когда собирались на беседы и в боярских теремах, и в посадских избах, и на людных торжищах.

2 же давно в Москве тлело к Новгороду «нелюбие». Причин к тому было достаточно: обе стороны никак не могли поделить между собой глухие, богатые пушным зверем обширные заволоцкие — по Северной Двине и по ее притокам — земли. Да еще те и другие купцы соперничали на разных торгах. А тут нашелся предлог для открытой вражды.

В Москве не забыли, что бояре новгородские во время усобицы радовались ослаблению Москвы и принимали у себя изменника Шемяку.

Когда усобица кончилась, решили в Москве наказать новгородцев, начали готовиться к ратному походу. В 1456 году пошел Василий Темный на Новгород. Передовой небольшой московский отряд воеводы Федора Басенка разбил численно превосходящие, но разрозненные силы новгородцев, при этом был взят в плен новгородский посадник Михаил Туча.

Десять тысяч рублей, как откуп, отдали Москве новгородцы. Пришлось им дать слово, что не станут они принимать у себя беглых московских опальных и будут с Москвой заодно, «без лести, без хитрости». В Москве дивились — сколь легко победа досталась. Но до полной власти над Новгородом было еще далеко.

Четыре года спустя Василий Темный в сопровождении Федора Басенка и свиты приближенных отправился в Новгород «миром». Архиепископ и духовенство встретили его торжественным молебном. Народ новгородский смотрел на слепого великого князя, но до поры до времени помалкивал, а отдельные, враждебные Москве бояре составили на него и на двух его сыновей тайный заговор. Ночью неизвестные напали на Федора Басенка, сам он спасся, а слуга его погиб. Василий Темный отъехал в Москву «во гневе».

Мир между Москвой и Новгородом не мог быть прочным. В Новгороде понимали, что сгущаются тучи над их вольным городом. Прослышали новгородцы, что великий князь вновь «ратью» собирается, стали стены чинить, оружие точить, припасы в Софийский собор и в Кремль свозить. Не хотели новгородские бояре головы перед Москвой склонять, иные между собой шептались: может, к Литве оборотиться?

Но не смог тогда пойти воевать Новгород Василий Темный. Разболелся он «сухотною болезью». Позвали сведущего лекаря, и тот повелел жечь на разных частях тела больного трут. Язвы от ожогов воспалились, и 27 марта 1462 года он скончался в ужасных страданиях.

Его кончина не принесла перемен ни земле Московской, ни всей Руси.

3

никогда, с самого нашествия Бату-хана, не затухала в народе русском надежда — сбросить проклятое ордынское иго. Но долгие годы то были далекие мечты. После Куликовской битвы во весь голос заговорили: «Исполнятся наши чаяния в ближайшее время», потом злосчастная феодальная война отодвинула мечты вспять.

Теперь весь народ русский понял: пришла пора!

К середине XV века главный враг Руси — Орда была далеко не прежней, времен хана Тохтамыша. Золотая Орда распалась в кровавых «замятнях» на отдельные ханства — Крымское, Казанское, Сибирское, Большую Орду, Ногайскую Орду, да еще в Средней Азии возникли ханства. Самой сильной была Большая Орда, располагавшаяся по Средней и Нижней Волге и далее к Уральскому хребту и еще восточнее; позднее от нее отделился улус Астраханский.

В Большую Орду продолжал идти ежегодный и постыдный выход-дань. Оттуда, а также из Казани временами продолжались набеги на Русь. А с Крымом, враждебным Большой Орде, Москва, наоборот, сумела завязать дружбу.

Как будто собиралось достаточно воинских сил. В народе с надеждой смотрели на нового государя московского — старшего сына покойного Василия Темного двадцатитрехлетнего Ивана Васильевича — Ивана III.

Еще при жизни отца он являлся его соправителем. Все грамоты составлялись от имени их обоих. Теперь власть перешла в руки сына.

Был он правитель осторожный и действовал решительно лишь тогда, когда был уверен в победе. А пока стремился своих врагов разделять.

Не однажды успешно хаживали московские полки на Казань. Казанцев заставили подписать мирный договор «по всей воле великого князя». С востока можно было не ждать внезапного нападения.

Иное дело — Большая Орда. В 1465 году хан Махмуд «поиде... со всею Ордою» на Русь. Но крымцы с тыла напали на его улус, он вынужден был отойти, не вступив в бой с полками московскими. Стал ханом Большой Орды Ахмад; в кровавой междоусобице ему удалось поднять мощь своего улуса. В 1467 году он напал на Рязань, через два года опустошил волости между Серпуховом и Каширой.

Москве приходилось держать наготове много войска по своим южным и юго-восточным рубежам. Московские воеводы рассуждали:

«Чего мы ждем да отражаем набеги? Будем полки собирать, готовиться к походу крупными силами на Большую Орду».

А пока дань-выход по-прежнему каждый год доставлялся.

У Большой Орды был заклятый враг — Крымское ханство. Москва решила той враждой воспользоваться, направила в Бахчисарай

одного посла, затем другого. Жаловали те послы богатыми дарами хана Менгли-Гирея, его жен и вельмож, уговаривали дружбу держать, и не только против Большой Орды, но и против Польско-литовского королевства. А хан Менгли-Гирей был хитер, он как будто соглашался подписать с Москвой мирный договор, но одновременно вел тайные переговоры и с послом враждебного Москве короля Казимира.

С объединенным Польско-литовским королевством жила Москва в разладе. В Москве никогда не забывали, что исконные русские земли — смоленские, черниговские, верховские (брянские) — и мать городов русских — Киев находились либо под прямой властью короля Казимира, либо зависели от него. Разговаривали люди в тех землях на языке, близком к тому языку, на каком изъяснялись москвичи, рязанцы, владимирцы, новгородцы и по всей Руси Северо-Восточной.

Польские ксендзы стремились насаждать среди подвластного королю русского православного населения католичество. Иные владельцы князья меняли веру, присягали королю, становились его надежными подданными. Но были и такие князья, кто со всем своим двором переходил на службу Москве. В Москве их принимали «ласково», ставили на высокие должности. А король Казимир за такое гостеприимство не один раз высказывал Москве свое недовольство, даже грозил войной. Простой народ в тех захваченных поляками землях поднимал восстания против своих поработителей, что не однажды отмечали тогдашние польские хроники.

Придет время — и поработенные литовцами и поляками земли вернутся в лоно земли Русской. Таким размышлениям предавались в Москве, но разумели, что осуществляться те далеко идущие мечты нескоро, пока не будет сокрушен главный враг Руси — Орда.

- 4** Москве понимали: чтобы сокрушить Орду, надо обезопасить себя с тыла. Точно заноза в теле был Новгород Москве. Выдернуть надо ту занозу. Надо заставить новгородских бояр склонить головы.

В Москве знали: не захотят они без боя отдавать свои вольности и богатства, правдою и неправдою нажитые, уступать свои обширные волости. Первым боярским родом в Новгороде считался род Борецких во главе с посадником Исаком.

Исак повелел готовиться к войне с Москвой, к длительной осаде. Спешно чинили каменщики стены Кремля, кузнецы ковали оружие, посадские и крестьяне свозили в Кремль съестные припасы.

Отдельные новгородские бояре завели тайные сношения с королем Казимиром. В Москве опасались, что он пошлет войско на помощь новгородцам.

Конный воин великого князя Ивана III на страже южных рубежей земли Московской, когда русские полки не пускали полчища хана Ахмада переправляться через реку Угру. Шлем с яловцом-флажком, кольчуга-безрукавка, стеганный тягилый, сабля, лук, колчан со стрелами, боевой топор-чекан да в левой руке еще плетка.

В ноябре 1470 года прибыл в Новгород по приглашению бояр правнук Ольгерда — князь Михаил Олелькович с дружиной, якобы для защиты от шведов и немцев. Иван Васильевич и его бояре встретились, еще со времен древнейших установился обычай — защищала Новгород от врагов не Литва, а Русь.

В Москве знали: нет в Новгороде твердой власти. Постоянны там между боярскими родами свары, да еще идет между боярами и чернью вражда. Но знали также, что многие в Новгороде среди простых людей тяготились боярским гнетом и смотрели на Москву как на избавительницу.

Судил-рядил великий князь московский Иван Васильевич со своими боярами и воеводами. И было решено: коли идти войной на Новгород, то теперь, не теряя дня. Надо действовать быстро, напа-

дать внезапно, пока король Казимир не спохватится и не снарядит помощь противнику и пока хан Ахмад не двинет на русские рубежи свои тумены «всею Ордою».

Узнав о военных приготовлениях Москвы, в марте 1471 года бежал из Новгорода в Литву Михаил Олелькович с дружиной. Четырьмя дорогами — с запада от Пскова, с юга, с юго-востока и с востока — с заволоцких земель — двинулись московские полки на Новгород. По прямому повелению Ивана III к ним присоединился полк тверской, а также отряды со всей Северо-Восточной Руси.

В Новгороде разрывались: в какую сторону посылать рати — отражать нападения. Московские полки были вооружены лучше новгородских, и воеводы у Ивана Васильевича были многоопытные. Хотя численно новгородские полки превосходили московские, новгородцы терпели поражения, бежали под защиту стен родного города. Посадник Дмитрий Борецкий был взят в плен и казнен вместе с четырьмя другими боярами. Власть в Новгороде взяла в свои руки его мать — вдова недавно скончавшегося посадника Исака Борецкого — Марфа-Посадница. При приближении московских войск сторонники Москвы взяли верх. Ворота в Кремль открылись. Иван Васильевич торжественно, на коне вступил в побежденный Новгород. На улицах толпился народ, иные встречали его радостными криками, а больше было таких, кто помалкивал, ждал: что дальше будет?

Иван Васильевич действовал осторожно. Он отлично понимал, что казнь такого видного боярина, каким был посадник Дмитрий Борецкий, напугает боярскую верхушку, но противники Москвы хоть и притихнут, но не смирятся. Сокрушить исконные права новгородцев Иван Васильевич не решился. Новые посадник и тысяцкий были выбраны с согласия Москвы, пусть продолжают управлять делами новгородскими. Но рядом с ними сел наместник московский под охраной немалого войска. Новгород как будто покорился Москве.

- 5 ан Большой Орды Ахмад опоздал, не воспользовался отвлечением московских войск на Новгород, а нагрянул «с многими силами» только на следующий, 1472 год. Он выбрал путь не прямой, на Серпухов, а направился западнее, обходом, вдоль тогдашних рубежей Польско-литовского королевства. Надеялся он на короля Казимира. Твердо обещал королевский посол, что помощь будет. Но Казимир обманул, никаких полков не послал.

Решил хан Ахмад, что и своими силами справится, перейдет на левый берег Оки там, где не могло быть русских войск, и двинет на Москву. Подступил он к малому городку Алексино, что стоял на правом окском берегу, не прикрытом рекой от нападения с юга.

По образцу древнего пятиглавого Успенского собора во Владимире именитый итальянский зодчий Аристотель Фиораванти построил в Московском Кремле также пятиглавый и также названный Успенским великолепный и мощный собор — один из лучших памятников, но уже московского зодчества.

В Алексине не было прочной крепости, однако жители его сдаваться не стали. Мужчины, женщины, подростки и малое число московских воинов сражались с храбростью отчаяния и первый приступ ордынцев сумели отбить. На следующий день враги «приступили ко граду с многими силами, и тако огнем запалиша его, и что в нем людей быша, все изгореша, а которые выбегоша от огня, тех изни-маша (забирали в плен)».

Только на один день ценой собственных жизней задержали доблестные алексинцы полчища врагов, но день тот решил судьбу всей войны.

Подоспел к броду через Оку небольшой отряд русских. Ахмад послал свои тумены переправляться. Сперва русские успешно их отражали, но стрел у них не хватало, они собирались отступить.

И тут подошла вся московская рать во главе с братом Ивана Васильевича — Юрием дмитровским. Хан Ахмад, «видев многие полки великого князя, аки море колеблющиеся, доспехи же на них

бяху чисты велми, яко сребро блистаючи, и вооружени зело, и начат от берега отступати помалу в нощи той, страх и трепет нападе на нь, и побеже...».

Так успешно для Москвы закончилась первая встреча с войском Ахмада. Но в Москве понимали, что хан своих замыслов не оставит.

6 **В**се следующие годы ездили послы московские в разные страны.

Наконец окончились длительные переговоры с крымским ханом Менгли-Гиреем. Обе стороны подписали договор, обещались помогать друг другу в случае войны и с Большой Ордой, и с Польско-литовским королевством. В Москве были довольны, хотя сознавали, что Менгли-Гирей союзник ненадежный, в нужный час может и подвести, не поддержать.

Отправились московские послы в Западную Европу договариваться о дружбе, о торговле, а также приглашали знатоков различных искусных ремесел, с собою везли, как издревле полагалось, богатые дары. И еще поехали послы по весьма важному делу. Скончалась жена великого князя Ивана Васильевича, Мария Борисовна, требовалось подыскать овдовевшему государю вторую супругу, достойную его сана.

Нашли подходящую знатную невесту, то была племянница погибшего от меча турок последнего византийского императора Константина Палеолога — Софья.

В 1472 году стала Софья великой княгиней. Москвичам она не пришлась по сердцу. Вместе с ней прибыл посланник папы, кардинал Антоний. В Москве подозревали, что он намеревается завести переговоры о соединении католической и православной церквей, и ему предложили возвратиться обратно в Рим. Вместе с Софьей прибыли также греческие вельможи. К ближним боярыням она относилась высокомерно и обращалась с ними как со служанками, а уж простой народ вовсе презирала.

Великий князь Иван Васильевич был первым государем московским, кто провозгласил себя великим князем всея Руси, самодержавным повелителем могущественной державы...

Он был, несомненно, выдающимся деятелем на пороге нового для Руси времени. Благодаря его тонкой и дальновидной политике и победам русского воинства над врагами пределы великого княжества Московского и всея Руси расширились значительно. Удивленные народы Европы неожиданно для себя узнали, что на востоке поднялось государство могущественное, богатое, населенное трудолюбивым людом.

Благовещенский
собор Московско-
го Кремля. Конец
XV века.

Кремлевские малые одноглавые соборы были внутри тесны и темны. Они никак не соответствовали возросшему значению тогдашнего государства Московского. Поговаривали при дворе Ивана Васильевича:

— Вон, в Киеве и в Новгороде каменные храмы Святой Софии многоглавы, высоки и просторны, и красы дивной. И в граде Владимире пятиглавый Успенский собор столь же велик и прекрасен. Надо и нам такой же поставить.

А в Москве уже давно ничего не строилось из камня. Своих мастеров каменных дел не было, позвали из Пскова. Там строятся храмы, там найдутся умельцы. Прибыли псковичи, да не самые лучшие, а те, у кого не нашлось достаточно опыта. Они разрушили старый собор, что был построен еще при Иване Калите, и на том же месте начали воздвигать новый, а как добрались до сводов, так он и развалился.

Решили позвать мастеров иноземных. Отправился в Италию посол — дьяк Семен Толбузин. Он подговорил знаменитого флорентийского зодчего Аристотеля Фиораванти.

В 1475 году зодчий прибыл. Он осмотрел развалины собора и сказал, что псковские мастера употребляли недостаточно выдержанную известь для скрепления камней, и взялся построить храм столь прочный, что будет стоять века.

Тогда Иван Васильевич предложил ему сперва поехать во Владимир, посмотреть тамошний древний собор, чтобы по его образцу возвести подобный храм в Московском Кремле.

Именитый зодчий приехал во Владимир и был удивлен несказанно, что «дикие московиты» без помощи иноземцев могли воздвигнуть столь великолепный и мощный храм. Он построил в Московском Кремле также пятиглавый и также названный Успенским собор, один из лучших памятников, но уже московского зодчества.

И выситя с тех пор на кремлевском холме прекраснейший, величавый, могучий храм. Его каменные стены с узкими окнами внушительны, его пять золотых куполов горят на солнце, точно шлемы пяти богатырей. И те богатыри словно стерегут покой земли Русской...

7 ан Ахмад после отступления от Алексина начал готовиться к новому походу на Русь. Он привлек на свою сторону улус Астраханский, Орду Ногайскую, а также позвал царевичей из Средней Азии. Войска у него набралось достаточно, и он решил поставить Русь на колени. Нашелся предлог: давно миновали все сроки присылки из Москвы дани-выхода. Почему не присылают? Почему Москва молчит?

Ждал хан Ахмад выхода и не дождался. В 1476 году направил он своего посла в Москву с требованием, «зоя великаго князя ко царю во Орду» на переговоры. Было время, деды и прадеды коназа Ивана ездили с поклонами и с дарами. И он тоже должен приехать.

Иван III ответил вежливым отказом.

Тревожная молва пошла и по Руси, и по Орде, а купцы московские и купцы ордынские продолжали торговать, и те и другие получали немалые доходы.

Но хан Ахмад не посмотрел на выгоду от той торговли. Он направил в Москву другого посла. Привез тот посол «басму» — серебряную пластинку — символ ханской власти. Летописцы достаточно выразительно передали, что произошло дальше:

«Великий же князь приим басму его (хана) и плевав на ню, излома ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима, и гордых послов всех изымати повеле, а единого отпусти жива».

По свидетельству венецианского посла, Иван Васильевич был высокого роста, худощавый, довольно красивый. Можно представить себе, как он, в великокняжеских парчовых одеждах, шапка Мономаха на голове, топтал в гневе ханскую басму. А все, кто стоял вокруг — бояре, стража, — или торжествовали, или в беспокойстве шептались:

— Что-то будет! Что-то будет!

В Москве понимали: хан Ахмад такого открытого оскорбления не простит. Причин для большой войны с Ордой за долгие годы накопилось достаточно, теперь нашелся повод обнажить оружие. Обе стороны начали деятельно готовиться: Орда — к нашествию, Москва — к защите. А время тогда на Руси было беспокойное, для Ахмада самое подходящее.

Новгород бурлил. Московских наместников то и дело оскорбляли и теснили. Чуть что — по колокольному звону собиралось вече. В первый свой поход на Новгород Иван Васильевич не решился затронуть новгородских вольностей. Во главе сторонников Литвы стояла Марфа-Посадница. Ее приспешники тайно вели переговоры с Литвой. До Новгорода доходили слухи, что хан Ахмад собирается на москвичей, готовит поход такими силами, какие некогда водил на Русь Бату-хан. Новгородских сторонников Литвы не смущало, что вера в Литве католическая. Архиепископ Феофил долгое время считался союзником Москвы, но и он начал склоняться на сторону ее противников, не слушал увещаний митрополита.

Еще в 1475 году Иван Васильевич ходил на Новгород второй раз, был там принят «с честью», получил много подарков. Но в Москве понимали, что Новгород — это словно тлеющие под домом угли. Два года спустя Иван Васильевич в третий раз прибыл в Новгород, опять получил дары и деньги, опять архиепископ Феофил и бояре заверяли его в покорности, а сами продолжали тайно сноситься с Литвой.

В Москве поняли: новгородский узел должен быть разрублен! В конце 1478 года Иван Васильевич с войском прибыл в Новгород в четвертый раз. Началась расправа. Сто главных заговорщиков казнили, сто семей отправили в ссылку, все имущество многих бояр было отобрано в казну, Марфу-Посадницу насильственно постригли в монахини, архиепископа Феофила увезли и заточили в московском Чудове монастыре, вечевой колокол — символ вольности новгородской — сняли, доставили в Москву и повесили на колокольне Московского Кремля.

В алтаре Софийского собора хранилась грамота, которую дал новгородцам Ярослав Мудрый, когда в 1019 году уезжал на великое княжение в Киев. В той грамоте он предоставлял Новгороду многие вольности. Теперь ту древнюю грамоту разорвали в клочья и сожгли.

Четыре месяца Иван Васильевич вершил в Новгороде суд и расправу. Он уничтожил все новгородские вольности. Как полагалось в других городах московских, вместо выборных посадского и тысяцкого он поставил своего наместника — судить, властвовать, собирать пошлыны.

Как будто утихомирились новгородцы, и он вернулся в Москву, оставив в Новгороде целый полк.

Склонил свою гордую голову перед Москвой за много веков прославленный город, какой надменно именовал самого себя Господином Великим Новгородом.

Москва богатела. Теперь она могла набирать больше постоянных войск, содержать больше коней, лучше вооружаться. Сулицы — короткие копья — и сабли заменили прежние тяжелые мечи и длинные неповоротливые копья. И еще: у левого берега речки Неглинной поставили Пушечный двор, начали отливать чугунные пушки, ядра, свинцовые картечины, изготавливать «огненное зелье» — порох...

Но не мог Иван Васильевич всецело заняться внутренними делами.

Новая напасть подошла к Москве. Братья Ивана Васильевича — Андрей Большой углицкий и Борис волоцкий — из Волока-Ламского — уже давно были недовольны своими малыми уделами, какие им достались по отцову завещанию. Они видели, что старший брат их ни во что не ставит, новыми земельными примыслами с ними не делится. А умер их брат Юрий, так Иван все его уделы — Дмитров, Можайск, Медынь и Серпухов — себе потянул.

Не понимали Андрей и Борис, что их старший брат не о себе печется, что, приумножая владения Москвы, он поднимает могущество Руси под единой властью.

Оба брата встретились в Великих Луках. Не случайно был выбран город, порубежный с Литвой. Братья договорились действовать во всем заодно и завели тайные переговоры с королем Казимиром. Тот обещал поддержать. Иван Васильевич направил к ним посла. Посол

их уговаривал смириться, но вернулся ни с чем. Братья «ни в чем не послушаша великаго князя», — отметил летописец. Их измена грозила вернуть Русь к прежним удельным порядкам. Нарастал открытый мятеж.

— Неужто опять заполыхает междоусобица, как при великом князе Василии Темном? — со страхом шептались в народе.

А тут ливонские рыцари напали на псковские земли, взяли Изборск, осадили Псков. Пришлось Москве посылать рать на помощь городу. Рыцари отступили поспешно. Однако на случай нового их нападения московская рать вынуждена была остаться во Пскове.

В

8

столь трудное для Ивана Васильевича время — первой половине 1480 года — много воинских сил он вынужден был отвлекать от главной цели, от защиты южных рубежей против возможных нападений ордынцев. Король Казимир решил воспользоваться московскими затруднениями и через своих послов в Большой Орде предложил хану Ахмаду выступить на Москву общими силами и в одно время.

Ахмад откликнулся. Последние годы он готовился «всею Ордою» к походу на Москву. Вместе с туменами астраханским, ногайским и отрядами царевичей из Средней Азии у него набиралось до ста тысяч войска. И все же действовал он осторожно.

За сто лет до него Мамай без всякой разведки повел свои полчища напрямик на Москву. Теперь Ахмад двинул многочисленную рать поближе к рубежам Руси и остановился где-то в верховьях Дона, намереваясь перед большим походом как следует подкормить коней. А вперед он направил небольшие отряды на разведку — разузнать, где находятся полки коназа Ивана и через какие броды будет удобнее и безопаснее его главным силам переправиться на левый берег Оки и вторгнуться в пределы московские.

И везде, куда бы ни насканивала его летучая разведка, она встречала столь же летучие отряды русов. Не одни москвичи обороняли рубежи земли родной; в состав основных сил входили полки тверской и всех северо-восточных княжеств. Во главе соединенного воинства были воевода московский князь Даниил Холмский, а также сын Ивана Васильевича — Иван Иванович Молодой и самый младший брат великого князя, все время остававшийся ему верным, Андрей Меньшой — князь вологодский и кубенский.

Завидев издали отряды москвичей, ордынцы спешно и без боя отступали. Казалось, вся русская граница по Оке от Коломны и до самой Калуги была неприступна.

Подожли главные силы хана Ахмада. Он решил идти обходом, повернул на запад. У него была твердая уверенность: где-то западнее

Калуги, на берегу левого притока Оки — Угры, его тумены соединятся с войсками короля Казимира. Ведь король первый предложил Орде дружбу, и хан Ахмад не сомневался в польско-литовской помощи.

И московское войско также двинулось на запад, шло вдоль левого берега Оки. Через разведчиков воеводы доподлинно знали, как и где двигаются тумены Ахмада. А вот о передвижении войск короля Казимира они ничего не знали и засомневались, встревожились: не держит ли король где-то скрытно свои силы?

Хан Ахмад медленно шел на запад, двигался невядалеке от правого берега Оки. «Поиде злоименитый царь Ахмад тихо велми, ожидая короля с собою». А уже время настало холодное — самый конец сентября.

И в те же дни московские полки также двигались на запад, но вдоль левого берега Оки, везли с собой пушки, пищали и порох; а у хана Ахмада «огненных стрельцов» и огнестрельного оружия не было.

Где же в это грозное время находился и что делал сам великий князь московский и всея Руси Иван Васильевич Третий?

Сперва, когда московское войско было в Коломне, он оставался там. До него дошла весть, что в Москву на переговоры прибыли послы от его мятежных братьев Андрея Большого и Бориса. Рассуждал он: где быть ему надобнее? Полками предводительствуют его брат Андрей Меньшой, его сын Иван и многоопытный воевода Даниил Холмский. И он счел нужным отправиться в Москву, чтобы любой ценой помириться с братьями, обезопасить Русь с тыла.

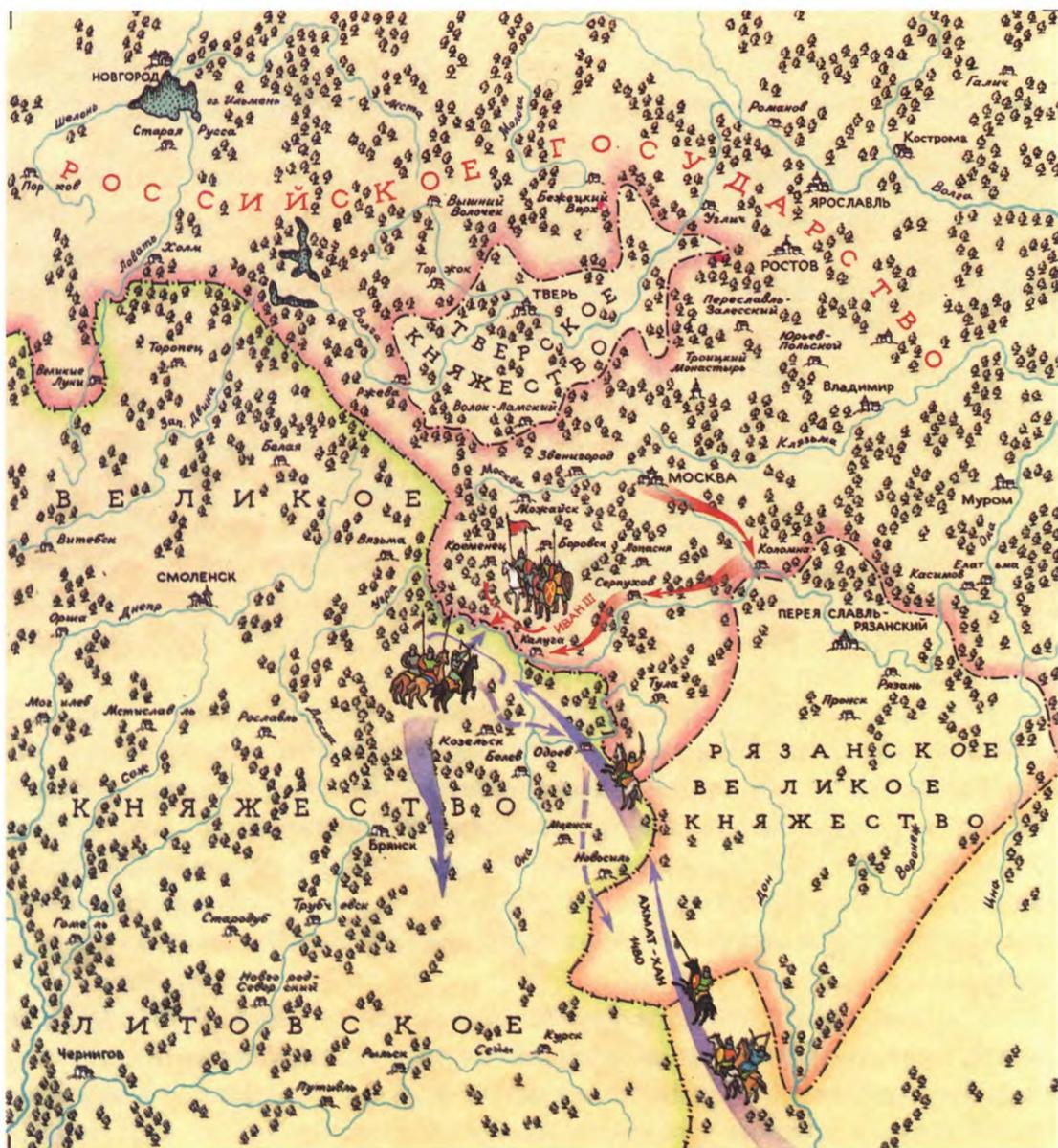
По всей Руси, а в Москве всего более, люди тогда переживали, волновались, ожидали — как дальше повернутся события. Ведь каждая семья послала на войну одного, двух, а то и более ратников. Различные преувеличенные, искаженные слухи набегали, переползали с улицы на улицу, какая-то старуха видела страшный вещий сон, какой-то старик усмотрел на предрассветном небе кровавую звезду...

Люди ждали великой битвы. Битва казалась неминуемой. Сколько крови опять прольется на Руси! Неужто более, чем сто лет назад? Когда и где столкнутся обе рати? В народе о том не знали. Ждали. Были возбуждены до крайности...

И вдруг раскатилась ни для кого необъяснимая весть: великий князь Иван Васильевич покинул войско и воротился в Москву!

Враждебно встретили его москвичи. Иные меж собой судили: — Это все «богатые и брюхатые» советчики толкают его на такое, — говорили они, разумея некоторых опасливых бояр.

А тут узнали: великая княгиня Софья, захватив всю казну, с семьей, с приближенными — греками спешно бежала на дальнее Белоозеро. Но в Москве простые люди сознавали: когда враг на рубежах, открыто враждовать с великим князем не время — и на случай осады начали свои пожитки свозить с посадов в Кремль.

Так двигались русские и татарские войска осенью 1480 года.

Бояре донесли Ивану Васильевичу, что в Москве неспокойно. И он счел за лучшее проехать через город насквозь и остановился в своем подмосковном селе Красном.

Еще когда въезжал он в Москву, то слышал за своей спиной негодующие крики: «Нас выдаешь царю (хану Ахмаду) и татарам!»

В народе вспоминали, что прадед Ивана Васильевича, Дмитрий Иванович Донской, и в битве на Воже, и в Куликовской битве впереди своих войск, с мечом в руках бился. И отец Ивана Васильевича, Василий Темный, тоже «любил сечу».

Нынешний московский князь едва ли умел ловко владеть копьём и саблей. Он не был воеводой, самолично водившим полки в битву, он — дальновидный правитель обширного государства — был организатором и стратегом всей войны с ханом Ахмадом.

За несколько дней пребывания под Москвой с помощью своей матери инокини Марфы ему удалось помириться с братьями. Пообещал он им приумножить их уделы, а они обязались присоединить свои полки к общерусскому воинству.

Да, Иван Васильевич был осторожен. Сидя в селе Красном, он отдавал распоряжения о возможной осаде Москвы, вел переговоры с посланцами братьев и одновременно внимательно следил за передвижениями своих войск. Он понимал, что не сегодня завтра ордынцы начнут переправляться через Оку и грянет битва, страшная и кровопролитная, подобная битве Куликовской. Но он считал, что нет причин ему самому в ней участвовать.

А есть ли надобность его сыну в ней участвовать, лезть на рожон? Иван — наследник, будущий великий государь всея Руси, нечего ему подвергать себя опасности, когда во главе войск стоит многоопытный воевода Даниил Холмский. И великий князь послал гонца с повелением сыну: прибыть в Москву немедленно. А тот приехать отказался. Тогда отец послал второго гонца, но уже Даниилу Холмскому, с повелением направить послушника в Москву.

«Лет (лучше) ми зде умерети, нежели къ отцу ехати», — ответил доблестный Иван Молодой и остался с войском.

Чтобы успокоить бурливших москвичей, Иван Васильевич, уладив дела с братьями, выехал из подмосковного Красного. Но отправился он не к войску, а выбрал место для своей ставки в некотором отдалении, в городке Кременце, к западу от Боровска. Отсюда ему было сподручнее руководить полками, сосредоточенными по разным направлениям.

А полки двигались западнее и юго-западнее вдоль Угры, другие полки стояли на страже на берегу Оки близ Алексина, на всякий случай был отряжен полк и встал юго-восточнее, близ Коломны.

С разных сторон прикрыта была Москва.

Чуть ли не каждодневно прискакивали в Кременец гонцы со всех полков: одни сообщали — врагов не видать, другие доносили, как двигаются полчища хана Ахмада.

Иван Васильевич тоже рассылал гонцов и к воеводам, и в Москву, а когда и в другие города. Он доподлинно знал, что делается на Руси.

9 ем временем полчища хана Ахмада переправились через Оку, где-то выше впадения Угры, и пошли вверх по Угре, вдоль ее правого берега, спрямляя речные излучины. Они искали подходящие броды.

Московский Кремль при Иване III. Картина А. М. Васнецова. В этой книге ничего не говорится о возведении высоких стен кирпичных с могучими башнями, других, после Успенского собора, белокаменных храмов, а также белокаменного терема. Народ русский только собирался строить мощную крепость, только еще готовились в каменоломнях глыбы, только еще обжигались в печах кирпичи.

Ахмад издали видел на другом берегу Угры летучие отряды русов, а где находится все войско коназа Ивана, он не знал. А больше всего его тревожило, что король Казимир не посылает ему на помощь обещанную рать. Неужели король его обманул, как некогда его отец, великий князь литовский Ягайло, обманул Мамай?

Русское войско шло вдоль левого берега Угры скрытно, в некотором отдалении. Московские разведчики зорко следили за передвижениями ордынцев.

8 октября 1480 года, ровно через сто лет и один месяц после Куликовской битвы, хан Ахмад остановил свои полчища. Он потерял всякую надежду на помощь короля Казимира и решил сражаться лишь своими силами. В нескольких местах ордынцы попытались одновременно переправляться через Угру. А река была быстрая и достаточно широкая, стрелы ордынские едва долетали до другого берега, ослабленные, неопасные.

А русские ядра и картечь до другого берега доставали и немало урону вносили в ряды ордынцев.

В неистовой злобе и на противников-русов, и на короля Казимира четыре дня подряд, с рассвета и до темноты хан Ахмад гнал свои тумыны в воду. Не только пушками и пищальями отбивались русичи. Их стрелы метко поражали ордынцев и их коней. Ни один враг так и не сумел ступить на левый берег Угры.

Даниил Холмский вел борьбу с большим ратным искусством: он старался измотать войско Ахмада. В этой битве не погиб ни один русский ратник, дух русского воинства с каждым днем рос, поднимался, а дух войска противника угасал. С каждым днем одно войско усиливалось, другое слабело.

Хан Ахмад повел свои рати верст на пятьдесят вверх по Угре и снова погнал их в воду. И опять их встречали ядра и картечь «огненных стрельцов». То была последняя, отчаянная попытка. Хан остановил своих ордынцев.

Почему же король Казимир, первый подговоривший Ахмада идти на Русь, не двинул свое войско к берегу Угры? Да у него у самого был неспокоен тыл: зрел заговор владетельных князей, с запада в который раз готовились напасть на литовские пределы немецкие рыцари, а на юге в Подолию вторглись, правда мелкими отрядами, крымцы. Только этим малым набегом поддержал крымский хан Менгли-Гирей своего союзника Ивана Васильевича.

Подобно Мамаю после Куликовской битвы, хан Ахмад отнюдь не считал себя побежденным. Он пригрозил: «Приде зима на вас, и реки все стануть, ино много дорог будет на Русь».

Действовавший всегда с разумной осторожностью, Иван Васильевич понимал, что замерзшая Угра уже не будет препятствием для полчищ Ахмада, и повелел своим полкам отойти к Боровску. Чтобы выиграть время, он решил начать с ханом переговоры. Поехал его посол в ханскую ставку с богатыми дарами.

Ахмад посчитал приезд посла за слабость русов, дары отверг и потребовал, чтобы коназ Иван сам прибыл в его стан, да еще встал бы «у царева стремени».

Нет, великий князь всея Руси на такой позор пойти не мог, а тут как раз подоспело подкрепление — полки его изъявивших покорность братьев. Иван Васильевич отверг и новые требования хана — прислать вместо себя либо сына Ивана, либо брата Андрея Меньшого.

Что было делать хану Ахмаду? Идти на Москву по замерзшим дорогам, переправляться по льду рек и искать битвы? Но его воины были «наги и босы», «страхом гонимы», заразные болезни косили их, не хватало им продовольствия, и кони их падали от бескормицы.

Поднялся ропот в туменах Ахмада. Словом, причин набиралось достаточно. 10 ноября хан повелел спешно отходить всей своей рати. Чтобы отомстить бывшему союзнику, королю Казимиру, он повел свои войска через подвластные Литве Верховские (Брянские) княжества и опустошил тамошние селения.

Так хан Ахмад был побежден без великой битвы. Он прибыл к себе в Орду и вскоре был убит своим соперником, ногайским ханом. Его конец напоминал конец Мамаю...

28 ноября 1480 года русское войско вступило в Москву.

Впереди, рядом с воеводой Даниилом Холмским, ехал на белом коне сын и наследник великого князя всея Руси Иван Молодой, русые кудри его развевались из-под золоченого шлема¹.

За воеводами ехали всадники со знаменами, за ними следовали полки конные, шли полки пешие. У всех воинов лица сияли.

¹ В 1490 году Иван Молодой неожиданно скончался, видимо, от воспаления легких.

Велико было народное ликование. Радостными кликами встречали москвичи своих сынов-победителей. Колокольный звон раскатывался со всех церквей.

После великой битвы на Куликовом поле также встречал народ победителей, но тогда многие плакали, не досчитавшись своих сыновей, отцов, мужей, братьев. Сейчас никто слез не лил. Так, сто лет спустя после Куликовской битвы, произошла победа на Угре...

В последующих веках были войны еще более кровавые, были народные восстания, когда поднимался народ на царей и бояр. Переживала Русь успехи и поражения, победы и вновь поражения. И неуклонно росло могущество державы Российской.

Но о тех веках пусть другие напишут книги.

Заключенные

Дорогие читатели, и прежде всего читатели юные — мальчики и девочки!

Вы добрались до этой, последней страницы, закрыли книгу и задумались...

Убежден, вы не могли не задуматься. Вы многое узнали о Древней Руси, узнали, как жили и трудились ваши далекие предки, как часто обрушивались на них всевозможные и страшные бедствия. Это — опустошительные набеги и нашествия иноземных врагов, и прежде всего нашествие монголо-татарских полчищ. Это — лихие усобицы между своими же князьями. Это — частые пожары, неурожаи, моровые болезни.

Да, ни одна страна в Европе не испытала столько страданий, сколько вынесла Русь.

Не было такого года, когда бы не в том, так в другом ее краю не гремели бы мечи, не топтали бы вражьи кони посевы, не вздымались бы над городами и селами языки пламени и клубы дыма, не слеталось бы воронье на трупы убиенных, не слышались бы стоны раненых и проклятия погорельцев, уцелевших, ограбленных, осиротелых...

Кровь людская — кровь воинов и мирных ремесленников и земледельцев, мужчин и женщин, стариков и младенцев — лилась беспрерывно.

Да, монголо-татарское иго сломило, унизило власть русских князей. Но народ побежден не был. Несмотря на многие беды, более того, наперекор бедам русский народ, гордый, отважный и одновременно трудолюбивый, никогда не склонял голов и даже в самые тяжкие годы духом не падал, непоколебимо верил в лучшее будущее, был исполнен надежд, что вновь засияет на Руси солнце.

И какого высокого полета творчества искусства и литературы создавались среди насилий, кровавых войн, преступлений, разгромов и пожаров!

А что было нужно простому человеку, чего он желал?

Только мира! Только мирно жить и трудиться! Но и этого, в сущности, столь немногого он не получал...

В этой книге рассказана история Руси за время от нашествия Бату-хана до свержения монголо-татарского ига. Эта история нашего народа за много веков, в том числе история ваших предков, мои юные читатели. Не уроните же их чести и гордитесь прошлым вашего Отечества.

Автор

Оглавление

Предисловие	3
<i>Глава первая. ТАК ЖИЛИ И ТРУДИЛИСЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ</i>	7
<i>Глава вторая. НАШЕСТВИЕ</i>	34
<i>Глава третья. ПОГИБЛА КРАСОТА НАША</i>	53
<i>Глава четвертая. НАДЕЖДА БЫЛА!</i>	66
<i>Глава пятая. МЛАДШИЙ В РОДЕ</i>	87
<i>Глава шестая. ТВЕРЬ ИЛИ МОСКВА?</i>	98
<i>Глава седьмая. «ТИШИНА ВЕЛИКАЯ»</i>	108
<i>Глава восьмая. СВЕЧА БЫ НЕ УГАСЛА</i>	118
<i>Глава девятая. ВРАЖЕСКИЕ СТРЕЛЫ С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН</i>	125
<i>Глава десятая. ЗАГРЕМЕЛИ ПЕРВЫЕ ГРОЗЫ</i>	142
<i>Глава одиннадцатая. «ВЫСТУПАЮТ КРОВАВЫЕ ЗОРИ»</i>	152
<i>Глава двенадцатая. «И БЫСТЬ СЕЧА ЗЛА И ВЕЛИКА»</i>	163
<i>Глава тринадцатая. СНОВА БУРИ НАД РУСЬЮ</i>	173
<i>Глава четырнадцатая. ПОДНИМАЕТСЯ ГРАД МОСКВА</i>	189
<i>Глава пятнадцатая. И БЫЛО МНОГО СВЕТЛОГО НА РУСИ</i>	202
<i>Глава шестнадцатая. ЧЕРНЫЕ ТУЧИ НАДВИГАЮТСЯ</i>	228
<i>Глава семнадцатая. БРАТЯ ДВОЮРОДНЫЕ</i>	240
<i>Глава восемнадцатая. РУСЬ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ</i>	258
Заключение	278

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Научно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Голицын Сергей Михайлович

СКАЗАНИЯ О ЗЕМЛЕ МОСКОВСКОЙ

Повесть

Ответственные редакторы
И. В. ОМЕЛЬК, С. П. МОСЕЙЧУК

Художественный редактор
М. А. ТРУБЕЦКОЙ

Технический редактор
Н. Г. МОХОВА

Корректор
Г. Ю. ЖИЛЬЦОВА

ИБ № 10239

Сдано в набор 30.03.89. Подписано к печати 30.11.90.
Формат 60×90¹/8. Бум. офс. № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,0. Усл. кр.-отт. 144,0. Уч.-изд. л. 23,51. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1906. Цена 7 р. 20 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Орден Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Голицын С. М.

Г60 Сказания о земле Московской: Повесть / Худож. В. Перцов; Оформ. М. Трубецкой. — М.: Дет. лит., 1991. — 279 с.: ил.

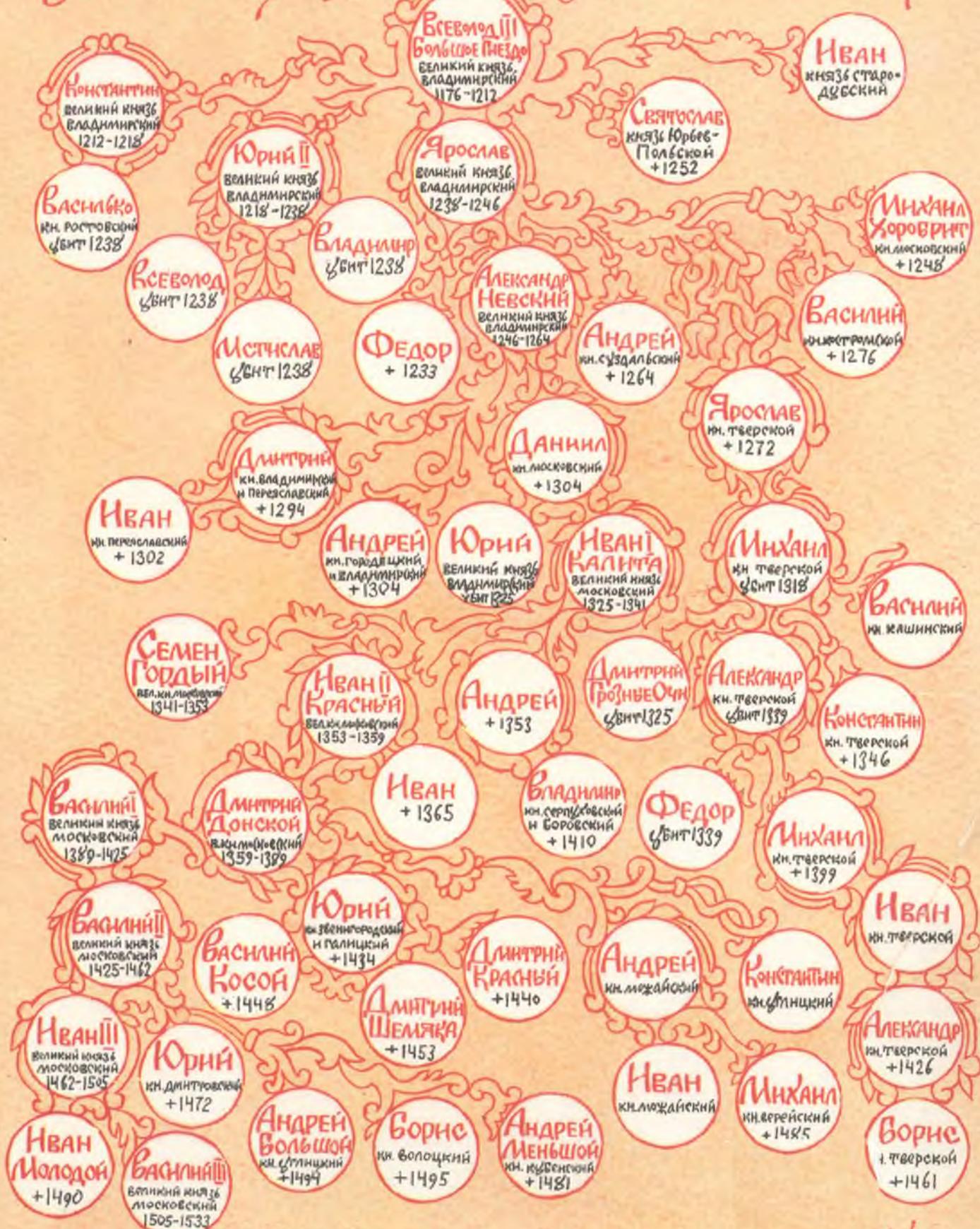
ISBN 5-08-001906-9

Повесть о создании единого Московского государства. В книге рассказывается о политических событиях на Руси, о жизни и быте людей того времени.

Г 4803010102-063 189-89
М101(03)-91

ББК 84Р7

Родословная таблица потомков Всеволода III Большое Гнездо

В таблице помещены те князья, которые упоминаются в этой книге

